

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ

РАССКАЗЫ ИЗ БЫЛОЙ ЖИЗНИ СТОЛИЦЫ*

ОТ АВТОРА

В настоящей книге собраны сведения об истории и жизни Петербурга в конце XVIII и начале XIX столетий. Источниками для нашего труда служили не одни только русские и иностранные сочинения, подробно указанные в конце книги, но и изустные рассказы петербургских старожилов.

Большая часть рисунков, приложенных к настоящему изданию и помещенных в тексте его, появляются в печати в первый раз и воспроизведены с редких оригиналов, принадлежащих П. Я. Дашкову, который любезно предоставил нам возможность пользоваться его богатым собранием гравюр, относящихся к бытовой истории Петербурга. Остальные рисунки заимствованы из изданных А. С. Сувориным иллюстрированных историй Петра Великого и Екатерины II.

ГЛАВА I

Петербургский край до основания столицы. – Ландскрона. – Новгородские погосты в пределах нынешнего Петербургского уезда. – Дубовые леса на островах. – Прозвища первых новгородских поселенцев. – Клады. – Торговый город Ниеншанц. – Шведские фермы в черте нынешней столицы. – Насильственные меры против православия. – Племя водь и идолопоклонство. – Взятие Ниеншанца. – Пленные шведы. – Охта. – Основание Санкт-Петербурга. – Пути и дороги к возникающему городу. – Первые строения. – Усиленное заселение города. – Жилища поселенцев. – Рабочий день Петра I. – Дворцы сановников царя. – Улицы. – Летний сад. – Адмиралтейство. – Первый корабль "Полтава". – Численность Петровского флота. – Адмиралтейство в последующие эпохи. – Перестройка здания Адмиралтейства при Александре I.

С первых лет существования Древней Руси местность, где лежит теперь Петербург, входила в состав обширной Новгородской области. Летописец Нестор говорит, что по Неве¹ ходили новгородцы в Варяжское море, а там и до Рима. В 1300 году, в самый Троицын день, на берега Невы приплыл с войском и с итальянским архитектором, присланным от самого Папы, шведский маршал Торкель и основал там крепость Ландскрона (Венец края) на месте, где

теперь стоит Александро-Невская лавра. Такое опасное соседство шведов сильно встревожило новгородцев, и не прошло года, как на призыв последних прибыл из Суздаля великий князь и уничтожил шведское поселение. В летописях находим², что в 1348 году двинулась против Орешка шведская флотилия под предводительством короля Магнуса. Войдя в устья Невы, король остановился на Березовом острове (нынешняя Петербургская сторона) и отправил отсюда гонцов в Новгород о присылке "философов" для препирательства о вере. Более двухсот лет после того новгородцы владели этою местностью. В обыскных, платежных и оброчных книгах XVI и XVII столетий находим, что вся местность, лежащая узкою полосой по обеим сторонам Невы, вплоть до Финского залива, составляла погост Спасский и Городенский и была присуд, или округ, ведомства города Орешка (Шлиссельбурга). Все же острова, составляемые протоками Невы при ее устьях, у новгородцев носили название Фомени, от испорченного финского слова *tamminem* – "дубовый". Вероятно, в старину в здешних лесах дуб составлял редкость; на петербургских же островах он встречался во множестве, о чем свидетельствуют еще до сего времени растущие

на Елагином и Каменном островах пятисотлетние огромные дубы. Из книг новгородских видно, что в волости государевой на Фомени состояло пришедших в запустение 35 обж³, или 525 десятин, пахотной земли.

Вот прозвища русских жителей, обитавших в пределах нынешнего Петербурга: Вергуцины, Гаврилкины, Звягины, Мишкины, Омельяновы. В отказных и обыскных книгах 1587 года сказано: "В прошлых годах ореховский наместник и воевода князь Богдан Гагарин послал Будашева на государеву службу в подъезд под немецкие люди в Ижерский погост, и тут взяли его в полон немецкие люди Свейские". Там же написано: "Усадище, где жывал Субота Похабный на Неве-реке, на паруге (пороге), двор выжгли немецкие люди, как шли под Орешек".

Об исторической былой жизни этой местности тоже свидетельствуют найденные в земле в разные времена серебряные монеты, битые в VIII и XI веках. Так, в 1797 году в Галерной гавани вырыт был котелок с монетами, битыми около 780 года; одна из этих монет, доставленная С. М. Усову, была выбита в правление третьего халифа аббасидов, Мегди. В 1799 году, при истоке Невы, найден был сосуд с серебряными монетами арабскими.

В 1809 году на берегу Ладожского озера рыбак открыл в земле целую бочку серебряных куфических монет весом несколько пудов. Вот как описывали эту находку газеты: "Крестьянин г-жи Бестужевой в 12 верстах от устьев Волхова увидел однажды, что дерево, к которому он привязывал свой челнок, вырвано бурей; желая прикрепить челн к корням дерева, он заметил, что земля под ним подмыта и унесена волнами; вглядываясь, он поражен был изумлением, увидев вдруг множество серебряных монет; при осмотре он увидел, что здесь была закопана бочка денег и дерево посажено над нею, как знак для отыскания. Дважды должен был крестьянин возвращаться на своей ладье для перевозки клада в деревню. Скоро о находке проведала земская полиция и помещица. Крестьянин должен был часть возратить, и отдал семь пудов серебра, оставив, вероятно, при себе большее количество, потому что чрез несколько лет выкупился сам и, выкупив семью, переехал в Тихвин, купил там дом и завел торговлю. Клад этот, к сожалению, перешел в плавильные горшки".

В 1616 году знаменитый шведский полководец Яков Делагарди представил королю Густаву II Адольфу, что недурно было бы возобновить крепость на Неве и заложить город

при устье Охты.

Первоначальный вид Петербурга. С гравюры
XVIII столетия Боденера

(В обыскных книгах 1586 года говорится: "Пустошь Корабельница, верхняя Ахкуя и нижняя Ахкуя", т. е. верхняя и нижняя Охта; по-фински река Охта называется Оха-иоки.) Мысль Делагарди была осуществлена только после утверждения Столбовского договора (27 февраля 1617 года), и вскоре после того, в 1632 году, шведы поставили, где находился некогда русский торговый городок Ниен, разграбленный и опустошенный в 1521 году морскими разбойниками, новое укрепление Ниеншанц; русские называли это место Канцы. По словам современников, в Ниеншанце было много

превосходных пильных заводов, и там строились хорошие и красивые корабли; помимо шведского, финского и немецкого прихода, в нем находился и православный с церковью. От Ниеншанца ходил паром на левый берег Невы, к лежащему здесь русскому селению Спасскому, названному на шведской карте также Сабиною и находившемся там, где теперь Смольный монастырь.

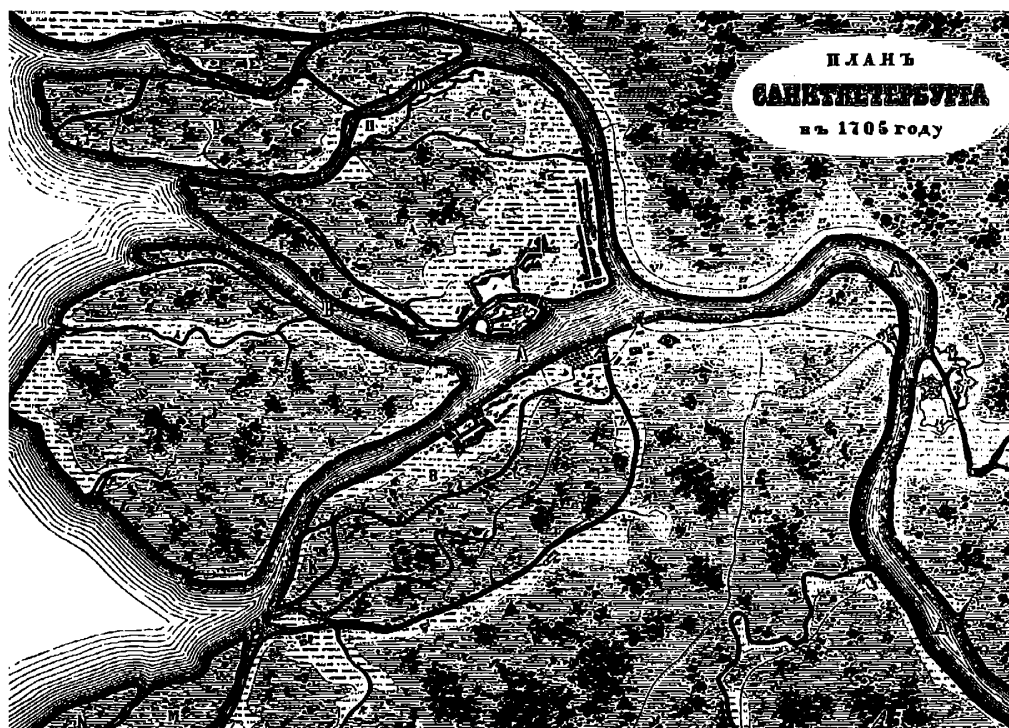
Миллер⁴ говорит: "Не один Любек, но и Амстердам стал с Ниеншанцем торги иметь; водяной путь оттуда до Новгорода весьма тому способствовал; словом, помалу и российское купечество в Ниеншанц вошло и привело сие место в такую славу, что в последние годы один тамошний купец, прозванный Фризиус, шведскому королю Карлу XII в начале войны с Петром Великим мог займы давать немалые суммы денег, за что после пожалован был дворянством, и вместо прежнего дано ему прозвание Фризенгейм и учинен судьей в Вильманстранде". Ниеншанц вскоре после отстройки выгорел почти дотла. На том месте, где теперь раскинулась столица с ее окрестностями, по шведскому плану, составленному в 1676 году, известно около 40 населенных местечек; вот некоторые из этих мест: где теперь Невская

лавра, местность названа Rihtiowa; местность между Невой и Мойкою носит имя Usadissa-saari; Sabola показана в нынешней Рождественской части; где кладбище Волково, местность названа Antolala; Выборгская часть Петербурга названа Avista; между Мойкою и Фонтанкою место названо Peryka-saari, т.е. земля, смешанная с навозом; старинное имя реки Фонтанки забыто, но есть основание, что имя Кеме принадлежит Фонтанке, – слово "кеме" значит по-фински "крутобережье"; деревня Кеме-joki находилась до основания Петербурга на левом берегу Фонтанки, около теперешних казарм Измайловского полка; прилежащий к Петербургской стороне Аптекарский остров на карте 1676 года написан Korpi-saari и удерживает и посейчас свое древнее имя на речке Карповке, – по-фински Korpi – необитаемый, пустынный лес. Имя Голодай происходит от финского halawa, ивовое дерево, по новгородским записям Голодай назван "Галевой"; Лахта, по-фински lahti – залив. На месте нынешней Гагаринской пристани была Враловцина деревня, у Прачечного моста в нынешнем Летнем саду – Парвушина, или Кононова мыза и т.д. Существующий теперь перевоз от Смольного на Большую Охту остался неизменным с 1676 года. Известно, что русский

язык был довольно распространен во время шведского владычества: король учредил даже в Стокгольме русскую типографию с целью печатать и распространять между православными жителями Карелии и Ингерманландии лютеранские духовные книги частью в русском переводе, а частью на финском языке, но все же напечатанные славянскими буквами, как более известными православному духовенству⁵. Позднее шведское правительство приняло насильственные меры против православия и стало склонять насильно вступать в лютеранскую веру. Все эти насильственные меры произвели между православным народонаселением Ингерманландии сильное недовольство, особенно племя водь оказало большое сопротивление, и многие обратились с жалобами к русскому правительству, которое, путем дипломатических сношений, потребовало соблюдения условий мирного договора касательно свободы веры в уступленных Швеции областях⁶.

По словам летописцев, в XVI веке в Вотской и Ижорской земле многие держались крепко язычества. Так, в некоторых местах существовали "скверные мольбища идольские, поклонялись лесам, горам, рекам, приносили кровные жертвы,

закалывали собственных детей" и т. д.

План Петербурга в 1705 году. Со снимка,
приложенного к "Истории Петра Великого"
Устрялова

Новгородский архиепископ Макарий прилагал большие старания об истреблении язычества; посланный им инок Илья порубил и сжег священные рощи, потопил обожаемые камни и много "разорил злых обычаев", как говорит летописец. В числе таких языческих святых мест долго считалось место в 10 верстах от Петербурга, по Рижской дороге⁷, где стояла большая липа, ветви которой переплелись со стволами ближайших деревьев, так что составляли

природную беседку, в которой нередко и Петр Великий отдыхал. На этом месте собирались ижорки на Иванов день и проводили ночь при большом огне, с плачем, пением и пляской; в конце собрания здесь сжигали белого петуха, делая заклинания.

В апреле 1703 года русские войска под командой Шереметева обложили Ниеншанц; сам Петр I принимал участие в осаде. Город сдался Шереметеву 1 мая и был переименован Петром в Шлотбург. Спустя 11 лет после осады ездил осматривать его нарочно мекленбургский посланник Вебер и нашел там только несколько развалин, глубокие рвы, колодцы, подвальные ямы; все же строительные материалы из разрушенных домов пошли на постройку петербургских зданий. После взятия Ниеншанца большая часть жителей уведена в плен. Незамужние женщины, по словам Вебера, поступили в услужение к царице и придворным дамам и впоследствии времени выданы замуж.

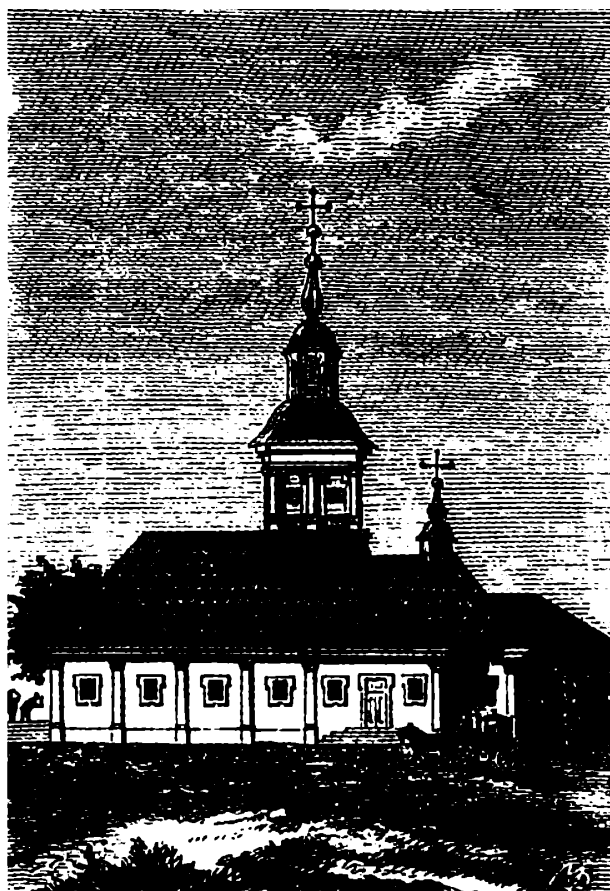
В 1714 году поселились в Ниеншанце новые жители, высланные по указу Петра из других городов Российской империи. Большая часть таких жителей были плотники⁸. Многие из них завели торги лесные. Поселились они на том месте, где раньше было шведское строение, по

берегу вниз Невы-реки, другие построили себе дворы повыше города, на том месте, где было шведское наружное крепостное строение. Слобода эта теперь Малая Охта, остатки же города Ниеншанца приходятся между Большой и Малой Охтой.

Первое известие о построении Петербурга находим в ведомостях 1703 года⁹: "Его царское величество по взятии Шлотбурга, в одной миле оттуда ближе к восточному морю, на острове новую и зело угодную крепость построить велел, в ней же есть шесть бастионов, где работали двадцать тысяч человек подкопщиков, и тое крепость на свое государское именование прозванием Питербургом обновити указал". Земляными работами занимались пленные шведы, а также присланные из внутренних губерний как русские, так и татары, калмыки и другие инородцы, разделенные на две категории: казенные рабочие получали только пищу, а вольные и плату, по три копейки в сутки. По недостатку землекопных орудий и других инструментов большая часть работ производилась голыми руками, и вырытую землю люди носили на себе в мешках или даже в полах платья.

Государь положил первый камень постройке

16 мая 1703 года, в день Св. Троицы¹⁰. Вот предание об основании города. Петр I, осматривая остров, взял у солдата багинет¹¹, вырезал два дерна и, положив их крестообразно, сказал: "Здесь быть городу"; затем, взяв заступ, первый начал копать ров; в это время в воздухе появился орел и стал парить над царем.

Первоначальный вид Троицкого собора в Петербурге. С гравюры XVIII столетия

Когда ров был выкопан около двух аршин, в него поставили ящик, высеченный из камня; духовенство этот ящик окропило святою водою,

государь поставил в него золотой ковчег с мощами св. апостола Андрея Первозванного; после того царь покрыл ящик каменной доскою, на которой была вырезана следующая надпись: "От воплощения Иисуса Христа 1703, мая 16-го, основан царствующий град С.-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем, самодержцем всероссийским". Затем государь приступил к обложению другого раската; здесь было сделано из двух длинных тонких берез, воткнутых в землю и связанных верхушками, нечто вроде ворот. Парящий над островом в это время орел спустился с высоты и сел на этих воротах; ефрейтор Одинцов снял его выстрелом из ружья. Петр очень был рад этому, видя в нем доброе предзнаменование; перевязал у орла ноги платком, посадил себе на руку и, сев на яхту с орлом в руке, отплыл к Канцам; в этот день все чины были пожалованы столом, веселье продолжалось до двух часов ночи при пушечной пальбе.

Островок, на котором Петр создал крепость, назывался Енисари, т. е. Заячий. Вместе с этим государь предназначил быть и городу на соседнем острове Койвисари (Березовом), а на другом острове Хирвисари (Оленьем), где теперь биржа, воздвигнул батарею. Спустя год на этом мысе,

называемом Стрелкою, были построены первые ветряные мельницы; и затем летом здесь сжигались увеселительные огни, или фейерверки. 22 июня 1703 года вся гвардия и полки, стоявшие в Ниеншанце, перешли в крепость, где 29 июня, в день Св. Петра и Павла, и был отправлен банкет уже в новых казармах. Спустя два месяца по закладке Петербурга Петр ходил оттуда с войсками против шведского генерала Краниорта и разбил его на реке Сестре¹².

В ноябре этого же года к крепости пришел первый купеческий голландский корабль с винами и солью. Петр в награду за приход к Петербургу подарил капитану 500 золотых, а матросам дал по 30 ефимков¹³ и обещал второму кораблю дать 300, а третьему 150 золотых. Второй корабль был английский, а третий опять голландский, под названием "Daas". Первый корабль был назван "Петербургом", ему даны были особенные преимущества перед прочими, и он совершал лет пятьдесят к Петербургскому порту рейсы. До Полтавского боя государь не думал здесь устроить столицу и только предполагал создать порт и сильную крепость, но после Полтавской битвы он писал графу Апраксину: "Ныне уже совершенной камень во основание Санктпетербурха положен с помощью

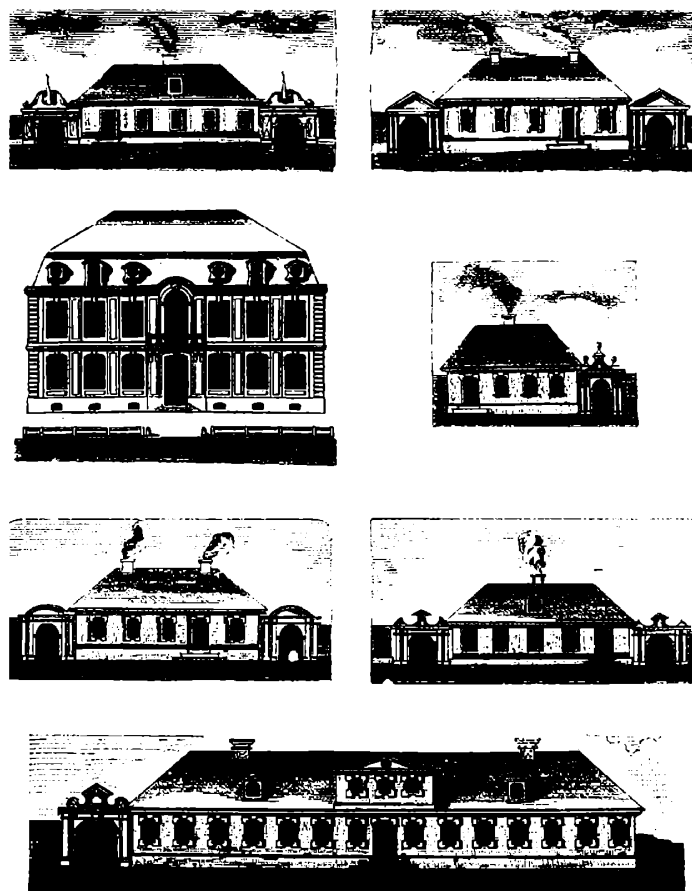
Божиею". Победа над шведами уверила Петра, что он стал твердо на берегах Невы, и с этого времени Петр деятельно занялся постройкой нового города.

Грунт земли, на которой построен Петербург, как известно, болотистый, хотя ранее вся местность, где расположен был город, была возделывана под пашни. Так, еще в 1713 году повсюду были приметны борозды плугов, дорога к городу тоже была топкая и очень плохая, шла она по направлению, где теперь Лиговский канал, и весь путь весною и осенью был усеян лошадьми, павшими в упряжи между трясиными.

В 1718 году была сделана плотина, где теперь улицы Литейная и Сергиевская, а также Смольный собор, но и это не помогло, плотина скоро пришла в запустение. Немного далее от первой дороги шла другая, тоже плохая, к Ямской слободе; она пересекала Фонтанку между Обуховским и Семеновским мостами. По словам Вебера, в 1720 году она была уже вымощена. Окрестности Петербурга не имели ни дорог, ни тропинок, на всю страну существовал тоже один или два пути, и если путешественник не попадал на него, то встречал тундру или болото.

По рассказам современников, во времена Петра в Петербурге, если нужно было найти

чью-либо квартиру, то необходимо было описать местность, причем расспросам не было конца, пока не попадался сосед, хорошо знавший дом. Берггольц рассказывает, что в его время, чтобы избавиться длинных переходов сухим путем, обычно брали барки или верейки и водою доезжали скорее и удобнее.

Петербург при Петре Великом. Типы домов в Петербурге. С гравюр XVIII столетия

Мощение улиц камнем было начато в 1716 году под руководством немецких каменщиков; в этом году вышло предписание, чтобы всякий

домовладелец перед своим домом мостил улицу шириною в сажень; через год ширина улиц была увеличена на два аршина. Вскоре, впрочем, мощение улиц было приостановлено вследствие ходивших тогда слухов по городу, что через улицы предполагается, в подражание Венеции и Амстердаму, прорыть каналы. Мощение главных петербургских улиц было окончено только в 1787 году. Тротуары же из каменных плит начали настилать, как и обставлять их чугунными тумбами, только в 1817 году (вся длина тротуаров в шестидесятых годах составляла линию в 222 версты); до этого времени на главных улицах лежали узкие деревянные мостки.

Первое строение в Петербурге была крепость. "Для одного строения, – как говорит в своем журнале Гизен, – для поспешения в работе по бастионам надсматривали знатные особы: на первом, для примера других, сам Петр своею высокою особою, на втором – генерал-губернатор А. Д. Меншиков, на третьем – обер-камергер Головин, на четвертом – Никита Зотов, на пятом – князь Трубецкой, на шестом – Кир. Ал. Нарышкин". Укрепление составляло продолговатый, неправильный шестиугольник; с 1710 года землю с прежних бастионов стали раскидывать и возводить массивные стены из

камня; над бастионами трудились шведские военнопленные; во флангах были сделаны крепкие казематы со сводами. Некоторые из этих казематов первоначально нанимали купцы, которые хранили там вино и другие товары, но с февраля 1718 года крепостные казематы стали наполняться политическими преступниками, замешанными в деле царевича Алексея. 25 мая привезена в крепость царевна Марья Алексеевна, тетка царевича, а 14 июня и он сам переведен в Трубецкой раскат. 26 июня, вечером, в Трубецком раскате царевич скончался.

Внутри крепости стояло несколько небольших домиков, в которых помещался комендант с офицерами и солдатами гарнизона, при гауптвахте была площадь, которая называлась плясовою: здесь стояла деревянная лошадь с острою спиною и был вкопан столб с цепью, около которого втыкались острые спицы. Провинившихся солдат или садили на лошадь, или, замкнув руки в цепь, заставляли стоять на спицах¹⁴. Первым комендантом крепости был Рен, обер-комендантом – Брюс. В крепости находилась главная аптека и помещался в мазанковом здании переведенный из Москвы сенат (на месте, где теперь казначейство) и стояла довольно красивая церковь во имя Петра и Павла,

сперва деревянная, потом, уже в 1714 году, начата постройка существующего и посейчас каменного Петропавловского собора, деревянная же церковь перенесена была на Петербургскую, в Солдатские слободы, и освящена там во имя апостола Матфия.

На Березовом острове, на берегу Невы (нынешняя Петербургская), Петр построил небольшой домик для себя. По преданию, при первом обозрении места под столицу Петр, идя пешком вверх по берегу Невы, топором ссек ракитовый куст, затем, немного прошедши, еще ссек другой куст; затем, сев на шлюпку, отъехал рекою в Канцы; на том месте, где ссечен второй куст, построен вскоре первоначальный дворец Петра, а на месте первого ракитового куста, впервые срубленного, государь 1 октября 1703 года, в день Покрова Богородицы, положил основание нынешнему собору Св. Троицы. Вскоре после постройки домика для царя возле него стали строить свои палаты и его приближенные. Так, недалеко от домика Петра стоял дом Меншикова, а отсюда, по левому берегу Большой Невки, располагались шалаши и хижины рабочих; недалеко отсюда был и первый Гостиный двор¹⁵. Направления и названия многих улиц этой части Петербургской стороны и

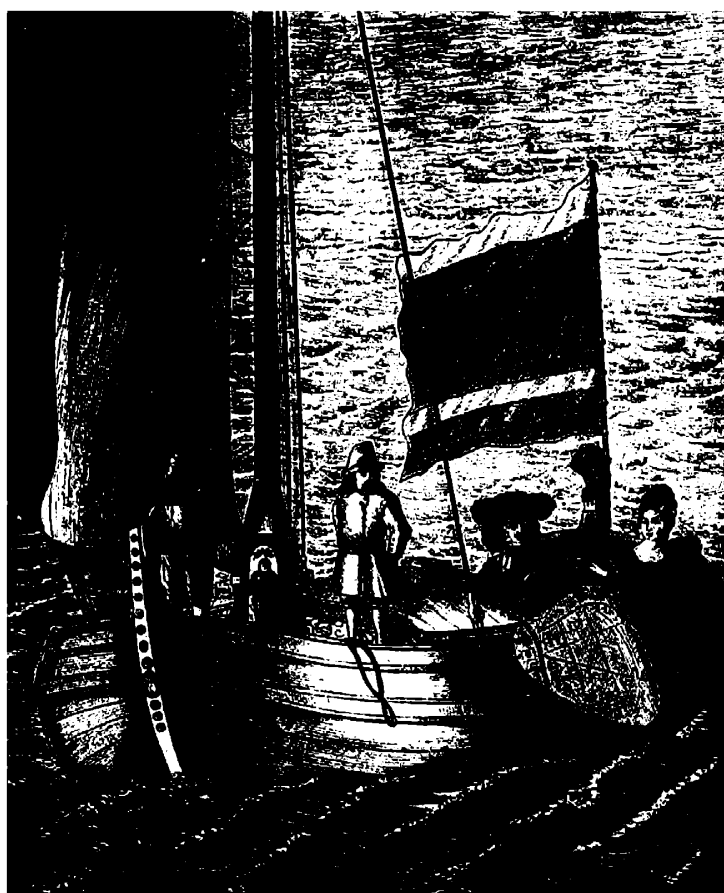
посейчас могут определить расположение и заселение города на первых порах его существования. Улицы¹⁶ Дворянская, Посадская, Пушкарская, Ружейная, Зелейная, Монетная¹⁷ и т. п. своими названиями указывают на состав их населения, на роды занятий жителей и проч.

К важнейшим из произведенных в это время построек в Петербурге нельзя не причислить построенного на Выборгской стороне (повыше госпиталя) первого сахарного завода.

С 1711 года начинается усиленное заселение Петербурга. Первые жилища столицы строили в один этаж, или жилье, как тогда говорили. Образчиком для домов петербургских послужил мазанковый дом, собственноручно построенный Петром I на Петербургской стороне для типографии; дом этот был назван "образцовым на прусский манер". По этому образцу было построено в 1714 году семь домов для чиновников Министерства иностранных дел.

Великий основатель Петербурга полагал расположить главную часть столицы за крепостью, на правом берегу Невы, из Васильевского острова сделать торговую часть города, прорезанную каналом, вроде Амстердама¹⁸. Кстати, здесь надо сказать, что

название Васильевского острова произошло не от имени командира батареи острова Василия Корчмина, как полагали многие, но еще гораздо ранее, а именно в 1640 году, в писцовых новгородских книгах этот остров носил название Васильевского¹⁹. На левом же берегу Петр предполагал поместить разные учреждения для флота и полковые светлицы.

Петр I и Екатерина I, катающиеся в шняве по
Неве. С гравюры Зубова 1716 года

Император в своих занятиях был скор и неутомим. Вот как описывает его рабочий день

иностранец, бывший в Петербурге в 1713 году: "Государь встает очень рано, так что в три и четыре часа утра присутствует в Тайном совете. Потом идет на верфь, где смотрит за постройкой кораблей и даже сам работает, зная это мастерство превосходно. В девять или десять часов занимается токарной работой, в которой так искусен, что решительно ни одному художнику не уступит. В 11 часов кушает, но не любит прохладиться за столом, а после обеда, отдохнув немного по русскому обычаю, идет опять смотреть какую-либо постройку или другую работу. Вечеру отправляется куда-нибудь в гости или на ужин, откуда, однако, спешит возвратиться, чтобы ранее лечь в постель. Петр любил ходить к своему мундкоху-шведу²⁰, куда собираются знатнейшие господа и офицеры, русские и немцы, за угощение каждый платит по червонцу. Царь не любит никаких игр и охоты или других увеселений. Лучшее его удовольствие – быть на воде. Вода составляет его настоящую стихию, он целый день иногда проводит на яхте, буере или шлюпке, в этом он никому не уступает, разве только одному адмиралу Крюйсу. Однажды, когда Нева уже почти замерзла и незамерзшей воды осталось только перед дворцом на сто шагов, он не

переставал, однако, плавать взад и вперед в каком-то кораблике до тех пор, пока было возможно. Когда Нева совсем замерзла, то он приказал вдоль берега прочистить дорогу шагов на сто в длину и на тридцать в ширину, и здесь каждый день катался на гладком льде на буере. Лица, все служащие во флоте, если имеют до него просьбу, то должны говорить ему не *ваше царское величество*, а *Mon Heer Schout by Nach*, после чего он выслушивает и просителя отсылает к адмиралу".

Позднее при Петре Великом в Петербурге бывала особая церемония при замерзании и вскрытии реки Невы. Замерзание возвещалось жителям через одного из придворных шутов барабанным боем. Он же был обязан прежде всех перейти по льду в каком-нибудь странном наряде, в сопровождении нескольких членов, из которых один нес холщовое знамя, а другие следовали с лопатами, веревками и крючками. О вскрытии Невы возвещалось тремя пушечными выстрелами из крепости, и первый переезжал Неву сам царь или в его отсутствие генерал-адмирал или комендант города.

Один из членов польского посольства, посетивший Петербург спустя 17 лет по постройке города²¹, говорит следующее: "Здесь

всякий сенатор, министр и боярин должен иметь дворец; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастлив был тот, кому отведено сухое место, но кому попало болото и топь, тот порядком нагрел себе лоб, пока установил фундамент; еще и теперь, хотя дома и отстроены, но они трясутся, когда около них проезжает экипаж. Здесь есть церкви, коллегии, дворцы и лавки, где можно получить все. Лавки – это четырехугольное строение, в котором как по одну, так и по другую сторону живут купцы. Дворцы громадные, каменные, с флигелями, кухнями и удобствами, но только они наскоро построены, так что при малейшем ветре валятся черепицы. Сады очень красивые. Я слышал от самого царя, который сказал нам: "Если проживу три года, буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля". И в самом деле, сюда привезена для сада морем из Венеции даже целая беседка из алебаstra и мрамора, расположенная у самой реки между каналами. За дворцом Меншикова находится Французская улица, где живут одни ремесленники, как-то: скульпторы, плотники, мастера, делающие фонтаны, а также и те, которые выделывают разные вещи из олова и других металлов, но все это для царя. На берегу Невы есть длинный двухэтажный каменный дом,

в котором шесть комнат внизу и столько же наверху. С одного берега до самого дома проложен мост, на котором находится избушка и балкон столярной работы. В каждой из комнат этого дома стоят станки для выделывания полотна. На противоположной стороне реки есть другое здание, где выделывают крахмал. Есть два стрельбища, где учат стрелять из пушек" и т. д.

В числе зданий, построенных в эпоху возникновения Петербурга, одно из первых было Адмиралтейство.

Адмиралтейство Петр I заложил в 1705 году. Первоначально оно было большое четвероугольное место, застроенное с трех сторон десятью эллингами²², деревянными магазинами²³ и деревянной посреди башнею с железным шпицом; все строения были обведены земляным валом. С 1711 по 1718 год Адмиралтейство окружено было рвами, одетыми камнем и плитами, позади их возвышался вал и парапет с шестью бастионами; застроено оно было с трех сторон и открыто на Неву; против открытой стороны находился большой въезд, или главные ворота; над последними были устроены палаты для заседания адмиралтейств-коллегии; вокруг здания лежали строительные материалы и шли разные мастерские, большие кузницы, в

одном из флигелей была рисовальная зала, где чертили планы кораблей.

Вот как описывает Адмиралтейство тот же поляк-очевидец²⁴: "Нас пригласили в Адмиралтейство, где ожидал царь. Пройдя мост на канаве и ворота, мы вошли через сени в громадное помещение, где строятся корабли; здесь мы осматривали нововыстроенный большой, красивый корабль, затем отправились в кузницу, где было 15 горнов и при каждом 15 кузнецов с мастером. Оттуда мы прошли через другой канал к большому трехэтажному дому, выстроенному в виде треугольника на прусский манер. Царь ходил с нами по разным магазинам, находящимся в этом здании; мы осматривали все корабельные принадлежности: были там канаты, навощенные, насмоленные, намазанные разным жиром; некоторые были толщиной в половину человека, гвозди для прибивки досок лежали большими кучами и т. д. Несколько палат завалены были большим количеством тяжелого, как олово, дерева, привезенного из Ост-Индии; царь говорил, что если бы у бояр его было столько дерева, то ему хватило бы его на два года. Это дерево употреблялось для выделки колес, вращающих канаты; далее царь им показывал несколько других вещей; затем в двух комнатах

они увидели множество меди, взятой у шведов, и царь при этом сказал послу, что это шведы ему пожаловали. Гости после отправились в галерею, находящуюся в среднем этаже, где адмирал Апраксин угощал их одними корабельными блюдами, т. е. копченой говядиной, языком, морскими рыбами и т.д.; давали и полпиво, очень холодное. В это время на башне играла музыка. Посидев немного, мы отправились в коллегии, где было много молодежи. Там столы накрыты были зеленым сукном, на стенах развешаны зеркала, чертежи, гравюры. Преподаватель здесь объяснял военное искусство. Отсюда мы сошли к каналу, в котором стояло несколько судов с насосами. Потом пошли в комнату, где была библиотека, в которой были большие запасы разного рода бумаги, белой, серой, черной. Несколько комнат было занято готовым платьем разного цвета на 24 000 человек. Затем пошли мы через канал, где живут разного рода ремесленники, видели, где цирюльники готовят мази и пластыри для ран, было здесь около восьмисот портных, работающих над парусами. Было там тоже здание большое и широкое на сваях, в два этажа; здесь готовили модели кораблей. Вечером, когда стал идти дождь, мы отправились в комнаты, где

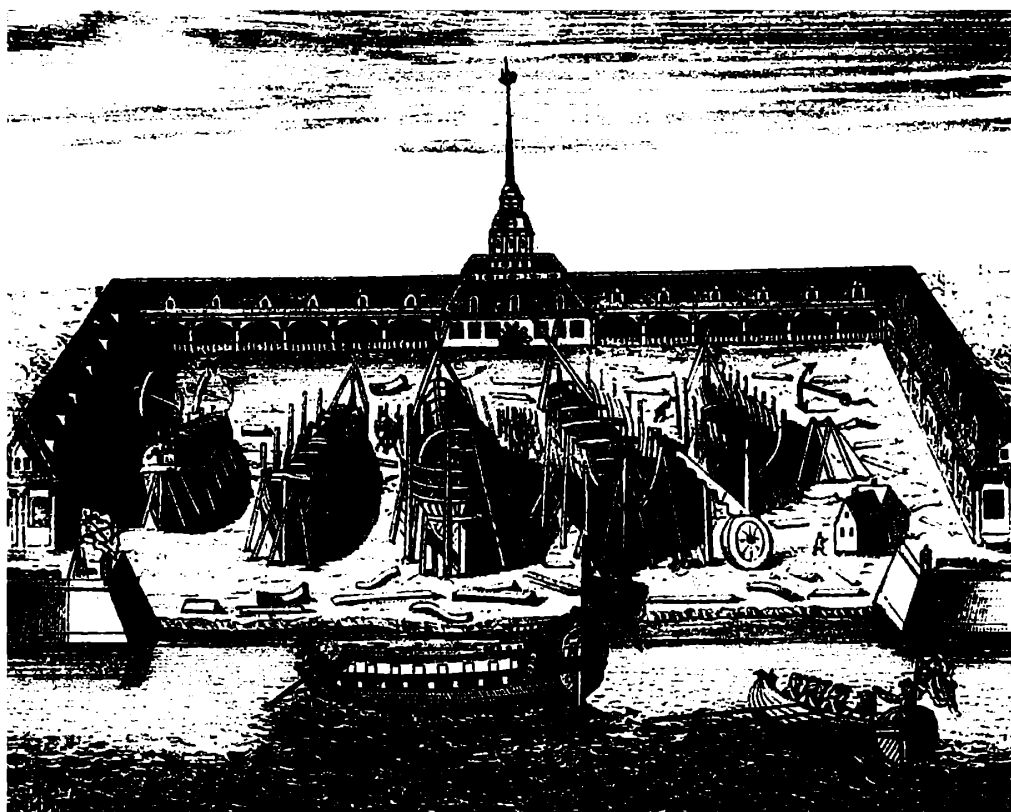
было много вина и пива и где начальник кораблей Головин нас угощал. Он носит постоянно золотой циркуль, украшенный драгоценными камнями, в знак своего достоинства. Царь его на каждом пиру сажает с собой рядом, пьет его здоровье и делает с него гравюры. Во время пира царь привстал и, кланяясь, налил вино, ходил и раздавал нам всем рюмки, исполняя свою обязанность так, как если бы не сделал этого, то должен был бы уплатить штраф".

Первый корабль военный, пятидесятипушечный, был заложен Петром в Адмиралтействе в 1709 году в ноябре и спущен 15 июня 1712 года; назван он им был "Полтава". В 1718 году был спущен самим государем 90-пушечный корабль под именем "Старый Дуб".

Тогда все суда строились из казанского дуба. По словам английского посла Витворта, в 1710 году флот царя состоял из 12 фрегатов, 8 галер, 6 сосновых кораблей, 2 бомбардир-галиотов и нескольких мелких судов. По словам Вебера, в 1718 году у царя было 40 военных кораблей и 300 галер.

В конце царствования Петра число всех его морских судов было на $\frac{1}{5}$ больше, всех же матросов на флоте было 14960 человек и 2106

пушек. Спуск корабля в прежние времена отличался большою торжественностью. Мастер в день спуска построенного им корабля одевался весь в черную одежду и получал из рук царя или морского министра на серебряном блюде по три серебряных рубля за каждую пушку или борт.

Адмиралтейство при Петре Великом. С
гравюры 1716 года

На другой год по кончине Петра Великого на месте мазанкового здания Адмиралтейства было сооружено вновь каменное с сохранением прежнего расположения. Старинную же деревянную башню заменили каменною башнею

в 1734 году, и в конце 1735 года шпиг над ней обит весь и с куполом медными, в огне позолоченными листами. На позолоту шпига употреблено было 5081 червонец весом 43S фунта, что, по тогдашнему курсу, составляло 11076 рублей 38 копеек. Все же издержки на позолоту шпига стоили 12907 рублей 84S копеек. Императрица Елисавета Петровна соорудила в середине башни, под шпигом, церковь во имя Воскресения Христова. При императрице Екатерине II, после наводнения 1777 года, было приказано выставлять в углах средней башни днем флаги, а ночью зажженные фонари. В царствование императора Павла I здание Адмиралтейства было исправлено. Работы были поручены инженер-генералу Герарду, и поправка всего здания была сделана в один год; земляные окружные валы были срыты, и вместо них сделаны новые, гораздо выше; все место окружили палисадом, который ограничивался гласисом²⁵ с одним балюстрадом; первый был одет дерном, второй окрашен тогдашнею военною краскою, а на двух угловых к площадям бастионах поставили новые срубы с флагштоками для подъема флагов. Внутренняя площадь Адмиралтейства также много изменилась; ей придали лучший вид постройкой новых

мастерских, которые были оштукатурены и потом окрашены по-голландски, т. е. под цвет и форму кирпича. В царствование Павла адмиралтейская площадь сделалась местом учения войск.

В царствование императора Александра I Адмиралтейство было перестроено, на место бывшего гласиса и покрытого пути сделан широкий и тенистый бульвар в три аллеи, который вскоре и стал самым модным гуляньем петербуржцев, и фельетонист того времени, начиная свои весенние еженедельные обозрения, писал: "В нашей столице севера и наводнений дни становятся все лучше, светлее, суше, пыльнее. Шпиц Адмиралтейства постоянно от восхода до заката солнца горит, как золотая игла, а ночью перерезывает воздух серебристою полосой. В канцеляриях и департаментах чиновный мир ежедневно торопится исполнить свои экстренности, чтобы поскорее поспеть на гульбище на бульвар, повидаться со знакомыми, покалякать" и т. д.

Наружный вид Адмиралтейства при Александре был перестроен архитектором Анд. Дмит. Захаровым: вся длина адмиралтейского фасада в 200 сажен с тремя выступами была отделана заново. В середине первого выступа находится арка, служащая главными воротами, по

сторонам на гранитных пьедесталах – две огромные группы, изображающие морских нимф, поддерживающих небесную сферу. Над аркою барельеф работы Терещенкова, представляющий основание в России флота; тут вы видите Нептуна, вручающего трезубец Петру Великому в знак владычества его над морями; над барельефом, по краям выступа, находятся четыре сидящие фигуры: Ахиллеса, Аякса, Пирра и Александра Македонского. Отдельно от них возвышается башня, первая часть которой состоит из 28 колонн ионического ордена – они образуют галерею, на которую в старину в 12 часов дня выходили музыканты и трубили в трубы; поверх этих колонн, над карнизом, стоят 28 круглых фигур из пудожского камня. От карниза башня идет круглым столбом и оканчивается куполом, в котором вставлены часы на три стороны; выше его фонарь, окруженный небольшою галереею с легкими железными перилами. От фонаря начинается шпиг, на самом верху его изображен корабль (высота его 15 сажени), ниже его корона и яблоко, имеющее в диаметре 35 футов, пространство от корабля до яблока полсажени, вся высота шпига от земли 33 сажени. По правую и левую стороны среднего выступа здание идет на 37 саженей, здесь, вместо

барельефа, оно украшено военной арматурою²⁶, потом снова следуют небольшие выступы и т.д. Адмиралтейство при Александре I имело пять доков, в нем с 1710 по 1825 год было построено 253 корабля, кроме значительного числа фрегатов и мелких судов.

ГЛАВА II

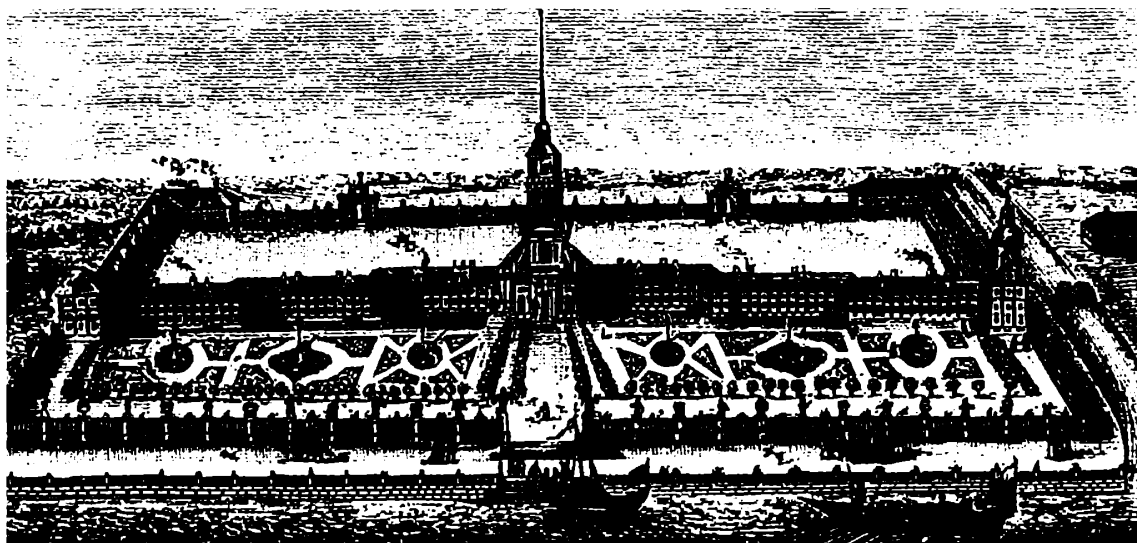
Александр-Невская лавра. – История постройки монастыря; перенесение мощей св. благоверного князя Александра Невского из Владимира. – Благовещенская церковь – усыпальница семейства Петра I. – Лаврское кладбище. – Могила императора Петра III. – Торжественное перенесение его праха. – Сказания современников о похоронах Петра III и Екатерины П. – Первая богадельня в Петербурге и первая колыбель для подкидышей. – Плакальщицы. – Похороны Суворова, князя Гики, Ломоносова, Крылова. – Церковь Св. Лазаря. – Памятники литераторов. – Замечательные и курьезные эпитафии. – Лаврский схимонах Алексей. – Посещение его кельи императором Александром!–Ложный брак. – *Princesse Nocturne*. – Церемония освящения главного собора. – Первое русское серебро. – Замечательные богатства монастыря. – Ризница, библиотека, типография, обер-инквизитор, число архимандритов. – "Подхожий стан".

В ряду монументальных построек Петербурга, где встречаются неизгладимые следы трудов Петра Великого, первое место занимает Невский монастырь. По преданию, монастырь построен на том месте, где св. благоверный Александр Невский разбил шведов 15 июля 1241 года. В ознаменование победы Невского место это было названо Петром Виктори. Император, обозревая эту местность в 1710 году, указал здесь строить

монастырь во имя Св. Троицы и св. Александра Невского, и в то же время хутынский архимандрит Феодосии водрузил здесь крест с надписью: "На сем месте создатися монастырь". В 1712 году было приступлено к работам и 25 марта следующего года здесь была освящена деревянная церковь Благовещения и началось монашеское общежительство. В 1717 году император утвердил план архитектора Андрея Трезина²⁷ для будущих каменных монастырских построек, над которыми главным наблюдателем поставил князя А. Д. Меншикова. На постройку употреблялись суммы, дарованные от казны, а также сборы от погребения в монастырских церквях, главный же доход монастыря был и от крестьян, которых было приписано к Невскому монастырю до 25 464 душ.

По заключении Нейштадтского мира с Швецией Петр вздумал перенести сюда мощи Александра Невского из Владимирского Рождественского монастыря, и в 1724 году, в июле месяце, императором была послана во Владимир комиссия из духовных и светских лиц "подъять святыя мощи с теми же обрядами, с коими были перенесены мощи святого Филиппа из Соловецка в Москву, и доставить до Новгорода сухим путем"; после мощи были поставлены на

яхту и везены водою по Волхову, Ладожским озером и Невею.

Алекса́ндро-Невская ла́вра при Петро́е
Вели́ком. С гравюры 1716 года

У села Усть-Ижоры Петр встретил шествие, перенес мощи угодника к себе на лодку, на которой стал сам у руля, а своих сподвижников превратил в простых гребцов. Лодка, сопровождаемая множеством судов, прибыла в Петербург, где ее первый встретил ботик Петра под императорским штандартом, а затем императрица, весь двор, все духовенство, вся гвардия и народ. Государь с приближенными поднял с лодки святыню и под богатым балдахином перенес в освященную только в этот день новую Александровскую церковь, где она и пребывала до постройки главного собора.

По смерти Петра строение лавры продолжалось. По его плану предполагалось сделать полукруглую ограду и внутри двор с замковым вокруг строением; подле монастыря думали выкопать пруд, обвести монастырь судоходным каналом, а на западе от монастыря разбить большой итальянский сад. До 1731 года была сделана стена по обе стороны собора, разбит сад с главными аллеями, сделаны цветники, пирамиды и галереи с гербами и около монастыря стена с воротами. Стены монастыря до 30-х годов нынешнего столетия окрашивали в светло-кирпичную краску, что придавало зданию совершенно оригинальный вид. Храм Св. Троицы, строенный по плану Петра, был окончен вчерне только в 1753 году²⁸, но так как вскоре в стенах были замечены трещины, то по приказанию императрицы Елисаветы Петровны (29 марта 1753 года) собор был разобран до основания, и щебень пошел на усыпку Невского проспекта. По расчистке места новый храм был заложен 30 августа 1774 года, в присутствии императрицы, под алтарем была заложена серебряная доска с частичкою мощей Андрея Первозванного. Храм был окончен и освящен только в 1790 году, 30 августа.

Типы монахов и вид части кладбища
Александрo-Невской лавры. С гравюры
Аткинсона начала XIX столетия

В историческом отношении замечательна в Невском монастыре Благовещенская церковь, освященная уже после смерти Петра в 1725 году. Храм этот с первых дней Петербурга служил усыпальницей царственных особ и знаменитых лиц в истории России. Здесь погребены граф Пав. Ив. Ягужинский, фельдмаршал В. В. Долгорукий, Ал. Гр. Разумовский, А. М. Голицын, Н. Ив. Панин, А. И. Ушаков, граф Брюс, И. И. Бецкий, кн. Безбородко, Ив. Ив. Шувалов, Ив. Гр. Чернышев, Ал. В. Суворов и многие другие. Из

царственных особ здесь покоятся царица Прасковья – супруга Иоанна Алексеевича, Наталья Алексеевна – сестра Петра, сын Петра I – Петр Петрович, правительница Анна Леопольдовна, дочь Петра III – Анна, первая супруга Павла I – Наталья Алексеевна, дочь Павла I – Ольга и дочери Александра I – Мария и Александра. Посередине церкви, где теперь лежит прах грузинской царицы Дарий Георгиевны, здесь 34 года и 4 месяца покоилось тело Петра III.

В Благовещенскую церковь, эту единственную в первое время по созданию Петербурга усыпальницу как особ из царствующего дома, так и первых вельмож государства, перенесены были 24 октября 1723 года, во время еще стройки храма, тела любимой сестры Петра, Натальи Алексеевны, и сына императора, Петра Петровича. Царица Наталья была погребена ранее, в 1716 году, в Лазаревской церкви. Царица отличалась большой набожностью; у нее в доме, по нынешнему Воскресенскому проспекту, была церковь во имя Воскресения Христова (отсюда название улицы и проспекта Воскресенскими), и здесь же была устроена первая в Петербурге богадельня, куда принимались старые и убогие женщины. Впрочем, это не был первый пример благотворительного приходского учреждения в

Петербурге; за два года до нее купеческий человек Емельян Яковлевич Москвин построил при церкви Сампсона Странноприимца, что на Выборгской стороне, богадельню для 10 человек мужеского пола. Лет через семь после Москвина церковный староста той же церкви построил новую богадельню, в которой уже помещалось 20 старух и 9 мужчин. После смерти царевны Натальи Петр приказал в ее богадельне воспитывать подкидышей, для которых был с улицы устроен чулан, куда могли приносить детей, не объявляя об их родителях. 13 октября 1723 года в Благовещенской церкви была погребена супруга царя Иоанна Алексеевича, царица Параскева Феодоровна. На похоронах последней Петр в первый раз запретил за гробом идти плакальщицам, нанимавшимся, по обыкновению, в старину для эффекта; они шли впереди и по бокам похоронного шествия, с распущенными волосами и нарочно искаженными лицами.

Они кричали, вопили, кривлялись и громко заливались плачевными причетами, то заводили тихим, плаксивым голосом, то вдруг умолкали и потом заводили снова; в своих причетах они изображали заслуги покойного и скорбь родных и близких²⁹.

Священник и слепой нищий с возжакм. С
гравюры Шефнера конца XVIII столетия

Когда гроб готовились опустить в могилу, плакальщицы показывали свое искусство хором. Помимо этого обычая, в старину существовал и другой еще остаток язычества, который, кажется, у некоторых купцов в Петербурге существует посейчас. Так, как только заметят, что человек испускает дыхание, то на окне или на столе тотчас ставят чашу или стакан с водою, чтобы душа отходящего успела омыться. Также в рот умершего кладут мелкие деньги, будто бы для

издержек в дальней дороге.

Приводим малоизвестные подробности о погребении Петра III³⁰. Император скончался в Ропше от геморроидальной колики, как гласил указ³¹. Тело покойного императора было вскрыто. Екатерина упоминает, что сердце Петра III оказалось очень малым. Как повествует митрополит Казанский Вениамин (Пуцек-Григорович), бывший в 1762 году архиепископом С.-Петербургским, тело императора было привезено на утренней заре в лавру и поставлено в зале тех деревянных покоев, в которых жил архиепископ; три дня приходили сюда по обычаю древнему, для отдания государю последнего христианского долга, вельможи, всякого звания люди и простой народ.

Указ новой государыни приглашал подданных проститься с телом Петра "без злопамятствия". Государь лежал в бедном гробе, четыре свечи горели по сторонам гроба. Сложенные на груди руки одетого в поношенный голштинский мундир покойного были в больших белых перчатках, на которых запеклась кровь (от следов небрежного вскрытия). Без пышности, с одною подобающею церковною церемониею, тело перенесено было в церковь, где "по отпелии запечатлено земною перстиею преосвященным

Вениамином". На отпевании присутствовали члены Синода. По словам преосвященного³², сенаторы убедили императрицу в монастырь не ходить и при погребении мужа не присутствовать.

При восшествии на престол Павла I тело императора было вынуто³³ из могилы 13 ноября 1796 года, 2 декабря перенесено во дворец и поставлено на троне подле гроба супруги, а 5 декабря оба гроба перенесены в Петропавловский собор. На гробницах сделана следующая надпись, могущая ввести в заблуждение многих: "Император Петр III родился 10 февраля 1728 года, погребен 18 декабря 1796 года. Екатерина II родилась 21 апреля 1729 года, погребена 18 декабря 1796 года".

По свидетельству современников, вторичному погребению Петра III предшествовали следующие церемонии. Дня за два до вырытия из могилы тела императора из Зимнего дворца в Невскую лавру потянулась процессия траурных карет в 7 часов вечера, при 20 градусах мороза. По словам очевидца Ф. П. Лубяновского³⁴, более тридцати карет, обитых черным сукном, цугом в шесть лошадей, тихо тянулись одна за другою; лошади с головы до земли были в черном же сукне, у каждой шел придворный лакей с факелом в

руках, в черной епанче с длинными воротниками и в шляпе с широкими полями, обложенной крепом; в таком же наряде с факелами же в руках лакеи шли с обеих сторон у каждой кареты.

Кучера сидели в шляпах как под наметами³⁵. В каждой карете кавалеры в глубоком трауре держали регалии³⁶. Мрак ночи, могильная чернота на людях, на животных и на колесницах, глубокая тишина в многолюдной толпе, зловещий свет от гробовых факелов, бледные от огня лица – все вместе представляло глубоко унылое, потрясающее зрелище. Тело императора, вынутое из земли 19 ноября³⁷, было положено вместе со старым гробом в богато обитый золотым глазетом гроб и поставлено посреди церкви, в которой он был ранее погребен.

Император Павел в сопровождении великих князей, государыни и придворного штата прибыл в церковь в 5 часов, вошел в царские врата, взял с престола приуготовленную корону, возложил на себя и потом, подойдя к останкам отца своего, снял с головы своей корону и положил ее на гроб Петра III. При гробе находились в карауле по обеим сторонам шесть кавалергардов в парадном уборе, в головах стояли два капитана гвардии, в ногах четыре пажа. При гробе, пока он стоял в

Благовещенской церкви, с 19 ноября по 2 декабря, дежурили первых четырех классов особы, под главным начальством генерал-фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова³⁸. Государь с августейшим семейством за все это время присутствовал на панихидах пять раз и каждый раз прикладывался к руке покойного императора; по преданию, гроб вскрывали только на этот момент. Из останков императора уцелели только кости, шляпа, перчатки и ботфорты.

В день перенесения праха императора из Александро-Невского монастыря в Зимний дворец был назначен торжественный церемониал. Накануне этого дня состоялся особенный военный совет по поводу этой церемонии. Все полки гвардии и все бывшие армейские полки в столице были от лавры до самого дворца построены шпалерами. Генералы, штаб-и обер-офицеры имели флер на шляпах, шарфах, шпагах и знаках, а все войско на штыках ружей. Командовал войсками князь Н. В. Репнин; во время шествия печальной процессии производился войсками троекратный беглый огонь, с крепости пушечная пальба и колокольный звон по всем церквам.

Печальная процессия с первого шага еще в

церкви замялась. Графу Ал. Григ. Орлову было назначено нести императорскую корону, но он зашел в темный угол церкви и там навзрыд плакал. С трудом его отыскиали и еще с большим трудом убедили следовать в процессии. Государь и великие князья шли за печальной колесницей пешком, мороз стоял в этот день довольно большой, впрочем, по имеющимся официальным сведениям, от стужи потерпел один только траурный рыцарь. Гроб Петра III был отвезен с подобающей честью в Зимний дворец и поставлен на катафалк подле тела Екатерины. Н. И. Греч³⁹ в своих воспоминаниях говорит: "Я видел это шествие из окна в доме Петропавловской церкви. Гвардия стояла по обеим сторонам Невского проспекта; между великанами-гренадерами в изящных светло-зеленых мундирах, с великолепными касками, теснились переведенные в гвардию мелкие гатчинские солдаты, в смешном наряде пруссаков Семилетней войны. Но общее внимание было обращено на трех человек, несших концы покрова, – это были граф Ал. Григ. Орлов⁴⁰, князь Барятинский и Пассек. Далее, – продолжает Н. Греч, – я видел оба гроба на одном катафалке и видел шествие обоих гробов по Миллионной и по наведенному на этот

случай мосту⁴¹ от Мраморного дворца в крепость".

Об этих похоронах в крепости сохранилось следующее⁴²: "При начатии панихиды, во время эктении, при раздаче свеч митрополит Гавриил кадил гробы их величеств; по окончании каждения, во время пения панихиды, несен и опущен в землю гроб императрицы Екатерины Алексеевны, и когда потом несен гроб императора Петра III, в то время духовенство с левой стороны пришло к царским дверям и при опущении окончена панихида и возглашена "вечная память". Потом понесены регалии, и за ними изволил из церкви идти государь с высочайшею фамилиею".

Императрица Екатерина II скончалась 6 ноября 1796 года; если верить суеверным преданиям, то за несколько еще месяцев до ее смерти были предзнаменования. Так, в июле ужасный громовой удар повредил многие украшения в любимой ее комнате в Эрмитаже. В исторических записках, вышедших в Париже под именем Людовика XVIII, находим другое предзнаменование кончины государыни. Автор рассказывает, что императрица была вызвана каким-то привидением в тронную залу и что там увидела свою тень, сидящую на престоле.

Очевидно, автор записок повторяет уже известное предание о видении императрицы Анны Иоанновны. Рассказывают также, что государыня, садясь в карету, чтобы ехать на бал к графу Самойлову, увидела, как яркий метеор упал за ее каретою. На другой день Екатерина сказала своей приближенной, графине А. А. Матюшкиной: "Такой случай падения звезды был перед кончиною императрицы Елисаветы, и мне это тоже предвещает".

Катафалк, воздвигнутый в Петропавловском соборе над гробами Петра III и Екатерины II, по рисункам Бренна. С весьма редкой акванты Майера. (Из собрания П. Я. Дашкова)

Де Санглен в своих записках рассказывает, что накануне удара императрица много говорила о смерти короля сардинского и страдала собственной своею кончиной Л. А. Нарышкина. Не было ли это предчувствием? – говорит он. Позднее ему передавала Мар. Сав. Перекусихина и камердинер покойной, Захар Зотов, что в среду, 5 ноября, встав по обыкновению в 7 часов утра, императрица сказала вошедшей к ней Перекусихиной: "Ныне я умру, – и, указав на часы, прибавила: – Смотри! В первый раз они остановились". – "И, матушка, пошли за часовщиком, и часы опять пойдут". – "Ты увидишь, – сказала государыня и, вручив ей 20 тысяч рублей, прибавила: – Это тебе". После этого государыня выкушала две большие чашки крепкого кофе, шутила с Перекусихиной и пошла потом в кабинет, где приступила к обыкновенным своим занятиям. Это было в 8 часов; в 10 часов утра комнатные служители удивились долгому ее отсутствию, в тревоге отворили дверь за нишей и увидели императрицу лежащую на полу. Перекусихина и Зотов в ужасе поднимают государыню, выносят и кладут на пол на сафьянном матраце. Доктор Роджерсон тотчас пускает кровь и кладет к ногам шпанские мушки. Государыня не приходит в чувство. Роджерсон

делает два прижигания раскаленным железом по обоим плечам императрицы, пытаясь привести ее в чувство, но и это не помогает. Тридцать шесть часов организм государыни борется со смертью. Перекусихина не отходит от тела Екатерины, доктора ежеминутно переменяют платки, которыми обтирали текущую из уст ее материю. Только одно движение живота указывает еще на жизнь в организме; в девятом часу дыхание императрицы становится труднее⁴³, и, наконец вздохнув в последний раз, государыня умирает в 9 часов 55 минут. Башилов в своих "Записках пажа" говорит: "Я был дежурным у дверей той комнаты, где лежало тело государыни; перед этой комнатой сидели все сенные девушки, мамушки и камердинеры и горько плакали по своей благодетельнице. Вдруг отворились двери, и государь с государыней пришли на поклонение к усопшей. Все пали ниц. Государь сказал нам: "Встаньте, я вас никогда не забуду, и все остается при вас". Мы стали на колени, государь сказал нам: "Подите к обер-камергеру, графу Н. П. Шереметеву"". Император Павел I прибыл из Гатчины за сутки до кончины императрицы. Первый его поздравил со вступлением на престол капитан Талызин, за что получил Св. Анну. Болотов рассказывает, что когда узнал о смерти

Екатерины князь П. А. Зубов, ему сделалось дурно, он упал в обморок. Так как при этом было мало людей, то император Павел, забыв свою нелюбовь к этому фавориту, первый подал ему стакан холодной воды и брызгал ему водою в лицо, чтоб привести скорее в чувство.

Вот как описывает свое дежурство в первую ночь после смерти императрицы фрейлина Е. В. Новосильцова: "Мы вошли в опочивальню покойной государыни. Она лежала в спальном платье на кровати; при ней тут находились доктор и священник, который читал Евангелие. Рука ее была протянута, я подошла, поцеловала, и как я ни была молода, но мне все пришло в голову, что вчера за какое счастье считали целовать эту руку сколько людей. В комнате было очень холодно; я, закутавшись, села в угол, поодаль, подруга моя скоро заснула, доктор вышел зачем-то, а священник подошел ко мне и сказал: "Сударыня, мне очень дурно, я выйду и пришлю другого". Я ему предложила одеколон и хотела подать воды, но он мне опять сказал: "Нет, этого мне недостаточно, я чувствую, что упаду и только вам наделаю хлопот". – "Ну, делайте как знаете", – отвечала я ему, и он вышел.

Тут я осталась совершенно одна с телом императрицы в горнице полутемной, но я не

боялась. Взглянув кругом себя, я увидела вдали какую-то картину, которая мне показалась замечательна; я подошла, чтоб ее рассмотреть поближе, оперлась на что-то, перед ней лежащее, – я и не могла сделать иначе. И вдруг из этой массы выскочила голова и закричала: "Что надобно?" Тут я увидела, что это был камергер Н. Н., который от холода завернулся в свою шубу. Я его успокоила и просила извинения, что потревожила его. Он опять завернулся в шубу, а я возвратилась на свое место и стала глядеть на императрицу, лежащую с покрытым лицом. Вдруг я увидела, что покрывало на груди ее стало подниматься как бы дыханием; это показалось мне страшным. Я глядела еще пристальнее, и движение стало еще заметнее. Я пошла прямо к постели, чтоб удостовериться в том, что мне виделось. Пока я стояла над нею, не зная, что мне делать и как в этом случае поступить, вошел доктор и спросил, что я делаю и зачем стою... Я ему показала вздымающуюся грудь покойницы и сказала тихо: "Ах, посмотрите; может быть, она жива, какая радость!" Он мне на это сказал: "Это – движение последней влаги!.."

По рассказам современников, на улицах Петербурга происходили весьма трогательные сцены, точно каждый терял нежно любимую

мать. Люди всех сословий пешком, в санях и в каретах, встречая своих знакомых, со слезами на глазах, выражали сокрушение о случившемся. Площадь перед дворцом была полна народом; в течение ночи выпал глубокий снег, к утру настала оттепель и заморосил дождь; войска шли ко дворцу в лучших нарядах и шляпах с дорогим плюмажем, увязая в глубоком снегу. На Литейной, на Марсовом поле и на других улицах, перед казармами, стояли аналои со священниками, перед которыми войска и приносили присягу. Утром 8 ноября, в 9 часов, столичная полиция уже успела обнародовать новые правила насчет формы одежды и езды в экипажах. Ряд строгих полицейских приказов предписывал носить пудру, косичку или гарбейтель, и запрещались: круглые шляпы, высокие сапоги, также завязки на башмаках или "culottes"⁴⁴; волосы следовало зачесывать назад, а не на лоб; экипажам и пешеходам вменялось при встрече с императорскою фамилиею останавливаться...

В Благовещенской церкви погребен величайший из полководцев, Суворов; над его могилой вделана в стене бронзовая доска, украшенная военными атрибутами, с простою надписью: "Здесь лежит Суворов". По преданию,

эпитафию эту сочинил сам Суворов; по другим рассказам, ее сказал Державин. Существует такой рассказ. Перед смертью Суворов пожелал видеть маститого поэта. В разговоре с Державиным он, смеясь, спросил его: "Ну, какую же ты мне напишешь эпитафию?" – "По-моему, – отвечал поэт, – слов много не нужно: тут лежит Суворов!" – "Помилуй Бог, как хорошо", – в восторге сказал Суворов⁴⁵. Фельдмаршал скончался в доме своего родственника, графа Д. И. Хвостова, на Никольской набережной, близ Никольского моста.

Похороны его происходили в Николин день. Во время выноса из квартиры гроб Суворова никак не мог пройти в узкие двери старинной лестницы, долго бились с этим и наконец гроб спустили с балкона. Император Павел, верхом на коне, нетерпеливо ожидал появления тела фельдмаршала, но, так и не дождавшись, уехал и уже потом встретил останки Суворова на углу Малой Садовой и Невского.

Этот рассказ нам передавал генерал А. М. Леман, который слышал его от управляющего домом гр. Хвостова⁴⁶. Существует еще другой рассказ, что будто уже в церкви при погребении фельдмаршала катафалк в двери не проходил, и не знали, как этому помочь. Но вдруг

из числа несших гроб воинов кто-то скомандовал: "Вперед, ребята! Суворов везде проходил!" – и действительно катафалк прошел в двери.

Царских особ и первых сановников возили на кладбище на дрогах с факельщиками; средний и простой класс, по обыкновению, носили на руках. Над покойниками ставились памятники, по большей части путиловские плиты, а иногда чугунные с простыми надписями. По кончине царевен накладывали траур на шесть недель, и все, не исключая царя, исполняли его строго и нашивали флер и креп на шляпах, шпагах и рукавах.

Из числа великолепных памятников над могилами великих людей славного века Екатерины, которые покоятся в темном помещении Благовещенской церкви, называемом "палаткой", достойны внимания художественные изваяния из бронзы и мрамора над могилами графа Н. И. Панина, князя Безбородко, Л. А. Нарышкина; на могиле последнего памятник с надписью: "От племени их Петр Великий родился"; затем бюст князя А. А. Вяземского со следующими строками: "28 лет, до изнеможения сил, отправлял он генерал-прокурорскую должность с твердостью и правотою и скончался защитником угнетенных и

другом несчастных". Мраморная пирамида – Ив. Ив. Бецкого, на которой видна медаль, поднесенная ему сенатом в 1772 году.

Кроме того, здесь покоится основатель Московского университета Ив. Ив. Шувалов, граф Ягужинский, и видна вделанная в стене скромная мраморная доска архиепископа Иннокентия, с двестишием Державина:

Вития о тебе не возгласит похвал:
Глас красноречия для праведника мал!

Над останками великих княжон Марии и Елисаветы, дочерей императора Александра I, виднеются два ангела, вылитые из серебра. Они представлены парящими над урнами с венцом и трубою в руках.

Церковь Св. Лазаря, по преданию, устроена Петром I над прахом любимой сестры Натальи Алексеевны, тело которой впоследствии перенесено в Благовещенскую церковь. Храм этот освящен в 1717 году, затем к нему несколько раз делались пристройки усердием почивающих здесь Ив. Перф. Елагина (бывшего при Екатерине директором театра), графов Шереметевых и князей Бело сельских.

В этой церкви, как мы уже прежде говорили, погребен сподвижник Петра граф

Б. П. Шереметев. Шереметев погребен 10 апреля 1719 года. В 1718 году, накануне Рождества, в склепе этой церкви был похоронен в присутствии царя с большою пышностию его лейб-медик Арескин. Затем здесь лежат: статс-секретарь Теплов, граф А. П. Шувалов, Мелиссино, адмирал Шишков и А. П. Ганнибал, дед поэта Пушкина. На могиле Ганнибала следующая стихотворная эпитафия:

Зной Африки родил, хлад кровь его покоил,
России он служил – путь к вечности устроил.

На могиле князя Белосельского виднеется эпитафия поэта Ив[ана] Ивановича] Дмитриева:

Пусть Клио род его от Рюрика ведет, –
Поэт, к достоинству любовью привлеченный,
С благоговением на камень сей кладет
Венок, слезами муз и дружбы орошенный.

У самой церкви, при входе, стоит памятник адмирала Чичагова со следующим стихотворением Екатерины II:

С тройною силою шли шведы на него;
Узнав, он рек: Господь защитник мой!
Они нас не проглотят. –
Отразив, пленил и победу получил.

В начале нынешнего столетия и в конце прошлого на Лазаревском кладбище происходили два погребения, выходившие из ряда обыкновенных. Первые похороны отличались необыкновенной скромностью. Хоронили в простом гробе известного своей благотворительностью графа Н. П. Шереметева. По воле усопшего, все деньги, которые должны бы пойти на богатое погребение, приличное его званию и большому богатству, были розданы бедным. Такая воля завещателя в день похорон привлекла на кладбище толпу бедняков в несколько тысяч человек.

Другие похороны, происходившие в конце царствования Екатерины II, собрали тоже немалое число любопытных: хоронили валахского и молдавского князя Гику. Церемониал погребения был следующий: впереди шествия ехали трубачи, затем шло до сотни факельщиков, за ними несли богатый порожний гроб, за последним шли слуги, держа в руках серебряные большие блюда с разварным сарачинским пшеном⁴⁷ и изюмом, на другом блюде лежали сушеные плоды, а на третьем большой позолоченный каравай; затем следовали в богатых молдавских костюмах молдавские

бояре с длинными золочеными свечами в руках, после них шло с пением духовенство, с греческим архиепископом во главе. Затем уже несли тело умершего князя, сидящее в собольей шубе и шапке в креслах, обитых золотой парчой. Тело было отпето сперва на паперти, потом внесено в церковь, и там снята с него шуба, одет саван, и затем умерший был положен в гроб.

На Святой неделе, сто двадцать лет тому назад, был похоронен на кладбище Невского монастыря первый русский ученый и славный писатель Ломоносов. На погребении его присутствовали два архиепископа, вместе с высшим духовенством, и множество знатных вельмож.

В числе провожавших его был и всегдашний его антагонист Сумароков. Существует рассказ, что Сумароков, указав на покойника, сказал академику Штелину: "Угомонился дурак и не может более шуметь!" Штелин отвечал ему: "Не советовал бы я вам сказать это ему при жизни". Но не один Сумароков при жизни враждовал с Ломоносовым. Известно, как ревниво тормозили ему путь в деле расширения русского просвещения его товарищи по Академии немцы Шумахер, Тауберт, Миллер.

После смерти Ломоносова императрица

Екатерина II повелела выбить в небольшом числе золотую медаль с надписью, которую сама составила: "Российскому слову великую пользу принесшему".

Граф А. П. Шувалов написал на его кончину оду на французском языке, в которой были превознесены заслуги Ломоносова и унижены зависть и невежество Сумарокова. Спустя несколько дней по кончине Ломоносова канцлер граф Р. И. Воронцов поручил Штелину сочинить надпись и составить рисунок монумента в флорентийском вкусе. То и другое было вскоре отослано графом в Ливорно, и на следующий год памятник был получен, сделанный из каррарского мрамора. Существующий теперь на могиле Ломоносова монумент возобновлен уже внуком графа Р. И. Воронцова, графом М. С. Воронцовым, в 1832 году. Все записки и бумаги Ломоносова приобрел у вдовы его граф Гр. Гр. Орлов, препоручив разобрать их секретарю Козицкому и поместить в Гатчине, у себя во дворце, в особой комнате.

Вот краткое извлечение из конспекта похвального слова, набросанного на латинском языке Штелином⁴⁸: "Характер Ломоносова: физической отличался крепостью и почти атлетической силою⁴⁹. Образ жизни общий

плебеям. Умственной исполнен страсти к науке; стремление к открытиям. Нравственный. Мужиковат; с низшими и в семействе суров, желал возвыситься, равных презирал. Религиозные предрассудки его. Сатиры на духовных, гимн бороде. Преследует бедного Тредьяковского за его дурной русский слог".

После похорон Ломоносова еще большею торжественностью отличалось погребение тела Крылова. В день похорон, 13 ноября 1844 года, Адмиралтейская церковь не могла вместить всех желающих проститься с телом дедушки Крылова. Первые государственные сановники почтили своим присутствием память Крылова. Крылов умер от несварения пищи в желудке. За несколько часов до смерти он сравнил себя с крестьянином, который навалил на лошадь непосильно большую поклажу рыбы, не думая тем обременить лошадь, ввиду того, что рыба сушеная.

Вынесли гроб Крылова и поставили на дроги; военные генералы, сенаторы и другие первые сановники, студенты университета окружили гроб, поддерживали балдахин и несли ордена. Множество народа следовало за гробом. В лавре после литургии отпевание совершал митрополит Антоний с двумя архиереями. На голове покойного лежал тот самый венок, которым чело

его было украшено в день пятидесятилетнего его юбилея; на груди были цветы, которые императрица иногда присылала ему и которые он берегал, как святыню. Вместо герба на траурных принадлежностях был изображен тот же лавровый венок. При закрытии гроба министр народного просвещения положил в гроб медаль, которая была вычеканена для увековечения памяти юбилея.

В день похорон друзья и знакомые Крылова вместе с приглашением получили по экземпляру изданных им басен, на заглавном листе которых под траурною каймою было напечатано: "Приношение на память об Иване Андреевиче, по его желанию". Крылова положили в землю рядом с его другом, Н. И. Гнедичем, переводчиком "Илиады"; короткая их связь закрепилась общим сожителем в доме Императорской библиотеки. Гнедич был совершенная противоположность по внешности. Крылов был неряха, мало заботившийся о своей внешности, Гнедич же был усердным поклонником мод и всегда одевался по последней картинке, волосы его были завиты, шея повязана огромным платком. Несмотря на непригожество свое (Гнедич был тощ и крив, лицо имел изрытое оспой), он считал себя красавцем. Речь его

звучала гекзаметрами⁵⁰; в манерах он был чопорен. Впрочем, все это не мешало ему быть человеком самой строгой честности, притом очень забавным рассказчиком и метким на острое слово. На могиле его следующая надпись: "Гнедичу, обогатившему русскую словесность переводом Омира. "Речи из уст его вещей сладчайшие меда лились"" ("Илиада", песнь I).

В числе памятников людей, которые трудились со славой и оставили светлый след в истории отечественного просвещения, здесь находится монумент на могиле Д. И. Фон-Визина, скончавшегося 1 декабря 1792 года. Смерть постигла творца "Недоросля", по преданию, внезапно: он накануне еще беседовал с Державиным и с жаром следил за чтением своей комедии "Гофмейстер", напечатанной под названием "Выбор гувернера".

В лавре же лежит прах поэта Евгения Баратынского, с эпитафией, взятой из его стихотворения:

В смирение сердца надо верить
И терпеливо ждать конца.

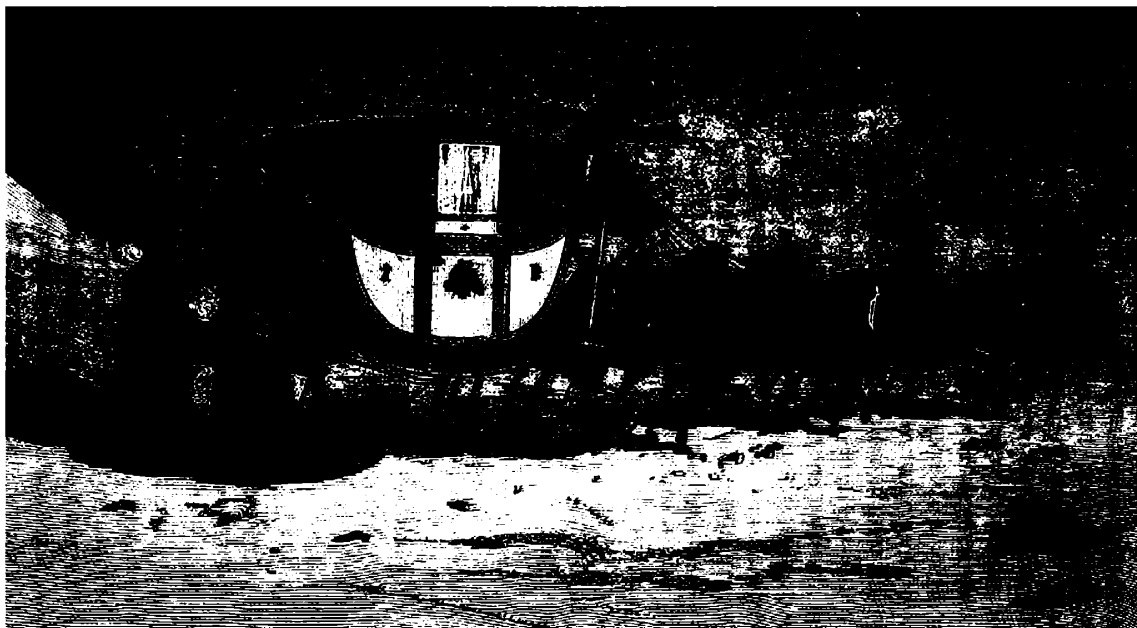
На могиле поэта Жуковского скромный памятник воздвигнут стараниями и приношениями почитателей "бессмертных трудов его и дарований"; надпись на нем: "В память

вечную знаменитого певца в стане русских воинов".

Прах нашего историографа Карамзина также покоится на Невском кладбище. Над прахом лежит надгробная белая мраморная плита с бронзовым вызолоченным лавровым венком и надписью "Карамзин". Недалеко от могил Карамзина и Жуковского лежит поэт-слепец Ив. Ив. Козлов.

На кладбище Невской лавры встречаются могилы следующих писателей: Н. Ф. Щербины, князя П. А. Вяземского, П. А. Плетнева, В. И. Панаева (идиллика), П. Н. Арапова (известный театрал), М. Н. Лонгинова (библиограф), М. А. Корфа, Ф. М. Достоевского, А. Н. Оленина, президента Академии художеств, автора многих археологических сочинений и мецената; А. В. Храповицкого, автора известного "Дневника"; С. Н. Марина, очень недурного стихотворца, мало известного в печати.

В конце царствования Екатерины и при Павле были известны в петербургском обществе многие его шуточные стихотворения, по большей части рукописные, разные пародии на оды Ломоносова и Державина, как, например: "О ты, что в горести напрасно на службу ропщешь, офицер" или "С белыми Борей власами".

Городской возок с форейторами и выездными гусарами. С гравюры Аткинсона начала XIX столетия

Последнюю оду он применил на рождение корпусного учителя Геракова⁵¹, известного сочинителя разных путешествий. Марин служил в Преображенском полку и был флигель-адъютантом Александра I. Это был светский шутник, веселый товарищ и образованный человек, игравший блистательную роль в кругу петербургской молодежи.

К числу литераторов прошедшего века, погребенных на кладбище Невской лавры, можно причислить и А. В. Олешева, известного предводителя дворянства Вологодского наместничества, женатого на сестре великого

Суворова. Вот стихотворное надгробие этого сочинителя "Начертания благоденственной жизни"⁵².

Останки тленные того сокрыты тут,
Кой вечно будет жить чрез свой на свете труд.
Чем Шпальдинг, Дюмулин и Юм себя прославил,
То Олешев своим соотчикам оставил.
Был воин, судия, мудрец и эконоом,
Снискавший честь сохой, и шпагой, и пером,
Жил добродетельно и кончил жизнь без страху.
Читатель, ты, его воздав почтенье праху,
К Всевышнему мольбы усердны вознеси,
Да дух блаженствует его на небеси!

Невдалеке от этого монумента поставил надгробие в память любезной и добродетельной супруги Ек. Як. Державиной, урожденной Бастидон, огорченный и благодарный муж Гав. Ром. Державин. При этом поэт не забыл сказать и стихотворной эпитафии:

Где добродетель? Где краса?
Кто мне следы ее приметит?
Увы! Здесь дверь на небеса...
Сокрылась в ней – да солнце встретит!

К числу лиц, причастных к литературе, нельзя не отнести и похороненного здесь на Лазаревском кладбище Петра Кир. Хлебникова, генерал-лейтенанта, служившего при графе А. Гр.

Разумовском, умершего в 1777 году. Хлебников происходил родом из коломенского купечества; у него была собрана самая редчайшая библиотека, богатая многими очень ценными рукописями; впоследствии частью этой библиотеки владел известный библиограф С. Д. Полторацкий⁵³. П. К. Хлебниковым изданы: "Древняя степенная книга", Москва, 1775 г.; "Японская история", Москва, 1773 г.; "Летопись Малыя России", 1777 г.; его же иждивением все гравюры приложены к книге Рубана "Описание С.-Петербурга". Сведения о жизни П. К. Хлебникова напечатаны в С.-Петербурге, в 1778 году.

На кладбище Невского монастыря лежат композиторы: М. И. Глинка⁵⁴, Серов, Даргомыжский и Мусоргский. Художники-граверы: Чемесов, Шубин; архитекторы: Старов и А. Н. Воронихин; могил актеров и актрис здесь нет; впрочем, из числа последних здесь похоронена на Лазаревском кладбище умершая в 1804 году первая тогдашняя танцовщица придворного театра Наст. Парфентьевна Берилова. На памятнике у ней следующая эпитафия:

Какое зрелище плачевное явилось!
Приятных дней ее течение прекратилось,
Она уж мертвая, и все сокрылось с нею *и т. д.*

Здесь находим также могилы лиц, отличавшихся необыкновенным долголетием: монаха молчальника Патермуфия, скончавшегося на 126 году своей жизни, затем могилу инок Авраамия, прожившего 115 лет, и известного елисаветинского и екатерининского героя, 107-летнего старика Василия Романовича Щегловского, сосланного в Сибирь Потемкиным из ревности; он пробыл в ссылке 49 лет.

На старом кладбище встречаем надгробные памятники следующих еще лиц, известных в истории: Адама Адамов. фон-дер-Вейде, одного из храбрейших генералов Петра I. Вейде был почти неразлучным спутником царя в его походах против шведов. Петр Великий почтил погребение Вейде своим присутствием; затем имена двух известных в истории грозного "слово и дело" графа Андр. Иван. Ушакова, генерал-аншефа, и не менее его известного нашим дедам Степ. Ив. Шешковского, прослужившего отечеству 56 лет и умершего в 1794 году в чине тайного советника. Много в лавре лежит министров, фельдмаршалов: граф Милорадович, адмирал Сенявин, Рикорд, граф Сперанский, Блудов.

Много на кладбище также встречается памятников, явно обнаруживающих невежество и

малограмотность поставивших их; большая часть принадлежит умершему купечеству. Вот одна из эпитафий: "Здесь лежит, любезные мои дети, мать ваша, которая на память вам оставила последнее сие завещание: живите дружелюбно... притом помните и то, что Ириной звали ее, в супружестве была за петербургским купцом Васильем Крапивиным 19 лет и 44 года, 10 месяцев и 16 дней; к несказанной моей и вашей печали, разлучилась с вами, оставя мир с вами и благословение"; или другая: "Под сим камнем, воздвигнутым петербургским 2-й гильдии купцом Ник. Ив. Похотиным, погребено тело его, прошедшего жизнь в Петербурге безмятежно 42 года собственными трудами и без покрова мнимых приятелей во славу же Божию и трудов своих" и т. д.

В числе эпитафий, невольно вызывающих улыбку, находим следующие: "Пров Константинович, князь Волосский, граф Австрийский, происходивший от рода греческого императора Иоанна Кантакузина, который царствовал в 1198 году (sic), и праправнук бывшего в Валахии господарем 1619 года Сербана Константиновича Кантакузина, родившегося в Трантавании (sic) от Погоны Михайловны, урожденной княгини Кантакузиной

в августе месяце, пребывавший в службе при
российском императорском дворе пажем и
имевший наследственное право на орден
Константиновича Св. Велик. и победоносца
Георгия, умер 4 м. 1787 года в цвете молодых
своих лет. От роду имел 16 л. 8 мес."; или:
"Попов, Алекс. Сем., камер-фурьер
подполковничьего чина, камердинер
Екатерины II:

Царице Росских стран сей ревностно служил
И милости ея по смерть свою носил.
Днесь Вышнему Царю на службу преселился;
Но чтобы милостив к нему сей Царь явился,
Усердную мольбу, читатель, ты пролей,
И о жене его и дщери пожалей.
Когда родитель был ее уже во гробе,
Во матерней тогда была она утробе.
В дни сетования произойдя на свет,
Отцова вида зрит единый сей предмет;
С скорбящей матерью она по нем рыдает,
А мрамор сей печаль сердец их представляет".

На могиле генерал-майорши Екатерины
Алексеевой, умершей в 1804 году, читаем:

От горестей отшедшая к покою
Сокрыта здесь под мраморной доскою.
Любя истину и добродетель,
Воздвиг сей монумент ее невинности свидетель.

Над могилой иерея Андрея, мужа отменного
благонравия и примерного жития, красуется

следующая эпитафия:

Под камнем сим лежит тот пастырь и отец,
Кой двадцать девять лет словесных пас овец;
Пучину жития толь свято преплывал,
Что кормчим всяк его себе иметь желал.

На одной могиле отца находим лаконическую надпись сына: "Кого родил, тот сей и соорудил".
Весьма загадочны надписи на могилах трех жен подполковника Деласкари⁵⁵, похоронившего их в течение девяти месяцев: первая жена Деласкари умерла 16 августа 1772 года, а последняя 29 апреля 1773 года.

Уличный продавец пряников в Петербурге в конце XVIII столетия. С гравюры того времени

Читая их, можно смело подумать, что Деласкари был опереточный герой Рауль Синяя Борода. Самый роскошный памятник в Невской лавре был некогда Демидова: в огромной мраморной нише колоссальное и хорошо исполненное распятие итальянской работы. Теперь этот памятник продан и привезен в другое место. Замечательны еще обелиск адмиралу Ханыкову, памятник графу Завадовскому где гений жизни угадает светильник свой; мраморные гробницы Измайлова, графини Салтыковой, Чичерина, с простой, но прекрасной фигурой возрождающегося феникса, Охотникова, Муравьева, прелестный мавзолей Яковлевой с гнездом, в котором семь голубков просят пищи и печальный голубь сидит на ветке; ионический храм над гробом графини Потемкиной – работы Крылова с превосходными барельефами, изображающими разлуку матери с детьми и христианскую покорность добродетельной женщины: доверчиво опираясь левой рукой на символ спасения, она спокойно предается Вере, против нее стоящей (произведение известного ваятеля Мартоса). Памятник Турчанинова, вылитый из чугуна, и огромный саркофаг Кусова, кубическая масса чудесного гранита, на котором черный мраморный пьедестал поддерживает

гробницу с крестом; по углам бронзовые канделябры. Памятник этот обошелся в 60 000 рублей.

На новом Лазаревском кладбище лежит прах известного схимонаха Александро-Невской лавры Алексия; с этим схимонахом беседовал в келье император Александр I перед своим отъездом в Таганрог. Вот рассказ об этом посещении⁵⁶. Император был у него вместе с митрополитом Серафимом. При входе государя Алексей, пав пред распятием, пропел тропарь "Спаси, Господи" и в то же время, обратясь к высокому гостю, сказал: "Государь, молись!" Государь положил три поклона. Схимник, взяв крест, прочел отпуск и осенил императора. После этого монарх сел с митрополитом на скамью и, посадив схимника, вполголоса разговаривал с митрополитом и, между прочим, сказал: "Все ли здесь имущество его? Где он спит? Я не вижу постели его?" – "Спит он, – отвечал митрополит, – на том же полу, пред сим самым распятием, пред которым и молится". Схимник, вслушавшись в эти слова, встал и сказал: "Нет, государь, и у меня есть постель. Пойдем, я покажу тебе ее". С этими словами он повел императора за перегородку в своей келье. Здесь на столе стоял черный гроб, покрытый черным покрывалом, в

гробу лежала схима⁵⁷, свечи, ладан и все принадлежащее к погребению. "Смотри, – сказал схимник, – вот постель моя, и не моя только, а постель всех нас. В ней все мы, государь, ляжем и будем спать долго"; государь несколько времени стоял в размышлении. Когда государь отошел от гроба, то схимник обратился к нему со следующими словами: "Государь, я человек старый и много видел на свете: благоволи выслушать слова мои. До великой чумы в Москве нравы были чище, народ набожнее, но после чумы нравы испортились; в 1812 году наступило время исправления и набожности, но по окончании войны сей нравы еще более испортились. Ты – государь наш и должен бдеть над нравами. Ты – сын Православной Церкви и должен любить и охранять ее. Так хочет Господь Бог наш". Государь обратился к митрополиту и сказал: "Многие длинные и красноречивые речи слышал я, но ни одна так не нравилась, как краткие слова старца. Жалею, что я давно с ним не познакомился". Затем, приняв благословение, государь сел в экипаж и прямо отправился в путь. После этого посещения государь не возвращался в Петербург и вскоре скончался в Таганроге.

Посетившая в двадцатых годах нынешнего столетия лавру г-жа Янкова (см. "Рассказы

бабушки, записанные ее внуком Д. Благово") говорит, что монашествующей братии в то время было там немного, и все больше люди средних лет и молодые послушники; стариков же всего было три или четыре. Про одного из них она рассказывает следующую историю. Он был гвардейским офицером, служил при императоре Павле I; вместе с ним находился в том же полку его родственник. Этот последний полюбил одну молодую девушку и задумал ее увести. Но девушка хотя и любила его, но хотела сперва обвенчаться и потом уже бежать из дому родительского; влюбленный же офицер был женат, стало быть, ему венчаться не было возможности. Что делать в таком затруднении? Он открылся приятелю, тот и придумал сыграть комедию – обвенчать приятеля своего на дому, одевшись священником в ризу. Предложили молодой девице венчаться по секрету дома, под предлогом, что тайный брак в церкви священник венчать не станет. По неопытности своей девушка не поняла, что тут обман, согласилась и, в известный день обвенчавшись, со своим мнимым мужем бежала... Он пожил с нею некоторое время, она родила дочь, и потом он ее бросил. Нашлись люди впоследствии, которые помогли ей напасть на след ее мужа, и она узнала, что он

уже женатый и от живой жены на ней женился. Она подала прошение на высочайшее имя императора Павла, объясняя ему свое горестное положение. Император вошел в положение обманутой молодой девушки и положил следующее замечательное решение: похитителя ее велел разжаловать и сослать, молодую женщину признать имеющей право на фамилию соблазнителя и дочь их законною, а венчавшего офицера постричь в монахи. В резолюции было сказано, что "так как он имеет склонность к духовной жизни, то послать его в монастырь и постричь в монахи".

Кроме описанных нами кладбищ лавры, целая церковь Сошествия Святого Духа наполнена памятниками, весь пол церкви состоит из продольных квадратов с надписями имен похороненных под плитами знатных и богатых особ. В этой церкви покоятся петербургские митрополиты Михаил (под жертвенником), Серафим (по правую сторону царских врат), Антоний налево от них, Никанор в царских вратах, перед крестом, Григорий у южной стены алтаря. В числе множества памятников в Духовской церкви видна одна надпись на могиле княгини Евдокии Голицыной, урожденной Измайловой, 1780–1850 годы, со следующими

словами: "Прошу православных русских и проходящих здесь помолиться за рабу Божию, дабы услышал Господь мои теплые молитвы у престола Всевышнего, для сохранения духа русского". Лежащая здесь княгиня в свое время была замечательная личность в петербургском высшем обществе. Княгиня была красавицей до старости; красота ее напоминала древнее греческое изваяние. Про нее говорит ее современник⁵⁸: "Не знаю, какова была она в первой своей молодости, но и вторая и третья молодость ее пленяли какою-то свежестию и целомудрием девственности. Черные, выразительные глаза, густые темные волосы, падающие на плеча извилистыми локонами, южный матовый колорит лица, улыбка добродушная и грациозная: придайте к тому голос, произношение необыкновенно мягкое и благозвучное – и вы составите себе приблизительное понятие о внешности ее".

Княгиня жила в своем богатом доме на Большой Миллионной⁵⁹, убранном, как музей, редкими художественными произведениями. Избранное петербургское общество собиралось к княгине ночью и вело свои беседы вплоть до рассвета.

В Петербурге княгиню называли "ночной",

Princesse Nocturne; по рассказам, она боялась ночи, так как ей когда-то известная девица Ленорман предсказала, что она умрет ночью... Салон этой русской г-жи Рекамье посещали все знаменитости того времени, как приезжие, так и отечественные. Беседы у княгини отличались большой свободой и непринужденностью. Это тогда хоть не подходило к уставу светского благочиния, но репутация княгини осталась безупречною. Княгиня жила врозь с мужем, но в границах чистейшей нравственности. В числе многих известных поклонников княгини были наш поэт Пушкин, Карамзин, М. Ф. Орлов и князь И. М. Долгоруков; последний долго искал руки княгини, но упрямый муж не давал развода. После 1812 года княгиня сделалась ярой патриоткой и явилась в Москву на бал в благородное собрание в кокошнике и сарафане. Отстаивая все русское, позднее княгиня объявила войну входящему в сельское хозяйство картофелю; в этом немецком овоще она видела посягательство на русскую национальность и упорно вела войну с министром государственных имуществ графом Киселевым. В последние годы своей жизни княгиня занялась высшею математикой и метафизикой и стала писать брошюры на французском языке; жила она тогда,

по большей части, в Париже; при ней всегда находилась в качестве секретаря дочь С. Н. Глинки. Под старость княгиня отличалась большою набожностью.

Как мы уже выше говорили, торжественное освящение главного собора лавры во имя Св. Троицы состоялось 30 августа 1790 года. В этот же день праздновался мир с Швецией. На освящение в 10 часов утра в лавру прибыла императрица с августейшим семейством. Высокие посетители отправились в Благовещенскую церковь, из которой надлежало перенести мощи св. Александра Невского. Мощи несли кавалеры ордена св. Александра Невского, балдахин – кавалеры ордена св. Владимира. За св. мощами шла императрица, а по сторонам ее кавалергарды под начальством Зубова. Во время шествия производились колокольный звон и пальба из пушек; последняя – из лаврской верфи, основанной еще при Петре Великом. Освящение собора совершал митрополит Гавриил в сослужении с архиепископами Евгением Булгаром и Иннокентием. Накануне освящения императрица пожаловала Гавриилу розовую панагию с изумрудами и приказала ваятелю М. Козловскому сделать из белого мрамора барельефный поясной бюст митрополита,

который и был поставлен в нише против мощей 9 августа 1790 года; за работу бюста было заплачено 10000 рублей. Еще в 1752 году императрица Елисавета украсила мощи св. благоверного князя богатою ракою⁶⁰ из серебра, в первый раз добытого на Колыванских заводах. Всего серебра здесь употреблено было девяносто пудов. В барельефах серебряной раки виднеется стихотворная надпись сочинения Ломоносова. Всех драгоценностей, хранящихся в соборе, мы не выписываем, так как перечисление богатств лавры займет не один том. Из художественных произведений здесь: "Спаситель" – работы Ван-Дика, "Богоматерь" – кисти Гверчино, "Воскресение Лазаря" – работы Бассано, "Воскресение Христово" – Рубенса; его же работе приписывают и "Снятие со креста". Из работ русских художников там имеются образа Угрюмова, Мошкова, Дрождина, Вельского, Пустынина, Уткина и других.

В соборе находятся четыре напрестольные Евангелия, напечатанные в Москве в 1644, 1663, 1681 и 1698 году; напрестольный золотой крест с драгоценными камнями весом 1 фунт 82 золотника, – крест сделан в 1660 году для церкви Богородицы в Кирилловом монастыре; золотые священные сосуды, пожертвованные Екатериною

в 1791 году, один золотой дискос и потир⁶¹ со множеством финифтяных изображений, весом в 9 фунтов; затем писанный на лаписе образ "Моление о чаше", присланный в дар от Папы Пия IV Екатерине II; золотая риза этого образа украшена бриллиантами, и особенно замечателен на ней превосходный изумрудный камэ⁶² с изображением св. Магдалины.

Из предметов не священных, хранящихся в ризнице и библиотеке, достойны внимания трость императора Петра I, трость янтарная Екатерины II, маршальский жезл Петра I, кровать Петра Великого, на которой царь почивал, когда говел в лавре, на страстной неделе, собрание старинных монет, серебряный крест, найденный на Куликовом поле, и многие другие вещи.

В Александро-Невском монастыре в Петровское время жил обер-инквизитор⁶³. Это характерное учреждение царь хотел развить по всей России, по примеру существовавших уже в Сенате фискалов⁶⁴, над которыми был Нестеров обер-фискалом, и при Св. Синоде обер-ин-квизитором был поставлен иеромонах Макарий Хворостинин, до этого бывший иеромонахом на острове Котлине. В 1721 году 27 августа, по выбору последнего, к нему просто инквизитором был назначен иеродиакон

Невского монастыря Венедикт Коптев.

В инквизиторы Св. Синодом предписывалось избирать в братстве "добрых монахов и достойных тому инквизиторскому званию, кроме начальствующих"; обер-инквизитор с помощниками имел обязанность наблюдать в своем ведомстве за исполнением указов Св. Синода и его царского величества и, проведав о каких-либо делах и беспорядках, доносить начальству. У Хворостинина при делах состояли двое молодых неопытных приказных, которые и писать не умели. По-видимому, иеромонах Макарий был вполне "достоин своего звания", потому что с большим жаром хлопотал устроить при себе особую контору с опытными подьячими, хорошенько обеспечить трапезой существование инквизиторского учреждения и собирался лично ехать по всей России для выбора инквизиторов, "понеже в Петербурге из монахов выбрать было некого". Только Св. Синод несочувственно относился к порывам обер-инквизитора, которого не только служба, но и самое название вызывали в каждом отвращение. В других епархиях, например Московской, Псковской, инквизиторы поднимали "страшные дела" из-за пустяков и личных интересов; эти дела ведались в Преображенской канцелярии с

розысками и стоили жизни тем, на кого делались доносы. Но в архиве с.-петербургской консистории не нашлось ни одного дела, начатого обер-инквизитором или его помощником.

Всех архимандритов со дня основания Невской лавры было числом сорок. При лавре в 1720 году была учреждена типография, в которой в первое время было издано книг около двадцати, из них известен "Букварь, или Первое учение отрокам с катехизисом", "Духовный регламент", "Пращица духовная", "Славянская грамматика" сочинения иеродиакона Феодора Максимова, "Феатрон, или Позор исторический" и другие.

При Елисавете и Екатерине в палатах Невского монастыря был и "подхожий стан" китайских, турецких и персидских послов, для приготовления их к торжественному шествию во дворец. При Петре в монастыре было введено стройное нотное пение. Указом императора велено списать у певчих государя копии "со всех знаменного напеву переводов, для знания в Невском монастыре клирошаном".

В 1809 году в лавре стал славиться хор митрополичьих певчих, который тогда ничем не уступал придворным певчим. Этот хор был доведен до совершенства регентом и протоиереем П. П. Турчаниновым; последнему наша церковь

обязана превосходными переложениями древних греческих и знаменных напевов в правильный, стройный, гармонический склад.

При Екатерине II в лавре повелено было одному иеромонаху, чтецу и певцу, отправлять службу на греческом языке.

Крестный ход, совершаемый в лавру, установлен Св. Синодом в 1748 году, по желанию императрицы Елисаветы Петровны.

ГЛАВА III

Домик Петра Великого. – Шкипер первого иностранного судна. – Дома Меншикова, Головкина, Брюса, Шафирова. – Дворец Екатерины в Летнем саду. – Летний сад. – Посадка деревьев в нем. – Гроты. – Буря 1777 года. – Площадки: Архиерейская, Шкиперская и т.п. – Решетка Летнего сада. – Галерея с залами. – Арест Бирона. – Видение императрицы Анны Иоанновны. – Описание дворца и его редкости. – Почтовый двор. – Готторпский глобус. – Зверовой двор. – Привод слона. – Слоновой мастер. – Продовольствие слонов. – Буйство слонов. – Красный канал. – Аристократическое место "Le pas de Calais". – Дома Мошкова и Густава Бирона.

В числе самых старинных дворцов в Петербурге, созданных руками Петра I, известны: домик царя на Петербургской стороне, дворец его в Летнем саду (или, вернее, Екатерины) и затем Екатерингофский дворец. Первый из этих дворцов построен сардамскими плотниками по образцу домов рабочих в Сардаме. Здание домика, длиною около девяти сажен и шириною в три, сделано из обтесанных с обеих сторон бревен, крыто дощечками в виде черепицы и состоит из двух небольших комнат, разделенных узкими сенями и кузней; домик вначале был выкрашен под кирпич в голландском вкусе, на

крыше посередине была укреплена мортира, а по обоим углам две пылающие бомбы. Как первая, так и вторая деревянные. Внутренние стены комнат были обиты выбеленною холстиною; косяки, двери, ставни и все семнадцать окон были расписаны букетами разных цветов; рамы в окнах сделаны из свинцовых желобков. В комнате, при входе с правой стороны, Петр обыкновенно занимался делами и принимал своих сановников, а другая служила столовою и спальнею. В одной из этих комнат теперь устроена часовня, где поставлен образ Спасителя и висит молитва "Отче наш", написанная рукою дочери Петра, Елисаветы; часовня открыта императором Николаем. В другой комнате из предметов петровских времен можно видеть два шкафа, два комода, деревянный стул с кожаной подушкой, собственной работы Петра Великого; скамейка, в футляре, сделанная также самим императором, на которой он летом, в ясную погоду, часто сиживал у дверей своего домика и любовался кейзер-флагом⁶⁵, развевавшимся на государевом бастионе; рама оконная со свинцовым переплетом – также его работы; все вещи из дубового дерева. Затем, там же хранятся: деревянная рюмка, точенная самим царем, изорванный парус и ялик с веслами и шестом, работы государя. К

сожалению, многие эти вещи подкрашены и подновлены в пятидесятых годах. На стене около двери висит план Петербурга начала XVIII столетия, очень плохой; он помещен в позднейшее время.

К этому домику, по преданию, Петр в качестве кормчего привел первое торговое фрисландское судно с товарами, угостил обедом шкипера, который никак не мог себе представить, что был во дворце у императора, и обошелся с Петром по-товарищески. Государь, заметив его ошибку, представил ему жену. Шкипер подарил ей сыр, сказав, что подобного она никогда не ела, и, довольный ее ответом, вынув из-под полы кусок полотна, просил принять на рубашки. "Ну, Катя, – сказал Петр, – ты теперь будешь нарядна и горда, как императрица! Какая ты счастливая! Тебе бы век не видать таких рубашек!" Шкипер просил поцеловать его за подарок. В эту минуту, как рассказывает Штелин, вошел к царю Меншиков в орденах и, не зная ничего, стал докладывать почтительно о делах. Шкипер смутился. Но царь приказал выйти Меншикову и убедил голландца, что в Петербурге господа со звездами и лентами нередко являются с любезностями ко всякому, кто имеет деньги, чтобы занять у него, и советовал беречься их.

Голландский купец поверил царю и стал продавать ему свои товары, и только под конец, когда к царю явился капитан с рапортом о смене, купец понял шутку царя, упал к его ногам и просил извинения. Петр милостиво поднял его, купил все его товары и вдобавок пожаловал ему многие привилегии на будущее время.

Сажень в двадцати от дворца, где теперь дома церковнослужителей Петропавловского собора, стоял дом князя Меншикова, своею архитектурю очень походивший на кирку.

В этом доме в 1716 году жил герцог Курляндский, муж Анны Иоанновны, впоследствии императрицы. Напротив домика Петра (где теперь пеньковый буян) стоял в 1712 году деревянный дом петербургского обер-коменданта Романа Вилимовича Брюса⁶⁶. Десять лет спустя здесь помещался Синод. Против дома Брюса шли казенные постоянные дворы для всех приезжающих в Петербург; в то время указом было воспрещено принимать на квартиры в частные дома. Перед постоянными дворами находились первые в городе мясные и рыбные лавки и садки.

На мысе, к Большой Невке, стоял дом канцлера графа Головкина, построенный в 1710 году из камня, добытого в развалинах укреплений

Ниеншанца; внизу дома к реке был мост; соседом Головкина был заклятый враг его, вице-канцлер барон Шафиров; дом последнего впоследствии, когда он впал в немилость, был от него отобран в казну. В этом доме в 1726 году происходило первое публичное заседание Академии наук; по словам Бергхольца, зала в этом доме была самая обширная и лучшая во всем Петербурге.

Возле дома Шафирова стоял дом Н. П. Строева, – в этом доме после помещалась гимназия; соседом Строева был Кон. Ник. Зотов, сын известного шута князя-папы. Невдалеке от него же в Большой Дворянской находился дом и другого шута, тоже князя-папы, Бутурлина. На доме последнего был выстроен большой купол, украшенный изображением Бахуса. Этого Бутурлина по смерти Зотова насильно женили на вдове последнего. По словам Бергхольца, новобрачные провели первую ночь в пирамиде на Троицкой площади. Пирамида была освещена только внутри и сделана была вся в скважинах, в которые было видно все, происходившее там внутри.

Кроме князя-папы, при Петре была еще "князь-игуменья санктпетербургская", разбитная и угодливая пьяная старуха Ржевская. Шутиху эту Петр приставил к жене своего наследника для

надзора и тайных доносов о ее поведении.

Екатерина II велела покрыть домик Петра каменным футляром для сбережения на будущие времена. Домик Петра во время наводнения, бывшего 7 ноября 1824 года, потерпел незначительные повреждения, которые тогда же были исправлены.

Существующий посейчас дворец в Летнем саду, как гласит предание, был построен Петром для возбуждения в первоначальных обывателях Петербурга охоты строиться на Адмиралтейской стороне, потому что до того времени (1711 г.) все строились в заречных частях города⁶⁷.

Дворец этот строился четыре года и назначался для императрицы Екатерины I; стены, как и фундамент дворца, выводил Микети. Вот указ Петра I о постройке этого дворца: "На Летнем дворце в палатах штукатурного работою делать вновь между окнами верхними и нижними, как баудиректор⁶⁸ даст; фреджи делать так, как начата лестница, которую в сенях сделать столярную работу дубом, как шар; круглую лестницу, что на переход, сделать голландским манером, с перилами из дуба же; в поварне выкласть плитками стены и наверху сделать другую поварню и также плитками выкласть; железо, которое в поставках, медью окрыть; в

огороде сделать грот с погребками и ватеркунтом, о чем пропорцию взять у баудиректора, о котором ему же приказали; оранжереи отделать по тексту, каков даст он же, баудиректор". Над верхними строками этого указа Петр написал: "Чтоб сделать нынешним летом".

Домик Петра Великова. С гравюры Аткинсона начала XIX столетия

Петр особенно заботился о лесах и садах Петербурга и, желая возбудить примером охоту к лесоводству, сам сажал дубовые леса. Так, он выбрал на петербургской дороге место для питомника дубовых деревьев, огородил его частоколом и собственноручно прибил указ,

чтобы никто не смел портить деревья. Против порубки дерев он издал строгие законы; главный лесничий Кафтырев, чтоб удержать порубку, вынужден был, в виде угрозы, поставить чрез каждые пять верст виселицы. При Петре и позднее, в царствование Екатерины II, почти при каждом доме были сады; лет пятьдесят тому назад в центре Петербурга числилось 1688 садов. Особенно богата была садами местность вблизи Владимирской церкви и по Загородному проспекту. Здесь на нашей памяти напротив мещанской управы существовал роскошный сад с затейливыми беседками, мостиками и вековыми деревьями, в числе которых рос большой вековой клен, перевитый посередине в кольцо; по преданию, это сделал Петр. Дом этот когда-то был дворцом, затем принадлежал купцу Нечаеву. Он сломан в восьмидесятом году нынешнего столетия; в этом доме в пятидесятых годах жил М. И. Глинка.

В прошедшем столетии в Петербурге существовало три летних дворца, которые могут быть названы дворцами Петра I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны. Все они находились в разных концах Летнего сада; первый из них, который мы и теперь видим на берегу Фонтанки, основан Петром в 1711 году

одновременно с Летним садом.

Петр I особенно любил свой новый Летний сад, в котором сам трудился над разбитием плана, посадкою деревьев и т. д. Он всюду искал мастеров и, в Ревеле встретив ганноверского уроженца садовника Гаспара Фохта (1718 г.), разговорился с ним об его искусстве. Фохт очень понравился ему и был приглашен приехать в Петербург. Не смея отказать государю, Фохт, однако, отнекивался, ссылаясь, что скучает о жене и детях, оставленных им в отечестве. Петр требовал настоятельно и назначил срок, к которому он должен был явиться в Петербург. Фохт к назначенному времени приехал в Петербург. Но каково же было удивление Фохта, когда, явясь к царю во дворец, он встретил там жену и детей! Летний и Аптекарский сад разведены Фохтом.

Летний сад занимал пространство всего нынешнего сада и части Марсова поля; длинные его аллеи были усажены липами, частью еще живыми, но, к сожалению, погибающими, частью дубами и частью плодовыми деревьями. Из Москвы Петру привозили ильмовые деревья, из Киева – грабины; голландский резидент Брандт посылал царю цветы "красивые", но Петр требовал "душистых", удивлялся, как пионы

(шесть кустов) присланы были в целости, жалел, что не присылают калуферу, мяты. Из Нарвы было приказано выкопать с землею и прислать майорану, белых лилий, лип толщиной в объеме до 15 дюймов.

В последние годы Петр особенно заботился о своем любимом "параднее", выписывал из Соликамска кедры, из Данцига барбарисовые семена и розаны, из Швеции яблони и т. д. Дорожки Летнего сада были обсажены сибирским гороховником, таволгой и зеленицею. Как уже мы упоминали, в Летнем саду было несколько фонтанов, в бассейне одного из них сидел тюлень. Фонтаны были устроены в 1718 году, к которому относится прорытие Лиговского канала, проведенного единственно для снабжения водой фонтанов и каскадов Летнего сада. Фонтаны действовали до половины царствования Екатерины II, приказавшей уничтожить их по совету Бецкого и Остермана, которым государыня подарила водопроводные трубы и свинцовые статуи. Эти свинцовые фигуры из эзоповых басен, с письменными объяснениями за стеклами в рамках, были поставлены на небольшой площадке перед гротом. Причиной уничтожения фонтанов, как и многих вековых деревьев в Летнем саду, была страшная буря 10 сентября

1777 года. Сохраняющиеся доныне с железными скобами дерева и на боку с подставленными костылями остались от того времени.

В саду был устроен искусственный грот с лестницею наверх, украшенный морскими раковинами; он существовал еще в начале нынешнего столетия; точно такой же грот сохранился на Литейной, в саду графа Шереметева, в котором торгует букинист. На месте грота в двадцатых годах был построен каменный кофейный дом, где лет тридцать содержал кондитерскую итальянец Пияцци, содержавший еще и другую кондитерскую в так называемом Палероале (теперь дом, принадлежащий театральной дирекции, у Александрийского театра) и ресторацию "Феникс" в Толмазовом переулке.

Перед гротом, как мы уже сказали, помещались площадки со свинцовыми фигурами. Здесь стояли скамейки и столы с играми и питьями. Площадки эти назывались: Архиерейская, Шкиперская, Дамская. На месте, где теперь стоит решетка Летнего сада (начата она в 1778 г. и окончена в 1784-м), при Екатерине I, по случаю бракосочетания великой княжны Анны Петровны с герцогом Голштинским, была построена для торжеств

большая деревянная галерея и зала с четырьмя комнатами по сторонам; зала имела одиннадцать окон по фасаду вдоль набережной Невы.

В 1731 году императрица Анна велела сломать эту залу и на ее месте выстроить новый дворец. Последний, по вступлении на престол Елисаветы, был сломан. Дворец был одноэтажный, но очень обширный, и отличался чрезвычайно богатым убранством, которое можно было видеть сквозь зеркальные стекла окон, бывшие тогда редкостью. Здесь жил император Петр II; здесь же умерла Анна Иоанновна и выставлено было ее тело до погребения; отсюда же перевезли в Зимний дворец младенца императора Иоанна Антоновича; тут же было прочтение завещания императрицы, провозглашение регентства Бирона и присяга малолетнему императору, и затем из этого же дворца, в ночь на 8 ноября 1740-го, был арестован Бирон Минихом. Когда Бирон был арестован и отвезен в Шлиссельбург, то с этого дворца был сорван с фронтона огромный медный герб Бирона (этот герб в 1847 г. сохранялся в сенатском архиве; цел ли он еще теперь, не знаем). По преданию, здесь же было известное, неразгаданное явление перед смертью Анны Иоанновны.

Внутренность домика Петра Великого в
Петербурге. Конец XIX века

Вот как рассказывают этот случай современники⁶⁹: "За несколько дней до смерти Анны Иоанновны караул стоял в комнате, возле тронной залы, часовой был у открытых дверей. Императрица уже удалилась во внутренние покои; было уже за полночь, и офицер уселся, чтобы вздремнуть. Вдруг часовой зовет на караул, солдаты выстроились, офицер вынул шпагу, чтобы отдать честь. Все видят – императрица ходит по тронной зале взад и вперед, склоня задумчиво голову, не обращая ни на кого внимания. Весь взвод стоит в ожидании, но наконец странность ночной прогулки по тронной зале начинает всех смущать. Офицер, видя, что государыня не желает идти из залы, решается наконец пройти другим ходом и спросить, не

знает ли кто намерений императрицы. Тут он встречает Бирона и рапортует ему. "Не может быть, – говорит Бирон, – я сейчас от государыни, она ушла в спальню ложиться". – "Взгляните сами, она в тронной зале". Бирон идет и тоже видит ее. "Это что-нибудь не так, здесь или заговор, или обман, чтобы действовать на солдат", – говорит он, бежит к императрице и уговаривает ее выйти, чтобы в глазах караула изобличить самозванку, пользующуюся некоторым сходством с ней, чтобы морочить людей. Императрица решается выйти, как была, в пудермантеле⁷⁰. Бирон идет с нею. Они видят женщину, поразительно похожую на императрицу, которая нимало не смущается. "Дерзкая!" – говорит Бирон, и вызвал весь караул; солдаты и все присутствующие видят "две Анны Иоанновны", из которых настоящую и призрак можно было отличить от другой только по наряду и по тому, что она пришла с Бироном. Императрица, постояв минуту в удивлении, подходит к ней, говоря: "Кто ты? Зачем ты пришла?" Не отвечая ни слова, привидение пятится, не сводя глаз с императрицы, к трону, всходит на него и на ступенях, обращая глаза еще раз на императрицу, исчезает. Императрица обращается к Бирону и произносит: "Это моя

смерть", – и уходит к себе.

В настоящее время, как и в старину, дворец в Летнем саду имеет стены белые; наличники у окон и дверей обиты деревянными планками, а над окнами сделаны барельефы; карниз, архитрав и фриз под орнаментом выкрашены желтой краской. Крыша белого железа, на ней кровельные листы положены накрест. По углам крыши сделаны были четыре дракона, выкрашенные белой краской, на вершине крыши флюгер с медным вызолоченным конем. В нижнем и верхнем этажах по одиннадцати комнат. Стены в большей части комнат покрыты в виде шпалер выбеленною холстиною и обнесены филленчатыми панелями с разными фигурами. Плафоны живописные, с аллегорическими изображениями, в лепных рамках; двери везде из ореха и дуба с резною работою на некоторых, как, например, в спальне изображено распятие работы самого императора.

Стены в кухне и очаге выложены глазурными синими изразцами.

Из редкостей в этом дворце сохранились часы голландские с тремя циферблатами, показывавшие время, ветры и атмосферу; часы были куплены в Голландии самим императором. Они в футляре из орехового дерева; первый

циферблат с тремя стрелками, медным маятником и гирей; второй, показывающий ветры, имеет бронзовую стрелку, в которой утвержден в стене медный станок с колесами, а от него к верху крыши железный шпиль, поддерживающий флюгер; третий циферблат указывал состояние воздуха посредством одной стальной стрелки, в которой в стене приделан железный станок, а к нему барометр. Над циферблатами три круглые, орехового дерева, рамки с восьмью стеклами каждая.

Внутренность часовни в домике Петра Великого в Петербурге. Конец XIX века

Император Павел приказал эти часы перенести в Михайловский дворец, но в 1820 году они опять поставлены в Летнем дворце на прежнем месте.

Во дворце хранится портрет Петра Великого, писанный в рост в латах с датским орденом. В 1833 году он, по приказанию Николая Павловича, был передан из коллекции Мраморного дворца в домик Петра, но, за неимением там удобного места, поставлен в Летнем дворце.

Из других достопримечательностей в этом дворце имеется шкаф орехового дерева, работу которого приписывают Петру; в одном из ящиков этого шкафа, по преданию, царь прятал свои ботфорты, а в другом белье; затем две рамы с жестяными переплетами, – из них одна вделана в стене коридора, а другая хранится в особой верхней комнате, также работы императора; здесь же хранится часть мебели, бывшей в кабинете Петра Великого, тоже его работы, из простого дерева, окрашенного желтою краскою: три стула и одно кресло. Сюда же доставлена в 1835 году из Зимнего дворца стальная мебель, поднесенная Екатерине II тульскими оружейниками.

Несомненно, что Летний сад получил свое название от этого Летнего дома. В описываемое время, как уже мы упомянули, Летний сад занимал большее пространство: теперешний

Царицын луг тоже входил в него. Этот луг был весь усажен красивыми низкими кустарниками, между которыми извивались широкие дороги для экипажной езды; в саду били фонтаны, шумели каскады, фруктовая школа сменялась тенистыми крытыми аллеями, цветниками, прудами.

От Летнего дворца большая деревянная пристань вела на Неву и на Фонтанку. Вдоль берега Невы, который был тогда в саду, как нынче берег Фонтанки, можно было пройти к почтовому двору (где теперь Мраморный дворец). У последнего тоже была большая пристань, перед которой играла по праздникам музыка.

В мазанковом почтовом дворе сначала была открыта виноторговля, где, по обычаю голландских городов, в полдень играло двенадцать музыкантов на рожках и трубах. Впоследствии сюда был выписан из Данцига почтмейстер, которому было приказано за деньги кормить и давать помещение приезжающим в Петербург. Бергхольц рассказывает, что в его время на этом почтовом дворе стоять было неудобно, потому что все должны были выбираться оттуда, когда царь давал там празднества; это случалось нередко зимой и в дурную погоду.

Против почтового двора было устроено

особенное помещение для приведенного в первый раз в Россию, в подарок от персидского шаха, слона; место, где он стоял, называлось "Зверовой двор". Вебер говорит, что его привели в Петербург в апреле 1714 года и прежде всего заставили поклониться до земли перед дворцом. Персиянин, приведший слона, рассказывал, что когда он с ним прибыл в Астрахань, то слон возбудил такое любопытство, что сотни людей провожали его более сорока верст. По смерти слона в этом здании помещался известный готорпский глобус, подаренный Петру голштинским герцогом. В Петербург привезли его с большими затруднениями, так как по огромности его надобно было расчищать новые дороги и вырубать леса, причем многие из рабочих лишились жизни. Глобус имел 7 $\frac{1}{2}$ сажени в поперечнике, внутри его стоял стол и скамья, на которой могли свободно помещаться двенадцать человек; глобус приводился в движение механизмом, приделанным к столу.

В 1736 году был выстроен новый "Слоновый двор" для присланного из Персии слона; построен он был на Фонтанке, близ Летнего дворца Елисаветы Петровны (нынешний Михайловский замок); до половины 1741 года в нем был только один амбар, но после, в сентябре, были

выстроены еще два (амбары эти стояли, где теперь Михайловский манеж). Об этом слоне имеются сведения, что во время следования его в Петербург, зимою 1736 года, он остановился на некоторое время в Москве, и тогда, по распоряжению кабинета, к нему были посланы два зверовщика: персиянин Ага-Садык и араб Мершариф, состоявшие при прежнем слоне: "дабы оный слон мог к ним признаться так, как и к другим персидским слоновщикам".

Кроме означенных лиц, при слоновом дворе находился еще "персидский слоновой мастер", или "слоновой учитель" Асатий; на попечение последнего было возложено также лечение и гигиенические прогулки; прогулки эти не всегда обходились благополучно. На Прешпективную улицу, по которой водили слона, всегда собиралось много народа смотреть редкого зверя, преимущественно лейб-гвардейских солдат. Зрители вели себя весьма непристойно, смеялись над жожаками, бранили их и даже бросали в них и в слона палками и камнями. Вследствие этого Ага-Садык жаловался своему начальству, что во время провожания слона бросали как в него, так и в слона камнем и палками и многократно избили, за тою опасностью он уже тому более месяца принужден слона не выводить. Вследствие

жалобы был приказ "о объявлении обывателям с подпискою о неучинении помешательства слоновщику в провожании слона". На корм слона употреблялось в год сухого тростника 1500 пудов, пшена сорочинского 136 пуд. 35 фун., муки пшеничной 365 пудов, сахару 27 пуд. 36 фун. 4 зол.; корицы, кардамону, гвоздики, мушкатных орехов по 7 фун. 58 зол., шафрану 1 фун. 68 зол., соли 45 пуд., виноградного вина 40 ведер, водки 60 ведер и т.д.; водка употреблялась для слона лучшего качества; так, раз слоновщик доносил: "К удовольствию слона водка неудобна, понеже явилась с пригарью и некрепка". В конце сентября 1741 года прибыло в Петербург от персидского шаха Надира многочисленное посольство с богатыми дарами для двора; в числе подарков приведено 14 слонов, которые 9 октября были помещены во вновь выстроенных амбарах.

К прибытию слонов в Петербург, с конца августа, начались приготовления к принятию их. Так, 25 августа столярного дела мастер фон Болес доносил, что Аничковский мост (через Фонтанную речку) находится "в немалой ветхости"; настилка на нем во многих местах сгнила и "насквозь пробивается", и что надобно заблаговременно починить.

Вид реки Фонтанки близ устья и части
Летнего сада с "Гротом". С гравюры Ходжеса
средины XVIII столетия

Кроме этого моста, перемощены и укреплены были следующие: чрез канал, по Немецкой улице, близ Зимнего дворца, подъемный, близ двора ее высочества Елисаветы Петровны; через речку Мойку, против Мошкова переулка, в Греческую улицу; близ Слонового двора, проложенный от ворот до Прешпективной дороги через грязь (перемощен на 10 сажень). Против Слонового двора к речке Фонтанке для прогулки слонам сделана была площадь, которую приказано именовать Слоновою, и "для лучшей способности всем слонам ради купанья сделать в реку скатом удобный мост". Ранее этого еще комиссия

приказывала архитекторам Земцову и Шумахеру "обыскать" новые, удобные для означенной цели места. Последние доносили, что хотя место для слоновых амбаров ими и "обыскано" сверх Лиговского канала, при бассейне, которое песчано и высоко, сухо и обросло сосновым лесом; но после тщательного обсуждения дела и по совету персидского слонового мастера Асатия, они пришли к убеждению, что на существующем Слоновом дворе, на Фонтанке, для купания слонов вода лучше и здоровее, чем в Лиговском канале, которая "известковата и твердость в себе имеет".

Позднее, в 1744 году, Слоновый двор был все-таки переведен сюда, на угол Невского и Лиговского канала; урочище это тогда называлось Пеньки. В царствование Екатерины II место это носило название уже "Старого егерского двора"; оно было огорожено частоколом, на нем рос лес и стояли развалившиеся деревянные постройки, носившие при Анне Иоанновне название Волынского двора. Другой загородный Волынский двор был за Фонтанкой, у Обуховского моста; в деревянных покоях этого двора в то время жил командующий охотою полковник фон Трескоу, поступивший на место казенного обер-егермейстера Волынского.

О прибытии слонов в Петербург находим описание в "С.-Петерб. ведомостях" 1741 года, в № 80. Вскоре после прибытия слоны начали буйствовать, "осердясь между собою о самках", и некоторые из них сорвались и ушли. 16 октября Ага-Садык донес, что утром три слона сорвались и ушли, из которых двоих вскоре поймали, а третий "пошел через сад и изломал деревянную изгородь и прошел на Васильевский остров и там изломал чухонскую деревню, и только здесь был пойман".

Другим упущением представляется также отсутствие правильного надзора за служителями при слоновых амбарах, в особенности же за истопниками, от небрежности которых в одно время едва не произошел пожар.

Где теперь стоят Павловские казармы, в 1721 году стоял каменный дом, в котором жил герцог Голштинский, женившийся впоследствии на старшей дочери императора Петра, Анне; здесь после жила Елисавета, и с ней Разумовский; рядом с этим домом жил известный составитель воинского устава генерал Вейде; невдалеке отсюда, на углу, стояла казенная аптека, от нее шел на Мойку переулок, удержавший и посейчас название Аптекарского.

Вид Адмиралтейства и Дворцовой площади
во время шествия слонов, присланных
персидским шахом. С акварели Воробьева

Среди этого переулка стоит уже лет семьдесят массивная гранитная глыба, некогда назначавшаяся для изваяния апостола Петра, по рисунку Мартоса, на площадь к Казанскому собору.

Из старинных домов, уцелевших по настоящее время в этой улице, существует дом Апраксина (теперь графа Игнатьева); этот дом в начале царствования Елисаветы принадлежал графу Лестоку, но когда последний был сослан в Сибирь, дом достался осудившему его фельдмаршалу Ст. Ф. Апраксину.

На плане Елисаветинского Петербурга видно, что в то время существовал уничтоженный теперь Красный канал, шедший от того канала, который проведен вдоль сада Михайловского дворца и соединяет Мойку с Фонтанкою; Красный канал протекал мимо линии, где теперь Павловские казармы, дом Игнатьева и Горяйнова (бывший Офросимова), вплоть до Невы, параллельно с каналом Лебяжьим и Фонтанкою. От него загибался, теперь тоже уничтоженный, бассейн, или рукав, на месте, которое находится между фасом дома Громова, выходящим к линии Миллионной, и фасом Павловских казарм, выходящим к противоположной стороне той же улицы.

Бассейн отделял дом бывший графа Скавронского (теперь Громова) от дома Апраксина, стоящего невдалеке фасадом на Царицын луг. Этот бассейн при Елисавете носил прозвание *Le pas de Calais* и был самым аристократическим местом в Петербурге. Здесь, в палатах графа Скавронского, квартировало английское посольство, в нижнем этаже палат жил король Станислав Понятовский, в качестве секретаря английского посольства, когда пользовался особенною благосклонностью великой княгини Екатерины Алексеевны; в доме

же Апраксина помещалось французское посольство.

Из лучших домов вблизи Красного канала были известны дом Петра Мошкова, бывшего домашнего расходчика при дворе Екатерины I, по имени которого до сих пор еще известен Мошков переулок; затем дома корабельных мастеров Гаврилы Меньшикова и Пальчикова. Филипп Пальчиков известен как строитель церкви Вознесения Господня. Из домов каменных, стоявших близ этого места, остался посейчас один на Миллионной улице, с четырьмя колоннами из черного с белыми полосками мрамора, привезенного из северной части Карелии, взятого на церковной земле Рускеале; дом этот был построен по плану академика Крафта (известного строителя Ледяного дома) для брата временщика, Густава Бирона. Дом по постройке считался самым красивейшим в Петербурге; на него приезжали любоваться издалека.

Из этого дома в ночь на 9 ноября 1740 года Густав Бирон был взят Манштейном и отвезен в Шлиссельбург. Измайловский караул, находившийся при доме в ночь его арестования, долго не хотел выдавать Манштейну своего любимого командира.

Густав Бирон душевными качествами не

походил ни на одного из своих братьев; он казался только грубым, но был добр, снисходителен, щедр, принадлежал к числу храбрейших генералов и добросовестнейших начальников своего времени.

Дом Бирона по настоящее время удержал свою прежнюю форму с колоннами; лет десять тому назад он принадлежал Потемкину, теперь – г. Игнатьеву.

ГЛАВА IV

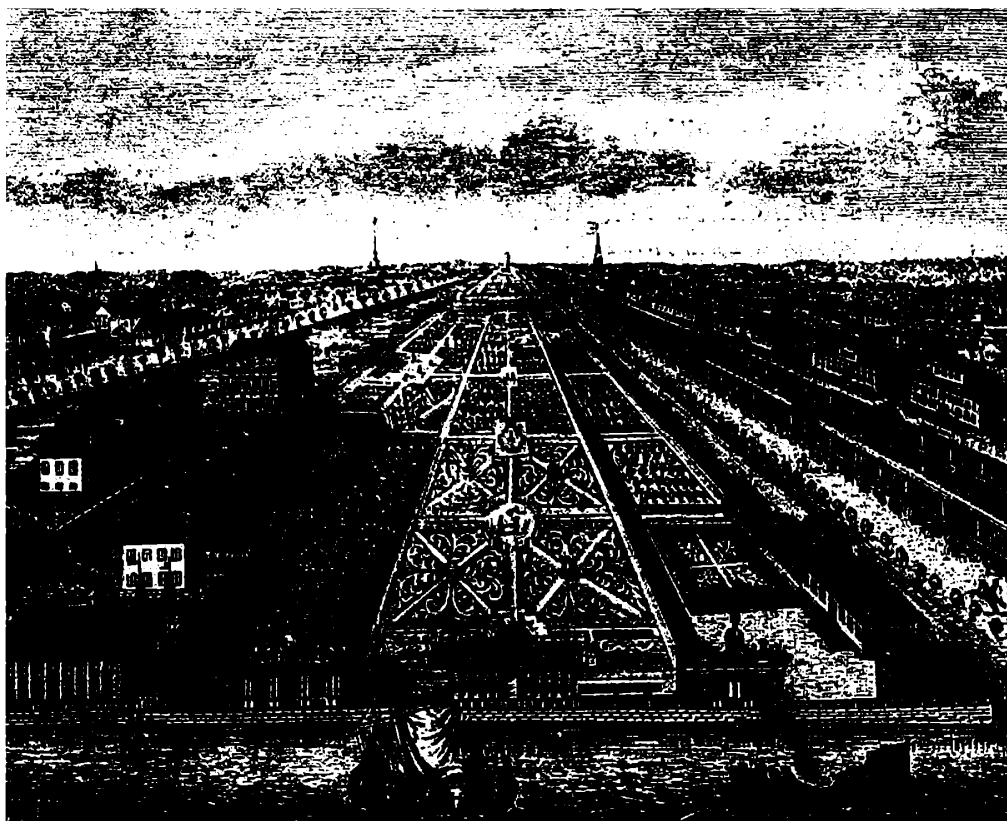
Продолжение описания Летнего сада. – Празднества в нем. – Обношение водкой. – Печальные последствия одного народного гулянья. – Роговая музыка. – Обитатели Летнего дворца. – Императрицын сад. – Дворец на Фонтанке и другой запасный. – Дворцы на Царицыном лугу и у Полицейского моста. – Домашняя жизнь Елисаветы. – Сказочницы старухи. – Боязнь покойников. – Основание Екатерингофа. – Подзорный остров и бывший там дворец. – Смерть фельдмаршала Апраксина в нем. – Прядильный дом. – Екатерингофский дворец и его редкости. – Зверинец. – Кладбища. – Присоединение Екатерингофа к городу. – Новые работы. – Вокзал, ферма, мосты и пр. – Ежегодное гулянье в нем. – Дача театральной дирекции. – Шпалерный мануфактурный двор. – Екатерингоф в настоящее время.

План летнего сада представляет площадь в 27 000 кв. сажен, или 11½ десятин; в саду главных аллей четыре и перекрестных десять; во всем Летнем саду до 15000 деревьев, в числе которых десятая часть, как, например, на главной аллее, у дворца и напротив Царицына луга, сохранились от времен Петра I. Всех статуй и групп в саду считается девяносто две штуки, работы следующих скульпторов: Paulo, Irelli, Bonazzo, Bianchi, Baratta и других, имена которых, впрочем, не включены в число знаменитых

скульпторов; очень небольшое число из них недурны, как, например, изображение Веры и Закона, работы Корнадини, затем Бахус и Меркурий, большая же часть отличается изломанностью и фигурностью поз. Некоторые из них уже наглядно грызет всеразрушающий зуб времени, и мраморная ринопластика уже подделала статуям новые носы. Коллекция этих статуй относится ко времени Екатерины II и составляет трофей Суворова, покорителя Варшавы. При Петре I на нынешней набережной, на спуске к Неве, стояла на высоком пьедестале превосходная мраморная статуя Венеры, купленная императором у Папы за три тысячи скуди. Петр так дорожил ею, что во время гуляний и праздников всегда ставил к ней часового. На площадке, подле пруда, в 1833 году поставлена урна, или ваза плакательница из эльдальского порфира, подарок шведского короля.

На месте галерей, о которых мы уже раньше говорили, в 1778 году начала строиться превосходная железная решетка на гранитном фундаменте. Окончена она была в 1784 году. Решетка утверждена между колонн серого гранита, в две сажени вышины и в три фута в диаметре каждая; они стоят на гранитных же

кубах в шесть футов, и над капителью каждой поставлены вазы двух различных рисунков, которые, как и концы копий, розасы решетки и орнаменты ворот, вызолочены через огонь. Некогда англичане приезжали в Петербург только посмотреть эту решетку.

Летний сад и дворец в Петровское время. С гравюры 1716 года

В Летнем саду в старину ежегодно бывало гулянье в день Святого Духа; в этот день в саду стекалось неимоверное количество публики; сюда являлось купечество для смотрин невест. Тут выказывались красота и богатство, весь год

прятавшиеся дома. Петербургские старожилы еще помнят роскошные русские женские наряды, бриллианты, бурмицкие зерна⁷¹, помнят и свах, шмыгавших за деревьями...

Летний дворец в царствование императора Александра I служил многим нашим сановникам в летнее время жилищем: в нем жили военный министр князь Горчаков в 1815 году, в следующем году – бывший министр юстиции князь Лобанов-Ростовский, в 1822 году – военный генерал-губернатор граф Милорадович и после него министр финансов граф Канкрин.

В прошедшем столетии все общественные развлечения давались на Царицыном лугу и в Летнем саду. В дни таких празднеств на одном из бастионов Петропавловской крепости выставляли флаг и производились пушечные выстрелы, по которым все и должны были спешить на гулянье. (Царицын луг при Петре назывался Потешным полем. В 1818 году его уже начали называть не Царицыным лугом, а Марсовым полем.)

При императоре Петре в Летнем саду обносили посетителей вином, и даже дамы не были изъяты от угощения водкой. Церемониал угощения совершался в следующей форме: в сад являлись гвардейские солдаты с носилками, на которых был поставлен большой ушат с простым

вином. Обходя гостей, они подносили каждому большой ковш за здоровье полковника, т.е. царя. Отказывавшиеся были насильно принуждаемы к питью майорами, которые нарочно для этой цели ходили за ушатом. Сад во время подношения запирался, и никто не смел без позволения царя выйти из него. Такие празднества обыкновенно кончались всегда фейерверком, или "огненной потехой".

Летний сад и позднее был местом различных гуляний. Уильям Кокс, посетивший Петербург в 1778 году, описывает одно своеобразное пиршество, которое давал откупщик⁷², наживший в четыре года огромное состояние (вероятно, он намекал здесь на Лонгинова). Сдавая откуп, он считал нужным в виде благодарности устроить праздник народу, обогатившему его; праздник, по обыкновению, дан был в Летнем саду, о чем заранее по всему городу были разосланы афиши; вот что гласила эта любопытная афиша: "В честь высочайшего дня тезоименитства ее императорского величества представляется от усердия благодарности, от здешнего гражданина, народный пир и увеселение в разных забавах с музыкою на Царицыном лугу и в Летнем саду сего ноября 25-го дня, пополудни во 2-м часу, где представлены будут столы с яствами, угощение

вином, пивом, медом и проч., которое будет происходить для порядка по данным сигналам ракетами:

1-е к чарке вина,

2-е к столам,

3-е к ренским винам, пиву, полпиву и прочего.

Потом угощены будут пуншем, разными народными фруктами и закусками; представлены будут разные забавы для увеселения, горы, качели, места, где на коньках кататься, места для плясок: все ж сие будет происходить по порядку от определенных хозяином для подчивания особливых людей, кои должны довольствоваться всем, напоминая только тишину и благопристойность; "ссоры ж и забиячества" от приставленных военных людей допущены быть не могут; ибо оное торжество происходит от усердия к народу и от благодарности к правительству; следовательно, и желается только то, чтоб были довольны и веселы, чего ради со стороны хозяина просьбою напоминает хранить тихость и благочиние; в заключении же всего представлена будет великолепная иллюминация".

Гости собрались около двух часов, как говорит Кокс; огромный полукруглый стол был завален всякого рода яствами, сложенными самым разнообразным способом: высокие

пирамиды из ломтей хлеба с икрой, вяляной осетриной, карпов и другой рыбы, украшались раками, луковцами, огурцами.

Грот в летнем саду в Петровское время. С
весьма редкой гравюры

В различных местах сада стояли рядами бочки и бочонки с водкой, пивом и квасом. В числе других диковин был огромный картонный кит, начиненный сушеной рыбой и другими съестными припасами и покрытый скатертью, серебряной и золотой парчой. Кроме того, были устроены различные игры и увеселения: ледяные

горы, карусели и т.п.; два шеста, около двадцати футов высоты, виднелись своими флагами, и на верхушке была положена монета, в виде приза. Праздник вышел очень оживленным, в нем было участвующих до 40000 душ обоего пола. Праздник этот, впрочем, ознаменовался довольно печальными последствиями. Многие из валявшихся на земле пьяных замерзли; немало людей погибло в драке; другие, возвращаясь по домам поздно порою, были ограблены и убиты в уединенных кварталах города. Число таких жертв, по наведенным справкам, доходило до 400 человек.

По поводу этого праздника написана императрицею Екатериною II записка к генерал-полицеймейстеру С.-Петербурга Д. В. Волкову. Государыня упоминает в ней о 370 лицах, погибших от пьянства.

Печальную репутацию приобрел в мае 1830 года и пруд в Летнем саду: в нем утонула влюбленная безнадежно молодая девица.

В Екатерининское время в Летний сад привлекала толпы гуляющих роговая музыка придворных егерей; хор придворной роговой музыки отличался великолепною обмундировкою: сперва одежда музыкантов была зеленого цвета, отделанная золотым позументом;

потом зеленые камзолы были заменены красными, а небольшие шапочки с изображением золотого сокола – трехугольными черными шляпами с плюмажами из белых перьев. В торжественных случаях егеря-музыканты являлись в штиблетах и с напудренными волосами. Частные хоры роговой музыки одеты были также на манер придворных егерей.

При исполнении пьес музыкантами требовалось самое напряженное внимание: музыкант не мог спустить глаз с бывших перед ним нот, отсчитывая мысленно паузу, после которой ему следовало брать приходявшуюся на его инструмент ноту. Для каждого музыканта обозначалась в нотах только та, которую он должен брать на своем инструменте. Роговая музыка была так громка, что звуки ее в безветренную погоду были слышны в окружности на 7 верст. В бальных залах роговая музыка ставилась подле обыкновенного оркестра, и притом так, чтобы ее не было видно; она аккомпанировала оркестру, разыгрывавшему полонезы, менуэты, контредансы.

Производимый ею эффект, по свидетельству современников, был поразителен; инструменты были на вид некрасивы, снаружи обтянуты кожей, но внутри были сделаны очень искусно,

покрыты лаком и тщательно отделаны. Звуки, которые они издавали, были очень похожи на гобои, фаготы, кларнеты и охотничьи рожки, только тон их был нежнее, приятнее. По общему впечатлению, производимому этою музыкою, она приближалась к духовому органу.

Роговая музыка. С редкой гравюры того времени Набгольца

Помимо императорского хора роговой музыки, в России таких хоров у богатых бар было около девяти. Лучшим считался Нарышкинский, основанный в 1754 году капельмейстером Марешом, изобретателем этой музыки. Затем славился хор роговой музыки графа Кир. Григ.

Разумовского; впоследствии его купил князь Потемкин. Хор состоял из 36 человек и сопровождал князя во всех его походах и переездах. Когда император австрийский Иосиф II, посетивший Екатерину II в Херсоне, услышал в первый раз исполнение этого хора, то был изумлен от восторга; он потом рассказывал, что в жизни никогда не испытывал такого сильного впечатления... Управлял хором Потемкина капельмейстер Лау. После Нарышкинского и Потемкинского хора славилась еще роговая музыка Вадковского, хором которого дирижировал русский капельмейстер Сила Дементьевич Карелин. Роговая музыка в России просуществовала только до 1812 года.

На месте нынешнего Инженерного замка был построен Петром для Екатерины небольшой летний дом, комнаты которого были роскошно отделаны и убраны превосходною мебелью и лучшими картинами. Вокруг дома был разведен сад, названный "Императрицыным".

В 1740 году на обширном лугу за этим садом, почти вплоть до Итальянской улицы, начали разводить другой сад.

В 1747 году его еще увеличили до нынешнего Михайловского дворца, в глубину всей Михайловской площади, а в ширину до

Екатерининского канала. Он был изрезан множеством крестообразных узких аллей и дорожек и представлял совершенно другой характер, нежели Летний сад императора Петра I. Этот обширный сад был украшен фигурно стриженными деревьями, узорчатыми клумбами, а в Итальянской улице имел огромный цветник, по бокам с прудами, с множеством зеленых переходов и с большим лабиринтом позади. Посередине сада тянулся так называемый "Глухой канал". Все это место впоследствии было неоднократно изменяемо, расширяемо, урезываемо и постепенно вошло в настоящие границы. Сад, по преданию, разбивал пленный швед, по фамилии Шредер. Дворец, построенный для Екатерины, редко был посещаем государыней и мало-помалу пришел в такую ветхость, что при вступлении своем на престол Анна Иоанновна приказала его разобрать и выстроить новый, гораздо обширнее. Постройка дворца хотя и была окончена при жизни императрицы, но переехать в него удалось только Елисавете Петровне в 1742 году. Она приказала убрать его роскошной мебелью, взятою из конфискованного имущества Миниха. Императрица полюбила дворец и часто жила в нем; там родился 20 сентября 1754 года император Павел I и долго жил во время своего

малолетства. В этом дворце происходили праздники и торжества по случаю мира, заключенного Петром III с Пруссией. В этом же дворце Екатерина II принимала официальные поздравления дипломатического корпуса по вступлении на престол. Сюда же она возвратилась торжественно с войском на третий день по восшествии на престол из Петергофа. Здесь же она получила известие о кончине Петра III.

Дворец вскоре императрица разлюбила, а Павел I в феврале 1797 года приказал сломать его. Дворец был построен графом Растрелли.

Против Летнего дворца, на другой стороне Фонтанки, несколько наискось, стоял довольно обширный деревянный дом с мезонином; он назывался запасным дворцом, или двором; сюда из дворцовых волостей привозили отовсюду разные припасы. Излишние припасы продавались за самую дешевую цену жителям города.

Затем, еще в прошедшем столетии, пониже Екатерингофа, на берегу, существовали два летних дворца: Анненгоф и подле него Елисаветгоф. Дворцы эти были деревянные, одноэтажные, с небольшими садами. Оба дворца были подарены Петром цесаревнам: Анне Петровне и Елисавете Петровне. В конце царствования Екатерины II от них оставался один

фундамент.

Императрица Елисавета жила в своем дворце на Царицыном лугу, но больше в другом, у Зеленого моста (теперь Полицейский); она имела обыкновение спать в разных местах, так что заранее нельзя было знать, где она ляжет. Это приписывали тому, что она превращала ночь в день и день в ночь. В 11 часов вечера она отправлялась только в театр, и кто из придворных не являлся за нею туда, с того брали 50 рублей штрафа. По рассказам современников, государыня кушала немало и каждое блюдо запивала глотком сладкого вина. Она в особенности любила токайское вино. В среду и пятницу у государыни вечерний стол был после полуночи, потому что она строго соблюдала постные дни, а покушать любила хорошо, и чтоб избежать постного масла, от которого ее тошнило, она дожидалась первого часа следующего непостного дня, когда ужин был сервирован уже скоромный. У государыни был превосходный фарфоровый сервиз, все блюда которого были с крышками, сделанными наподобие кабаньей головы, кочня капусты, окорока и т. п.

В числе особенных странностей государыни, она терпеть не могла яблоков, и мало того, что

сама их не ела никогда, она до того не любила яблочного запаха, что узнавала по чутью, кто ел недавно, и сердилась на тех, от которых пахло ими; от яблок ей делалось дурно, и приближенные остерегались, даже накануне того дня, когда им следовало являться ко двору, до яблоков дотрагиваться. Спать государыня ложилась в пять часов утра; утро и часть дня посвящались сну. Засыпая, Елисавета любила слушать рассказы старух и торговок, которых для нее нарочно брали с площадей. Под рассказы и сказки их кто-нибудь чесал Елисавете пятки, и она засыпала. Когда императрица спала, то в это время по соседнему Полицейскому мосту запрещалось ездить экипажам, чтобы стук езды не будил императрицы; иногда не пускали и пешеходов.

Императрица была очень суеверна и боялась покойников: она не входила в тот дом, где лежал покойник. Когда граф Апраксин умер в Царском Селе, в казенном здании, то тело его вынесли под шатер. Больного Чеглокова отправили домой, чтобы он не умер во дворце. При ней, в 1755 году, вышел указ, запрещавший носить мимо дворца покойников.

Императрица скончалась в самое Рождество 1761 года, на 53-м году жизни, во дворце у

Полицейского моста (теперь дом Елисеева). Там же Петр III, в тот же вечер, принимал присягу гвардии, построившейся против окон дворца, и после того ездил по всему городу с факелами.

Екатерингофский дворец заложен Петром весной 1711 года, в память первой победы, одержанной им в виду того места 6 мая 1703 года; здесь Петр, в звании капитана бомбардирской роты, взял два шведские судна и вместе с любимцем своим Меншиковым награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Адмирал Головин, первый кавалер этого ордена, сам украсил царя знаками оного. Император назвал дворец Екатерингоф и подарил его супруге своей Екатерине. Дворец, построенный Петром, был деревянный, одноэтажный; вместе с этим дворцом был им сооружен на небольшом островку между Екатерингофом, Гутуевым островом и входом в Неву каменный дворец с башнею, названный Подзорным; там Петр любил жить в уединении и ждать прихода кораблей из Кронштадта. Позднее, при императрице Елисавете, в Подзорном дворце содержался под арестом фельдмаршал Апраксин, где и был над ним совершен крислат⁷³. Апраксин сидел под присмотром капрала. Раз императрица Елисавета, едучи в Петербург, заметила на крыльце

Апраксина и приказала немедля кончить его дело, и если не окажется ничего нового, то объявить ему тотчас и без доклада ее монаршую милость. Презус⁷⁴, как рассказывает И. В. Лопухин, надоумил ассессоров⁷⁵, что когда по допросе он скажет им: "приступим к последним", то это будет значить объявить монаршую милость: "Что ж, господа, приступим к последнему?" Старик от этого слова задрожал, подумав, что станут пытаться его, и тут же умер с испуга.

Летний (ныне не существующий) дворец в Петербурге в XVIII столетии. С гравюры XVIII века Махаева

Остров, где стоял Подзорный дворец, у

шведов назывался "Овчий остров". Островок этот сохранил название Подзорного до настоящего времени, но дворец обращен в адмиралтейские магазины.

В царствование Елисаветы Петровны Екатерингофский дворец был возведен в двухэтажное здание, но боковые стены остались те же самые, как были при Петре, хотя дворец сделали обширнее, нежели прежде, пристроили еще отделение от каминной комнаты с двухэтажною залою. В обоих этажах дворца сделали 21 комнату; в нижнем этаже сохранили убранство комнат в том самом виде, как было при Петре, вверху же покои убрали довольно пышно, во вкусе новейшего уже времени. Вот в каком виде был возобновленный дворец: перед спальней императора стоял шкаф, в котором хранился его синий кафтан с золотым шитьем по борту и рукавам; этот кафтан Петр носил в сражениях. В спальне стояла старая сосновая простая кровать, по преданию, сколоченная руками императора. Наволочки, как и одеяло, были шелковые, некогда зеленые, с нашитыми золотыми орлами. В спальне висела картина фламандской школы с изображением морского вида; напротив кровати находилось старинное зеркало и стоял поставец с китайскими чашками; перед постелью висела

икона Владимирской Богоматери.

В столовой стоял штучный банкетный стол, сделанный из лиственницы, доставленной Петру из Архангельска. За этим столом государь любил беседовать с Апраксиным, Шереметевым, Меншиковым. Каминная комната в нижнем этаже дворца была приемной, в ней он давал аудиенции, принимал рапорты о выходящих кораблях и т. д. Над камином в этой комнате был помещен большой компас, имевший сообщение с флюгером на крыше дворца.

В верхнем этаже, в угловой комнате, было резное, в виде барельефа, изображение Петра в лаврах, потом под чехлом деревянная табакерка его работы, пожалованная им поручику Иосифу Ботому. Тут же лежала другая табакерка, подаренная им жене купца Марье Барсуковой, часы, жалованные вышневолоцкому купцу Сердюкову, подрядчику при постройке Вышневолоцких шлюзов. Часы эти Сердюкову Петр подарил по случаю следующего приключения. На Сердюкова был сделан ложный донос в отсутствие Петра; Сердюков был взят в крепость. При осмотре канала Петр заметил, что работы шли не так, как он приказывал. Он потребовал строителя. Государю донесли, что Сердюков взят под стражу; царь разгневался и

тотчас поехал в Петербург, сам пошел в крепость, где содержался Сердюков, расспросил его, за что его арестовали, и, узнав, что он невиновен, поцеловал его и приказал тотчас же отправиться в Вышний Волочёк, на работы канала; при прощании подарил ему на память эти часы⁷⁶.

Во дворце стояли также большие английские часы с музыкой, работы Торнтона, бой и музыку которых император так любил, что в 1693 году писал из Вологды к боярину Тихону Никитичу Стрешневу: "Пожалуй, отпиши, что мои любезные органы станут играть, и какие танцы". Эти часы здесь сохранялись еще в сороковых годах нынешнего столетия, в футляре с хрустальными столбиками; на маятнике этих часов было миниатюрное изображение Петра Великого в голубом русском полукафтани и в порфире. Петр изображен был в самой цветущей своей молодости, двадцати четырех лет. Играли эти часы двенадцать пьес, название которых было выписано на стальном круге. Кроме этого миниатюрного изображения императора, в Екатерингофском дворце до сего времени сохраняются три его портрета, списанных с него при жизни.

Наверху в одной из комнат помещалась

библиотека, касающаяся только до жизни и дел императора Петра. Всех книг по реестру было сто томов, в красивых переплетах с золотыми гербами и надписью: "Екатерингофского дворца". До сих пор наверху имеются две комнаты, убранные китайскими вещами; в одной из них, при входе с лестницы, модель китайской галеры и два китайских фонаря; в ближней к ней комнате хранятся китайские лакированные фарфоровые ширмы с живописным изображением церемониального шествия китайского императора со свитой; там же стоят китайские шкафы, комод и бюро и две большие картины на дереве с наклеенными и раскрашенными фигурами из слоновой кости. Картины имеют и обратную сторону.

Здесь же хранятся несколько еще и других китайских вещей. Все эти вещи привезены при жизни Петра из Пекина нашим полномочным посланником лейб-гвардии капитаном Львом Измайловым, на покупку которых при отъезде из Петербурга Измайлову было выдано десять тысяч рублей.

Две крайние комнаты с противоположной стороны дворца сохранили также первобытное богатое убранство времен Елисаветы Петровны. Стены этих комнат обиты: крайняя богатым

белым бархатом с цветами, а следующая – атласным штофом, изделия С.-Петербургской мануфактуры 1729 года. К сожалению, штоф и бархат, украшавший некогда мебель здешнего дворца, лет двадцать тому назад снят придворным обойщиком Туром и заменен дешевым ситцем и шерстяной материей. В настоящее время дворец оклеен китайскими шелковыми обоями, найденными на чердаке Таврического дворца. В одной из комнат верхнего этажа имеется двенадцать тканых картин работы русских художников; работы эти относятся ко времени существования мануфактур-коллегии. Из картин заслуживают внимания: "Апостол Иаков", "Купающаяся Вирсавия", вытканная в 1727 году, "Орел, схвативший голубя" – в 1733 году, "Сусанна" – в 1739 году, "Собаки в бойне", вытканые в 1755 году, тканый вензель Петра I. Одна из картин в этой комнате, с изображением цветов и плодов, принадлежит иностранному художнику Бароку. Несомненно, что эти картины имеют ценное значение, как первые наши русские гобеленовые обои.

По лестнице, ведущей в нижний этаж, на стене вместо обоев висит большая на холсте карта Азиатской России. Карта написана, видимо, для

шутки: вряд ли найдутся реки в учебниках с такими названиями, как здесь; на карте также и страны света поменялись местами: вверху море Индейское и Песчаное, внизу север и Ледовитое море, Акиан (sic), к западу Камчатка и царство Гилянское на берегу реки Амура, с курьезною надписью: "до сего места Александр Македонский доходил, ружье спрятал, колокол оставил". По преданию, по этой карте Петр экзаменовал ради смеха нетвердо знающих географию. Тут же в одной из комнат сохраняется небольшая картина, писанная масляными красками, с изображением Екатерингофского дворца в первое время.

В большой зале, пристроенной уже при Елисавете Петровне, находится фарфоровая люстра из цветов и два фонаря стиля Louis XV, затем виднеется огромная печка из синих разрисованных изразцов. На стенах несколько старинных картин голландской школы и большое бюро превосходной художественной работы, с изображением на первом плане: "Вид Кремля из Замоскворечья между Каменным и Живым мостами, к полудню"; по бокам изображены виды Эрмитажа и павильона в зверинце в Царском Селе.

Большая часть описанных нами вещей и

теперь сохраняются в Екатерингофском дворце; их любовно, более тридцати лет, сберегает старик, придворный служитель Шатров, каждый день бережно стирая с них вековую пыль.

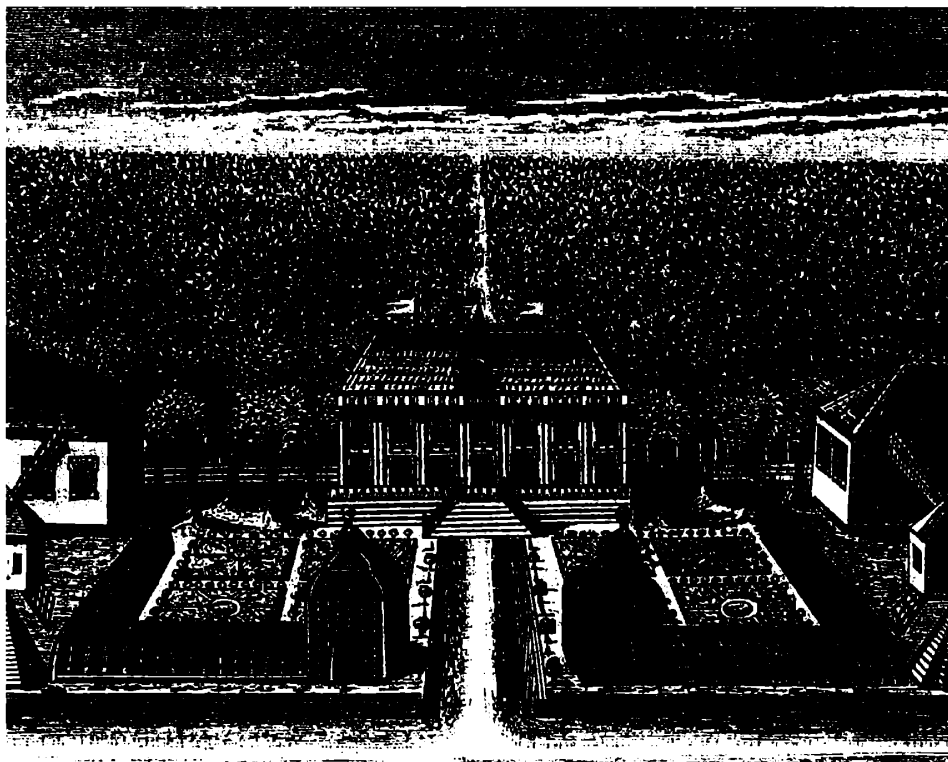
Вся местность, где лежит Екатерингоф, не раз терпела от наводнения; так, в числе документов, хранящихся в московском архиве, имеется одна бумага, в которой говорится, что по определению Канцелярии от строений, 12 мая 1741 года, состоявшемуся вследствие рапорта спичного и столярного дела мастера Фонболеса, велено было последнему в Екатерингофском дворце произвести починки повреждений, происшедших от больших прибылых вод.

В царствование Елисаветы лес, находящийся между речкою и большою дорогою в Екатерингоф, был обнесен высоким частоколом, и в нем был зверинец для оленей.

Императрица Елисавета не очень часто ездила в Екатерингоф; она, как известно, была характера веселого и не любила картин грустных, а чтобы посетить Екатерингофский дворец, ей надо было проехать два кладбища: Екатерингофское и Вознесенское. Раз, во время такого проезда в Екатерингоф мимо тамошнего кладбища, императрица обратила на него особенное внимание, и оно ей очень не понравилось.

Действительно, картина была непривлекательна: дурно зарытые тела издавали запах, могилы представляли одни ямы, крестов не было. Все это произвело на императрицу удручающее впечатление, и она на другой день послала указ генералу П. С. Сумарокову, гласивший следующее: "Имеющему за Калинкиным мостом, едучи к Екатерингофу, кладбище мертвых тел, тако ж и у Вознесенской церкви, насыпать землей выше, чтоб от того духу происходить не могло" и т. д. Кладбище, которое видела императрица Елисавета за Калинкиным мостом, теперь находится во владении г. Гейнца; в начале нынешнего столетия место это называлось "огородом на могилах". Таких огородов на могилах в Петербурге существует помимо этого еще два: самый большой из них находится на Выборгской стороне, в ограде Сампсониевской церкви, а другой на Карповке, близ сада графини Лаваль.

Екатерингоф в 1796 году присоединен к городу и причислен к новоучрежденной тогда 4-й Адмиралтейской части. Несмотря на то что по новому положению Екатерингоф лежал в черте города, ему дали привилегию, по которой гуляющим дозволялось курить табак.

Екатерингоф в Петровское время. С гравюры
1716 года

В 1800 году император Павел поручил Екатерингоф графу фон дер Палену, бывшему тогда генерал-губернатором Петербурга.

В 1804 году Екатерингоф был передан в ведение графа А. С. Строганова. Этими мерами, однако, Екатерингоф не выходил из запустения; дворец приходил в ветхость; лес был еще обнесен частоколом; в саду, топком по самому местоположению, образовались болота, и осенью и в дождливое лето Екатерингоф был непроходим.

В 1823 году с.-петербургский военный генерал-губернатор граф М. А. Милорадович

обратил особенное свое внимание на это место и представил на высочайшее утверждение план нового устройства Екатерингофа и немедленно приступил к работам. С весны до осени 1828 года все было приведено к окончанию под надзором инженер-полковника Сакера и градского главы Жербина. Красивейшие постройки, павильон, беседки и вокзал⁷⁷ были возведены молодым архитектором Монферраном, тогда еще не прославившимся постройкой Исаакиевского собора. В одно лето вырыт канал, по сторонам его сделана насыпь, отделяющая два пруда, близ которых, из уважения к памяти великого строителя, сохранены деревья, при нем насаженные. Через канал переброшен легкий чугунный мостик. При входе на мостик с двух сторон сделаны в виде трех арок фигурные ворота. Против лежащий Гутуевский остров был тоже расчищен, и самые рыбацьи дома на нем возведены в стиле сельских строений окрестностей Рима. На правой руке от трехаркового моста, на выдавшейся песчаной косе, омываемой Невой, было выведено большое готическое деревянное здание на каменном фундаменте, с решетчатыми фигурными окнами, галереями и высоким бельведером. Здание это носило имя Фермы, здесь жил летом граф

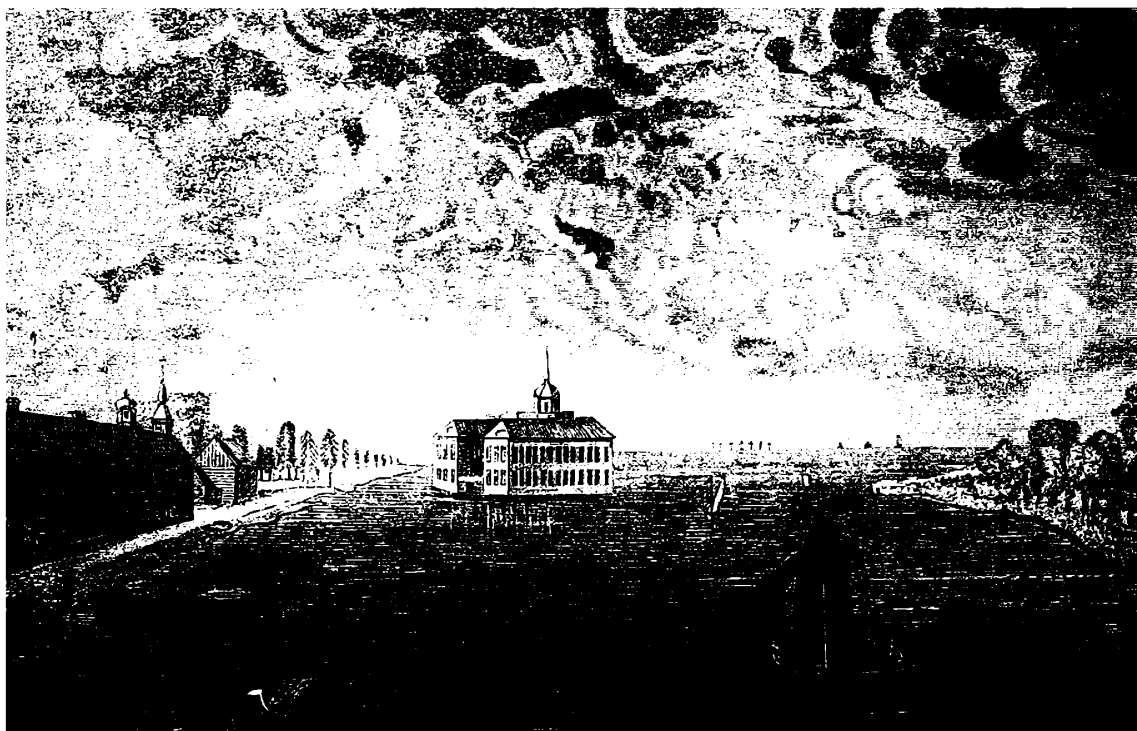
Милорадович.

Кроме этого здания, по Екатерингофскому парку было рассеяно множество и других построек. В чаще от дороги стояла продолговатая четырехугольная палатка, красиво драпированная, где была кондитерская, и затем еще восьмиугольный павильон с четырьмя портиками; перед каждым из них лежали два чугунных льва, на которых были утверждены столбы павильона. Шпиль был обит белым железом, с боков кровли были изображены прыгающие зверьки. На лугу был устроен детский садик с китайской беседкой, стояли качели, маленькая карусель, гимнастические игры, кегли и т. д.

В лесу к Черной речке выстроена русская изба с широкими распашными тесовыми воротами, с пестрою высокою голубятнею, с деревянным кружком на окнах и крыше; на створчатых ставнях были размалеваны яркими красками цветы в горшках; на широком дворе возвышались висячие качели на зеленых столбах, в палатке дымился огромный самовар, продавался янтарный мед, бархатное пиво, московская селянка, ботвинья с лососиной, жиром подернутая, и другие яства.

Главным зданием в саду Екатерингофа был

вокзал, в мавританском вкусе, с огромной ротондой, к которой примыкали с двух сторон два павильона; купол ротонды был голубой с золотыми полосами, на высоком шпиле веял флаг; перед ротондой, на больших пьедесталах, поставлены были две огромные вазы, наполненные цветами. В самой ротонде помещалась круглая зала для летних балов и концертов; хоры в ней, построенные полукружием, предназначались для музыкантов.

"Подзорный дворец", построенный Петром Великим при устье Фонтанки для наблюдения за входящими в Неву кораблями. С очень редкой гравюры Штелины 1762 года

В прочих отделениях шли красивые залы и комнаты. Содержателем этого вокзала долгое время был купец Егарев, отец известного петербургского антрепренера В. Н. Егарева.

В сороковых и пятидесятых годах особенно славились в Екатерингофе песенники с табачной фабрики В. Г. Жукова. Здесь они кочевали лагерем во время сенокоса на Екатерингофских лугах, сопровождая работу пением и плясками. Екатерингоф в эти годы служил любимым местом воскресных прогулок жителей Коломны, Семеновского и Измайловского полков, отправлявшихся туда обыкновенно водою.

В то время там настроено было много дач, и даже наше тогдашнее театральное начальство в лице известного драматурга князя Шаховского перевозило сюда взрослых талантливых воспитанниц театральной школы. На этой даче, по словам Р. М. Зотова⁷⁸, граф Милорадович проводил свои вечера, любясь развивающимися дарованиями. Об этой даче было много толков в городе, и толпа волокит осаждала по вечерам заборы дачи, и сквозь решетки происходили разные переговоры, размен писем и все, что можно было, как передает тот же Зотов в своих автобиографических записках.

Перерождение Екатерингофа в 1823 году

внушило графу Д. И. Хвостову написать на этот случай торжественную оду. Благодарный устроитель Екатерингофа гражданин Милорадович приказал, на вечные времена, повесить портрет поэта в зале вокзала, и долгое время посетители Екатерингофской ротонды любовались чертами певца Кубры с оригинальной подписью "Э Катрингофа Бард".

В 1840 году Екатерингофский дворец было повелено ремонтировать. В пятидесятых годах часть редких вещей Петровского времени перешла на хранение в Императорский Эрмитаж.

Недалеко от Екатерингофа, в Калинкинской деревне, Петр выстроил двухэтажный каменный дом (тот самый, где теперь Калинкинская больница), назвал его "шпалерным мануфактурным двором" и выписал сюда из Парижа мастеров, и в числе их известного художника Бурденя, к которому и отдал несколько русских мальчиков для изучения этого ремесла. На фабрике, кроме шерстяных шпалер, делали шторы и парчи.

Вправо от этой мануфактуры, по левому берегу Фонтанки, царь завел прядильный дом, где до 80 старух, под надзором старой голландки, ткали пряжу, добротой и тонкостью не уступавшую голландской.

В этот прядильный дом позднее, при императрице Елисавете, заключали женщин за разгульную жизнь.

В Екатерингофе установлено ежегодное гулянье 1 мая, повторяющееся и в Троицын день. В настоящее время Екатерингоф представляет полное запустение, пруды покрыты плесенью, а окружающая атмосфера пропитана зловонием и удушливым запахом, распространяемым вблизи стоящим костеобжигательным заводом.

ГЛАВА V

Петербург при императоре Петре П. – Первый большой пожар в столице. – Второй большой пожар на берегу Невы. – Исторический пожар 1736 года. – Меры против поджигателей. – Пожары при Екатерине И. – Пожар Большого театра в 1811 году. – Пожар другого театра у Чернышева моста. – Четверостишие на этот пожар. – Пожар в церкви Преображения Господня. – Горящие леса кругом Петербурга. – Большой пожар в Московской и Ямской. – Катастрофа в балагане Лемана. – Число погибших жертв. – Пожар Зимнего дворца. – Причина его. – Рассказы очевидцев. – Спасенные вещи. – Незначительная пропажа последних. – Анекдот про императора Николая I. – Возобновление дворца. – Большие пожары: Апраксина и Щукина двора в 1862 году.

С кончиною Петра I многое, начатое им, осталось неоконченным. Его преемники, Екатерина I и Петр II, ничего не сделали для Петербурга. Петр II думал даже столицу перенести в Москву; в его время Петербург особенно запустел и на Васильевском острове, который тогда назывался Преображенским островом, многие каменные дома были брошены недооконченными и стояли без крыш, окон и потолков. Такое запустение города вызвало со стороны правительства принудительные меры, и вскоре явился указ (15 июля 1729 г.), по которому

заселение Петербурга опять сделалось поголовным налогом: велено было немедленно выслатъ на бессрочное житье в Петербург всех выбывших из него купцов, ремесленников и ямщиков, с их семействами; а за неисполнение или медленность повелено было отбирать все имение и ссылатъ вечно на каторгу. Эти строгие меры не привели ни к чему, народ тяготился житьем в Петербурге, и, по всей вероятности, это и было причиною, что в Петербурге образовались шайки поджигателей, наведшие панику на всех жителей.

История Петербурга представляет несколько примеров ужасных пожаров. В первое время существования Петербурга, когда строения были всюду деревянные, пожары были весьма часты, но редко опустошительны. Постройки в то время делались низкие, необширные, со службами, далеко стоящими от жилья; тогда, при первом появлении огня, достаточно было сломать два, три дома, чтобы остановить продолжение пожара. Впоследствии же, с возрастанием населения, стали строить дома сплошные, двухэтажные, с разными деревянными пристройками; такие дома стали требовать большого искусства при тушении огня. Вот самые большие пожары, бывшие в Петербурге за все

время его существования: первый значительный пожар случился в 1710 году, причем сгорел ночью в один час Гостиный двор, состоявший из нескольких сотен бревенчатых лавок, помещавшийся на Троицкой площади⁷⁹. Купцы потерпели большой убыток, многие товары из лавок не только сгорели, но были расхищены в суматохе, четверо из двенадцати грабителей были повешены на четырех виселицах, крестообразно поставленных на углах сгоревшего Гостиного двора. Второй большой пожар в Петербурге случился 1 августа 1727 года; огонь вспыхнул в магазинах на берегу Невы; сгорело несколько смежных домов, потом загорелись стоявшие на Неве барки; все они, числом тридцать две, с грузом с лишком на три миллиона рублей, были истреблены огнем. Людей погибло до пятисот человек. Молодой император Петр II сам действовал на пожаре и с "горькими слезами" бросался в опасности⁸⁰. На другой день треть потери выдана была из казны пострадавшим.

11 августа 1736 года, в полдень, загорелся дом на Мойке, близ Зеленого моста (Полицейского), от неосторожности слуг жившего в нем персидского посла Ахмед-хана. Они курили трубку на дворе, искра запала в сено, и через полчаса дом пылал. Пламя распространилось с

чрезвычайной быстротою и вскоре охватило многие деревянные здания на берегу Мойки и Гостиный двор, стоявший на месте нынешнего дома Елисеева (где Благородное собрание). Пожар продолжался восемь часов и истребил все здания от Зеленого моста до церкви Вознесенья.

24 июня 1737 года огонь снова вспыхнул разом в двух местах и обратил всю часть города, от истока Мойки до Зеленого моста, в пепелище. Сгорело более тысячи домов и несколько сот человек. Позднее, в этом же году, сгорела часть города от Вознесенья до Крюкова канала. Этим пожарам, как было дознано, предшествовали поджоги. Так, 6 июня, рядом с дворцом Елисаветы Петровны (где теперь Павловские казармы), в доме Линзена найден был на крыше горшок с воспламеняющимися веществами. Пожары вызвали правительство на одну меру, замечательную в статистическом отношении: для открытия поджигателей велено было разделить город на несколько частей, и затем в каждой части произвести обстоятельную перепись жителей в три дня. Мера эта послужила к открытию злоумышленников, которые впоследствии и понесли заслуженную кару.

После пожаров 1737 года город был разделен на пять частей, и в первый раз даны официально

названия петербургским улицам.

16 июля 1739 года против Выборгской стороны, за Литейным двором, горели барки с пенькой и маслом, рыбой и хлебом. На пожаре погибло немало людей, сгорел и виновник катастрофы, принесший горящую лучину на барку, от которой и загорелась пенька. В 1748 году в Петербурге пожары были опять часты. В этом году указом от 2 июня предписано расставить в Петербурге гвардейские пикеты около дворцов для сберегания их от поджигателей; в указе, между прочим, сказано, что частые пожары, бывшие в этом году, были произведены злоумышленниками. Поджигатели явились в обе столицы, и в Москве, в продолжение шестнадцати дней, с 10 мая по 26 число, ежедневными пожарами навели такой ужас, что жители, как говорит в своих записках Нащокин, принуждены были из домов выезжать в поля. Одновременно с этим предписанием было повелено полиции, дабы по происходящим от летнего времени опасностям находящиеся на больших улицах, как-то: на набережной по Неве-реке, в Миллионной и Луговой у палат, деревянные крыльца и внутри домов мелкие деревянные строения немедленно, в присутствии полицейских чинов, все сломать и принуждать

строить каменные... Приказ этот был исполнен в одну ночь, как говорит князь Шаховской в своих записках.

26 мая 1761 года в Мещанских улицах был большой пожар, продолжавшийся целый день; сама государыня присутствовала на пожаре. После этого пожара повелено было для облегчения строившим остановить все дворцовые и казенные работы, а также "установить умеренную цену" на строительные материалы и на дни рабочих.

В мае 1763 года сгорел Гостиный двор и смежные с ним здания на Васильевском острове. После этого пожара назначена была поощрительная награда тем из пожарной команды, кто являлся первым на пожар⁸¹.

В мае 1771 года сгорели все дома по 10-й, 11-й, 12-й и 13-й линиям Васильевского острова, от набережной Большой Невы до Большого проспекта; огонь начался в доме графа Миниха, где помещался Морской корпус; здание все было обращено в пепел.

В 1774 году между Адмиралтейством и Мойкой был большой пожар, выгорело более 140 домов, в том числе более сотни каменных построек.

Изображение пожара в Петербурге в 1737 году. С немецкой гравюры того времени

В 1780 году, в самый Духов день, горел Гостиный двор на Невском проспекте. Одна только сторона, обращенная к Невскому, была каменная, остальное же строение, деревянное, сгорело до основания, а вместе с ним обращена была в пепел часть домов, расположенных за ним.

16 мая 1782 года, в два часа пополудни, произошел пожар на бойне, находившейся близ Большого рынка; несмотря на скорую помощь полиции, все деревянные лавки сгорели, но, к счастью, купцы успели спасти свои товары – убыток простирался более нежели на 200000 рублей. Впрочем, эти лавки были настолько

перестроить. Самое деятельное участие на этом пожаре принимали князь Репнин, Потемкин и Орлов, вместе с гвардейскими солдатами. Императрица Екатерина, как гласит камер-фурьерский журнал⁸², на это ужасное зрелище смотрела на Садовой улице, против дома Воронцова (где Пажеский корпус), у каменных рядов. Государыня приехала на пожар вместе с Ланским прямо с обеда от И. И. Бецкого.

После этого пожара вышел указ, по которому всем русским и иностранным купцам дозволялось открывать особые магазины во всех кварталах столицы. Цель этого распоряжения была та, чтобы предупредить огромные убытки, которые может причинить торговле другой пожар, если все лавки будут находиться в одном месте. Императрица Екатерина имела даже намерение не допустить торговли в таком обширном здании, как вновь создаваемый тогда Гостиный двор.

В 1795 году сгорел на Васильевском острове Андреевский рынок, выстроенный в 1789 году. Лавки торговцев вскоре были опять отделаны.

В следующем году, в мае месяце, пожар был в Гавани, на Васильевском острове, и в Эрмитаже. Вот как описывает пожар Екатерина II в письме к Гримму: "В один прекрасный и очень жаркий день, 25 мая, собралась гроза и молния ударила в

сарай, где хранятся галеры, и все они сгорели вместе с канонерскими шлюпками; это случается во второй раз в мое существование. Все необходимое будет уже это лето выстроено, а старый хлам сгорел, и Бог с ним! Зато гавань очистилась. На другой день после этого приключения молния ударила в одну из труб Эрмитажа, которую расколола пополам между старой библиотекой и бильярдной; дым шел сильный, но огня не было. Весь Петербург сбежался туда, и народ оставался на пожаре с трех часов пополудни до полуночи, то есть не в самом Эрмитаже, а в прилегающих к нему улицах и на набережной, выражая горячие желания, чтобы Эрмитаж был спасен от огня, которого там и не было".

В 1804 году сгорел немецкий театр в доме Кушелева (где теперь здание Главного штаба).

В ночь на 1 января 1811 года загорелся Большой театр через два часа после представления "Русалки". Театр горел ужасно, страшное зарево освещало все улицы Петербурга. Замечательно, что в день его открытия, в 1803 году, тоже случился пожар, хотя небольшой. Давали балет "Медея и Язон", на представлении присутствовала вся высочайшая фамилия; в то время, когда представлялось разрушение чертогов

в огне, одна из кулис загорелась и обломок упал на ногу первого танцовщика Балашова. Балашов был уволен с полным пенсионом, и переломленная нога не мешала ему быть танцевальным учителем; в лучших домах в то время учиться русской пляске у Балашова даже считалось необходимой принадлежностью воспитания девиц.

2 мая 1825 года⁸³ сгорел очень красивый театр у Чернышева моста, фасадом на Фонтанку, где теперь здание Министерства внутренних дел; на масленице был открыт театр, а на первой неделе Великого поста он сгорел в три часа; театр этот освещался газом, и по этому случаю все подозрение в несчастье пало на газ, но оказалось, что пожар произошел от треснувшей печки.

После этого пожара явилось четверостишие на тогдашнего военного губернатора графа Милорадовича:

Строителя забав не любят, видно, музы;
Его несчастливы с Харитами союзы:
Что он ни затевал,
То все вода снесла или огонь пожрал.

8 августа 1825 года сгорел собор всей гвардии во имя Преображения Господня; пожар начался в первом часу и прекращен в 8 часов вечера. Огонь

сперва показался в главном куполе около креста и затем обнял все здание; причиною пожара, как оказалось, была неосторожность рабочих, которые производили пайку железных листов вверху главного купола и, идя обедать, оставили на месте своей работы жаровню с горячими углями. От собора остались одни стены. После пожара собора богослужения отправлялись в доме генеральши Булатовой (дом этот теперь принадлежит г-ну Лисицыну), где устроена была походная церковь. На площади перед домом были поставлены козлы, где повесили новые колокола; старые колокола от сильного жара растопились.

В 1826 году все окрестности Петербурга, покрытые лесом, горели несколько недель, и дым расстилался повсеместно в городе. Ф. Н. Глинка, описывая этот лесной пожар, пел:

От блеска не было ночей,
И солнце грустно, без лучей,
Как раскаленный уголь, тлело!..

8 июня 1832 года сгорело большое пространство в Московской и Каретной частях: истреблена огнем значительная часть Ямской по обеим сторонам Лиговского и Обводного каналов; всех домов сгорело 102 каменных и 66 деревянных со службами и флигелями.

Император Николай Павлович на пожар

прибыл из Петергофа и лично успокаивал на пожаре пострадавших. Пожар начался в половине первого часа на Болотной улице, в пространстве между Свечным переулком и Разъезжею улицею. Затем огонь обхватил Ямскую и после перекинулся на другую сторону Обводного канала. Замечательно, что дом Никольского, стоявший в самом жерле пожара, был спасен почти чудесным образом. Людей на этом пожаре погибло тридцать человек.

Городские сторожа ночью в Петербурге в
конце XVIII столетия. С гравюры того времени
Аткинсона

На другой день после пожара в одном из полуразрушенных домов вспыхнул вновь пожар: загорелось от тлевших еще балок сало в количестве 7000 пудов.

По числу жертв, погибших в огне, самый страшный пожар в летописях Петербурга был в воскресенье 2 февраля 1836 года, в балагане Немана на Адмиралтейской площади. Пожар вспыхнул в пятом часу, во время начала представления; вот как описывают это несчастье полицейские известия: актеры, действующие в пантомиме, одеваясь в уборной, вдруг увидели, что от одной лампы, слишком высоко повешенной, загорелись стропила. Желая заблаговременно предостеречь публику, подняли занавес, чтобы показать ей приближающуюся опасность. В то же время были открыты настежь восемь широких дверей, и все зрители, находившиеся в креслах и в первых и во вторых местах, выбрались заблаговременно, и остальные могли бы выбраться, если бы не случилось суматохи. Пламя появилось с правой стороны балагана, и на этой же стороне были широкие выходы, но зрители, наполнившие амфитеатр, бросились влево по узким лестницам к тесным дверям. Шедшие впереди были сбиты с ног задними, эти были опрокидываемы в свою

очередь. Таким образом, дверь вскоре загромодилась, и нельзя было найти выхода. Упавшие задыхались от напора других. Между тем пламя обхватило весь балаган, крышка обрушилась и накрыла толпу горящими головнями.

Из четырех сот человек с лишком, наполнявших балаган, лишились жизни 126 человек и десятеро были ушиблены тяжело. Трупы лишившихся жизни отвезены в летние палаты Обуховской больницы; к 5 февраля все эти тела были разобраны явившимися туда родственниками. Людей, подававших признаки жизни, немедленно перенесли в здание Адмиралтейства, отведены были для них особые комнаты.

Император Николай сам распоряжался всеми мерами спасения и оставил пожарище не прежде того, как было отыскано и вытащено последнее тело. Народная толпа на Адмиралтейской площади возросла до многих десятков тысяч и, не удерживаемая никакими иными средствами, кроме присутствия государя, безмолвно расступалась широкою улицею для пропуска труб⁸⁴, саней для перевозки раненых и убитых... Поэт Жуковский, живший тогда в Зимнем дворце, подал голос о необходимости отслужить

панихиду по сгоревшим людям. Государь Николай Павлович благодарил Жуковского за эту мысль, и панихида была отслужена на самом пожарище⁸⁵.

Вот как рассказывает про эту катастрофу молодой очевидец, кадет Д. Чаплин. "Как только заиграла музыка, так на сцену с правой стороны из-под занавеса выскочил какой-то человек и громко закричал: "Господа, пожар, горим!" – и сейчас же исчез. В балагане сделалась суматоха; многие вскочили с мест, а большая часть зрителей, думая, что Леман потешается над публикой, начали громко смеяться и кричать: "Браво!" Но в этот самый миг откуда-то повторился новый неистовый крик: "Пожар, горим, спасайтесь!" Тогда все бросились со своих мест, и вот тут-то сделался страшный переполох. Никто никого не щадил; друг друга сбивали с ног, один другого давил, толкал, пробиваясь к дверям и думая найти там для себя спасение. Между тем показалось пламя, и весь балаган в несколько мгновений наполнился дымом. Трудно что-нибудь представить ужаснее этого хаоса, который происходил в балагане; каждый искал возможности спастись, и каждый всею своею силою напирал на двери, забывая, что тем самым еще более заграждал путь к спасению".

Очевидец рассказывает: "Меня придавили так, что не только пошевелиться, но и закричать было нельзя, чтобы облегчить боль груди; в это время, – говорит он, – я уже не стоял на ногах, а весь мой корпус как будто прилип к какой-то живой массе, по воле которой я бессознательно двигался то в одну, то в другую сторону, то поднимался, то опускался, не имея возможности сделать какое-либо движение. Густой дым разъедал мне глаза, и кроме нестерпимой горечи во рту я чувствовал, как сжималось горло, силы меня покидали. Сколько времени несчастная толпа боролась около закрытых дверей, определить не могу, но в тот момент, когда я осознал неизбежную гибель, с шумом и с треском что-то обрушилось, и я вместе с толпой полетел вниз. Тут я почувствовал, что лежу на чем-то мягком и страшная тяжесть давит меня сверху. Нестерпимая боль во всех членах мучила меня страшно. От сильной боли я только стонал... Затем почувствовал я кружение в голове, тошноту, а вслед за этим потерял всякое сознание. Вдруг окружила меня свежесть воздуха, я стал приходить в себя и увидел, что лежу на тротуаре, окруженный какими-то незнакомыми людьми" и т. д.

Народная молва в этом бедствии обвиняла

полицию, которая как только заметила, что пожар в балагане, распорядилась никого не допускать к балагану до прибытия пожарных и воинских команд. Но, к несчастью, пожарные явились, когда уже половина балагана сгорела, и на долю их досталось не тушить огонь, а вытаскивать из огня трупы.

Нам передавал очевидец этого страшного бедствия, генерал А. М. Неман, что когда прибыл на пожар император Николай I, то дежурный квартальный отрапортовал государю, что в балагане никого нет и что загорелось во время антракта. Государь после этого хотел уже удалиться, но ропот в публике заставил его опять подойти к горевшему балагану и принять энергические меры.

17 декабря 1837 года в восемь часов вечера начался пожар в Зимнем дворце; огонь показался сперва из отдушника, проведенного от дымовой трубы между хорами и деревянным сводом залы Петра Великого и оставленного, при перестройке Фельдмаршальской залы в двухэтажную, не-заделанным. Эта дымовая труба прилегала весьма близко к деревянной перегородке, и огонь, пробравшись по ней до стропил, тесно связанных с потолочною системой, мгновенно охватил массу, иссушенную многими десятилетиями, и

затем с яростью стал прокладывать себе дальнейший путь.

Городские сторожа днем в Екатерининское время. С гравюры XVIII столетия

Барон Э. Мирбах, бывший в ночь пожара дежурным во дворце, рассказывает: "Увидев дым⁸⁶, я спросил старого лакея, где горит. Он отвечал: "Даст Бог ничего, дым внизу, в лаборатории, где уже два дня, как лопнула труба; засунули мочалкою и замазали глиною; да какой это порядок. Бревно возле трубы уже раз загоралось, потушили и опять замазали; замазка

отвалилась, бревно все тлело, а теперь уже горит"" и т.д.

Государь в этот вечер был в Большом театре на представлении балета ("Le Dieu et la Bayadire"); танцевала роль Баядерки Тальони; весть о пожаре пришла к государю во время спектакля; император поспешил тотчас же уехать из театра; по прибытии во дворец государь вошел на половину великих князей, которые уже были в постели, и приказал их немедленно отвезти в Аничковский дворец.

Вот как описывает очевидец пожара, генерал Баронович, приезд государя в Зимний дворец: государь, успокоясь насчет детей, в сопровождении князя Волконского прошел ротонду, Концертную залу и Большую аванзалу; но, вступив в Малую аванзалу, был уже встречен стремительным потоком огня. Несмотря на видимую опасность, государь пошел через Фельдмаршальскую и Петровскую залы, первые добычи огня, и, наконец, вступил в Белую (гербовую). Здесь уже, казалось, не было возможности идти далее: густо клубящийся дым занимал дыхание, а карнизы и потолки, по которым вилось пламя, грозили всякую минуту падением; но в этом критическом положении государь успел благополучно миновать

опаснейшие места и вошел в Статс-дамскую залу, дивя и пугая своей отважностью своего спутника.

Достигнув части дворца, не тронутый огнем, государь велел полкам Преображенскому и Павловскому и командам гофинтендантского ведомства⁸⁷ выносить мебель и прочие вещи и складывать на Дворцовой площади. Толпы гвардейских солдат бросились в горящее здание и спешили выносить различные вещи.

Спасенные предметы складывались у Александровской колонны; за исключением небольшого числа громоздких предметов, все драгоценности из дворца были спасены.

Так, например, переноска из огромных дворцовых кладовых серебра, стоящего несколько миллионов рублей, была исполнена матросами в необыкновенном порядке: ни одна ничтожная мелкая вещица не была затеряна или сломана.

Барон Мирбах говорит: при переноске вещей суетня происходила страшная; люди, выносившие вещи, были Бог знает кто; вытаскиваемые вещи складывались в места каминов на площади, где грелись кучера. Картины первейших мастеров, малахитовые вещи, стенные и столовые часы, бронза и множество других разнородных ценных предметов лежали тут как ни попало на снегу. Часы с музыкою, приведенные в ход своим

падением, заиграли вдруг прелестную арию, в ироническую противоположность с окружавшею сценою.

Извозчицьи сани в Петербурге в начале XIX столетия. С гравюры Аткинсона

По поводу картин барон Э. Мирбах рассказывает следующий эпизод, рисующий черты супружеской заботливости императора Николая в такую грозную минуту: "Государь, осторожно пробираясь между раскиданными на снегу перед дворцом вещами, спросил у меня: "Не знаешь ли, где императрицыны картины?" Я указал на три разные места, где они были положены. "Пойдем же со мною, дружок, поискать любимую картинку жены" (Доминикина). И вот при свете пожара мы

отправились вдвоем приподнимать одну картину за другую: искомая нашлась во второй куче. "Прошу же тебя, – сказал государь, – велеть отнести эту картину в Адмиралтейство и там сдать на особое попечение Блоку"" (смотрителю Аничковского дворца).

Пропал с пожара только один большой серебряный кофейник, да и тот, как узнали потом в городе, никто не захотел купить, и вор был схвачен. Граф В. Ф. Адлерберг в своей заметке к статье о пожаре добавляет, что из множества вынесенных вещей из дворца и лежавших на площади более суток, кроме этого кофейника, ничего не было ни похищено, ни потеряно. Одна только незначительная золотая вещица, принадлежавшая императрице, сначала не отыскавшаяся, потом, с наступлением весны, также была найдена в оттаявшем снегу и ей представлена. Еще одна из картин с изображением головы императора Петра Великого, принадлежащая теперь его высочеству Николаю Николаевичу Старшему, тоже до весны пролежала в снегу на Дворцовой площади. Бриллианты императрицы были вынуты из ящика доверенной, камер-фрау⁸⁸ императрицы, госпожой Рорбек, и спасены все в целости.

Все вынесенное и спасенное из дворца было

сложено в Адмиралтействе, частью в здании Главного Штаба и в экзерциргаузе⁸⁹, и по разборе поступило в комнаты их величеств; вещи же, как, например, фарфоровые вазы и вся мебель, отправлены в Таврический дворец. По выноске вещей было приказано остановить все работы и отступить от главного здания дворца, а все усилия и средства к тушению обратить на спасение Эрмитажа.

В это время, когда пламя пожирало здание дворца, в Галерной гавани загорелось несколько бедных домиков. Государь на этот пожар посылает своего сына. Наследник спешит, на пути ломается экипаж; цесаревич садится на лошадь казака и верхом прибывает к месту пожара, который вскоре был потушен.

В стараниях же отстоять здание Эрмитажа, с ночи до 11 часов утра, деятельно принимает участие великий князь Михаил Павлович.

Три дня горел дворец, пока огонь не пожрал всего в нем без изъятия. Остатки же пожара курились после того более недели. Площадь перед дворцом с утра до вечера была полна толпами народа. В ночь пожара стоял в Петербурге жестокий мороз. Императрица, узнав о пожаре дворца под конец спектакля, поспешила приехать на пожар; здесь, спросив, не погиб ли кто из

народа, она отправилась в квартиру министра, графа Нессельроде, из которой и смотрела на горящий дворец.

По словам графа В. Ф. Адлерберга⁹⁰, император Николай думал спасти половину императрицы и приказал для этого пересечь крышу и заложить кирпичом те двери, которые вели из покоев государыни в остальную часть дворца, и уже приказал графу с баталионом Семеновского полка подняться на чердак разрубить стропила и балки и вывести кирпичную стену, но когда последний вошел, в голове баталиона, на покрытую гололедицей крышу, то уже нашел под собою все в огне⁹¹. Государь, видя грозившую опасность людям, тотчас отменил свое приказание. Когда же граф А. Ф. Орлов счел обязанностью доложить государю, не нужно ли вынести бумаги из его кабинета, то император ответил: "У меня нет там никаких бумаг. Я оканчиваю свою работу изо дня в день, и все мои решения и повеления тогда же передаю министрам, из кабинета надо взять всего только три портфеля, в которых собраны дорогие моему сердцу воспоминания"⁹². Черты рыцарского характера императора Николая рисуются также в следующем эпизоде: в одной из зал император нашел целую толпу гвардейских

егерей, силившихся оторвать вделанное в стену огромное зеркало, между тем как вокруг все пылало. При виде опасности, он несколько раз приказывал бросить эту работу, но усердие храбрецов брало верх над повиновением; тогда император бросил в зеркало свой бинокль, от которого оно разлетелось вдребезги. "Вы видите, ребята, – сказал он, – что ваша жизнь для меня дороже зеркала, и прошу сейчас же расходиться".

На пожаре спасены были в совершенной целости вся богатая утварь, великолепная ризница и все образа с их дорогими окладами, а также вынесены без потери все императорские регалии и бриллианты. Добычею пламени сделались только некоторые вещи, вделанные в стены, и мебель.

После пожара в высочайшем указе, данном министру внутренних дел 25 января 1838 года, было сказано: "Пожар, истребивший часть Зимнего дворца нашего, был случаем к новым изъяснениям усердия наших верных подданных. По доходящим до нас отовсюду сведениям, люди всех состояний ревнуют каждый по мере средств своих содействовать добровольными приношениями восстановлению сего здания⁹³. Сии приношения не будут нужны; мы не принимаем их; но чувства, к ним

побуждающие, чувства верноподданнической привязанности к нам и престолу, всегда при всяком более или менее важном событии обнаруживающиеся с новою силою, глубоко трогают наше сердце" и т. д.

После пожара в городе рассказывали: раз государь ехал в санях по Дворцовой набережной. У Троицкого моста, видит он, стоят двое без шапок, в руках блюдо с хлебом-солью, покрытое салфеткой. Государь велит остановиться. "Мы, Белый Царь, посланные от гостиных дворов Москвы и Петербурга просить у тебя милости, дозвожь нам выстроить тебе дом". – "Спасибо, – отвечал государь, – от души благодарю вас, Бог даст, я сам смогу это сделать, но передайте, что вы меня порадовали, я этого не забуду" (см. "Рус. арх.", 1878 г., стр. 263).

К Пасхе 1839 года Зимний дворец был вновь отделан. Слово царя исполнилось. Император сказал: "Через год я буду встречать светлый праздник в стенах возобновленного дворца!"

Наибольшим пожаром после этого был в Петербурге 28 мая 1862 года пожар Апраксина и Щукина двора; за неделю еще до этого бедствия в Петербурге ежедневно стало происходить по несколько пожаров, так что пожарные команды должны были разбиваться на отряды и

действовать в различных пунктах. Они не успевали возвращаться, утомленные, домой, как вновь сигнальные знаки призывали их к деятельности.

Ужасный пожар 28 мая начался около пяти часов пополудни, в самый Духов день. Огонь сперва показался из одной лавчонки, близ новой часовни, и в час, не более времени, вся местность, занятая лавками, была залита огнем. Всех лавок на Апраксином и Толкучем сгорело около 6000 номеров. Убытки от этого страшного пожара, неслыханного в летописях нашей столицы, высчитывают в десятки миллионов.

ГЛАВА VI

Причины наводнений. – Невыгодное положение Петербурга. – Проекты к предотвращению бедствий. – Наводнения в первые годы по основании столицы. – Большое наводнение в 1777 году. – Письмо о нем императрицы Екатерины II Гримму. – Указ Екатерины П. – Описание наводнения 1824 года. – Записки о нем современников: Булгарина, Мартынова, Башуцкого и других. – Анекдотическая сторона. – Скрыга Копейкин. – Спасители утопавших. – Участие правительства в общественном бедствии. – Миллионные пожертвования. – Данные о высоте воды. – Наводнения в позднейшие годы.

С самых отдаленных времен почти все пространство земли, занимаемое теперь Петербургом, покрывалось водою от 15 до 25 футов; так, известно по летописям, что между 1060 и 1066 годами вода прилива покрывала всю нынешнюю окрестность города на 20–25 футов; такая прибыль воды зависела единственно от силы и продолжительности западных или юго-западных ветров; пространство, занимаемое Петербургом и островами, находящимися между различными рукавами Невы, состоит из почвы частью песчаной и болотистой; оно возвышается от 4 до 6 футов над меженным уровнем Невы, отмеченным на водомере при устье Фонтанки=0;

гранитная набережная выше этого горизонта от 6 до 8 футов. Из сказанного очевидно, что устье Невы, превосходящее почти в семь раз ширину не разделенной на рукава реки, при противоположных течению ветрах, может принять весьма много морских волн, которые, сообразно возвышению над меженным уровнем и силе ветра, останавливают исток, потому что падение и быстрота так незначительны, что течение не в состоянии не только в правых рукавах Невы противодействовать входу морских волн, но даже и самое стремление большой Невы не в силах преодолеть их напора. Поэтому сначала прекращается исток Невы, потом самое течение во всех рукавах ее устья делается обратным, а затем вода начинает быстро выступать из берегов и заливать все низменные части этого побережья.

Чтобы предотвратить частые наводнения в Петербурге, еще в первых годах при его основании архитекторы Петра Великого Леблонд и Трезин думали весь Васильевский остров и Петербургскую сторону поднять на 15 сажени. Петр предполагал застраховать Васильевский остров от наводнений, перерыв его большими каналами, как в Венеции, но в исполнении своего проекта, видимо, встретил неудачу, потому что в

1723 году указом от 27 июня повелел на острове, где надлежит по чертежу быть каналам, выкопать пруды, чтобы везде иметь воду в случае пожара. Но и пруды тоже не были выкопаны. После уже, в 1736 году, последовал высочайший указ: от пожара сделать на дворах колодцы. Император Петр II после наводнения 12 октября 1729 года думал перенести столицу навсегда в Москву, оставив в Петербурге одно Адмиралтейство и 40 000 войска. При императрице Елисавете отец светлейшего князя Кутузова, Илларион Матвеевич Кутузов, представил проект государыне: "О проведении канала для предотвращения жителей столицы от гибельных последствий наводнения". Проект этот был приведен в исполнение только в царствование Екатерины II; в 1764 году приступили к работам канала, или углублению и отделке глухого протока; название каналу дали "Екатерининский", в честь императрицы. Он был вырыт на 8 сажень ширины и одну глубины, берега его были одеты тесаным камнем с железными перилами; работы эти окончились в 1790 году. Кутузов получил за эту работу золотую табакерку, осыпанную бриллиантами (см. "Жизнь и военные и политические деяния князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского", СПб.,

1813 г., т. VI, стр. 7).

Затем для такой же цели при Александре I в 1805 году была начата постройка Обводного канала генерал-лейтенантом Герардом и окончена в 1834 году генералом Базеном. Этот канал имеет до десяти сажен в ширину, а длина его составляет восемь верст. При Александре I, в 1810 году, архитектор Модюи представлял свои предположения об устройстве города на Васильевском острове и Петербургской стороне; на этот проект государь сказал: "Проект ваш был проект Петра Великого, он хотел сделать из Васильевского острова вторую Венецию, но, к несчастью, он должен был прекратить работы столицы, ибо те, коим поручено было исполнение его мысли, не поняли его: вместо каналов они сделали рвы, кои до сих пор существуют" (см. "Критич. обзор проектов для предохранения СПб. от наводнения", соч. В. Киприянова, СПб., 1858 г., стр. 10). Затем в последующие царствования были представлены проекты: гг. академиком В. П. Петровым, Третером, Рокуром, Дестремом, Парротом, С. Усовым, Дефонтемом, Вибекингом, Базеном, Гуллетом и еще многими другими.

Наводнение в Петербурге в 1777 году. С немецкой гравюры того времени

В летописях Петербурга насчитывается до двадцати наводнений, причиною которых, как мы уже говорили, служат ветры. Масса воды, приносимой Невою из Ладожского озера, по Штукенбергу, каждую секунду, составляет до 116000 кубических футов и, следовательно, превосходит самый Нил и только немного уступает Гангу (183 970 к. ф.), далеко оставляя за собою Рейн (64160). Неву Штукенберг называет самую непостоянною рекою в мире. Непостоянство Невы замечается в том, что она на всем своем шестидесятиверстном течении из Ладожского озера почти на каждой полверсте

переменяется в ширине, и максимум таких колебаний широты Невы доходит до 200 сажен в некоторых местах. Самое узкое место – у Исакия (170сажен), у Смольного–400 сажен, у крепости – до трехсот. Глубина Невы также не равна и уменьшается по мере уменьшения быстроты: выше Невского монастыря она в $5^{1/10}$ сажен, выше Охты $7^{3/10}$, у Смольного $8^{5/10}$, ниже Таврического $8^{4/10}$, у Летнего сада $6^{9/10}$, против Бердова завода $5^{6/10}$. Быстрота Невы не во всех местах одинакова, она увеличивается по мере впадения других речек и уменьшается по мере разделения на рукава и каналы. Вот числа, которыми выражаются относительные скорости. Нева выше Невского монастыря дает в одну секунду воды: 114 659 529 куб. фут.; выше Охты 114 842 732 куб. фут.; ниже Охты 115 703 291 куб. фут.; близ Летнего сада 89 932 799 куб. фут.; против завода Берда 73 983 406 куб. фут. Путем Невы изливается в море богатейшая во всей Европе система вод, наполняющая собою всю северо-западную часть России.

В первых годах основания Петербурга жители довольно часто терпели бедствия от наводнений; по преданию, первые обитатели побережья Невы никогда не строили прочных домов, но небольшие избушки, которые, как только

приближалась бурная погода, тотчас ломали, складывали доски на плоты, привязывали их к деревьям, а сами спасались на Дудерову гору. Первое большое наводнение случилось до постройки Петербурга в 1691 году. В этом году, по шведским летописям, вода покрыла все места, занимаемые теперь городом, на двадцать пять футов высоты. Такое же наводнение, по рассказам старых рыбаков, повторялось почти каждые пять лет.

Об одном из наводнений в Петербурге на третий год по его основании, в 1706 году, есть известие в письме Петра к Меншикову. Император писал: "Третьяго дня ветром вест-зюйд такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах было сверху пола 21 дюйм, и по городу и на другой стороне по улице свободно ездили на лодках. Однако ж недолго держалась: менее трех часов. И здесь было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям, будто во время потопа, сидели – не точию мужики, но и бабы. Вода хотя и зело велика была, беды большой не сделала". Письмо это помечено "из Парадиза".

В книге "Das veränderte Russland" (Frankfurt, 1721) автор рассказывает, что в 1713 году в Петербурге два раза случались наводнения, все

острова были покрыты водою, в первый раз буря случилась ночью, и жители, почти сонные, с трудом спасались в уносимых водою постройках.

Наводнение в Петербурге 7-го ноября 1824 года. С гравюры XIX столетия

В 1715 году, ноября 5-го, вода возвысилась на 7 футов и 4 дюйма; все мосты и бульверки⁹⁴ были снесены водою; береговые укрепления тоже размыты и повреждены; жители по улицам ездили на лодках.

В 1720 году в С.-Петербурге явился пророк, который предсказывал, что 23 сентября, к зачатию Предтечи, с моря нахлынет вода на город, выше всех бывших вод. Она изведет весь

народ и затопит город, за отступление их от православия, т. е. за новые гражданские порядки.

На Петербургском острове, у Троицкой пристани, недалеко от крепости стояло старое дерево, ольха или сосна; чухны, жившие здесь еще до построения города, к этому дереву относили следующий суеверный рассказ. Будто бы в 1701 году, в ночь на Рождество Христово, они увидели свет наподобие пожара, а это на дереве, на всех сучьях его, горели восковые свечи. Тогда, надев на жердь топор, чухны собрались рубить у дерева сук с горящими свечами, думая, что свечи спадут или самую ветвь со свечами они отсекут. Но как только они несколько раз ударили по дереву, свет угас, от ударов же топора образовалась на суку впадина пальца на два, сук с пометкой был от земли на две сажени. Пророк уверял, что вода 23 сентября покроет город по сук с зарубкой. Рассказы эти поддерживали и чухны.

Население Петербурга впало в уныние. Многие стали переселяться на возвышенные места. Чтобы уничтожить суеверие, Петр приказал срубить старое дерево, и солдаты Преображенского полка, в присутствии царя, срубили его; только пень еще в 1725 году существовал, и его приходили смотреть как редкость. Пророк был наказан у этого дерева, и

собравшимся зрителям у пня срубленного дерева царь говорил, чтобы впредь не верили басням. Однако же наводнение в 1720 году, по свидетельству современной записи, действительно было, только не в тот день, в который указывал пророк.

В 1721 году, 5 ноября, Нева затопила весь город; перед этим девять дней дул сильный юго-западный ветер. Крепость, которую начали строить в 1706 году, и Ладожский канал были повреждены и занесены песком; убытки от этого наводнения доходили до 7 миллионов рублей. Камер-юнкер Бергхольц описывает его так: "С ужасом смотрел я на разные суда, оторванные ветром и уносимые бурными волнами; вода с необыкновенною силой проникала в дома, ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш. Около половины второго часа вода наконец начала уменьшаться. 10-го числа того же месяца, после обеда, вода опять начала подниматься, и 11-го числа было тоже наводнение".

После воды, случившейся 5 ноября, был читан на всех перекрестках, при барабанном бое, указ: "Как вода начнет прибывать, то весь рогатый скот и лошадей отсылать в лес". В этот вечер все придворные лошади были отосланы в лес, а некоторые, как посланника Бассевича, стояли во

втором этаже в покоях. Сам император Петр, бывший с утра в гостях у цесарского посла, графа Кинского, с невероятным трудом возвратился во дворец, от которого во время самой высокой воды выехал на буере на луг, окружавший Адмиралтейство, где лавировал около церкви Святого Исаакия.

В 1723 году, 2 октября, вода в городе была выше на два вершка, чем в предыдущее наводнение.

В 1725 году, 1 ноября, вода возвысилась на 8 футов и 2 дюйма, с этого времени вода почти ежегодно по 1777 год доходила в разное время выше трех футов. Академик Крафт рассказывает, что 5 ноября 1725 года было опять наводнение и жестокий юго-западный ветер дул с 9 часов утра до полуночи. Бергхольц заносит в свой дневник, что 1 ноября, в 10 часов утра, государыня в шлюпке ехала из Летнего дворца, где она еще тогда жила, на другую сторону, чтобы помолиться в церкви Святой Троицы, но вода была так высока, что нельзя было дойти до кареты. Государыня обратно отправилась уже не в свой Летний дворец, а в государев Зимний, с намерением остаться там жить. После обеда 2 ноября возвратился государь в Петербург; во время бывшего шторма он испытал много

опасности на пути от Дубков. Одно из следовавших за ним судов погибло, и два только человека спаслись. Царь поставил свою яхту на два якоря и так провел всю ночь.

В 1726 году в Петербурге было опять наводнение; профессор Лейтман нашел, что оно было на восемь английских футов и 2 вершка выше обыкновенного уровня воды. После этого наводнения Екатерина I издала указ: "Для опасности от такой же воды всякое строение впредь, кому где надлежит строить, выше нынешней бывшей воды на фут, и для того везде на строениях поставить знаки".

После наводнения 1726 года на Неве образовался новый остров, который от пустоты назван "остров Буян", на нем вскоре были построены пеньковые и масляные амбары.

В этом году, как говорит адмирал А. И. Нагаев, было два наводнения: 18 сентября и 1 ноября; последнего числа он находился во время прибыли воды в Кронштадтской цитадели на карауле; вода, выгнав их из караульного дома, сгоняла с банкета на банкет⁹⁵, потом покрыла всю пушечную платформу и принудила их отсиживаться на цитадельских пушках, где они, качиваемые морскими волнами, пребывали до полуночи "в отчаянии живота, однако Бог спас

всех без упаду".

В 1729 году, октября 12-го дня, было опять наводнение, вода доходила до 7 футов и одного дюйма. 15 сентября 1732 года опять была высокая вода.

В 1736 году, сентября 10-го, почти весь город был покрыт водою, ветер дул западный, очень большой. 13 декабря того же года вода снова выступила из берегов.

В 1744 году наводнение было 17 августа, вода доходила при северо-западном ветре до 7 футов. Сентября 9-го того же года поутру сильный западный ветер выгнал почти всю воду из каналов, к вечеру ветер задул юго-западный, нагнав большое наводнение.

В 1752 году, октября 22-го, в 10 часов утра, при западном ветре вода поднялась до высоты 8 футов 5 дюймов, по другим сведениям, до высоты 9S футов, все острова и части города, за исключением Литейной и части близ Невского монастыря, были залиты водою; вода как поднялась быстро при жестоком шторме, так и убыла с тою же быстротою.

В этом же году Нева возвышалась несколько раз: 25, 27 и 28 октября; в последний день, несмотря на безветрие, вода стояла целые сутки. В 1755 году вода в октябре доходила до 7 футов;

29 сентября 1756 года вода, при жестокой буре, поднималась до высоты 7 футов 3 дюймов. Августа 25-го 1762 года была чрезвычайная буря, причинившая много крушений на реке. В 1764 году с 18 по 22 ноября вода стояла от 7 до 8 футов при совершенном безветрии.

Самое ужасное наводнение произошло, как мы уже говорили, 10 сентября 1777 года. В этот день в 10 часов утра вода поднялась на 10 футов и 7 дюймов, залила город, только Литейная и Выборгская части не были под водою; в седьмом часу пополудни вода начала сбывать и в полдень вступила в берега. За два дня до этого бедствия в Петербурге стояла бурная погода; сильный юго-западный ветер был настолько велик, что отогнал воду к восточным берегам Ладожского озера, и все стоявшие у Шлиссельбурга суда обмелели. Буря особенно много принесла вреда садам и рощам Петербурга.

В "Академических ведомостях" этого года есть объявление о продаже с дачи г. Яковлева на Петергофской дороге двух тысяч мачтовых деревьев, вырванных с корнем этою бурею. В Летнем саду буря причинила много вреда: сохраняющиеся до сих пор липы с железными скобками и с костылями пострадали именно тогда; в это же время, как мы уже упоминали, разрушены были

бурею и фонтаны в Летнем саду, не возобновленные уже с тех пор.

Вид Петропавловской крепости в Петербурге в конце XVIII столетия. С рисунка, сделанного с натуры Урениусом. (Из собрания П. Я. Дашкова)

Во время этого наводнения, по словам Георги, небольшой купеческий корабль переплыл мимо Зимнего дворца через каменную набережную. Любское судно, нагруженное яблоками, занесено было ветром на десять сажен от берега в лес; почти по всем улицам ездили на маленьких шлюпках, и тогдашний обер-полицеймейстер Н. И. Чичерин проехал на ялике от своего дома

(теперь дом Елисеева, у Полицейского моста) прямо в Зимний дворец. Множество оград и заборов опрокинуто было, не говоря о домах; одна изба переплыла на противоположный берег Невы. Все лавки с товарами размыло, уцелели одни только каменные в Гостином дворе, где вода была вышиною на 1½ сажени, в мучных лавках в 2 куля⁹⁶ с половиною вышиною, в Большой и Малой Коломне и в Мещанской более ста домов со всем строением и с людьми разнесло; на взморье смыло острог, в котором было до трехсот человек; вокруг Петербурга на одиннадцать верст находили в полях трупы животных и людей.

Екатерина рано утром приказала выбить стекло в окне Зимнего дворца, откуда и смотрела на бушующие волны. Затем государыня приказала служить молебен священнику и сама молилась на коленях.

Императрица очень подробно описывает это наводнение в письме к Гримму. Вот оно: "Я очень рада, что вчера в полдень возвратились в город из Царского. Была отличная погода; но я говорила: "Посмотрите, будет гроза", потому что накануне мы с князем Потемкиным воображали себе, что берем крепость штурмом. Действительно, в десять часов пополудни поднялся ветер, который начал с того, что порывисто ворвался в окно моей

комнаты. Дождик шел небольшой, но с этой минуты понеслось в воздухе все что угодно: черепицы, железные листы, стекла, вода, град, снег. Я очень крепко спала; порыв ветра разбудил меня в пять часов. Я позвонила, и мне доложили, что вода у моего крыльца и готова залить его. Я сказала: "Если так, отпустите часовых с внутренних дворов; а то, пожалуй, они вздумают бороться с напором воды и погубят себя"; сказано, сделано; желая узнать поближе, в чем дело, я пошла в Эрмитаж. Нева представляла зрелище разрушения Иерусалима. По набережной, которая еще не окончена, громоздились трехмачтовые купеческие корабли.

Я сказала: "Боже мой! Биржа переменила место, графу Миниху придется устроить таможню там, где был эрмитажный театр". Сколько разбитых стекол! Сколько опрокинутых горшков с цветами! И как будто под стать цветочным горшкам, на полу и на диванах лежали фарфоровые горшки с каминов. Нечего сказать, тут таки похозяйничали! И к чему это? Но об этом нечего и спрашивать. Нынче утром ни к одной даме не придет ее парикмахер, не для кого служить обедню и на куртаге⁹⁷ будет пусто. Кстати, десерт⁹⁸ Бретеля (который давно прибыл и покончил после трудов и опасностей, весь

целый, не надтреснутый и не разбитый, в последней комнате Эрмитажа) нынешнею ночью едва не сделался жертвою урагана. Большое окно упало на землю подле самого стола, весьма прочного, на котором десерт расставлен. Ветром сорвало с него тафтяную крышку, но десерт остался целехонек". Далее пишет государыня, после обедни: "Обедаю дома. Вода сбыла, и, как вам известно, я не потонула. Но еще не многие показываются из своих берлог. Я видела, как один из моих лакеев подъехал в английской коляске; вода была выше задней оси, и лакей, стоявший на запятках, замочил себе ноги. Но довольно о воде, подбавим о вине. Погребка мои залиты водою, и Бог весть, что с ними станется. Прощайте; четыре страницы довольно во время наводнения, которое с каждым часом уменьшается".

Вред это наводнение принесло гораздо больший, чем наводнение, бывшее 7 ноября 1824 года; следы первого, несмотря на то, что вода не подымалась так высоко, были более ужасны в отношении гибели людей и животных, не нашедших спасения в ночное время.

После этого бедствия государыня в указе от 21 сентября 1777 года, данном г. вице-президенту адмиралтейств-коллегии и главному галерного

флота командиру графу Ив. Г. Чернышеву, повелела учредить знаки и сигналы, по которым жители должны были принимать спасительные меры; вот эти правила: "Когда в Коломнах и в Галерной гавани вода начинает выходить на берег, то дан будет сигнал: тремя выстрелами из пушек, и будет поднято на шпице всех четырех сторон по красному флагу, а ночью три фонаря; также пойдет барабанщик бить в барабан; в случае же сильной опасности для всех жителей из Адмиралтейства крепости будет сделан сигнал пятью выстрелами из пушек и выставлены будут на адмиралтейском шпице со всех сторон белые флаги, а ночью по два фонаря".

В то же время императрица приказала генералу Бауру составить план Петербурга с обозначением мест наводнения.

В 1788 году, 26 и 27 сентября, вода в Петербурге выше обыкновенного уровня доходила до 7 футов.

В сентябре 1802 года вода поднималась на 7 футов и 5 дюймов.

В январе 1822 года, в час ночи, вода также выступала из берегов, разметав по улицам лес и дрова, и была выше ординарной на 8 футов и 5 дюймов.

Но особенно много бед натворила вода в

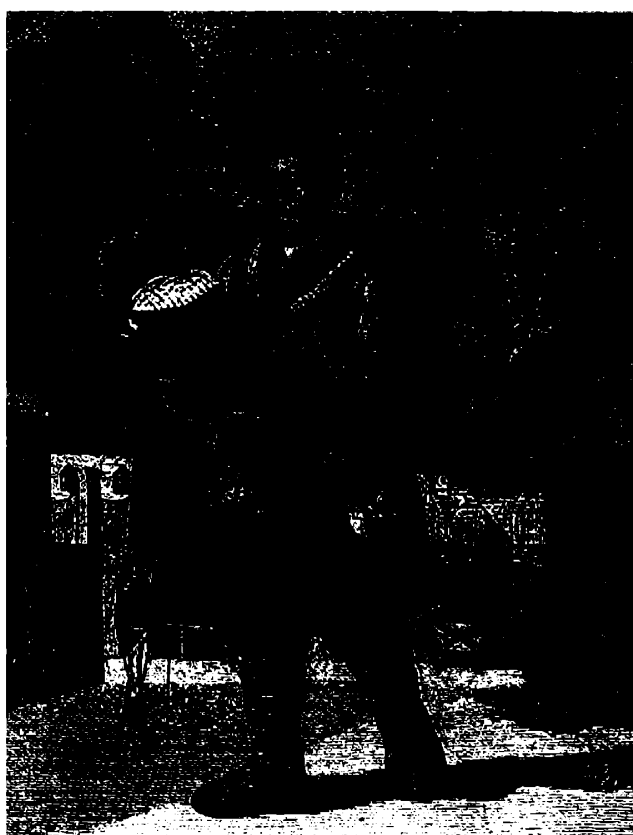
Петербурге 7 ноября 1824 года; в этот день она достигла в некоторых местах города 13 футов и 7 дюймов, по знаку же в Петропавловской крепости была выше горизонта обыкновенной воды на 12 футов и 10 дюймов.

День, предшествовавший наводнению, был самый неприятный: с самого утра шел дождь и дул холодный ветер. Барометр упал вдруг на один дюйм. К вечеру непогода уже усилилась. Булгарин пишет: "В 7 часов я уже видел на адмиралтейской башне сигнальные фонари для предостережения жителей от наводнения. В ночь настала ужасная буря; сильные порывы юго-западного ветра потрясали кровли и окна, стекла звучали от плесков крупных дождевых капель. Беспечные жители столицы спокойно почивали. С рассветом мы увидели, что вода чрезвычайно возвысилась в каналах и сильно в них волновалась. Сначала появлялись на улицах только люди, вышедшие из домов своих за делами, но около 10 часов утра, при постепенной прибыли воды, толпы любопытных устремились на берега Невы, которая высоко поднималась пенистыми волнами и с ужасным шумом и брызгами разбивала их о гранитные берега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидели несчастья, низменные места, лежащие

по берегам Финского залива и при устье Невы, были затоплены, и жители Гавани, Канонирского острова, Гутуевского, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казенного Чугунного завода, близ Екатерингофа, терпели бедствие. Невозможно описать того ужасного явления, которому были свидетелями люди, бывшие в это время на берегу Финского залива и чудесно спасшиеся от гибели. Необозримое пространство вод казалось кипящею пучиною, над которою распростерт был туман от брызгов волн, гонимых против течения и разбиваемых ревущими вихрями. Белая пена клубилась над водяными громадами, которые, беспрестанно увеличиваясь, наконец яростно устремились на берег. Множество деревянных построек не могли противостоять огромной массе воды и с треском обрушились. Люди спасались как могли: в уцелевшие дома, на бревнах, плавающих кровлях, воротах и т. д. Многие погибли, как и домашний скот и пожитки. Вода беспрестанно прибывала и, наконец, ринулась на весь город. В одно мгновение вода полилась через края набережных реки и всех каналов, через подземные трубы она хлынула в виде фонтанов.

Трудно представить себе смятение и ужас жителей: погреба, подвалы и все нижние этажи тотчас наполнились водою; каждый спасал что

мог и выносился наверх, оставляя в добычу воде свое имущество. Некоторые, слишком заботливые о вещах и товарах, погибли в погребах; толпы народа, бывшего на улицах, бросились в дома, другие спешили в свои жилища, но прибывавшая вода принудила их искать спасенья где кто мог.

Уличный продавец сбитня в Петербурге в конце XVIII столетия. С гравюры того времени Шенберга, по рисунку с натуры Гейслера

Кареты и дрожки, которые сперва разъезжали по воде, начали всплывать и спасаться на высоких мостах и по чужим дворам. В первом часу пополудни весь город, за исключением

Литейной, Каретной и Рождественской частей, был залит водою везде почти в рост человека, а в некоторых низких местах (как, например, на перекрестке Большой Мещанской и Вознесенских улиц и у Каменного моста) более нежели на полторы сажени. Вид из окон дома Котомина (дом, где лавка Елисеева, у Полицейского моста) был ужасный и необыкновенный.

Разъяренные волны свирепствовали на Дворцовой площади, которая с Невою составляла одно огромное озеро, изливавшееся Невским проспектом, как широкою рекою, до самого Аничковского моста. Мойка, подобно всем каналам, скрылась от взоров и соединилась с водами, покрывавшими улицы, по которым неслись леса, бревна, дрова, мебель. Вскоре мертвое молчание водворилось на улицах. Около двух часов появился на Невском проспекте, на двенадцативесельном катере, военный генерал-губернатор граф М. А. Милорадович, для подания помощи и ободрения жителей. Несколько небольших лодок проехало по Морской, и еще большой катер с несколькими людьми разного звания, спасшимися от гибели на берегу Невы, причалил к дому Косиковского. Близ Смоленского поля, на Петербургской стороне и вообще в местах низких, занятых

деревянными строениями, вода смыла последние до основания и улицы загромодила лесом, дровами и даже хижинами; кое-где лежали изломанные барки; одно паровое судно большой величины, с завода Берда, очутилось в Коломне, возле сада католического митрополита. На Неве все мосты были сорваны, за исключением Сампсониевского и соединяющего Каменный остров с Петербургскою стороною. Каменные и чугунные мосты все уцелели, но гранитная набережная Невы сильно пострадала, многие камни были сдвинуты с места или опрокинуты. В третьем часу пополудни вода начала сбывать, в 7 часов начали уже ездить в экипажах по улицам".

Другой очевидец этого наводнения, Башуцкий, описывает его так: "Зрелище уничтожения и гибели было ужасно. Зимний дворец, как скала, стоял среди бурного моря, выдерживая со всех сторон натиск волн, с ревом разбивавшихся о крепкие его стены и орошавших их брызгами почти до верхнего этажа. На Неве вода кипела, как в котле, и с неимоверной силой обратила вспять течение реки; набережные дома казались парусами кораблей, нырявших среди волн; мосты были сорваны и разнесены на части; два тяжелые плашкоута⁹⁹ сели на гранитный парапет против Летнего сада; барки и другие суда

с быстротою молнии неслись, как щепки, вверх по реке; люди с отчаянием, с распростертыми руками в оцепенении ожидали неминуемой гибели; огромные массы гранита были сдвинуты с места или вовсе опрокинуты.

На площади против дворца – другая картина: под небом, почти черным, темная вода вертелась как в огромном водовороте; по воздуху, высоко и быстро крутясь, носились широкие листы железа, сорванные с крыши нового строения Главного штаба; буря играла ими как пухом; два длинные деревянные тротуара поперек между заборов недоконченного здания сделали плотину, на которую волны упирали с ревом и, достигнув высоты ее, полились в Малую Миллионную; в Большую Миллионную, через узкий переулок, выходящий на Неву, вдвинуло водою огромную барку, перегородившую улицу. Люди, застигнутые водою, лезли в окна, на фонари, цеплялись за карнизы и балконы домов, прятались на вершинах деревьев, посаженных вокруг бульвара, садились на империалы карет. На Неве плыли товары в тюках, у 1-го кадетского корпуса стояли барки, возле здания Двенадцати коллегий (нынешний университет) тоже две барки с сеном.

По линиям Васильевского острова всюду

были разметаны барки с дровами и угольями; к балкону одного дома пристали два больших транспортных суда, два таких внесло в узкий переулок, часть разбитого сельдяного буяна¹⁰⁰ занесена была бурей на Петербургскую сторону.

Уличный продавец блинов в Петербурге в конце XVIII столетия. С гравюры того времени Шенберга

У Троицкой церкви стояло несколько барок с огромным грузом. По улицам Адмиралтейской части плавали могильные кресты, занесенные с кладбища" и т. д.

Еще один очевидец этого несчастья, Самуил

Аллер (см. его книгу "Описание наводнения 1824"), говорит, что улица перед Летним садом, да и самый сад, завалены были дровами и бревнами, деревянными крестами с могил, и подле сада на возвышение набережной взошли два плашкоута Троицкого моста, а между ними барка и железная решетка, приготовленная у Суворовской площади для нового через Неву моста.

Все берега Невы были завалены судами, будками и разным хламом. Особенно был загроможден проспект 9-й линии, где со всех сторон под грудями развалин были видны трупы людей и домашнего скота; также множество животных лежали полумертвыми от усталости после борьбы с водою и т. д.

Много рассказов про это наводнение находим в письмах Ив. Ив. Мартынова, известного профессора и журналиста карамзинской эпохи. Наводнение 1824 года совершенно разорило почтенного ученого и вконец лишило его всего движимого и недвижимого имущества. Вот несколько эпизодов, записанных им: по словам Мартынова, вода на Васильевском острове стала прибывать в 8 часов утра; в это время она разливалась по 11-й линии, у стен его дома; через час ученый уже плакал, видя, как вся его

библиотека, которую он собирал более тридцати лет, составленная большею частью из редких и дорогих книг, преспокойно уплывала из разбитого на улицу окна. "Прошло три часа, – продолжает он, – но вода все прибывает; казалось, ветер свистит и свирепствует еще сильнее; волны на очищенных ими от заборов и всякого лесу огородах вздымаются, как на море; брызги воды отрываются от валов, сердитых и белых, и часто пошатывается наш мезонин, и сердце замирает. Без сомнения, сорвало бы и наш мезонин и нас унесло бы, если бы с той стороны, откуда дул ветер, не было довольно высокого сарая. Вдруг затрещали в зале и в других комнатах стекла, и вот мимо моего дома несет сорванный парник, сарай, хлев или домик, с живыми или с мертвыми, придавленными людьми или животными; там плывут на бревнах; влезают на попадающиеся на дороге деревья..." При этом Мартынов рассказывает, как один работник, сидя верхом на лошади и держась за ее уши, горько обливается слезами и прямо приплыл к ним верхом. "Себя-то мне не жаль, – говорит он, когда ввели его наверх, – а что подумает хозяин, коли лошадь не сбережена".

Вода, по свидетельству Мартынова, была около его дома выше сажени. Прислуга его,

жившая во флигеле, разломала потолок и вылезла на чердак, потому что вода была до самого потолка и пробиралась уже на чердак... Одна женщина, лишась приюта, бежит по воде, выбирая для этого высокие места, с малолетней дочерью, но вода быстро прибывает... мать уже не находит возможности к спасению жизни дочери, о своей уже не думает, вдруг видит позади себя солдата, плывущего на бревне, и бросает к нему через голову свое детище. Солдат подхватывает дитя, а бедная мать на его глазах погружается в воду и утопает.

Уличный продавец зелени в Петербурге в конце XVIII столетия. С гравюры того времени Шенберга

Сосед Мартынова спасся со своей женою на большой двери, сорванной бурей; трепещущий муж держал в руках курицу, а жена собачку. Они, как после сами рассказывали, прощались друг с другом и приготавливались к смерти.

Невеселые картины видел Мартынов из своего домика. Здесь человек спасает свою жизнь, плывя в чане, там – ухватясь за гвоздь плывущего домика, на разрушенной крыше которого сидит кошка или собака; оторванная дверь служила подпорою голове лошади и т. д.

Даже такие забавные эпизоды, как сиг, заплывший в подвал Императорской публичной библиотеки, не могут потешить при общем бедствии. В переполохе один армянский священник на армянском кладбище привязал себя в церкви к стене веревкою, дабы в случае если он потонет, то по крайней мере не унесло бы его трупа без вести, так как это и случилось действительно с другими.

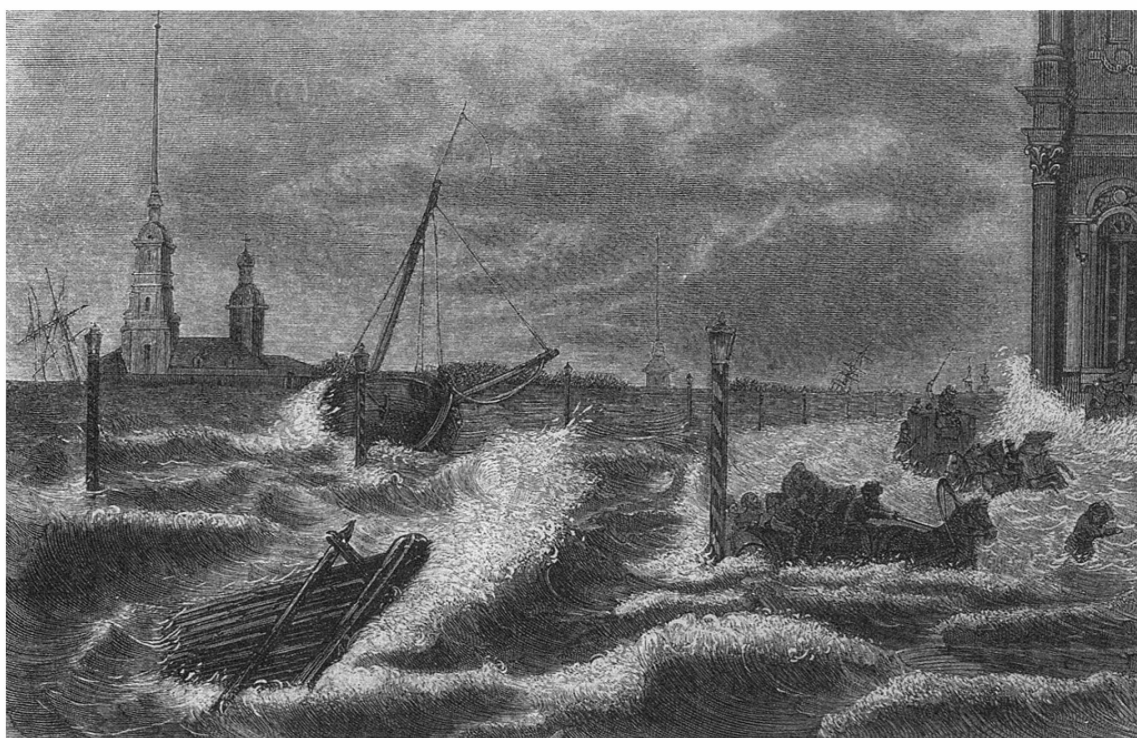
К одному англичанину принесло водою гроб, вырытый из земли, его приятеля, которого он похоронил за два дня до наводнения. От полиции была повестка с объявлением, кто из обывателей нашел гроб с непогребенным покойником, унесенный со Смоленского кладбища, и кто представит его, тому дано будет 500 рублей. К

одному владельцу дома на Выборгской стороне принесло водою в пустом сахарном ящике грудного младенца; утром после наводнения он слышит детский крик, идет к месту, где слышен крик, и находит ребенка, он улыбается; нашедший принимает его к себе на воспитание.

Мартынов говорит, что на другой день наводнения иные плакали, другие радовались, одни разорились, другие пользовались их разорением. Так, после воды Мартынову попадались солдаты, мужики и женщины с полными ведрами какой-то жидкости. "Что это?" – спросил он. "Патока", – отвечали. "Откуда?" – "А вот на бирже размыло сахарный песок". На бирже убыло сахару до 300000 пудов, соли столько же, вина более нежели на 5 миллиона рублей, 900 000 пудов муки и других товаров на многие миллионы. Уж какое раздолье! "И действительно, – замечает он, – я посмотрел на показанное место и увидел множество людей, с ведрами и другою посудой собирающих патоку у забора, где навалены были горы сахарного песка, и весело болтающих о том, кто сколько поймал утопших. Этого мало, едва успела войти вода, как начались грабежи". Мартынов в первое же утро застал у себя одного такого доброго молодца с дубинкою, собиравшего что ему угодно. "Что ты

делаешь?" – спросил он его с негодованием. "Ищу вчерашнего дня!" – мрачно отвечал он, укладывая чужое добро в свой большой мешок.

Были, впрочем, и такие добрые люди, которые на чужом несчастье не создали своего, но с опасностью для своей жизни спасали других. Так, один мужичок в продолжение нескольких часов спас четырнадцать душ; затем Соколов, секретарь Российской академии, живший в верхнем этаже, спас пятнадцать человек погибающих, подавая им веревки.

Наводнение в Петербурге в 1824 году на
Дворцовой площади. С рисунка того времени

Содержавшиеся в исправительном доме

преступники во время наводнения были выпущены на свободу, но не все захотели ею воспользоваться и с самоотвержением бросились спасать утопавших в соседнем доме старых бедных женщин и по пояс в воде выносили их.

Генерал Бенкендорф сам перешел через набережную, где вода доходила ему до плеч, сел не без труда в катер, которым командовал мичман гвардейского экипажа Беляев, и при опаснейшем плавании, продолжавшемся до 3 часов ночи, успел спасти множество людей.

Полковник Герман, получив высочайшее приказание отправиться в Коломну, в казармы гвардейского экипажа, для рассылки судов на помощь погибающим, поехал из дворца в курьерской тележке, но должен был бросить ее на дороге и сесть верхом на лошадь, которую вскоре переменил, и наконец с величайшим трудом и опасностью доехал в лодке до казарм и исполнил возложенное на него поручение. В шесть часов вечера он возвратился во дворец пешком, по пояс в воде, поддерживаемый отправленным с ним матросом.

Мичман Миллер спас 12 человек, едзя от Галерной улицы к Исаакиевскому мосту и по Неве, принимая погибающих к себе на катер. Капитан Скрыдлов на небольшом судне спас сто

человек.

Государь наградил Бенкендорфа бриллиантовой табакеркой. Герман получил Св. Анну 2-й степени, Миллер и Беляев – Св. Владимира 4-й степени.

Часовой лейб-гвардии Преображенского полка Михаил Петров не оставлял во время наводнения своего поста у Летнего сада, пока не приказал ему того ефрейтор Фома Малышев, подвергавшийся сам опасности для спасения его, потому что должен был брести к нему по пояс в воде и бороться с яростью валов, покрывавших тогда набережную.

Другой гвардейский солдат, посланный с заставы с донесением, проходя Сенную, слышит плач ребенка, плавающего на столе в нижнем этаже. Служитель останавливается, борется несколько времени с обязанностью службы и с состраданием, но последнее чувство берет верх; он, перекрестясь, кидается в воду и спасает ребенка. Между тем вода прибывает; он, не колеблясь, кидает свой кивер, сажает ребенка на голову и таким образом выносит его из опасности.

Сострадание к утопающим во время наводнения в Петербурге особенно ярко высказывалось между простолюдинами. Так,

крестьянин Иван Сысин видит, что в квартире Степана Морейского вода была вышиною более двух аршин и что там погибают четыре женщины, и в числе последних старуха 90 лет; он верхом на лошади подъезжает к дому, выбивает стекла в окнах и спасает погибающих.

Шкипер шхуны, принадлежавшей купцу Бруну, подавал помощь весь день утопающим и спас 23 человека. Аудитор Климов спас от потопления 12 человек. Плотники казенного Чугунного завода, бывшие в одном доме на Петергофской дороге, пообедав, легли отдыхать; двое из четырнадцати человек пошли спать на чердак. Когда вода стала прибывать, двенадцать товарищей стали кричать; крики, к счастью, разбудили двух спавших на чердаке, которые тотчас принялись за топоры и, прорубив отверстие в потолке, вытащили их на чердак одного за другим, и потом все спаслись на крыше.

Купец Ларионов, живший в Чекушах, видя близкую гибель своего жилища, сколотил наскоро из бревен и досок плот, на который и перебрался с женою и двумя малолетними детьми. Плот этот понесло бурю прямо к дому брата его, но вдруг порывом ветра он неожиданно разделяется, и на одной половине остались дети, которых и понесло через Неву к заводу Берда; здесь их спасают

заводские рабочие, а другую половину плота принимает брат Ларионова.

К происшествиям, заслуживающим особенного внимания, нельзя не отнести и следующего случая. Бедная вдова, жившая в Гавани в низеньком домике, при наступлении воды должна была со всеми детьми влезть на крышу, но, к ее ужасу, вскоре она увидела большое судно, с быстротою несшееся прямо на их дом. Вдова, видя неминуемую смерть, уже отчаивалась быть живой, как вдруг, на их счастье, судно засело вблизи от них между большими деревьями и стало для них так удачно, что защитило их не только от волн и наноса других судов, но даже от ветра.

Другой чиновник, живший в той же Гавани, был вынужден во время наводнения со всем своим семейством перебраться на чердак, куда успел также втащить и необходимые вещи. Вода, впрочем, все прибывала и уже касалась потолка. Несчастные стали помышлять перебраться на крышу, как вдруг увидели несшееся на них судно; ужас объял их, и они уже ждали гибели; но судно набегаёт на дом и, к общей радости, срывает только крышу с потолком...

В той же местности бедный чиновник, отправляясь на службу, оставил больную жену с

большим семейством в убогой лачужке, приказав для плотников, которые придут для поправки крыши, поставить в печь большой котел с картофелем. Печь еще не истопилась, как вода наполнила хижину; все семейство успело перебраться на печь, бедная мать ежеминутно видела с ужасом, как вода все более и более прибывала и готовила ей с детьми неизбежную смерть. Дети стали просить есть, мать вспомнила про картофель и с трудом достала его из печки. Утолив голод, дети уснули.

К счастью, вода не дошла на полвершка до того места, где они сидели, и скоро сбыла. Настало уже утро, но никто не приходил освободить их, тщетно они кричали и просили помощи. Наконец на третий день крики их услышали, и они были спасены отцом, который уже отчаивался их найти в живых, так как вся та местность была завалена хламом и развалинами домов, так что не видно было и следов домика, и только через двое суток он мог до него добраться. Дети и жена его все время заточения питались картофелем.

Жена одного солдата пошла за покупками в рынок и заперла комнату, оставив там двух малюток своих. По дороге она была застигнута водою и принуждена искать спасения в чужом

доме. С рассветом, на другое утро, спешит она домой и с горестью думает, что не найдет в живых своих детей. Но, отворяя двери, к величайшей радости и счастьем, она находит своих малюток, спящих на столе посредине комнаты. Приход матери разбудил детей, которые ей рассказывали: "Мама, мы играли в комнате, и как вода стала входить сюда, то мы вскочили на стул, а потом на стол. Нас очень забавляло, как стол начал плавать по комнате, а когда он стал подыматься, то мы не могли устоять на нем, а легли и проспали, покуда ты не пришла к нам".

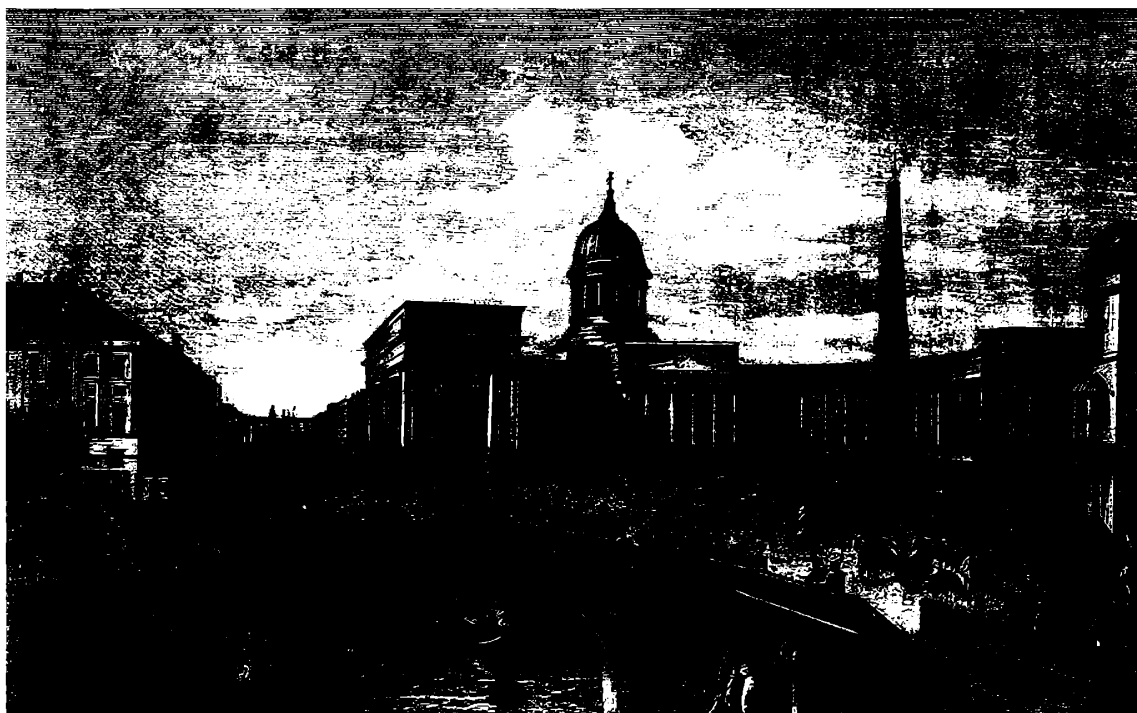
В одной из частей, более других потерпевшей от наводнения, жили три сестры, снискивавшие себе пропитание рукоделием. Две из этих сестер долго трудились, отказывая себе часто в необходимом для того, чтоб отложить что-нибудь для своей младшей сестры на приданое. Таким образом они сберегли и накопили в небольшом сундуке несколько нужных вещей из белья и деньгами до 2000 рублей. Неожиданное бедствие умчало и разрушило все ими накопленное богатство. Полуразвалившаяся их светелка, кое-как державшаяся на нескольких бревнах, была прибита волнами к берегу, где под разным хламом был найден сундучок, по раскрытии которого увидели чистое белье, платье и деньги,

бережно завернутые в узелок, но кому принадлежал сундучок, не было признака; в вещах, впрочем, еще было найдено Евангелие, на белом листе которого видна была отметка, что оно подарено такой-то. И вот эта-то надпись и дала возможность полиции отыскать владельцев сундучка и вернуть его им в целости.

Рассказам после наводнения не было конца. П. А. Каратыгин в своих воспоминаниях говорит о скряге Копейкине, проживавшем на Каменноостровском проспекте (дом Копейкина стоял на площади, где теперь Большой проспект), что он во время наводнения сидел у себя на заборе с багром в руках и, пользуясь даровщинкой, ловил приплывающие к нему дрова; иные несчастные, застигнутые водою на улице, искали спасения и карабкались на его забор, и он не только не подавал им помощи, но с жестокостью спихивал их багром в воду. Этот отвратительный скаред не остался, однако, без наказания: по приговору суда он был посажен в тюрьму и лишен доброго имени.

Точно такую же бессердечностью отличался еще житель Выборгской стороны, купец Семилоров. Тот же Каратыгин рассказывает, что он утром на следующий день пошел по улицам Петербурга – многие заборы были повалены, с

домов снесены крыши, на площадях были барки, гальоты, катера, улицы загромождены бревнами, дровами и разным хламом; на дворе стоял сильный мороз, что, конечно, увеличивало бедствие обитателей нижних этажей; сырые стены обледенели, печки разрушились, и бедные страдальцы дрожали от холода.

Вид Казанского собора. С гравюры Дормиз
начала XIX столетия

Правительство приняло тогда самые энергичные меры для облегчения участи этих несчастных, в каждой части города были устроены комитеты, в члены которых были избраны следующие особы: граф Кутайсов, Хитрово, Уваров, Болгарский, Кушелев, князь

Куракин и Энгель. Для пособия пострадавшим развозили по улицам хлеб и теплую одежду, учреждены временные приюты в больницах и частных домах. Государь пожаловал миллион рублей для раздачи бедным безвозвратно, примеру его последовали и многие частные лица; всего собрано было в пользу пострадавших 4066486 рублей 62 копейки серебром, розданы эти деньги 53 529 беднякам. По словам других очевидцев, бедствие было тем более ужасно, что рабочих рук, кроме домашних, трудно было достать, в особенности требовались печники, стекольщики, плотники, и их-то ни за какие деньги найти было нельзя, платили таким рабочим по 6 рублей в день; также и необходимый материал для работ был в недостатке: стекло перебито, глина размыта, кирпич засырел, доски на лесных дворах были большею частью унесены Невою в море. Даже очень богатые люди чувствовали недостаток, белый хлеб в Петербурге появился только на четвертый день, также и другая необходимая провизия, как, например, картофель, огурцы и капуста. Приготовленные же припасы на зиму в домах все были перемешаны со всякой вонючей нечистотой и с подземной дохлой гадиной.

В. А. Каратыгин, который во время

наводнения был с товарищами на репетиции, рассказывал, что, между прочим, их забавляла в театре возня подпольных крыс и мышей, которые подняли пронзительный писк, прыгая по креслам, лезли на стены и искали спасения в верхних ложах¹⁰¹. Наводнение, как ватерпас, ясно обозначило низменную и возвышенную местности Петербурга. Так, например, на Невском проспекте вода поднялась не более полуаршина, за Аничковым мостом количество воды было весьма незначительно, за Троицким переулком ее уже почти не было, на Песках и на Охте никто и не подозревал этого бедствия. Зато на Петербургской и местами на Выборгской стороне она возвысилась более сажени, а в Галерной гавани доходила до крыш домов. Особенно сильно бушевала вода на Смоленском поле и кладбище, представляя картину полного разрушения.

Вода хлынула на кладбище со страшною силою, все кладбищенские заборы были свалены, мосты и мостки уничтожены; кресты с могил унесены на Выборгскую сторону, где в морском госпитале всю зиму ими топили печи; также земляные насыпи на могилах смыты, камни и металлические надгробные плиты сдвинуты с места и занесены землею.

Деревянная церковь была размыта, в большой каменной вода влилась в подвал и уничтожила хранившиеся там церковные документы. Вода затопила и богадельню; три старушки думали спастись на печке и потонули, другие убежали на чердак и там спаслись.

11 ноября император Александр I, осматривая следы разрушения на Смоленском кладбище, вошел в церковь, в которой, установленной во всю ширину гробами, служили вечерню. Государь приложился к образу и вышел на паперть, утешал пострадавших от наводнения богаделенок и приказал снабдить их теплою одеждою¹⁰².

На Смоленском кладбище также и многие свежие могилы были размыты водою, и множество гробов всплыло. Рассказывали, как передает П. А. Каратыгин, что одна молодая вдова, проживавшая в одной из линий Васильевского острова, накануне похоронила на Смоленском своего старого супруга, над прахом которого не расположена была долго плакать и терзаться, потому что покойный сожитель мучил ее своею ревностью. Проводив его на место вечного упокоения, она также думала найти наконец душевное спокойствие, но каков же был ее ужас, когда вечером рокового дня она увидела гроб своего сожителя у самого крыльца ее дома!

Нечего делать, пришлось бедной вдовушке вторично хоронить своего неугомонного супруга.

После наводнения весь утонувший скот в Петербурге был отвезен на Смоленское поле, где и курилась огромнейшая жертва Посейдону-истребителю; всего скота: свиней, лошадей, коров, быков в Петербурге погибло 3600 голов. Между 4-й и 5-й линиями на Васильевском острове затонуло целое большое стадо черкасских быков.

Известный поэт того времени, граф Хвостов, почтил четвероногих утопленников следующим стихотворением:

...Свирепствовал Борей,
И сколько в этот день погибло лошадей!..
И представлялась страшная картина, как:
...По стогнам валялось много крав,
Кои лежали там, ноги кверху вздрав...

Император Александр Павлович изыскивал все способы, чтобы облегчить и утешить несчастных, пострадавших от этой страшной катастрофы. Мартынов пишет, что он видел на Чугунном заводе ужасы опустошения, которые превосходили ужасы Галерной гавани; здесь государь открывал трупы семейств, потонувших на этом заводе: "какими потоками слез орошал

ангел наш, при вопле и рыдании окружавших его несчастливцев, переживших наводнение, как он утешал их, сам неутешный". Мартынов рассказывает¹⁰³, что это зрелище было тем трогательнее, что трупы не походили на обыкновенных утопленников и были как живые; особенно на щеках детей, казалось, играл еще румянец.

Объезжая наиболее пострадавшие прибрежные места на Петергофской дороге, Александр I посетил одно селение, которое было совершенно уничтожено наводнением. Разоренные крестьяне собрались вокруг императора и горько плакали. Вызвав из среды их старичка, государь велел ему рассказывать, кто и что потерял? Старик начал по-своему: "Все, батюшка царь, все погибло: вот у афтово домишко весь унесло и с рухлядью, и с животом, а у афтово двух коней, четырех коров затопило, у афтово" и т.д. "Хорошо, – сказал император, – это все у Афтова, а у других что погибло?" Тогда объяснили государю, что старик употреблял *афтово* вместо *этого*. Посмеясь своей ошибке, государь приказал выстроить на высокой насыпи нынешнюю красивую деревню и назвать ее "Афтово".

Тысячи семейств, пострадавших от

наводнения, тотчас же получили помощь; дом военного губернатора был немедленно открыт и обращен в приют несчастным, лишившимся крова; одного хлеба в первый же день было роздано на 3500 рублей. Каждый день сюда приходило до 500 человек и жило более 250 человек. Разоренным наводнением также щедро выдавались и денежные пособия. По поводу щедрой выдачи денег рассказывают следующий забавный случай. Одна дама является к графу Милорадовичу, вся в слезах. "Верно вы не получили вспоможения?" – спрашивает ее военный губернатор. "Нет! На нас Бог прогневался, – отвечает рыдающая дама. – У всех вода была, а у нас ее не было; все получили вознаграждение, а мы не имели этого счастья!.."

Мартынов в своих письмах говорит: "Чрезвычайно замечательно то обстоятельство, что нашлись люди, которые наперед предчувствовали общее бедствие – одни с помощью инстинкта, другие с помощью примет, третьи при пособии наук. Аптекарь Имсен за два дня до наводнения перебрался из нижнего этажа в верхний. Приятель спрашивал, зачем он это делает, и стал над ним подшучивать. "Я буду смеяться, когда вы будете плакать", – услышали от него в ответ. Тогдашний физик и механик

Роспини за несколько дней до наводнения увидел, что барометр его упал так низко, как он никогда не слышал. Это обстоятельство его так встревожило, что он чуть не помешался в уме".

Одна дама передавала Мартынову, что в августе 1824 года, гуляя на Петровском острове, она заметила, что муравьи необыкновенно высоко сделали свои запасные магазины, именно на верхней перекладине ворот. "Что это значит?" – спросила она прогуливавшегося с нею старого начальника брандвахты¹⁰⁴ Лебедева. "Это весьма дурно, сударыня, – отвечал старик. – В тот год, когда быть наводнению, муравьи всегда делают гнезда свои на местах возвышенных. В нынешнем году быть большой воде; советую вам поселиться как можно выше".

В одном доме кошка, окотившаяся за несколько дней до наводнения, перенесла своих котят накануне наводнения на ту ступеньку лестницы, до которой вода не возвысилась.

Приводим главные отметки высоты воды: на Елагином острове от 7 до 10 футов; на Каменном острове – от 6 до 9 футов; на Крестовском – от 3 до 8 футов; на Аптекарском – 6 и 7,6 фута; на Петербургской стороне, у лазарета Гренадерского полка, – 7 футов; у встречи Большого проспекта и Каменноостровского – 7,6; у второго кадетского

корпуса – 5,3; на Васильевском острове, у больницы Марии Магдалины – 7 футов; в Галерной – 10,8 фута; у биржи, в сквере – 6,5 фута; у Академии художеств – 5,4; на левой стороне Невы, у Адмиралтейства, – 5 футов; на Невском, против Казанского собора, – 4,1; у Большого театра – 5 футов; на набережной Фонтанки, при начале, у училища Правоведения, на 5 футов; у Чернышева моста на 6 футов; на Садовой улице и Сенной площади – 5,3 фута; у станции Царскосельской железной дороги – 5,4; в конце Обводного канала и Эстляндской улицы – 6,3 фута.

По плану Петербурга, хранящемуся в правлении первого округа, с отметками высоты поднявшейся воды и очертанием, где была граница наводнения, черта последнего, начиная с северо-востока, проходила следующим образом: на Выборгской стороне, вдоль Большого Сампсоньевского проспекта, еще переходя несколько чрез него; потом, огибая Медико-хирургическую академию, по Ломаному пер. и Нижегородской улице, черта проходит по нынешней Самарской улице, приближаясь к Неве, потом продолжается вдоль Симбирской улицы и несколько выше Нового арсенала сливается с берегом Невы; к северу черта пересекала

Сердобольскую улицу на половине, так что на Ланском шоссе спасался от воды скот.

На левой стороне Невы черта наводнения отделялась от Невы у самого перевоза, у Смольного монастыря; далее черта идет прямо вниз по Неве, между нею и Воскресенскою набережною, и у Литейного проспекта отходит от Невы по Гагаринской улице. Здесь площадь наводнения быстро уширилась, и граница шла прямо к выдающемуся углу Фонтанки, где Екатерининский институт, и далее захватывала более половины Семеновского плаца, перерезывая угол, где от Обводного канала отделяется Введенский канал, позади Егерской церкви. Границею наводнения на левой стороне Невы были: Сергиевская улица, у штаба генерал-фельдцейхмейстера и Невский проспект, у Аничкова моста, на правой стороне Фонтанки.

Высокие места города, где воды не было: Охта, Пески, Литейная, Александро-Невская и Московская, отчасти Адмиралтейская, 1-й участок. Некоторые места Александро-Невской и Московской частей возвышаются над поверхностью воды более двух сажен. Известно, что почва Петербурга при постройке города постепенно возвышалась; так, еще в Павловское время, во время работ у Исаакиевской церкви

найдено насыпи 14 футов; при рытии водопроводных труб, у Полицейского моста, к дому Росмана, не могли отыскать материка на 9 футов глубины; у Владимирской церкви найдено насыпи 3S фута, у Знаменья, как и у церкви Рождества, так и по всей Ямской, нет нисколько насыпи (отсюда даже вывезено, со времени существования Петербурга, несколько миллионов кубических саженой песку).

В 1842 году считалось, что с основания Петербурга Адмиралтейская часть поднялась на 4S фута, Литейная и Рождественская – на 7 футов, Васильевская – от 2 до 4 футов, Петербургская и Выборгская – на 2S фута.

На Невском проспекте, против Казанского собора, в 1861 году была открыта бревенчатая дорога на 1S аршина ниже нынешней поверхности улицы.

После наводнения 1824 года губельной высоты воды в Петербурге уже не было, хотя за последние шестьдесят лет она и возвышалась несколько раз. Так, 29 июня 1827 года, в 12 часов ночи, она поднялась на 4 фута 11 дюймов, но вскоре, через час, начала сбывать. Такое возвышение воды в июне месяце было необыкновенное.

Обыкновенная эпоха наводнений в

Петербурге – вторая половина осени и редко в первой половине августа.

В 1830 году, декабря 15-го в 12 часов утра, вода возвышалась до 5 футов и одного дюйма, недоставало 11 дюймов, чтобы вода сровнялась с берегами.

Через три года, 17 августа, при сильном ветре вода сильно пошла на прибыль и достигла уже пяти футов, как вдруг ветер переменялся, и вода быстро сбыла.

Спуск корабля на Неве в конце XVIII столетия. С рисунка XVIII века Патерсона. (Из собраний П. Я. Дашкова)

Затем возвышение воды в Петербурге, принадлежащее к числу выдающихся по своим размерам и последствиям, случилось дважды в семидесятых годах. Во время первого наводнения она держалась около суток на высоте более 3 футов против ординара, а в 1879 году вода достигла высшего предела – 6 футов 8 дюймов. В этот день Галерная Гавань была затоплена до 17-й линии; на Смоленском поле бушевали волны, и гаванские чиновники на челноках разъезжали довольно свободно. Большой и Средний проспекты, на протяжении Смоленского поля, представляли одно сплошное водное пространство. Елагин, Крестовский и Каменный острова были потоплены, на Большой Неве, против Горного корпуса, вода тоже выходила из берегов и затопляла часть сложенных товаров на берегу.

Несчастий с людьми в последнее наводнение не было: в городе были приняты надлежащие меры предосторожности, и ежеминутно учащавшаяся пальба с Петропавловской крепости давала знать об угрожавшей опасности жителям подвальных и нижних этажей.

ГЛАВА VII

Петербург в царствование императрицы Елисаветы. – Граница и предместья города. – Аничковская слобода. – Первый мост в Петербурге. – История Аничковского дворца. – Прежняя церковь в Аничковском дворце. – А. Г. Разумовский, первый вельможа времен Елисаветы. – Малый театр. – Тайная канцелярия. – Обитатели дворца в нынешнем столетии. – Церкви и богослужения во времена Елисаветы. – Духовенство и прихожане. – Торжественные богослужения в придворной церкви. – Православие императрицы Елисаветы. – Посты. – Духовное сословие. – Телесные наказания. – Указы о нарушении благочиния в церкви. – Указ против юродивых. – Школы. – Разбойник Лихутьев. – Грабежи на Фонтанке. – Число сосланных в Сибирь при Анне Иоанновне. – Облыжные доносы и казни. – Почтение императрицы Елисаветы к духовенству. – Ее духовник Федор Дубянской. – Отношение к духовенству императрицы Екатерины П. – Дрезденша. – Потворенные бабы. – Похождение одной прелестницы старого времени.

Петербург в царствование Елисаветы, по свидетельству иностранцев, представлял одни противоположности – из великолепного квартала вы вдруг переходили в дикий и сырой лес; рядом с огромными палатами и роскошными садами стояли развалины, деревянные избушки или

пустыри; но всего поразительнее было то, что через несколько месяцев эти места нельзя было узнать: вдруг исчезали целые ряды деревянных домов, и вместо их появлялись каменные дома, хотя еще не оконченные, но уже населенные. С точностью до этого времени определить границы города было трудно; существовавшие планы Елисаветинского времени представляли только одни проекты. Границей города считалась Фонтанка, левый берег которой представлял предместья, от взморья до Измайловского полка – "Лифляндское", от последнего до Невской перспективы – "Московское" и от Московского до Невы – "Александро-Невское". Васильевский остров, по 13-ю линию, входил в состав города, а остальная часть, вместе с Петербургскою стороною, по речку Карповку, составляла тоже предместья. Разделение столицы на девять частей: первую, вторую и третью Адмиралтейские, Литейную, Рождественскую, Московскую, Каретную, Васильевскую и Выборгскую было сделано в 1782 году, устройство же Нарвской части последовало только в 1810 году.

В предместьях определялось строить дома: на набережной Невы – каменные, не менее как в два этажа, а по Фонтанке можно было делать и

деревянные, но не иначе как на каменном фундаменте. Весь берег Фонтанки был занят садами и загородными дачами вельмож того времени.

Первый деревянный мост через Фонтанку был Аничков, сделанный в 1715 году; название он получил от примыкавшей к нему Аничковской слободы, построенной подполковником М. О. Аничковым; позднее, в 1726 году, Аничков мост был подъемный, и здесь был караульный дом для осмотра паспортов у лиц, въезжающих в столицу.

Аничков мост перестраивали в 1742 и 1749 годах; тогда его утвердили на сваях, на которых он простоял тридцать четыре года. В царствование Екатерины II Аничков мост был уже каменный, в два свода, из дикого тесаного камня; между сводами был подъемный мост, с черными каменными башнями, в три сажени вышины; на мосту находились четыре колонны с восемью фонарями на железных рукавах; начали его строить в 1783 году и окончили в 1787 году. Вместе с ним было выстроено семь других каменных мостов. В нынешнем виде Аничковский мост выведен в 1841 году и украшен колоссальными бронзовыми группами, вылепленными и отлитыми бароном П. Клодтом.

Открыт он был в день восшествия на престол императора Николая.

Первый же исторический мост в Петербурге был Петровский, на речке Ждановке, – он соединял Петербургский остров с крепостью.

После него было выстроено еще три моста на Фонтанке, и затем, уже в 1739 году, стало вдруг в Петербурге сорок мостов; все эти мосты были тогда безымянные.

Где стоит теперь дворец великого князя Сергия Александровича (бывший дом кн. Белосельских), в Елисаветинское время находился дом князя Шаховского; рядом с ним было Троицкое подворье, затем дом гоф-интенданта Кормедона, купленный после Бироном и при Елисавете конфискованный и отданный духовнику императрицы Дубянскому, теперь дом Зиновьева; напротив, на другой стороне Фонтанки, стоял на углу, где теперь кабинет Его Величества, двор лесоторговца Д. Л. Лукьянова, купленный Елисаветою в августе 1741 года для постройки Аничковского дома для графа Алексея Григорьевича Разумовского. Ранее этого Елисавета подарила Разумовскому дворец, в котором сама жила до восшествия своего на престол; дворец этот был известен под именем "Цесаревнина", находился он на Царицыном лугу,

недалеко от Миллионной, на месте нынешних Павловских казарм.

Императрица Елисавета Петровна.
С гравированного портрета Чемесова

По принятии двора Лукьянова в казну императрица приказала гоф-интенданту Шаргородскому, архитектору Земцову и его гезелям¹⁰⁵, чтобы они "с поспешением" исполняли подготовительные работы; вскоре после того начали вбивать сваи под фундамент

дворца, делать гавань на Фонтанке и разводить сад. Спустя три года были представлены императрице архитектуры гезелем Гр. Дмитриевым для апробаций 16 чертежей дворца. Елисавета одобрила планы, и постройка больших каменных палат была начата. Главным наблюдателем над работами был назначен граф Растрелли. Отделка дворца продолжалась до 1749 года. В 1746 году Елисавета приказала на крыше палат поставить два купола: один с крестом, на Невском, где будет церковь, и для симметрии на другой противоположной части дворца на куполе утвердить звезду. Железный крест, четырехаршинной величины, был сделан на сестрорецких заводах; на золочение креста пошло один фунт 68 золотников червонного золота, или 202 иностранных червонца.

Аничковский дворец был очень большой, стоял он в те времена на открытом месте, в вышину был в три этажа и имел совершенно простой фасад. На улицу выходил на сводах висячий сад, равный ширине дворца. Другой обыкновенный дворцовый сад и службы занимали все пространство до Большой Садовой и Чернышева моста, т. е. все места, где теперь находится Александрийский театр, Екатерининский сквер, Публичная библиотека,

здания театральной дирекции и дом против него, который принадлежит Министерству внутренних дел, по Театральной улице. Подъезд со стороны Фонтанки, теперь не существующий, в былое время давал возможность подплыть на лодке к ступеням дворца. Впрочем, и в то время главные ворота были так же, как и теперь, с Невского проспекта.

На месте Александрийского театра стоял большой павильон, в котором помещалась картинная галерея Разумовского, а в другой комнате, напротив в том же павильоне, давались публичные концерты, устраивались маскарады, балы и проч. За дворцом шел вдоль всего Невского пруд с высокими насыпными берегами, и против нынешней Малой Садовой бил фонтан. Нынешняя решетка Аничковского дворца, говорят, сделана по рисунку прусского короля Фридриха-Вильгельма III.

Долгое время, еще в тридцатых годах текущего столетия, видны были фрески работы Гонзаго на полуобвалившихся стенах садовых павильонов, и у решетки на Невском проспекте держался еще небольшой храмик Фемиды.

Где стоит Публичная библиотека, был питомник растений, назади шли оранжереи, по Садовой улице жили садовники и дворцовые

служители, а на углу, против Гостиного двора, стоял дом управляющего Разумовского, Ксиландера.

На другой стороне, на углу Невского и Большой Садовой улиц, находился дом Ив. Ив. Шувалова, в то время только что оконченный и назначенный для жительства саксонского принца Карла. Шувалову принадлежал весь квартал, образуемый теперь двумя улицами—Малой Садовой и Итальянской.

В этой же местности, где теперь дом Министерства финансов, помещалась Тайная канцелярия при Елисавете, и затем при Екатерине II Комиссия нового уложения.

При переделке последнего здания, в сороковых годах нынешнего столетия, здесь были открыты неизвестно куда ведущий подземный ход, остовы людей, заложенных в стене, застенки с орудиями пыток, большой кузнечный горн и другие инквизиторские ужасы, будто целиком выхваченные из таинств Удольфских г-жи Ратклиф.

В 1747 году, 4 декабря, Елисавета указом повелела выстроить церковь в новостроящемся дворце, что у Аничкова моста, во имя Воскресения Христова, в больших палатах, во флигеле, что на Невской перспективе. Работы по

устройству церкви продолжались до конца 1750 года, под надзором графа Растрелли. Место для императрицы было поручено сделать столярному мастеру Шмидту, по рисунку Баджелли, резная же работа была отдана мастеру Дункорту.

В 1751 году церковь торжественно освящена в честь Воскресения Христа Спасителя¹⁰⁶ всеми жившими тогда в Петербурге архиереями-малороссами, приятелями графа А. Г. Разумовского. Императрица и весь двор присутствовали на освящении храма.

Церковь занимала второй и третий этажи флигеля, выходящего на Невский. Иконостас был тоже трехъярусный, вызолоченный, богатой резьбы, вышиною в пять сажен, шириною в одну сажень 2 аршина 10 вершков. В настоящее время он находится в верхней церкви Владимирской Божией Матери, вместе с образами и Евангелием, взятыми из Аничковского дворца; только царские врата теперь заменены новыми.

Елисавета, как известно, никогда не жила в Аничковском дворце, но, как гласит камер-фурьерский журнал, по праздникам нередко посещала храм.

В 1757 году Елисавета Петровна пожаловала свой "собственный Каменный дом, что у Аничкова моста, со всеми строениями и что в нем

наличностей имеется" графу Ал. Григ. Разумовскому "в потомственное владение". По смерти последнего дворец перешел во владение родного брата его графа Кир. Григ. Разумовского. (См. указ Екатерины II от 7 сентября 1771 года.)

Разумовский при жизни императрицы не жил в Аничковском дворце; он переехал в него только со смертью Елисаветы и прожил в нем до самой своей смерти (6 июня 1771 года).

Первейший вельможа времен Елисаветы, А. Г. Разумовский, как известно, происходил из певчих и был сын простого казака; родился Разумовский в 1709 году в селе Лемешах, Черниговской губернии. Не имея никакого образования, он обладал широким умом. Осыпанный почестями, он не отличался гордостью. Наружностью он был красивый и видный, чертою его характера была щедрость и великодушие.

Разумовский был крут нравом и тяжел на руку в нетрезвом виде. Графиня М. Е. Шувалова каждый раз служила молебен, когда муж ее, граф Петр Иванович, возвращаясь с охоты, не был бит батожем от Разумовского под пьяную руку. Известие это хотя для нашего времени может показаться невероятным, но то же самое подтверждает и английский посланник сэ

Вильяме в своих депешах об Апраксине, называя его трусом, и приводит в пример, что Алексей Разумовский его чуть-чуть не избил за завтраком, и он промолчал.

Граф Разумовский не жил в Аничковском дворце и в 1767 году продал его в казну. Императрица Екатерина II подарила его князю Потемкину. Последний продал его откупщику Никите Шемякину. Купец Шемякин, вместе с купцом Барминым, в 1759 году перевозил из Петербурга морем в Пруссию до гавани Пилау провиант для нашей армии. В царствование Петра III он с другим своим компаньоном, Саввой Яковлевым, понес значительные убытки, впоследствии значительная часть его состояния была конфискована; единственная его дочь была замужем за Полторацким¹⁰⁷.

От Шемякина дворец был снова куплен Екатериною и опять подарен императрицею князю Потемкину; последний здесь не жил, но давал иногда в садовом павильоне дворца великолепные праздники.

В 1785 году Аничковский дворец был снова куплен в казну от Потемкина и в 1794 году перестроен для помещения Кабинета и его драгоценностей; на перестройку пошло 50000 рублей. (Кабинет прежде помещался в

Кабинетской улице, близ Владимирской церкви¹⁰⁸.)

С 1794 года по 1809 год Аничковская церковь стала называться "Кабинетскою и Капитульскою" (?).

В 1794 году в павильоне дворца артисты стали давать публичные концерты и маскарады. Через год в этом же павильоне временно поместили привезенные из Польши книги Залусского, послужившие основанием Императорской публичной библиотеки.

Вид Аничкина дворца (дома Разумовского) и Невского проспекта в середине XVIII столетия. С гравюры того времени Бодуэна

В 1801 году архитектор Бренна построил на месте этого павильона, иждивением некоего Казасси, театр, на котором играли сначала итальянские оперы, а потом и другие пьесы.

Вскоре театр этот, прозванный "Малым", был куплен в казну и затем сломан, и вблизи него архитектором Росси был выстроен нынешний Александрийский театр; открыт последний 31 августа 1832 года.

Император Николай Павлович осматривал его 29 августа 1832 года; по словам К. К. Мердера, он приехал для осмотра в 5 часов дня, обошел все ряды лож, а потом, поместившись в императорской ложе, смотрел дивертисемент¹⁰⁹, после чего благодарил архитектора Росси.

В 1804 году главный фасад Аничковского дворца, выходящий на Фонтанку, был заслонен постройкою того здания с колоннами, загибающегося углом и на Невский, которое было предназначено для хранения произведений императорских фабрик хрустальной и фарфоровой, а также и для сдачи внаймы нижнего этажа под магазины. В то же время построена и колоннада, параллельная Фонтанке.

В том же году приказано было исправить дворец для жительства в нем помолвленной за

принца Ольденбургского Георга сестры императора Александра I, Екатерины Павловны. После брака, происходившего в апреле 1809 года, великая княгиня переселилась на житье в подаренный ей дворец, который с этого времени стал называться "дворцом ее высочества великой княгини Екатерины Павловны". В начале 1812 года во дворце случился пожар, убытки от которого вычислялись в 140000 рублей серебром.

По вступлении Екатерины Павловны во второй брак (12 января 1816 года) с королем Виртембергским дворец ее поступил в ведение департамента уделов. В 1817 году император Александр I жалует дворец в дар брату своему, великому князю Николаю Павловичу; в это время дворец отделяется заново, запущенный сад приводится в порядок, в павильонах помещается арсенал; церковь, занимающая два этажа, переводится в один верхний этаж, патроном храма избирается св. благоверный великий князь Александр Невский. С переездом великого князя в Аничковский дворец, дворец называется "дворцом великого князя Николая Павловича". В этом дворце великий князь живет до самого своего восшествия на престол (14 декабря 1826 года). По вступлении на престол император издает высочайшее повеление о наименовании его

"собственным его императорского величества дворцом". Император Николай I особенно любил Аничковский дворец и, отличая его от других, называл его "своим собственным", говоря, что он "провел в нем счастливые и лучшие годы своей жизни"¹¹⁰.

По переезде в Зимний дворец император Николай¹¹¹ каждый год по несколько раз на довольно продолжительное время переселялся в Аничковский дворец с августейшим семейством; на первой и на страстной неделе он говел и приобщался в дворцовой церкви с высочайшей фамилией; здесь же он нередко назначал крещение младенцев, которых сам воспринимал от купели, и бракосочетания знатных особ, которых желал почтить своим присутствием. Когда не было певчих, обыкновенно во дворце пел хор певчих Егерского полка; император Николай Павлович сам участвовал с псаломщиками в пении литургии. После пожара Зимнего дворца, в декабре 1837 года, император на все время, пока поправлялся дворец, переселился в свой "собственный". По смерти императора вдовствующая императрица Александра Феодоровна жила в нем со своими августейшими детьми. В 1859 году в Аничковском дворце жил великий князь Николай

Николаевич до постройки своего дворца на Конногвардейском бульваре. Теперь к Аничковскому дворцу принадлежат десять каменных домов и два павильона, примыкающих к решетке сада. Дворец существует более ста тридцати лет, и впервые со времени существования дворца в нем жительствоет зимою государь император с августейшим семейством.

В царствование Елисаветы церквей в Петербурге было немного. Все церкви тогда были низкие, невзрачные, стены в них увешаны вершковыми иконами, перед каждою горела свечка или две, три, от этого духота в церкви была невообразимая. Дьячки и священники накладывали в кадиланицы много ладону, часто подделанного из воска и смолы, от этого к духоте примешивался еще и угар.

Священники, отправляясь кадить по церкви "на хвалитех", держали себя так, что правая рука была занята кадиланицею, а левая протянута к публике. Священники, во время каждения иконам, к прихожанам подносили левую руку. Добрые прихожане сыпали в руку посильные подачки – кто денежку, кто копейку, рука наполнялась и быстро опускалась в карман, и опять, опорожненная, была к услугам прихожан (см. "Опис. СПб. епархии", т. III, стр. 68). Доходы

священников в то время не отличались обилием: за молебен платили им три копейки, за всенощную – гривенник, за исповедь – копейку и т.д. Иногда прихожане присылали им к празднику муку, крупу, говядину и рыбу. Но для этого нужно было заискивать у прихожан. Если же священник относился строго к своим духовным детям, то сидел без муки и крупы и довольствовался одними пятаками да грошами; а эти пятаки и в ту пору далеко не могли служить обеспечением. Случалось тогда и то, что во время богослужения явится в церковь какой-нибудь пьяный, но богатый и влиятельный прихожанин и, чтобы показать себя, начнет читать священнику нравоучение, поправлять службу, и бедный, нуждающийся в его подачках священник должен был выносить все это безобразие. Иногда в церкви подгулявшие прихожане заводили между собою разговоры, нередко оканчивавшиеся криком, бранью и дракой.

Случалось также, что во время службы раздавался лай собак, забежавших в церковь, падали и доски с потолка. Деревянные церкви тогда сколачивались кое-как и отличались холодом и сыростью. Причинами такого положения построек храма были, с одной стороны, печальное положение государственных

финансов, а с другой – крайняя недобросовестность строителей, прежде всего заботившихся о том, чтобы поскорей и получше найти себе в постройках источник для обогащения.

Торжественностью богослужения отличалась только одна придворная церковь. Императрица Елисавета очень любила церковное пение и сама пела со своим хором; к Страстной и Пасхальной неделе она выписывала из Москвы громогласнейших дияконов, и почтмейстер барон Черкасов, чтобы как можно лучше исполнить державную волю, не давал никому лошадей по Московскому тракту, пока не приедут дияконы.

Как мы уже говорили, православие Елисаветы Петровны было искренно, и наружные проявления религиозности были в обычае и ее придворных. Из документов тогдашнего времени мы видим, что императрица не пропускала ни одной службы, становилась на клиросе¹¹² вместе с певчими и в дни постные содержала строжайший пост и только одному своему фавориту Разумовскому позволяла во дворце есть рыбное кушанье, а остальных так преследовала за недержание поста, что другой ее приближенный, граф Бестужев, был вынужден обратиться к Константинопольскому патриарху за

разрешением не есть грибного.

К сожалению, это строгое религиозное настроение имело свою темную сторону. Тогдашние руководители православия – архиепископ Феодосии и протоиерей Дубянской – были скорее ловкие, властолюбивые царедворцы, прикрытые рясою, целью которых было не истинное благо духовенства, а скорее достижение личных выгод и личного влияния на дела.

Рядом с печатанием Евангелия и духовных книг для грузин и нового издания всей Библии¹¹³, не появлявшейся в печати с самого 1663 года, к сожалению, для улучшения быта духовенства или ничего не было сделано, или так мало, что не стоит о том и говорить. Законы того времени позволяли принимать и ставить в духовный чин лиц из всех сословий, лишь бы нашлись способные и достойные к служению в церкви. Если прихожане церкви просили о ком-нибудь, чтобы определить его к службе церковной, то от них требовалось свидетельство, что они знают рекомендуемое ими лицо: "не пьяницу, в домостроении своем не ленивого, не клеветника, не сварливого, не любодейца, не убийцу, в воровстве и мошенничестве не обличенного; сии бо наипаче злодейства препинают дело пастырское и злообразие наносят

чину духовному".

Из дел консистории видим в духовных чинах лиц всех званий: сторожей, вотчинных крестьян, мещан, певчих, купцов, солдат, матросов, канцеляристов, как учившихся в школе, так и не обучавшихся. Хотя указом еще от 8 января 1737 года требовалось, чтобы в духовные чины производились лишь те, которые разумеют "силу букваря и катехизиса", но на самом деле церковные причты пополнялись выпускаемыми из семинарии лицами "по непонятию науки", или "по безнадёжности в просодии", или "за урослием".

Ставили на иерейские должности и с такими рекомендациями: "школьному учению отчасти коснулся", или: "преизряден в смиренномудрии и трезвости", или: "к предикаторскому делу будет способный". Поступали с аттестациями и такого сорта: "без всякого подозрения честен", "аттестован достойным за благонравие и обходительство", или: "дошел до реторики и за перерослостью, будучи 27 лет, уволен". Встречались "нотаты" и такие: "проходил фару и инфиму на своем коште, и за непонятие уволен".

Не отличаясь грамотностью, петербургское духовенство поражало грубостью нравов. В среде его то и дело слышалась брань, частые ссоры

между собою и даже с прихожанами в церквах. Картина просвещения и нравственности, как видим, была самая темная. Так, священник Ямской Предтеченской церкви Иларион Андреев, на заутрени в церкви, во время чтения канонов, повздорил с капитаном Иваном Мамонтовым, а в квартире, продолжая ссору, они подрались. За сие Андрееву учинено в духовном правлении наказание плетьюми, и был он полгода в подначальных трудах в Александровском монастыре. Тогда духовенство законом не было ограждено от телесных наказаний, и потому всякий, власть имеющий, считал себя вправе, без суда и расправы, по своему усмотрению, наказывать лиц духовного звания, не говоря уже об архиереях, по мановению которых хватали священника, тащили на конюшню и там нещадно били борбарами, плетьюми и шелепами¹¹⁴.

Помимо телесных наказаний, существовали также и штрафы денежные. Так, указом 1 декабря 1736 года постановлено: в высокаторжественные и викториальные дни, на молебнах и панихидах в соборной церкви, священникам стоять в пристойных себе местах благочинно, не выступая вперед и не уступая назад, и разговоров никаких вслух и шепотом не употреблять и не кривляться, а за отступление от правила сего брать штраф по

50 копеек с человека. Церковное благочиние в то время редко соблюдалось. Назначенный обер-прокурором Св. Синода князь Я. П. Шаховской вскоре по вступлении в должность заметил, что в церквах во время службы приходящие молеельщики, вместо того чтобы молиться с благоговением, производят многие о разных светских делах разговоры.

При Анне был указ против юродивых, которые, по "неблагообразию своему, одеая в кощунствующую одежду", наводили молеельщикам в церквах в помешательство, смех и соблазн. В 1743 году вышел указ относительно нищих, которые стали производить свой сбор в самых церквах и тем развлекали молящихся. Сотские и десятские находили неприличным ловить их здесь, дабы, как сказано в полицейской проме-мории¹¹⁵, при ловле не произошел мятеж (т.е. замешательство). Св. Синод препоручил поимку нищих церковным сторожам, а за нарушение тишины и благочиния по церквам возбудил вопрос о штрафных деньгах, собираемых в храмах "за разговоры и неблагочиние". По прежнему указу сбор этот чинили обер- и унтер-офицеры; деньги записывали при священниках и причетниках в особые шнуровые книги.

Жалки были дьячки и пономари в то время, но не лучше их были учителя в казенных школах. Вот что говорит майор Данилов (см. его записки) про тогдашнюю Артиллерийскую школу¹¹⁶, где учились князья и дворяне: "Великий тогда недостаток в оной школе состоял в учителях. Сначала вступления учеников было для показаний одной арифметики из пушкарских детей два подмастерья; потом определили, по пословице, волка овец пасти, штык-юнкера¹¹⁷ Алабуева. Он тогда содержался в смертном убийстве третий раз под арестом. Он хотя разбирал несколько арифметику Магницкого и часть геометрических фигур, однако был вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителем благородному юношеству. Училища, заведенные при Петре, были тогда заброшены и скорее портили, чем воспитывали молодое поколение, домашнее же образование в высших классах ограничивалось только внешним наведением лоска".

Тот же современник императрицы Анны и Елисаветы, майор Данилов, рассказывает, что в его время был казнен на площади разбойник князь Лихутьев: "голова его взогнута была на кол". Разбои и грабежи тогда сильно распространились в самом Петербурге. Так, в

лежащих кругом Фонтанки лесах укрывались разбойники, нападая на прохожих и проезжих. Фонтанка в то время, как мы говорили, считалась вне черты города¹¹⁸.

Граф Алексей Григорьевич Разумовский. С портрета, принадлежащего княгине Е. П. Кочубей

Дом графа Шереметева считался загородным, как и другой такой дом, графа Апраксина, где жил Апраксин, когда был сослан с запрещением въезда в столицу; сюда к нему съезжались все его друзья, чтобы веселиться и пировать с ним. Полиция обязала владельцев дач по Фонтанке вырубить леса, "дабы вора́м пристанища не было" то же самое распоряжение о вырубке лесов

последовало и по Нарвской дороге, на тридцать сажен в каждую сторону, "дабы впредь невозможно было разбойникам внезапно чинить нападения". Были грабежи и на Невской перспективе, так что приказано было восстановить пикеты из солдат для прекращения сих "зол". Имеется также известие, что на Выборгской стороне, близ церкви Сампсония, в казачьей слободе, состоящей из 22 дворов, разные непорядочные люди имели свой притон. Правительство сделало распоряжение перенести эту слободу на другое место. Бывали случаи грабительства также в Петербурге, которые названы "гробокопательством". Так, в одной кирке оставлено было на ночь тело какого-то знатного иностранного человека. Воры пробрались в кирку, вынули тело из гроба и ограбили. Воров отыскиали и казнили смертию. Для прекращения разбоев правительство принимало сильные меры, но меры эти не достигали своей цели: разбойников преследовали строго, сажали живых на кол, вешали и подвергали другим страшным казням, а разбои не унимались. В то время начальником Тайной канцелярии более семнадцати лет был Андрей Иванович Ушаков. Клеврет Бирона безжалостно проливал человеческую кровь, с бессердечностью

палача, присутствуя лично на жесточайших истязаниях. Наказывал он не только престарелых или несовершеннолетних, но и больных, даже сумасшедших. В царствование Анны Иоанновны одних знатных и богатых людей было лишено чести, достоинств, имений и жизни и сослано в ссылку более 20 000 человек. Одно подозрение в поджоге тогда неминуемо влекло смерть. Так, по пожару на Морской улице, Тайная канцелярия признала поджигателями, "по некоторому доказательству", крестьянского сына Петра Петрова, называемого "водолаз", да крестьянина Перфильева; их подвергли таким тяжким смертным пыткам, что несчастные, "желая продолжать живот свой", вынуждены были облыжно показать, будто их подучали к поджогу другие люди, которые на самом деле не были причастны. В конце концов Петрова и Перфильева сожгли живыми на том месте, где учинился пожар.

Вообще, облыжные показания и доносы в то время делались даже от самых близких людей, например от жен на мужей и т.д.; доносчики получали хорошие награды. Капитан морской службы Александр Возницын, православной веры, будучи в Польше у жида Вороха Лейбова, принял жидовство с совершением обрезания.

Жена Возницына, Елена Ивановна, учинила на него донос. Возницын был жестоко пытан на дыбе и сожжен на костре, а жена, сверх законной части из имения мужа, от щедрот императрицы получила еще сто душ с землями "в вознаграждение за правый донос".

Вид Малого (французского) театра и
Аничкина дворца в начале XIX столетия. С
акварели Сабожа 1821 года

Императрица Елисавета особенное почтение питала к духовенству и очень часто приглашала во дворец членов Святейшего Синода, беседовала с ними и особенно приблизила к себе своего духовника Федора Дубянского. Это был человек

внушительно-благообразной физиономии, обладавший даром слова и, что важнее, умевший пользоваться благоприятною для себя минутою. Императрица часто от увеселений переходила к посту и молитве. Начинались угрызения совести и плач о грехах. Она требовала к себе духовника. И являлся он, важный, степенный, холодный, и тихо, плавно лились из уст его слова утешения. Мало-помалу успокаивалась его державная духовная дочь и в знак благодарности награждала его землями, крестьянами, угодьями и т. д. Одно его имение на Неве, теперь Зиновьева, стоило ему немало денег.

Совсем другими глазами глядела на духовенство императрица Екатерина П. По воле ее, весь Святейший Синод посещал придворные театральные зрелища. "Святой Синод, – пишет она Гримму ("Рус. арх.", 1878 г., кн. 9, стр. 124), – но не в одиночку, а в полном составе, присутствовал на представлении последней комедии; все они очень хохотали и хлопали оглушительно". Также довольно странны были ее отношения к своему духовнику Памфилову.

После исповеди, 4 апреля 1767 года, писала она к Храповицкому: "Адам Васильевич, заплатите за мои грехи; я получила от них разрешение" ("Рус. арх.", 1868, стр. 200). Там же

находим (стр. 199): "Адам Васильевич! Отец духовник у вас не будет ли просить для переводу шесть тысяч, с возвратом на Москве. Держите ухо востро! Желаю вам силы льва и осторожности змия!"

Из записок Екатерины II видим, что и она часто, бывши еще великой княгиней, прибегала к содействию Дубянского, когда ей нужно было выпросить у императрицы что-нибудь. Его влиянию также приписывают издание некоторых касающихся общественной нравственности указов. Так, известное в то время по скандалу "дело Дрезденши" было вызвано им, и по его же настоянию была наряжена особая комиссия разыскивать гулящих женщин, как русских, так и иноземок. Данилов в своих записках говорит, что великолепное заведение у Вознесенья какой-то приезжей из Дрездена аферистки произвело немалый переполох в тогдашнем обществе. Дрезденша повела свои дела в таких широких размерах, что жалобы дошли до императрицы, и вследствие этого наряжена была строгая комиссия под председательством кабинет-секретаря Демидова. Дрезденша была арестована и на допросе оговорила всех, кого только знала. Комиссия не довольствовалась закрытием заведения Дрезденши и отсылкой ее

красавиц на Прядильный двор, в Калинкину деревню, но повела свои розыски по всему Петербургу и его окрестностям, отыскала и тех заморских красавиц, которые жили и в других домах, и забирала даже жен от мужей по оговору Дрезденши, которые езжали к ней в дом выбирать себе мужей по нраву.

Дрезденша не была новым типом; разврат на Руси уже давно имел эти формы. Еще до Петра были известны женщины, которые назывались "потворенные бабы", или "что молодые жены с чужими мужи сваживают". Эти соблазнительницы уже и тогда вели свое занятие с правильностью ремесла и очень искусно внедрялись в дома, прикидываясь торговками, богомолками и т.д. В то время у нас разврат юридически помещался в одном разряде с воровством и разбойничеством. Но тогдашнее общество, видимо, не вменяло его в тяжкое преступление.

Сохранились предания, что гроза комиссии скоро пронеслась, и вместо закрытого заведения Дрезденши открылись новые, по крайней мере разврат не сократился. Для дополнения оставшихся преданий о нравах слабого пола приводим отрывок из письма одной прелестницы старого склада, живо рисующий тогдашнее

женское дело, по народному выражению, "перелестивое, перепадчивое".

Русский крестьянин в XVIII столетия. С гравюры Дальстена

Вот эти признания: "Расставшись с тобою, я отошла от госпожи, у которой мы вместе с тобою жили. Я пришла к Агафье, которая расхвалила меня, клялась, что я похорошела и сделалась видна и ловка. "Ты пришла очень кстати, – сказала она, – только перед тобою вышел от меня богатый господин, который живет без жены и ищет пригожую девушку с тем, чтобы она для благопристойности служила у него под видом

разливательницы чаю. Нам надобно сделать так, чтобы ты завтра пришла, немного ранее вечера, у меня есть прекрасная казимировая шинелька, точно по твоему росту; я ее на тебя надену, дам тебе мою шляпу, ты сама распустишь кудри на глаза, приукрасишься как надо, и когда все будет готово, то пошлем за господином". Как было говорено, так и сделано. Я понравилась господину, и мы условились, чтобы я в следующее утро пришла к нему с какою-нибудь будто матерью, под видом бедной девушки, которая бы и отдала меня к нему в услужение за самую незначущую цену. Ты знаешь плаксу Феклу; я наняла ее за рубль в матери, и она жалкими рассказами о моей бедности даже прослезила всех слуг. При первом изготовленном самоваре господин за искусство определил мне в месяц по 50 рублей. Две недели все шло хорошо, но в одну ночь жена моего господина возвратилась из деревни и захотела нечаянно обрадовать его, подкралась на цыпочках и вошла в спальню. Остальное ты сама можешь понять. Кончилось тем, что меня выгнали; долго бы прошаталась, если бы опять Агафья не пристроила меня к месту. Старый и страдающий бессонницею больной аптекарь искал смирного и честного поведения девушку, которая бы

большую часть ночи не спала и переменяла бы свечи. За самую небольшую цену вступила я к нему исправлять трудную должность полунощницы. Аптекарь сделался мне противен, и мне казалось, что не только он сам, но и деньги его пахли лекарством. У аптекаря я познакомилась с молодым продавцом аптекарских товаров, у которого жена была дурна и стара. Мы условились, чтобы я отпросилась у аптекаря, будто я должна ехать в Москву, а пришла и нанялась к нему в няни. Я успешно обманула аптекаря, а и того удачнее жену нового любовника. Я сделала башмаки на тонких подошвах, вымыла волосы квасом, выучилась говорить потонее прежнего и потуплять глаза в землю ежеминутно. Фекла-плакса опять была моей матерью и до слез разжалобила жену моего любовника. Молодой купец заметно сделался нежнее к детям прежнего и ежеминутно стал приходить к ним и даже ночью уходил от жены, чтобы посмотреть на них. Вскоре эти осмотры подсмотрела сама жена и уверилась, что я была нянька не детей, а взрослых шалунов. Я опять бросилась к Агафье" и т. д. Целая Одиссея любовных походов, обирательства и плутовства, которые и теперь практикуются особами прекрасного пола. Похождения

прелестницы окончились тем, что полиция отправила ее на исправление в Калинкину деревню.

Много также и клеветали в то время на петербургских дам. Леди Рондо в своих мемуарах рассказывает о поступке петербургских знатных дам с одним любезником. Возвратившись из путешествия домой, он встретил трех или четырех красавиц в доме своего знакомого, где он танцевал, пел, смеялся и был свободен с дамами *a la mode de Paris*¹¹⁹. Показав опыты своей ловкости, он начал хвастать, что успел возбудить к себе любовь в каждой из красавиц. Это дошло до слуха мужей; последние высказали женам, что они ими недовольны. Дамы пожелали, чтоб им позволено было привести с собою этого господина к своим мужьям. Все эти четы условились, чтоб одна из нимф пригласила его на ужин к себе в дом, не объявляя, что с ним еще будет. Он полетел на крыльях любви на свидание, и его приняли как нельзя лучше; но в минуту его высочайших надежд хозяйка начинает его упрекать за речи, которые он говорил. Он запирался; но к ним входят другие дамы со своими мужьями, свидетелями его вины, и обличают его совершенно. Мужья произнесли приговор, чтобы жены его высекли. Одни

говорят, что они в самом деле это сделали, другие – что они препоручили экзекуцию своим девкам.

ГЛАВА VIII

Замечательные дома Елисаветинского времени. – Анненский зимний дом. – Зимний дворец. – Залы и их убранство. – Дворцовый театр. – Закладка нового здания. – Кончина императрицы Елисаветы. – Предсказательница Ксения. – Ее могила на Смоленском кладбище. – Дом мецената Шувалова. – Литераторы прежнего времени. – Их странности и привычки. – Ловля подписчиков. – Антагонизм Ломоносова и Сумарокова. – И. Ф. Богданович и Е. И. Костров.

К замечательным постройкам Елисаветинского времени должно отнести дома графов Строгановых на Невском, Воронцова на Садовой улице, теперь Пажеский корпус, Орлова и Разумовского (ныне Воспитательный дом); Смольный монастырь, Аничковский дворец и затем составляющий резиденцию императорского дома–Зимний дворец¹²⁰. Все эти постройки тогда производились знаменитым итальянским зодчим, графом Растрелли, выписанным из-за границы еще императором Петром I. Постройки этого художника отличаются особенным характером величия; в ряду лучших произведений зодчества XVIII столетия бесспорно первое место занимает Зимний дворец, построенный им, как сказано в указе: "не подрядом, а нарядом", при сотрудничестве только двух лиц: "архитектургии

гезеля" Федора Шанина и ученика Николая Васильева. Первый Зимний дворец, в царствование императрицы Анны, расположен был в виде неправильного квадрата в четыре этажа, имел в длину 65, в ширину 50 и в высоту около 11 сажен. Он занимал место, на котором при Петре находился обширный дом графа Ф. М. Апраксина, по смерти которого дом, по завещанию, достался императору Петру П. Императрица Анна Иоанновна, возвратясь из Москвы с коронования, остановилась в этом доме, ранее этого, в декабре 1730 года, приказав гоф-интенданту Мошкову сделать к нему пристройки, как-то: церковь, четыре покоя для кабинета, четыре для мыльни, три для конфектных уборов и т. д. Работы были возложены на полковника Трезини, который и выполнил их в семь месяцев, и к осени все было готово для принятия государыни. Императрица медлила, ожидала зимнего пути, в январе выпал снег, и весь двор в трое суток прибыл из Москвы в Петербург; императрица, ступив на крыльцо адмиральского дома, навсегда утвердила его дворцом русской столицы. Несмотря на сделанные пристройки, адмиральские палаты не могли доставить всех удобств, каких требовал двор императрицы. Крытые гонтом¹²¹, тесные,

они не заключали в себе ни одной порядочной залы, где бы прилично можно было поместить императорский трон. Явилась настоятельная потребность строить новый дворец, и 27 мая 1732 года он был заложен и окончен с внутренней отделкою к 1737 году. Для работ употребили почти все находившиеся в Петербурге рабочие силы, даже от строения Александро-Невского монастыря были отняты каменщики и другие мастера.

Все здание вмещало в себе церковь, тронную залу с аван-залом, семьдесят разной величины покоев и театр. Дворец первоначально покрыт был гонтом; впоследствии, однако же, перекрыт железом, а весь гонт из разобранной крыши императрица пожаловала на казармы Измайловского полка. Девяносто печей согревало все здание; печи в среднем этаже положены были из живописных изразцов и покоились на деревянных золоченых ножках; осенью и зимою ежемесячно на отопление дворца выходило по сорока сажен дров. Наружный вид здания был очень красивый; главных подъездов во дворце было два: один с набережной, а другой со двора; подъезды были украшены каменными столбами и точеными балясами, с поручнями столярной работы; балконов было три: один на сторону

Адмиралтейства, другой на Неву, третий на луг; лестницы на невский подъезд и невский балкон были сделаны из белого камня; на крыше, для стока воды, проведены были желобы, которые оканчивались двадцатью восемью большими медными драконами, весом каждый в три с половиною пуда; на фронтисписе¹²² две лежащие деревянные фигуры держали щит с вензелем императрицы; фронтиспис был весь вызолочен. Комнаты были расположены в следующем порядке: в средних этажах главного корпуса помещались парадные покои с разделяющею их темною галереею, которая примыкала к зале, где теперь столовая; из этой залы, через небольшой кабинет, был ход в большую залу; к ней от угла примыкали четыре малых покоя, или кабинета; из большой залы был ход в аванзалу. К последней вела лестница, проведенная с внутреннего и невского подъездов.

Аванзала была отделена глухою стеною; при ней стояла резная пирамида с фарфоровой посудой, называемая "буфетом". У лестницы, что вела к аванзале, была церковь, ныне Малая¹²³. В луговой стороне здания находился небольшой театр. На нижнем этаже, кроме кухонь, сеней, галерей и лестниц, было пятнадцать комнат; из них в двух некоторое

время помещалась камер-цалмейстерская контора¹²⁴, в четырех – гоф-интендантская, а три назначены были для караульных и дежурных. На верхнем этаже двадцать четыре жилые комнаты. Всех окон в главном среднем этаже было 180, в нижнем 111 и в верхнем 116; во всем дворце дверей было 130, в среднем этаже все из дуба.

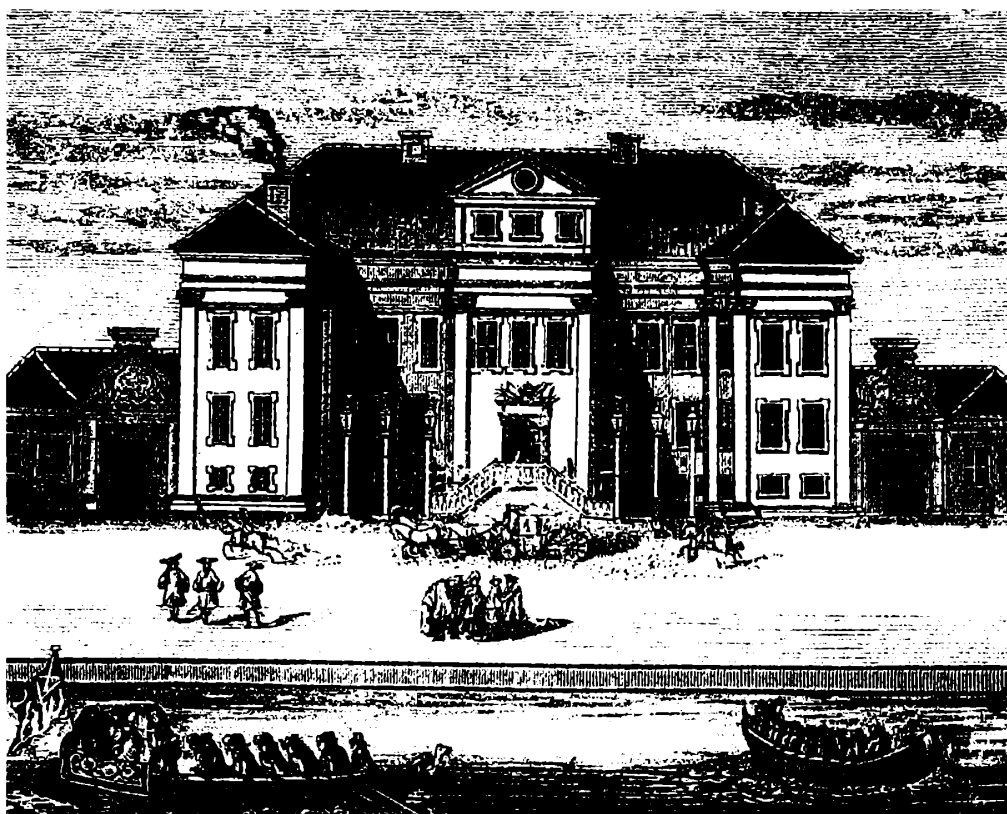
В большой зале стоял резной трон; к нему вели шесть ступенек, разделенных уступом, или площадкою; балдахин на четырех точеных колоннах "композического" ордена; на других четырех точеных колоннах хоры для музыкантов, с точеным же балюстрадом; пятьдесят четыре резные пилястра поддерживали потолок, или, вернее, один целый великолепный плафон, написанный Л. Караваком¹²⁵ при сотрудничестве девяти живописцев и двадцати двух учеников, маляров и московских "списателей" икон.

На цепях, обернутых гарусом и усыпанных медными золочеными яблоками, висело огромное паникадило. В 1737 году оно упало, но вскоре его опять укрепили на месте. Между окон расставлены были двадцать четыре кронштейна с подсвечниками; "уборный пол" сложен был из четырехсот дубовых штук с трехцветною посередине звездою, в четыре сажени в диаметре; в окнах и некоторых дверях были вставлены

зеркальные стекла, присланные из Франции. Аванзала была также украшена пилястрами, штучными полами, зеркальными окнами и плафоном работы того же Каравака. У стены, отделявшей новый зимний дом от адмиральских палат, возвышалась, как мы уже сказали, резная с позолотою пирамида; на ней симметрически расположена была фарфоровая и металлическая дорогая посуда. Из остальных комнат только галерея была украшена двенадцатью картинами и двенадцатью барельефами, шестью хрустальными люстрами, с такими же двенадцатью кронштейнами с подсвечниками и резными головками и фигурами с яркою позолотой, как их называет Растрелли – "мушкаррами и купидами". По исполнению этой кудрявой резной работы заслуживают похвалу имена следующих мастеров этого дела: Сен-Лоран с сыном, Соломон Цельбрехт, столяр Мишель и штукатурной композиции или лепной работы Александр Мартели.

Прочие комнаты дворца были украшены белеными панелями и обоями; где не было паркета, там положены полы дубовые и сосновые. Лестницы были из полированной плиты с точеными поручнями, украшенные статуями; пол в сенях из мрамора и потолки отделаны лепною

работою. Театр в здании дворца был довольно обширен; он имел 25 сажен в длину и десять в ширину и отоплялся десятью печами. Рисунок театра составлял тоже Растрелли, но исполнял по этому рисунку, а также писал декорации и строил машины "комедияльных дел мастер" итальянец Диронбон, или, вернее, Джироламо Бон.

Зимний дворец при Петре Великом. С
гравюры 1716 года

Первая репетиция в этом театре была исполнена 13 января 1736 года, а первое представление 20 января; во время игры на театре передвигали декорации сорок человек солдат. Нет

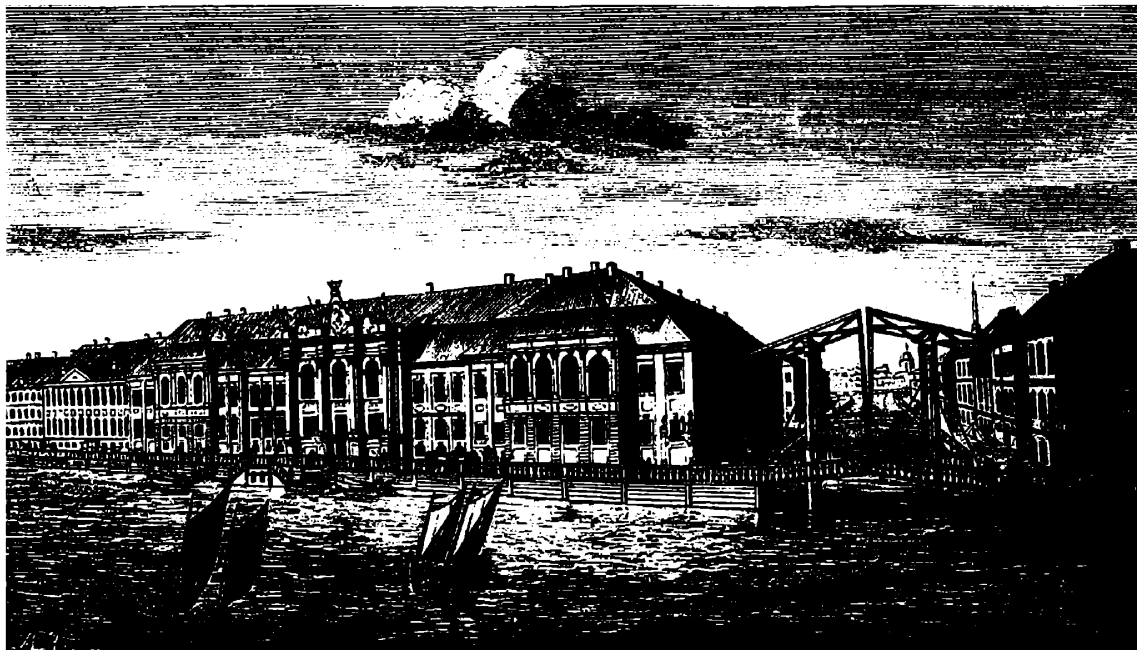
сомнения, что этот зимний придворный "Театр-комедия" находился в особом флигеле, отделенном от адмиралтейского тремя проходными покаями и светлою галереею. В 1742 году он был значительно распространен и назывался то "Комеди опера", то "Оперным домом". Елисавета, как известно, положила первое прочное основание русскому театру и множество мелочных театральных удобств придумывала сама лично. Чертежи, впрочем, составлял Растрелли, и уже по ним исполняли Валериани и Джибелли. Так, находясь в Москве в 1749 году, государыня приказала Растрелли, чтобы возле большой царской ложи "сделать решетку створчатую, чтобы можно было отворять и растворять, и вызолотить, да для теплоты камин, по препорции, с закрышкою трубы". В 1750 году императрица приказала Растрелли сделать вновь небольшой переносный театр, который бы можно вносить и выносить в скорости в проходные залы. Представления во времена Елизаветы происходили в неопределенное время, по предварительному назначению государыни, иногда за две недели вперед, а иногда указано было представлять комедии и "трагедии" два раза в неделю – каждый вторник и пятницу, а действовать

начинать в семь часов пополудни. В Анненском зимнем доме, до постройки и даже в первые годы работ нового дворца, Растрелли ежегодно в день коронации устраивал в большой зале и галерее фонтаны, "кашкады, банкетные столы" и украшал стены великолепными огнями. Здесь же праздновались дни "вечного замирения с короною шведскою в 1743 году" и по случаю бракосочетания государя наследника с великою княгинею Екатериною Алексеевною в 1745 году. Последнее было великолепнее всех других торжеств ее царствования. Для фонтанов выкопали особые из Невы каналы; устроили огромные бассейны, шестнадцать лошадей поднимали в них воду; для каскадов сходы и другие украшения расписали под мрамор; шесть тысяч шкаликов освещали большую залу; на лугу и у дворца для народа поставлены были крашеные пирамиды и били фонтаны из меда и других напитков.

Пристройки и переделки к Зимнему дворцу не могли все-таки сообщить зданию удобств; притом же самая странность вида дворца, примыкающего одной стороной к Адмиралтейству и с противоположной стороны к ветхим палатам Рагузинских, не могла нравиться императрице. От ворот по правую руку с луговой стороны

местность представляла пестрый, грязный, недостойный места вид: длинный ряд деревянных построек, сараи, конюшни – все это некрасиво, кое-как лепилось в виду дворца.

Наконец, в 1754 году императрица решилась заложить новое здание, сказав, что "до окончания переделок будет жить в Летнем новом доме", приказав строить временный дворец на порожнем месте бывшего Гостиного двора, на каменных погребах (у Полицейского моста). В июле начали бить сваи под новый дворец. Нева усеялась множеством барок, и на всем пространстве, от дворца и Мойки, рассыпались шалаши рабочих. В ведомостях явилась публикация о вызове к поставке 140000 бочек извести свинорецкой и сяжской, а затем и других материалов; постройка шла медленно; для работников не могли найти крова, рабочие жили в шалашах и землянках на лугу или в отдаленных частях города. Лучших мастеров с трудом разместили в казенных домах на Крюйсовом дворе, в Мусин-Пушкинском, Панинском и т.д. Несмотря ни на какие усилия, Растрелли не мог исполнить приказания императрицы насчет поспешного окончания работ. Первою остановкою работ была невыдача денег рабочим, так, вместо 120000 отпускали в год 70000 или 40000.

Зимний дворец в первой половине XVIII столетия. С гравюры того времени Махаева

Растрелли от огорчения заболел; больной он, однако ж, не переставал действовать; предписания и рапорты подписывал за него бывший при нем помощник Фельтен.

К осени 1761 года, согласно обещанию Растрелли, императорский Зимний дворец был окончен вчерне. Елисавета изъявила желание обозреть работы, для чего приказала Растрелли "очистить место, где будет стоять карета для приезда к дворцу", и затем сделать подъемный стул и тот покой, где будет стул, обить бумажными обоями. На Святой неделе государыня посетила свой новый дворец, осталась всем довольна и изъявила желание видеть

поскорей свои покои оконченными. Растрелли просил только о правильном отпуске денежных сумм и обещал окончить в сентябре 1762 года. Но время шло только в переписках, и Растрелли денег не получал. В ноябре государыня приказала, чтобы большая церковь непременно была готова для освящения к 25 апреля 1762 года и к освящению исправлено пять-шесть покоев, где бы полы были гладкие, столярной работы, без клея, а панели и коробки выкрашены были под золото. Растрелли приказал исправить подъемный стул и покой, где он находился, каждую неделю делать пробу, а от стула в другие покои настлать дорожку. Но императрица не только была лишена удовольствия видеть оконченным лучший архитектурный памятник ее времени, но и присутствовать при освящении большой церкви. 25 декабря 1761 года государыня внезапно скончалась.

По преданию, смерть императрицы предсказала петербургским жителям известная в то время юродивая Ксения, могила которой на Смоленском кладбище и до сих пор пользуется особенным уважением у народа. Ксения накануне кончины императрицы ходила по городу и говорила: "Пеките блины, вся Россия будет печь блины!" Ксения Григорьевна была жена

придворного певчего Андрея Петрова, состоявшего в чине полковника; она в молодых годах осталась вдовою; тогда, раздав все свое имение бедным, она надела на себя одежду своего мужа и под его именем странствовала сорок пять лет, изредка проживая на Петербургской стороне, в приходе святого апостола Матвея, где одна улица называлась ее именем. Рассказывают, что Ксения пользовалась особенным уважением у петербургских извозчиков, которые, завидя ее где-нибудь на улице, наперерыв один перед другим предлагали ей свои услуги в том убеждении, что которому из них удастся хотя сколько-нибудь провезти Ксению, тому повезет счастье. Год смерти ее неизвестен; одни уверяют, что она умерла до первого еще наводнения (1777 года), другие же – что при Павле. Могила Ксении издавна пользуется особенным почитанием и уважением; в скором времени после ее похорон посетители разобрали всю могильную насыпь; когда же была усердствующими положена плита, то и плита была разломана и по кусочкам разнесена по домам. Сделана была другая плита, но и та недолго оставалась целою. Ломая камень и разбивая землю, посетители бросали на могилу деньги. Тогда к могиле прикрепили кружку, и на собранные таким образом пожертвования

построили памятник в виде часовни, с надписью: "Раба Ксения, кто меня знал, да помянет мою душу для спасения своей души". И действительно, ни на одной из могил на Смоленском кладбище не служится столько панихид, как здесь.

Одним из красивейших домов Елисаветинского времени был дом знаменитого "предстателя муз", первого русского мецената Ивана Ивановича Шувалова; стоял он на углу Невского и Большой Садовой, где так долго на нашей памяти помещался трактир Палкина, а теперь фортепьянный магазин Шредера. Дом был выстроен в два этажа по плану архитектора Кокоринова¹²⁶. Шувалов праздновал в нем новоселье 24 октября 1754 года великолепным маскарадом, про который М. В. Ломоносов сказал следующие стихи:

Европа что родит, что протчи части света,
Что осень, что зима, весна и кротость лета,
Что воздух и земля, что море и леса:
Все было у тебя, довольства и краса...

Богатая анфилада комнат дома Шувалова была вся увешана портретами и картинами. В главной зале, выходящей окнами на Невский, сидели у дверей за столиком два старика, вечно играя в пикет; один из них был огромного роста,

другой – низенький старичок в черном кафтане; первый был гайдук-силач, спасший Шувалову жизнь в Швейцарии, другой – камердинер, француз Бернар. Оба старика жили на пенсии и ежедневно безотлучно дежурили в картинной зале. Как раз над их головами висела большая картина с изображением печального эпизода из жизни Шувалова, чуть-чуть не стоившего ему жизни. На картине был представлен швейцарский пейзаж, где на высоте большой горы виднелась повисшая над пропастью карета, которую поддерживает своими плечами огромный гайдук. В светлой угловой комнате с семи окнами, в большом кресле у столика, окруженный книгами и друзьями, сидел маститый седой старик, сухощавый, среднего роста, в светло-сером кафтане и белом камзоле.

Видевший Шувалова уже семидесятилетним старцем, Тимковский говорил о нем так: "Речью и видом он был бодр, но слаб ногами, лицо у него было всегда спокойное, поднятое; обращение со всеми упредительное, весело-видное, добродушное. В разговорах он имел речь светлую, быструю, без всяких приголосков. Русский язык его был с красивою обделкою в тонкостях и тонах, французский он употреблял, где его вводили и когда, по предмету, хотел что

сильнее выразить".

В этой угловой гостиной у него собирались образованнейшие люди того времени: Ломоносов, Сумароков, Костров, Богданович, Державин, Шишков, княгиня Дашкова, Оленин, Перепечин (известный тоже меценат, директор банка), Кирилло Каменецкий (его домашний врач), автор знаменитого в свое время "Травника". Из гостиной боковой выход вел в кабинет, оттуда шли его жилые комнаты окнами на двор, прямо же вдоль Садовой улицы шла длинная галерея с библиотекою, а за ней и домовая церковь, в которой сановитого вида дьячок читал малороссийскою речью. Шувалов в церкви, по большей части, сидел в креслах с подостланным ковром; вельможа имел привычку во время разговоров задумываться и креститься у груди небольшим крестом. Это была его давнишняя привычка, которую он приобрел, живя в век вольнодумства. Дом Шувалова видел многих монархов. Императрица Елисавета в течение года очень часто у него обедала и ужинала; сюда же, в дом Шувалова, привозили в 1756 году бывшего императора Ивана Антоновича для свидания с императрицею. Здесь же почти ежедневным гостем был император Петр III, и позднее очень часто приезжала Екатерина Великая. Перед этим

же домом на другой день кончины Шувалова, проезжая мимо верхом, император Павел остановился, снял шляпу, поглядел на окна и низко поклонился.

У Шувалова собирались все литераторы того времени. В юной возникавшей тогда журналистике происходили такие же споры, что и теперь, каждый превозносил себя, и каждое издание хотело превзойти остальные и стать во главе всех. Полемика, зависть, даже личные, не совсем церемонные намеки так и сыпались перекрестным журнальным огнем и при встрече пишущих. Ловля подписчиков в то время происходила самым комическим образом: особенно рьяные журналисты раздавали даром нерасходившиеся номера своего издания, с тем чтобы получивший даровой номер не подписывался на другие журналы. Издатель "Поденщины", Василий Тузов, глубокий провинциал, на одном вечере у Шувалова прямо сказал жене Рубана, издателя еженедельного журнала "Ни то ни сё": "Скажите вашему мужу, что я его не боюсь и что он неосновательно думает, что у меня нет денег на издание; вот оне", – и он показал при этом пачку ассигнаций.

При встречах литераторы того времени редко церемонились, и, как рассказывал сам Шувалов

Тимковскому (см. его записки в "Москвитяине" 1852 г.), особенно были такими непримиримыми врагами Ломоносов с Сумароковым. "В спорах Сумароков чем более злился, тем более Ломоносов язвил его; и если оба не совсем были трезвы, то оканчивали ссору запальчивою бранью, так что я был принужден высылать их обоих, или чаще Сумарокова.

И. И. Шувалов. С редчайшего гравированного портрета Чемесова. (Из собрания П. Я. Дашкова)

Если же Ломоносов занесется в своих жалобах, то я посылаю за Сумароковым, а с тем, ожидая, заведу речь о нем. Сумароков, услышав у дверей,

что Ломоносов здесь, или уходил, или, подслушав, вбегает с криком: "Не верьте ему, ваше превосходительство, он все лжет; удивляюсь, как вы даете у себя место такому пьянице, негодяю". – "Сам ты пьяница, неуч, под школой учился, сцены твои краденые!" Но иногда, – замечает Шувалов, – мне удавалось примирить их, и тогда оба были очень приятны". Примирение, впрочем, не всегда удавалось. Существует письмо Ломоносова к Шувалову от 19 января 1761 года (см. альманах "Урания"): "Никто в жизни меня больше не избил, как ваше высокопревосходительство: призвали меня сегодня к себе; я думал, может быть, какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям... Вдруг слышу: помирись с Сумароковым! т.е. сделай смех и позор! Не хотя вас оскорбить отказом при многих кавалерах, показал вам послушание; только вас уверяю, что в последний раз, – ваше превосходительство, имея ныне случай служить отечеству спомоществованием в науках, можете лучшие дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Не только у стола знатных господ, или каких земных владетелей, дураком быть не хочу..." и т.д.

Если Ломоносов и Сумароков всегда шумели

на вечерах Шувалова, то встречались из литераторов того времени и такие, которых в обществе считали образцами светскости. К таким принадлежал всегдашний гость Шувалова, автор "Душеньки", Ипполит Федорович Богданович. Ходил он всегда щеголем в французском кафтане с кошельком¹²⁷ на спине, с тафтяной шляпой (клак) под мышкою; если он не садился играть в карты, то всегда рассказывал о дневных и заграничных новостях. Он только не любил говорить или даже напоминать о своих стихах и был очень щекотлив насчет произведений своего пера. После выхода "Душеньки" он сделался гостем большого света, все вельможи наперерыв приглашали его и почитали большою честью, чтобы автор "Душеньки" дремал за их поздними ужинами. По выходе в свет "Душеньки" (в 1778 году) носилась молва, что Богданович не был ее автором. Злые языки говорили, что у Богдановича жил молодой талантливый человек в качестве переписчика, который, тайком от Богдановича, читал в своем кругу отрывки из своей "Душеньки". Этот молодой человек вскоре умер, оставив все свои произведения Богдановичу. Вскоре после этого времени и вышла "Душенька". Может быть, тут и говорила зависть, но современники твердили: в "Душеньке" не

Богдановича перо и не его воображение.

Как бы в контраст опрятному Богдановичу, у Шувалова постоянным гостем бывал человек и самой неряшливой внешности, – это был известный поэт Ермил Иванович Костров. Видом переводчик Гомера был человек невысокий, с лицом большим, по которому у него выступали красные пятна, особенно нос его отличался багрово-красным цветом. Платье его было всегда изношено, особенно локти всегда были протерты, зато парик его был напудрен, убран в букли и при густо на помаженной косе. Этого требовал тогда этикет... Впрочем, нередко случалось, что лицо Кострова было все засыпано мукою, букли и прическа растрепаны, и из них выпадали шпильки; коса тоже лезла из ленты и рассыпалась по плечам, а худой испачканный камзол едва держался на плечах, и сам поэт шатался.

Впрочем, Костров и трезвый был не тверд на ногах. Бекетов рассказывает: когда Костров шел по улице, то какая-нибудь старуха, увидев его, скажет с сожалением: видно, бедный больнехонькой! А другой, встретясь с ним, пробормочет: "Эк нахлюстался!" Ни того, ни другого: и здоров, и трезв, а такая была походка! Дмитриев говорит, что домашние Шувалова обращались с Костровым, почти не замечая его в

доме. "Однажды, – рассказывает Дмитриев, – спросил я, дома ли Ермил Иванович? Лакей отвечал: "Дома, пожалуйста сюда", – и привел меня в девичью, где девки занимались работой, а Ермил Иванович сидел в кругу и сшивал разные лоскутки. На столе, возле лоскутков, лежал Гомер; на вопрос, чем это он занимается? – Костров отвечал: "Да вот девчата велели что-то сшить", – и продолжал свою работу".

А. П. Сумароков. С гравированного портрета
Зейферта

Граф Д. И. Хвостов, известный певец Курбы, спросил однажды Кострова, отчего он так

позабыл себя? – "Меня не разгадали... – отвечал поэт, – мне хотелось учить поэзии с кафедры".

ГЛАВА IX

Воцарение Петра III. – Новоселье в Зимнем дворце. – Комната императора. – Освящение церкви во дворце. – Образ жизни государя. – Его шут. – Милости императора. – Отделки в Зимнем дворце при императрице Екатерине II. – Жизнь государыни во дворце. – Ее привычки и ежедневные занятия. – Анекдоты из жизни Екатерины. – Туалет государыни. – Приемы в уборной вельмож и придворных. – Обед императрицы. – Одежда государыни. – Подарки приближенным. – Прогулки государыни по улицам. – Конюшня императрицы. – Парадные выезды государыни и ее придворных. – Извозчики. – Почтовая езда. – Приказ Павла I о высылке всех извозчиков из Петербурга. – Мостовые и загородные дороги. – Поездки помещиков и вельмож в деревни. – Путешествия Потемкина. – Орловский помещик Неплюев. – Эрмитаж. – Приобретение разных коллекций. – Придворные увеселения. – Маскарады, большие и малые. – Интимные собрания в Эрмитаже. – Театр в Эрмитаже. – Знаменитости тогдашнего артистического мира. – Список пьес Эрмитажного театра. – Парадные спектакли.

Зимний дворец стал обитаем с воцарением императора Петра III; этот государь первый поселился в нем 7 апреля 1762 года, накануне дня Светлого Воскресенья. Зимний дворец, построенный Елисаветой, внутренней отделкой не был еще готов в первые дни царствования Петра

III; также и вся площадь перед дворцом была загромождена сплошь разными сараями и лачужками, в которых жили мастеровые и рабочие. Кроме того, здесь же лежали целые горы мусора, щебня, кирпича и т.д., так что подъехать к дворцу не было возможности. Генерал-аншеф барон Корф, исполнявший тогда должность генерал-полицеймейстера в Петербурге, предложил государю, чтобы очистить эту местность от хлама, отдать всю рухлядь бедным жителям города. Императору понравилось это предложение, и он приказал немедленно объявить, что отдает все это народу. Не успело пройти несколько часов от позволения, как со всех сторон и изо всех улиц бежали и ехали целые тысячи народа, всякий спешил ломать и отвозить в дом свой постройки и опять возвращался за хламом. Площадь, по рассказам современников, представляла зрелище довольно любопытное; сам государь долго не мог оторваться от окон, смотря, как народ рвал и тащил все; к вечеру от всего этого несметного количества хижин, лачужек, шалашей и т. д. не осталось ни бревнушка, ни одной дощечки, все было свезено и очищено, и даже на щебень и мусор нашлись охотники.

Не успели еще площадь хорошо очистить, как государь уже переехал в новый дворец, где занял

часть фасада, выходящего окнами на площадь и угол Миллионной. Эти апартаменты известны были потом под названием комнат короля прусского. Переезд императора не отличался никаким особенным церемониалом; покои, которые он занял, отделывал для него известный в то время ученик Растрелли, архитектор Чевакинский. Штучные полы и живописные плафоны для этих комнат были выписаны из Италии. Спальной государя была угловая комната на площадь, рядом с нею помещалась его библиотека. Государь приказал также над подъездом (нынешним Комендантским) устроить шатер (фонарчик) и в нем отделать себе кабинет; обделка последнего обошлась в 3643 рубля. Государыня Екатерина Алексеевна заняла после переезда во дворец комнаты, известные после под наименованием комнат императрицы Марии Феодоровны.

В день переезда императорской фамилии в Зимний дворец, в Великую субботу, была освящена придворная соборная церковь Новгородским архиепископом Дмитрием Сеченовым во имя Воскресения Господня. Позднее, в 1763 году, при перенесении в церковь древнего образа Христа Спасителя на убрусе, по воле Екатерины II, храм был вновь освящен 12

июля преосвященным Гавриилом, архиепископом Петербургским и Шлиссельбургским, во имя Спаса Нерукотворного образа¹²⁸.

Император не присутствовал при освящении храма; воспитанный в правилах лютеранства, он не любил ходить в русскую церковь и подчиняться ее обрядам. Пока Петр III жил еще в Голштинии ребенком и была надежда, что он вступит на русский престол, его учили закону Божию у иеромонаха Греческой Церкви; но по вступлении Анны Иоанновны на престол надежда эта рушилась, и к Петру был приставлен пастор для обучения "лютеранской догме". После приезда его в Петербург и объявления наследником русского престола он опять стал исповедовать православную веру, и к нему был назначен императрицей Елисаветой законоучитель Симон Тодорский¹²⁹. Елисавета даже сама учила его креститься по-русски. Но Петр не особенно охотно подчинялся ученью и догматам Православной Церкви, он спорил с Тодорским, и часто так горячо, что нередко бывали призываемы его приближенные, чтобы охладить его горячность и склонить к более мягким выражениям. Петр также никогда не соблюдал постов, он ссыался всегда по этому поводу на пример своего деда Петра I, который

тоже не мог есть ничего рыбного. При вступлении своем на престол Петр III послал предложение духовенству ходить в светском платье и обратить внимание на излишек икон в церквях. Новгородский архиепископ Димитрий воспротивился этому нововведению и получил приказание тотчас же выехать из Петербурга. Впрочем, через неделю император простил его.

Позднее, в царствование Екатерины II, духовенство, бывшее на службе за границей, по возвращении в Россию имело уже право брить бороды и ходить в светской одежде. Первый из православных священников брил бороду Самборский, известный друг Сперанского, занимавший в царствование Екатерины, Павла и Александра весьма почетное место в духовной иерархии. Такое бритье бороды очень скандализировало многих наших священников, и раз по этому случаю у Самборского был спор с митрополитом Гавриилом; Храповицкий характеристично описывает этот спор в своих записках: "Когда в 1788 году, 20 мая, духовенство собралось для освящения царскосельской Софийской церкви, то пред освящением в алтаре, до прибытия императрицы, произошла ссора у митрополита Гавриила с Самборским из-за бороды, которую брил Самборский" и т. д.

Если верить рассказам современников Петра III, то он довольно регулярно ходил в придворную церковь к концу обедни, но только вот по какому случаю: между новыми придворными обычаями французская мода заменила русский обычай низко кланяться, т. е. нагибать голову в пояс. Попытки старых придворных дам пригибать колена, согласно с нововведением, были очень неудачны и смешны. И вот, чтоб дать волю смеху, смотря на гримасы, ужимки и приседания старух, Петр бывал у выхода из церкви. Государь в частной жизни обходился с приближенными очень снисходительно и добродушно, пил с ними пунш из одной чаши и курил табак кнастер из глиняной трубки. Петр был большой охотник до курения и желал, чтоб и другие курили. Он всюду, куда ни ездил в гости, всегда приказывал за собою возить целую корзину голландских глиняных трубок и множество картузов с кнастером и другими сортами табаку; куда бы государь ни приезжал, вмиг комнаты наполнялись густейшим табачным дымом, и только после того Петр начинал шутить и веселиться.

Любимой карточной игрой Петра III была "campis". В этой игре каждый имел несколько жизней; кто переживает, тот и выигрывает; на

каждое очко ставились червонцы, император же, когда проигрывал, то вместо того, чтобы отдать жизнь, бросал в пульку червонец и с помощью этой уловки всегда оставался в выигрыше. Обыкновенными его партнерами были двое Нарышкиных с их женами, Измайлов, Елисавета Дашкова, Мельгунов, Гудович и Анжерн. У государя был любимец негр-шут Нарцис. Про этого негра, отличавшегося необыкновенною злостью, существует несколько анекдотов. Раз государь заметил своего любимца, яростно оборонявшегося и руками, и ногами от другого служителя, который бил его немилосердно. Петр, узнав, что соперник его шута был полковой мусорщик, с досадой воскликнул: "Нарцис для нас потерян навсегда, или он должен смыть свое бесчестие кровью!" – и для того, чтобы привести эти слова в дело, приказал тотчас же из побитого шута выпустить несколько капель крови. Кроме этого негра, у императора был любимец камердинер Бастидон, родом португалец, на дочери которого был женат поэт Державин.

Петр III плохо говорил по-русски и не любил русского языка, зато он души не чаял во всем немецком и до обожания любил короля прусского Фридриха II, у которого считал за честь числиться лейтенантом в службе. Петр постоянно

носил на пальце бриллиантовый перстень с изображением короля; он также любил играть на скрипке и затем всякие военные экзерции, хотя пугался выстрела из ружья, очень боялся грозы и не мог без страха подойти к ручному медведю на цепи; императрица Екатерина рассказывала о том, как крыса, раз забравшаяся в его игрушечную крепость, съела картонного солдатики, за что, по военному уставу, была им повешена. Петр III не лишен был и суеверных предрассудков: так, он очень любил гадать в карты. Кто-то сказал императору, что есть офицер Вережкин¹³⁰, большой мастер гадать на них; послали за ним. Вережкин взял колоду в руки, ловко выбросил на пол четыре короля. "Что это значит?" – спросил государь. "Так фальшивые короли падают перед истинным царем", – отвечал он. Фокус оказался удачным, и гаданье имело большой успех. Император рассказал про мастерство Вережкина на картах Екатерине; императрица пожелала его видеть, Вережкин явился с колодой карт.

– Я слышала, что вы человек умный, – сказала государыня, – неужели вы веруете в подобные нелепости?

– Нимало, – отвечал Вережкин.

– Я очень рада, – прибавила Екатерина, и

скажу, что вы в карты наговорили мне чудеса.

Князь Вяземский рассказывает, что Веревкин был рассказчик и краснобай, каких было немного; его прихожая с шести часов утра наполнялась присланными с приглашениями на обед или на вечер; хозяева сзывали гостей на Веревкина. Отправляясь на вечера, он спрашивал своих товарищей: Как хотите: заставить ли мне сегодня слушателей плакать или смеяться? – И с общего назначения то морил со смеха, то приводил в слезы.

Император Петр III. С гравюры Рокотова, сделанной с портрета, писанного Тейхером

Петр III начал свое царствование рядом милостей: он возвратил из ссылки множество людей, сосланных Елисаветой, уничтожил ненавистное "слово и дело"¹³¹; но важнейшими его правительственными мерами были дарования дворянам различных льгот. Дворяне хотели в память этого события вылить статую Петра III из золота¹³². Петр III первый стал награждать женщин орденами: он дал орден Святой Екатерины Елизавете Романовне Воронцовой; первый же этот женский орден имел мужчина – князь А. Д. Меншиков.

После переезда государя во дворец внутренняя отделка Зимнего дворца все еще продолжалась. Поправляли потолки и крышу, которая оказалась течь, расписывали плафон в комнате камер-фрейлины Елизаветы Воронцовой, отделывали мрамором стены аванзалы и античной комнаты, поправляли также и набережную у Зимнего дворца. Затем строили манеж и над ним наводили висячий сад, в котором были посажены деревья до 4S сажен вышины; работы производились под надзором архитекторов Жеребкова и Фельтена.

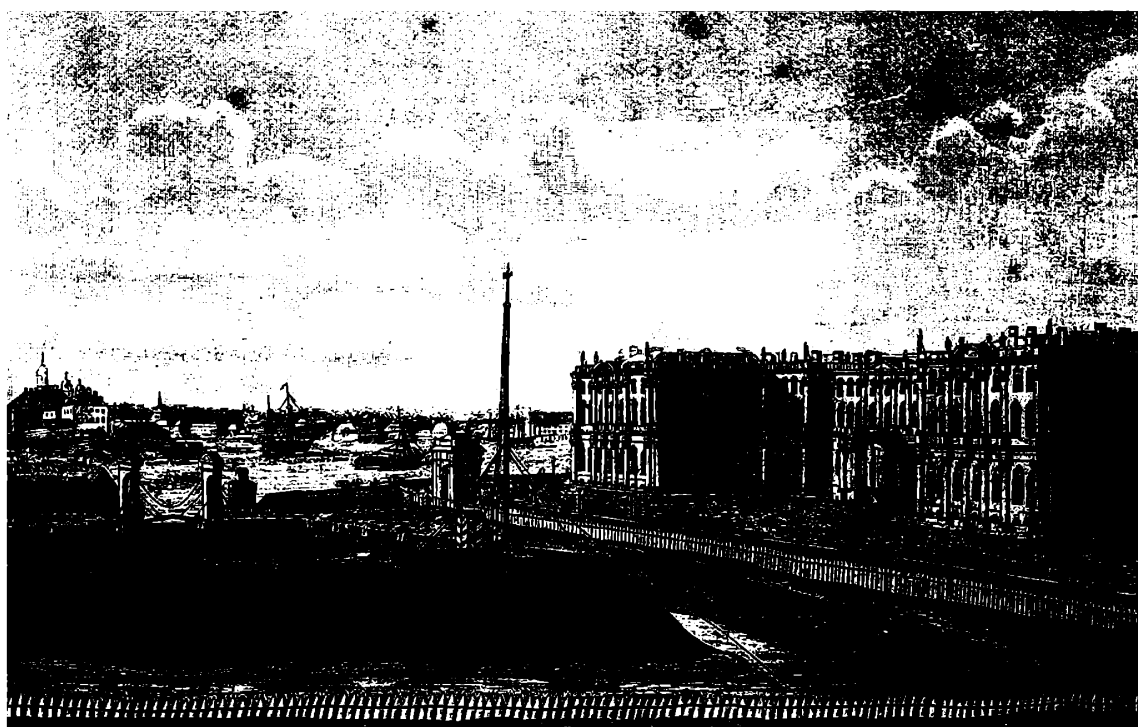
Года через два был разобран оставшийся несломанным деревянный флигель и отвезен в Красное Село. Связи и кровельное железо с него

были отданы для строившейся в то время Владимирской церкви, что в придворных слободах. Название это получила она оттого, что первоначально к приходу ее принадлежали одни придворные служители, о чем также свидетельствует и название окружающих ее улиц, населенных одними придворными ремесленниками. Так, например, хлебники жили в Хлебном переулке, гребцы – в Гребецкой улице, повара – в Поварском переулке, стремянщики – в Стремянной улице, кузнецы – в Кузнечном переулке и т.д. В 1746 году Владимирская церковь¹³³ помещалась в доме комиссара Главной дворцовой канцелярии, Федора Якимова, на углу улиц Басманной (теперь Колокольная) и Грязной (Николаевская); дом этот теперь принадлежит г-же Сироткиной.

Екатерина II довершила начатые Петром III перестройки и отделки в Зимнем дворце. Общий расход всех потраченных сумм на отделку дворца к 1768 году достигал 2 622 020 рублей 19³/₄ копеек. Главным директором внутренних работ в Зимнем дворце в это время был известный любитель художеств и искусств Ив. Ив. Бецкий.

В 1767 году приступлено было к новой пристройке к дворцу для Эрмитажа; здание выводилось архитектором де Ламотом, и

продолговатая постройка его тянулась от Миллионной до Невы, между двумя дворцовыми переулками. Спустя четыре года начали строить, по проекту архитектора Фельтена, другую часть постройки, тоже для Эрмитажа, по Миллионной и набережной, от Ламотовского здания до Зимней канавки; ее называли Шепелевским дворцом по находившемуся здесь дому Шепелева¹³⁴.

Новый Зимний дворец, отстроенный в конце царствования Елисаветы Петровны. С гравюры XVIII столетия Бенуа. (Из собрания П. Я. Дашкова)

В 1780 году были сделаны еще пристройки за Зимней канавкой на месте, где были прежде дома купца Крейца, г. Кошелева и других.

По окончании этих построек в 1783 году императрица приказала архитектору Гваренги на месте, где был Лейб-кампанский корпус¹³⁵, пристроить театр и непременно его окончить к августу 1784 года. Архитектором Гваренги была тоже построена и арка, соединяющая Эрмитаж с театром, и часть, заключающая Рафаэлевые ложи, под которыми была расположена в четырех комнатах купленная Екатериною библиотека Вольтера и Дидеро, состоящая из 50000 книг; здесь же хранилась библиотека географа Бюшинга, старинные рукописи, собрание карт и любимые книги императрицы на русском языке: это была собственная ее величества библиотека. Вместе с этими постройками Гваренги устроил для государыни из Эрмитажа пологий, почти неприметный скат¹³⁶, по которому императрица скатывалась в креслах к самым дверям, расположенным у эрмитажного подъезда. На эти постройки было израсходовано всего 300000 рублей.

Рассказывают, что когда Гваренги построил арку, то завистники этого зодчего донесли государыне, что она очень непрочна и грозит падением. Императрица приказала тщательно со всею возможною строгостью ее освидетельствовать, и когда было найдено, что

арка тверда и во всех частях пропорциональна, то государыня приказала дать в ней роскошный пир.

Больших и малых зал в возведенных пристройках тогда считалось около сорока. В 1786 году начато было архитектором Гваренги строение мраморной галереи (Георгиевский и Тронный зал). В 1787 году сделаны своды во всех кухнях и службах нижнего жилья, где их прежде не было, также под мыльнею на половине государыни; для их высочеств сделаны мыльни под строением, переделанным из большого зала, который был разобран, и вместо его построены комнаты и внутренний непроездный дворик; в то же время, "по умножении фамилии государыни", повелено сделать третью кухню под этими покаями. На постройки было отпущено 100 000 рублей. В 1793 году отделявались две аванзалы и огромная между ними мраморная разноцветная галерея; работы производились сперва под распоряжением генерал-майора Попова, а после генерал-поручика Тургенева; употреблено было всего 782 556 рублей 47S копеек, из числа которых пошло на мрамор 291502 рубля, на бронзу 283 792 рубля; на живопись, лепную работу, потолки и прочее 43 000 рублей.

В 1794 году в Георгиевском зале был устроен великолепный трон; неизвестно только, когда он

был переделан и заменен нынешним¹³⁷. Должно предполагать, что первый рисунок был превосходный. К трону вели шесть мраморных ступеней, на которых возвышались боковые стены с арками, орнаментами, и задняя с богатым поверху архитравом из мрамора, по сторонам стояли две большие мраморные вазы и статуи "Вера и Закон", взятые в 1795 году от садового инспектора Крока. Трон устроен был архитектором Старовым.

В шесть часов утра, когда все в Зимнем дворце спало, императрица Екатерина вставала, одевалась, никого не беспокоя, сама зажигала свечки и разводила камин. Государыня не любила тревожить прислугу; она говорила: "Надо жить и давать жить другим". Если она звонила, чтобы ей подали воды, и камер-лакей спал в соседней комнате, то она терпеливо ждала.

От постели государыня переходила в другую комнату, где для нее была приготовлена теплая вода для полоскания горла, брала лед для обтирания лица от густо разруганной девицы, камчадалки Алексеевой; последняя была часто неисправною и забывала приготовить нужное. Императрице нередко долго приходилось ее ждать, и раз Екатерина сказала окружающим: "Нет, это уже слишком часто, взыщу

непременно". При входе виновной императрица ограничилась следующим выговором: "Скажи мне, пожалуйста, Екатерина Ивановна, или ты обрекла себя навсегда жить во дворце? Станется, что выйдешь замуж, то неужели не отвыкнешь от своей беспечности; ведь муж не я; право, подумай о себе". После утреннего туалета императрица шла в кабинет, куда приносили ей крепкий кофе с густыми сливками и гренками. Кофе варили ей из одного фунта на пять чашек, после нее лакеи добавляли воды в остаток, после них истопники еще переваривали.

Раз заметив, что секретарь императрицы Кузьмин дрожал от холода, государыня приказала ему выпить чашку своего кофе: с Кузьминым сделалось сильное биение сердца, так был крепок кофе. Под старость императрице был запрещен кофе, ввиду ее полнокровия, но она все-таки продолжала пить и в день смерти выпила его две чашки. Гренки и сахар государыня раздавала своим собачкам, которых очень любила и клала спать у себя в ногах, подле кровати, на маленьких тюфячках, под атласными одеялами. Пока государыне читали секретари бумаги и докладывали о делах министры, она вязала или шила по канве. Обед государыни был в час, кушала она обыкновенно три или четыре блюда.

Пила одну чистую воду, которую доставляли ей даже в Царское Село, на что выдавалось в лето 10000 рублей. Вино государыня стала пить под старость, по совету доктора, одну рюмку мадеры в день. Также императрица очень любила смородинное желе, разведенное водою. После обеда государыня сама читала или читывал ей книги Иван Иванович Бецкий.

Императрица очень любила нюхать табак, но никогда не носила с собой табакерки; последние, впрочем, у нее лежали на всех столах и окнах в ее кабинете. Привычка не носить с собой табакерки произошла у ней оттого, что Петр III не позволял ей нюхать табак; но страсть у Екатерины к табаку была настолько сильна, что она не могла долго обходиться без нюхания, и при жизни Петра III всегда просила князя Голицына садиться за обедом возле нее и тихонько под столом угощать ее табаком. Раз император заметил это и очень рассердился на Голицына, сделав ему серьезный выговор. Императрица впоследствии нюхала табак только тот, который для нее сеяли в Царском Селе; нюхала же его всегда левой рукой на том основании, что правую руку давала целовать своим верноподданным.

Государыня садилась после кофе за дела; в кабинете все бумаги лежали по статьям по раз

заведенному порядку, на одних и тех же местах; перед нею во время чтения бумаг ставилась табакерка с изображением Петра Великого; императрица говорила, смотря на него: "Я мысленно спрашиваю это великое изображение, что бы он повелел, что бы запретил или что бы он стал делать на моем месте?" Занятия государыни продолжались до 9 часов. В это время она никогда не беспокоила других: сама выпускала собачек, отворяла им дверь. Под старость только государыня завела колокольчик, на зов которого являлась всегда Мария Савишна Перекусихина. В бытность еще цесаревной Екатерина любила потешаться с колокольчиком: раз она спряталась под кровать и, держа в руке колокольчик, звонила; прислуга несколько раз входила в спальню в недоумении и долго искала ее, пока сама забавлявшаяся великая княгиня не открыла им своей шутки.

До чего она дорожила спокойствием своих слуг, существует много анекдотов. Так, однажды она услышала громкий, неизвестно откуда происходящий голос: "Потушите, потушите огонь!"

- Кто там кричит? – спросила она.
- Я, трубочист, – отозвался голос из трубы.
- Ас кем ты говоришь?

– Знаю, что с государыней, – ответил он, – погасите только огонь поскорее, мне горячо.

Екатерина тотчас сама залила дрова и, заметив, что труба от самого верха прямая, приказала сделать в ней решетку.

Государыня раз рано утром увидала из окна, что старуха ловит перед дворцом курицу и не может поймать. "Велите пособить бедной старухе; узнайте, что это значит?" – повелела императрица.

Грелка перед Зимним Дворцом, устроенная по приказанию Екатерины II. С акварели Гейслера конца XVIII столетия

Государыне донесли, что внук этой старухи служит поваренком и что курица казенная, украдена. "Прикажите же навсегда, – сказала Екатерина, – чтоб эта старуха получала всякий день по курице, но только не живой, а битой. Этим распоряжением мы отвратим от воровства молодого человека, избавим от мучения его бабушку и поможем ей в нищете". После того старуха каждый день являлась на кухню и получала битую курицу.

Раз, прогуливаясь в садике, государыня заметила в гроте садового ученика, который имел перед собой четыре блюда и собирался обедать. Она заглянула в грот и сказала:

– Как ты хорошо кушаешь! Откуда ты это получаешь?

– У меня дядя поваром, он мне дает.

– И всякий день по стольку?

– Да, государыня, но лишь во время вашего пребывания здесь.

– Стало быть, ты радуешься, когда я сюда переселяюсь?

– Очень, очень, – отвечал мальчик.

– Ну, кушай, кушай, не хочу тебе мешать, – и государыня пошла от него прочь.

Придворная прислуга при ней наживалась и тащила все; государыня смотрела на эту поживу

глазами доброй хозяйки. Например, при ней показывали на один обед караульного офицера во дворце 70 рублей, дворцовое серебро чистили таким порошком, что значительная доля серебра оставалась чистильщикам. Великому князю Александру Павловичу раз потребовалась ложка рому, и с тех пор в расход записывалась бутылка рому. Эта бутылка рому показывалась на ежедневный расход даже в царствование Николая: ее открыла императрица Александра Феодоровна. Императрица со всяким истопником и лакеем обращалась приветливо, прибавляла к словам: потрудись, пожалуйста, спасибо, очень довольна и т. д.

Все служащие при ее особе имели к ней такую привязанность, что малейшее неудовольствие государыни повергало слуг в большое горе. У государыни было пять камердинеров, три при ней и два при Эрмитаже, у каждого были особые должности. Один смотрел за гардеробом, другой надзирал за чистотой в комнатах, третий был начальником "казенной", в которой хранились бархаты, материи, полотна, парчи и другие вещи. Был при ней посыльный, старичок Федор Михайлович. Все важные бумаги и дела она посылала с ним незапечатанными. Письма отправлялись следующим образом: старик

открывал свой карман, говоря: "Положите сами, государыня". Императрица укладывала в нем бумаги, как в сумке. Когда же он являлся к посланному, то тот уже сам вынимал из кармана почту.

Любимый ее камердинер Попов отличался необыкновенною правдивостью, хотя и в грубой форме, но императрица на него не гневалась. Раз Екатерина приказывает ему принести часы. Попов отвечает, что нет у нее таких. Императрица приказывает ему принести все ящички. "Я сама осматрю, когда ты упрямишься". – "Зачем их понапрасну таскать, когда их нет". Граф Орлов, случившийся при этом разговоре, делает за грубость замечание Попову; тот ему, в свою очередь, отвечает: "Еще правда не запрещена, она сама ее любит". Наконец ящички были принесены, и часов не нашли. "Кто же теперь не прав, государыня?" – сказал Попов. "Я, – сказала государыня, – прости меня". Другой раз, не находя на своем бюро нужной бумаги, Екатерина сделала этому камердинеру выговор, сказав: "Верно, ты ее куда-нибудь задевал?" Попов грубо отвечал: "Верно, вы сами куда-нибудь ее замешали". Государыня в досаде приказала ему выйти вон из комнаты. Скоро государыня, найдя бумагу в другом месте, приказала позвать Попова

к себе. Попов не шел, говоря: "Зачем я к ней пойду, когда она меня от себя выгнала?" Только по третьему зову предстал на глаза государыни угрюмый камердинер.

Раз Попов доложил государыне, что крестьяне одной деревни просят его, чтобы он их купил, и предлагают ему в пособие 15000 рублей. Государыня велела ему напомнить ей, когда он будет совершать купчую. Через несколько времени, вспомнив об этом, она спрашивает Попова: "Что же твоя деревня?" Попов отвечает ей, что по этому имению явилась тяжба. "А когда так, – сказала Екатерина, – то я запрещаю тебе судиться, потому что судьям известно, что ты один из моих приближенных, и потому, наверно, решат в твою пользу". Государыня сутяжничество и взяточничество преследовала сильно. Раз, узнав, что владимирский наместник берет взятки, Екатерина послала ему в подарок в день Нового года кошелек длиною в аршин. По словам Сегюра, этот кошелек наместник развернул на глазах всех гостей за обеденным столом у себя.

По смерти Попова князь Барятинский на место умершего хотел определить своего любимца. Государыня прямо воспротивилась этому, говоря: "Сии господа выбирают мне камердинера для себя, а я хочу его иметь для

себя", – и приказала дворцовым служителям найти ей камердинера в среде их же самих.

После девяти часов первый к ней входил с докладом обер-полицеймейстер. Государыня расспрашивала его о происшествиях в городе, о состоянии цен на жизненные припасы и что говорят о ней в народе. Узнав раз, что говядина от малого пригона скота из 2 копеек дошла до 4 копеек, приказала выдать ему денег для закупки скота, чтобы от этого снова цена понизилась. После обер-полицеймейстера входили: генерал-прокурор – с мемориями от сената, генерал-рекетмейстер¹³⁸ – для утверждения рассмотренных тяжб, губернатор, управляющий военной, иностранной коллегиями и т. д.

Однажды, когда государыне докладывал кто-то о делах, в соседней комнате придворные играли в волан, и так шумно, что заглушали его слова. "Не прикажете ли, – сказал он, – велеть им замолчать?" – "Нет, – отвечала государыня, – у всякого свои занятия. Читай немного погромче и оставь их веселиться".

Для некоторых членов назначены были в неделе особенные дни, но все чины в случаях важных и не терпящих отлагательства могли и в другие дни являться с докладом. При входе к государыне соблюдали установленный этикет, на

который она отвечала поклоном и давала целовать руку. Фельдмаршал Суворов, входя в комнату, делал сперва три земных поклона перед образом Казанской Богоматери, стоявшим в углу на правой стороне дверей, а потом императрице; государыня каждый раз старалась его до этого не допускать и, поднимая его за руки, говорила: "Помилуй, Александр Васильевич, как тебе не стыдно это делать". Входящие военные чины были в мундирах со шпагами и в башмаках, в праздники же в сапогах; статские же в простых французских кафтанах.

Из кабинета государыня переходила в парадную уборную, сюда приводили к ней внуков, здесь же представлялись некоторые вельможи, происходили разговоры, шутки и т.д., в то время, когда чесали и убирали голову императрицы; волосы государыни были очень длинные, так что касались пола, когда она сидела в креслах; убирал их парикмахер Козлов. Раз государыня спросила у него, как здоровье его жены? "Пишет, государыня, что здорова". – "Как, неужели она не приезжает видеться с тобой?" – "Да на чем? Нанимать дорого, казенных же теперь не дают: вы нам много хлопот наделать изволили, сократив конюшню". (В то время только что вышли сокращения по конюшенному

ведомству.) "Не верю, однако же, чтобы с такою точностью исполняли мое приказание и чтобы по знакомству выпросить было невозможно. Скажи мне откровенно". – "Сказал бы, – продолжал Козлов, – но боюсь, чтобы не дошло то до обер-шталмейстера". – "Нет, ручаюсь, что все останется между нами". – "Так знайте, – говорил он, – что все старое по-старому: лишний поклон – и коляска подвезена; однако не проговоритесь, не забудьте обещания". – "Ни-ни", – проговорила царица и хранила тайну.

Туалет государыни продолжался не более десяти минут; прислуживали ей четыре пожилые девицы: известная калмычка Алексеева, гречанка А. А. Палакучи накалывала ей наколку, и две сестры Зверевы подавали булавки. Прием в уборной государыни почитался знаком особенной милости царской. Обедала она, как мы говорили, в час, а под старость – в два. Кушала кушанья все жирные и любила говядину с солеными огурцами. За столом с нею всегда обедали до десяти человек приближенных. В числе ее поваров был один очень плохой, но государыня не желала его уволить, и когда наступала очередная его неделя, то она говорила: "Мы теперь на диете; ничего – попостимся; зато после хорошо поедим".

После обеда она садилась за шитье по канве; в

шесть часов были приезды ко двору. Государыня редко каталась по городу – не более трех-четырех раз в зиму. Однажды, почувствовав головную боль, императрица села в сани, проехала – и получила облегчение. На другой день у государыни была та же боль головы, ей советовали употребить вчерашнее лекарство, опять ехать в санях, на это она ответила: "Что скажет про меня народ, когда бы увидел меня два дня сряду на улице?" Императрица имела хорошее здоровье, единственно чем она страдала – это коликами и головной болью; да еще под старость у нее опухли ноги и открылись раны. Она обыкновенно не ужинала, за исключением праздничных дней. Императрица ложилась спать в десятом часу и в постели пила стакан отварной воды. Она была религиозна и строго исполняла все правила церкви, ходила на литургии и всенощные. В Вербное воскресенье она переезжала в Таврический дворец, где постилась, а в Великую субботу перебиралась опять в Зимний дворец.

Первый день Пасхи во дворце праздновался необыкновенно торжественно; по окончании заутрени все сановники двора подходили к руке императрицы, за ними следовали военные, гражданские чиновники, а вечером дамы в

роскошных нарядах поздравляли государыню с праздником.

В посту, в Киеве, государыня посетила все пещеры, питалась одним картофелем, подходила к руке духовных лиц. Она любила проповеди и увлекалась красноречием митрополита Платона¹³⁹.

Государыня усвоила как русскую речь, так и многие русские привычки. Она парилась в русской бане, употребляла часто пословицы в разговоре. Государыня как по-французски, так и по-русски писала неправильно, хотя умно и своеобразно. Храповицкий часто поправлял ее русское письмо, а граф Шувалов французское. Последний, между другими письмами, исправлял и письма ее к Вольтеру. Даже и тогда, когда бывал в отсутствии, например в Париже, он получал черновую от императрицы, поправлял ошибки, затем исправленное отправлял в Петербург, где уже Екатерина переписывала письмо и, таким образом, в третьем издании отправляла в Ферней. Государыня, по обыкновению, писала на бумаге большого формата, редко зачеркивая написанное; но если приходилось ей заменить одно слово другим или исправить выражение, она бросала написанное, брала другой лист бумаги и заново начинала свою

редакцию.

Екатерина ввела при дворе своем изящную простоту русского платья; прежние цветные платья были заменены на выходах белыми, парча вышла совсем из моды; сама императрица являлась на торжествах одетой в длинное белое платье, в маленькой короне, иногда в порфире; прическа была в длинных локонах на плечах; позднее государыня придумала себе костюм, похожий на старинный русский, с фатою и открытыми проймами на рукавах. Шуба на ней была с тальей, на груди ожерелье из жемчуга в несколько рядов. Еще позднее костюм государыни имел характер мужского: свободный кафтан без талии (молдаван) и меховая венгерская шапка с кистью. Под старость государыня ходила в простом чепце, шапочке и капоте и одинаково умела сохранить величавость в осанке и поступи до конца жизни. Улыбку императрицы все находили необыкновенно приятною. Государыня до вступления на престол не употребляла ни белил, ни румян для лица, как ни прилагала свои заботы о лице ее Елисавета Петровна, посылая ей румяна и белила; но императрица Екатерина II, подобно всем ее подданным, употребляла различные притиранья. За 60 лет государыня сохранила все зубы и

прежнюю прекрасную форму руки; зрение императрицы несколько ослабело, и она надевала очки с увеличительными стеклами, когда читала бумаги.

Слух у государыни был развит как-то прихотливо: она не находила гармонии в музыке и всегда была к ней равнодушна. Однако она никогда не выказывала этого и всегда на концертах, при пении и игре музыкантов, поручала кому-нибудь из знатоков подавать ей знак, когда надо было аплодировать. Выслушав однажды квартет Гайдна, она подозвала к себе Зубова и сказала: "Когда кто играет solo, я знаю, что как кончится, то аплодировать должно, но в квартете я теряюсь и боюсь похвалить некстати, – пожалуйста, взгляни на меня, когда игра или сочинение требует похвалы". Императрица часто говорила, что музыка на нее производит то же впечатление, что уличный шум. Екатерина была совершенной противоположностью в этом случае своей тетки, императрицы Елисаветы: последняя серьезно понимала толк в музыке и была даже большая охотница до таких негармонических вещей, как, например, кваканье лягушек, которых она очень усердно расплужала в своих садах.

Всевозможные животные, дичившиеся всех, ласково встречали государыню и давали себя

ласкать, чужие собаки со двора прибегали к ней и ложились у ее ног. После сильного пожара, бывшего в Петербурге в начале ее царствования, голуби слетелись тысячами к ее окнам и нашли там пристанище и корм. П. И. Сумароков¹⁴⁰ говорит, что в шелковых ее платках и простынях нередко замечались электрические искры, и от прикосновения к ее обнаженному телу раз Перекусихина почувствовала сильный толчок в руку – так велики были жизненные силы Екатерины. Не любя разных попрошайек, государыня любила щедро награждать. Подарки она делала с таким умением и тактом, что их нельзя было не принять. Императрица дарила всегда неожиданно: то пошлет плохую табакерку с червонцами, то горшок простых цветов с драгоценным камнем на стебле; то простой рукомойник с водою, из которого выпадет драгоценный перстень; то подложит под кровать имениннице две тысячи серебряных рублей или подарит невесте перстень со своим изображением в мужском наряде, сказав: "А вот и тебе жених, которому, я уверена, ты никогда не изменишь и останешься ему верна"; или пошлет капельмейстеру Паизиелло, после представления его оперы "Дидона", табакерку, осыпанную бриллиантами, с надписью, что карфагенская

царица при кончине ему ее завещала. Бывали примеры, что государыня посылала подарки и обличительного свойства для исправления нравов своих придворных. Так, узнав, что один из ее вельмож полюбил очень крепкие напитки, государыня дарит ему большой кубок; другому старику, поклоннику женщин, взявшему к себе в дом на содержание танцовщицу, государыня послала попугая, который то и дело говорил: "Стыдно старику дурачиться!" Другому, большому охотнику до женских рукоделий, поднесшему Екатерине расшитую шелками подушку, подарила бриллиантовые серьги.

Государыня в начале своего царствования принимала все просьбы лично, но когда в Москве просители во время коронации стали перед ней на колени полукругом и преградили ей дорогу в соборы, а грузины подали вместо просьбы свои паспорта, государыня лично уже просьб не принимала.

Внутренние комнаты императрицы отличались большою простотою, в них было очень мало позолоты и драгоценных тканей; государыня, как мы уже говорили, жила на среднем этаже дворца, под правым малым подъездом, против бывшего Брюсовского дома (где недавно еще находился экзерциз-гауз).

Собственных ее комнат было немного: взойдя на малую лестницу, входили в комнату, где, на случай скорейшего исполнения приказаний государыни, стоял за ширмами для статс-секретарей письменный стол с чернильницей. Комната эта была окнами к малому дворику; из нее вход был в уборную; окна последней комнаты были на Дворцовую площадь. Здесь стоял уборный стол, отсюда были две двери: одна направо, в Бриллиантовую комнату, а другая налево, в спальню, где государыня обыкновенно в последние годы слушала дела. Года за два до смерти Екатерина вставала уже не в 6 часов, как мы ранее говорили, а в 8 часов утра. Из спальни прямо выходили во внутреннюю уборную, а налево в кабинет и зеркальную комнату, из которой один ход в нижние покои, а другой прямо через галерею в так называемый "ближний дом"; здесь государыня жила иногда весною. Выходы и приемные аудиенции были двух родов: малые по воскресеньям и церемониальные в особо назначенные дни. В первом случае государыня приходила в 10 часов утра в церковь из внутренних покоев через столовую, малую боковую церковную дверь, без большого штата, и становилась на своем месте позади правого клироса; за нею стояли два

камер-пажа с мантилей и с платками; несколько отступя назад, стояли (в торжественные дни) наследник с супругою и далее молодые великие князья со своими супругами. После обедни выходили из алтаря архиереи для поздравления, благословляли государыню, давали ей целовать руку и сами, в свою очередь, у нее целовали. После этого государыня выходила в западную большую дверь через так называемую большую приемную залу, где представлялись ей иностранные министры и другие особы через обер-камергера или старшего по нем камергера. По возвращении шли впереди камер-юнкеры и камергеры по шести человек, по два в ряд; после государыни по правую сторону обер-камергер, по левую шталмейстер. За ними статс-дамы и фрейлины. Государыня входила в Тронную залу со всею своею свитою, куда входили также и все особы, имевшие вход за кавалергардов. Здесь государыня, вошедши в залу, отдавала по-мужски три поклона: один направо, другой налево и третий к середине, и принимала поздравления, допускала к руке и со многими разговаривала; стояла она шага на четыре перед собранием и подходила к тому, с кем говорить хотела; разумеется, что никто с нею разговора начинать не мог; аудиенция более получаса никогда не

продолжалась.

Большие выходы отличались только тем, что государыня по особому церемониалу выходила в церковь слушать литургию через Бриллиантовую, Тронную и Кавалерскую залы с большой свитой.

Вот как описывает такой выход англичанин Кокс, бывший в Петербурге в 1778 году. "Императрица в церкви стояла за решеткой. После обедни потянулся длинный ряд придворных обоего пола, идущих попарно; императрица шла одна, подвигаясь вперед тихим и торжественным шагом, с гордо приподнятой головой и беспрестанно кланялась на обе стороны. При входе она остановилась на несколько секунд и приветливо разговаривала с иностранными послами, которые приложились к ее руке. Государыня была одета в русском наряде: светло-зеленом шелковом платье с коротким шлейфом и в корсаже из золотой парчи, с длинными рукавами. Она казалась сильно наумяненной, волосы ее были низко причесаны и слегка посыпаны пудрой; головной убор весь унизан бриллиантами. Особа ее очень величественна, хотя рост ниже среднего, лицо полно достоинства и особенно привлекательно, когда она говорит. Екатерина вышла из приемной тем же медленным шагом; никто из придворных

не последовал за нею".

Императрица в высокотожественные дни одевала на себя бриллиантовую корону и две орденские ленты, с цепями этих орденов и двумя звездами, приколотыми на корсаже одна над другой. По словам того же иностранца, богатство и пышность русского двора превосходили самые пышные описания; следы старого азиатского великолепия смешивались с европейскою утонченностью; всегда огромная свита следовала впереди и позади государыни. Роскошь и блеск придворных нарядов и обилие драгоценных камней далеко оставляют за собою величие других европейских дворов. На мужчинах французские костюмы; платья дам с небольшими фижмами, длинными висячими рукавами и с короткими шлейфами; петербургские придворные дамы носили очень высокие прически и сильно румянились.

Из других предметов роскоши ничто так не поражало, как обилие драгоценных камней, блестевших на различных частях их костюма. Много драгоценных камней в то время в Европе можно было встретить только на женщинах. У нас же и мужчины в этом отношении соперничали с женщинами. Почти все вельможи были усыпаны бриллиантами: пуговицы, пряжки,

рукоятки саблей, эполеты и нередко шляпы были унизаны бриллиантами в несколько рядов.

Как мы уже говорили, государыня редко выезжала гулять по улицам Петербурга, но зато на масленице или в хорошую погоду зимою составлялись необыкновенные катанья в санях.

Придворные дорожные экипажи
Екатерининского времени. Со старинной гравюры

Закладывали за заставой трое саней десятью-двенадцатью лошадьми, и к каждому саням прицепляли веревками по двенадцати салазков. Екатерина садилась одна в большие сани, посередине; дамы и мужчины помещались поодиночке, и таким образом тянулся целый ряд странного поезда; задние салазки нередко

опрокидывались, слышны были крики, смех и т. д. Такой поезд нередко приезжал к Чесменскому дворцу. Пообедав там, путники пускались проселочного дорогой на Неву, на казенную дачу Горбылевскую. Здесь придворные катались с гор, а государыня глядела на них из павильона, и затем все отправлялись в Таврический дворец, где ужинали и разъезжались по домам. Простые выезды государыни также отличались пышностью. Впереди открывали путь лейб-гусары в мундирах с галунами, позади замыкал такой же отряд; вечером дорогу освещали факелы; толпа народа всегда бежала вслед за нею с громкими криками. У государыни бывало на императорской конюшне до тысячи двухсот лошадей. Екатерина очень любила ездить верхом по-мужски перед войсками; у нее был любимый бурый, в мелкой гречке, жеребец Бриллиант¹⁴¹, красивый, варварийской породы. Тетка ее, императрица Елисавета, запрещала ей так ездить, но Екатерина купила себе складное седло, которое из женского превращалось в мужское. Государыня очень любила свое конюшенное ведомство и в день праздника 18 августа посылала каждому служащему там штаб-офицеру по бутылке шампанского и обер-офицеру по бутылке красного вина,

конюхам же выдавали водку, пиво и мед, и чтобы не мешать им праздновать, строжайше было запрещено в этот день брать из конюшни лошадей.

В Екатерининское время ездили очень красиво, сани были двухместные, с дышлами, запрягались парю, четвернею или шестернею в цуг; бывали и беговые сани одиночные, без кучерского места; на запятках у них была сидейка, на которой мог сидеть верхом человек; снаружи их отделывали нарядно бронзою или серебром, внутри обивали ярким бархатом или трипом, полость бархатную подпушали мехом, оба полоза саней своими загнутыми головками сводились вместе на высоте аршин двух от земли и замыкались какою-нибудь золоченою и серебряною фигурю, например головою Медузы, сатира, льва и медведя, с ушами сквозными для пропуска вожжей. Лошадь манежная, кургузая, в мундштуке с кутасами¹⁴² и клапанами, в шорах с постромками, впрягалась в две кривые оглобли с седёлкою, без дуги. Любитель садился в барское место, спереди запахивался полостью, сам правил вожжами; на запятках на сидейке, похожей на английское легкое седло и обитой под стать саням, садился верхом лакей, одетый по-гусарски; лакей держал в руках гибкий плетеный бич,

щелкал по воздуху и кричал встречным и поперечным: "Пади, пади, берегись!" Такое катанье называлось "кадрилью"; тогдашние молодые петиметры¹⁴³ собирались парами и более вместе с молодыми дамами и, одетые в "санную шубу" или куртку с чихчирями¹⁴⁴, с верховыми жокеями, наряженными греками, албанцами, черкесами или гусарами, представляли довольно красивую зимнюю сцену на Неве или на набережной у дворца. Нередко ездили и на оленях; последних пригоняли из Кеми самоеды, которые располагались чумами на Неве, близ здания Арсенала, где теперь Литейный мост. Езда на оленях по городу существовала до двадцатых годов нынешнего столетия. При Екатерине II Нева напротив Охты и в слободе Лейб-гвардии конного полка кипела жизнью: в этом месте были устроены катки, несколько дальше, в огороженном пространстве, проезжали лошадей; там толпа зрителей смотрела на бег. Ледяные горы тоже представляли не менее красивое зрелище благодаря убранству деревьями, фонарями и другими украшениями.

При императрице Елисавете кто хотел ей угодить, тот выезжал возможно пышнее. О зеркальной карете С. К. Нарышкина на свадьбе Петра III долго говорили в Петербурге. Не менее

была известна в старину также карета Кир. Григ. Разумовского,¹⁴⁵ сделанная в Лондоне, с таким механизмом, что в нее вкатывалась постель; до отправки этой кареты в Россию она была выставлена в Лондоне, где ее показывали за деньги; мастер, как в то время уверяли, выручил таким образом до 5000 рублей. На ввоз иностранных карет было в царствование Павла I наложено запрещение, и надо было иметь особенное дозволение от государя на провоз кареты. Император разрешил его, и когда карета прибыла в Петербург, потребовал, чтобы ее привезли для осмотра сперва на Каменный остров, а потом к государыне, в Павловск. С доставкой в Батурин она обошлась в 18 000 тогдашних рублей. Разумовский захотел ее попробовать, но она оказалась слишком грузною, восемь лошадей после четырехверстной езды едва могли довести ее домой. Славилась также карета Скавронского, вся отделанная снаружи стразами, стоившая ему 10000 рублей.

В царствование Анны Иоанновны в целом Петербурге не было ста карет, при императрице Екатерине их было более 4000; ездили тогда в них шестериком, с двумя форейторами "на унос"; передовой фореитор был важное лицо, ему вменялось в особую честь и было в "тоне" при

разъездах с балов никак не выдать или осрамить своего господина, но непременно вывезти его первого, хотя бы в разбитой карете. При разъездах тогда не было полиции, а потому беспорядок, давка, крик, свалка доходили до невероятия; не только вдребезги ломали экипажи, но давили насмерть лошадей и людей; после каждого бала если крепостные кучера кого-нибудь задавили, то хвастались, как будто выигранной победой. Сцены этого рода чаще всего происходили на Царицыном лугу, где находился театр, и у дома Апраксина, у которого знать часто танцевала. С воцарением императора Павла варварская мода езды с форейторами быстро приутихла, и не слышно было больше громких криков: "Пади, пади!" Зато со смертью Павла опять все экипажи на улицах перестали смотреть немецкими и французскими закладками, но тотчас появилась вновь старая русская упряжь с кучерами в русских костюмах и форейторами на передних лошадях, и все эти экипажи с прежнею быстротою и с криками форейторов понеслись по улицам. Впрочем, потребности у простых граждан в то время не были так прихотливы, как у бар, и извозчиьи экипажи летом состояли из роспусков или волочков, вроде ломовых дрог, с фартуками для завешивания ног от грязи.

Постепенно после этих дрог образовались одноколки и дрожки; зимою санки были также самого первоначального вида.

В извозчичьих одноколках надо было править самому, извозчик стоял назади; дрожки имели ступеньки, спинки и подушки; хорошие извозчичьи экипажи были покрыты плисом, убраны "франьями" и раскрашены пестрыми красками.

Извозчики носили летом шляпы с желтыми лентами, а зимою желтые шапки, одеты были они в кафтаны с желтыми кушаками; на спине между плечами висела из белой жести дощечка, на которой масляными красками была написана часть города, где извозчик стоял, и номер; за такой билет извозчик платил ежегодно в управу благочиния два рубля. Цена за проезд была самая ничтожная, например от Невской лавры до Адмиралтейства две гривны (шесть копеек). На извозчиках в старое время не находили низким ездить даже вельможи, и нередко извозчик тащил на своей кляче и первого сановника, и простого мужика. Одни только майоры и ассессоры считали обязанностью ездить по городу на четверках, так как восьмой класс позволял им в первый раз эту роскошь.

Что же касается до езды на почтовых, то

таковая у нас процветала и отличалась необыкновенной скоростью. Еще Герберштейн (посол австрийский при Василье Иоанновиче) писал в 1516 году, что он из Новгорода до Москвы проехал 600 верст в 72 часа. Рассказывают, что Екатерина II, желая удивить скоростью езды в России императора Иосифа, приказала найти ямщика, который бы взялся на перекладных доставить императора в Москву за 36 часов. Такой ямщик нашелся и был приведен перед государыней. "Берусь, матушка, – сказал он, доставить немецкого короля в 36 часов; но не отвечаю, будет ли цела в нем душа".

При императоре Павле вышел приказ выслать всех извозчиков из города; приказ этот последовал по донесению императору, что один извозчик задавил прохожего.

Видя крайнюю надобность в них, их скоро опять воротили, но запретили им дрожки, а велели иметь коляски. Извозчики, впрочем, нашлись: сняли подушку с дрожек, навязали на них сверху сани, – вот и вышла коляска.

В то время поездка за двадцать, за тридцать верст по ухабам, пескам и бревенчатой мостовой представляла немало трудностей, и люди богатые в такой путь выезжали целым караваном: с поварами, кухней, с приспешниками и т. д. Когда

граф Шереметев с женой ездил в Москву, то всегда в одной карете с ним сидели шут и дура. Многие уродливые привычки старины тогда еще исполнялись свято, и какой-нибудь псковский помещик выезжал в деревню с целой свитой: например, впереди ехала "восьмиместная линия" в восемь лошадей, за линиею следовала дорожная карета, потом коляска, две кибитки и в заключение огромная фура, изукрашенная колоссальным гербом; фура наполнялась скарбом дворни; в числе последней находился один "настоящий казак", один такой же гусар, два собственных казака, переряженных из конюхов, и человек пять солдат, выпрошенных в отпуск у разных начальников. К ним прицепляли сабли, шпаги, кинжалы; тогда еще не умолкали слухи о разных разбойниках и дорожных удалцах. В "линии" сидели, кроме помещика, какой-нибудь проторговавшийся купец, уволенный Шкловский кадет, гувернер француз, певец, гитарист или флейтраверсист и затем какой-нибудь дворянин бедняк, также необходимый человек свиты. Коляска служила местом отдохновения помещику, в карете же ехала его жена с дочерью, с мадамой и компаньонкой. Все спутники мужского персонала отличались характерными костюмами и составляли пестроту

необыкновенную; одеты они были все по-военному, в черкесских или военных полукафтанах, в узорчатых картузах и шапках.

Извозчищи сани в конце XVIII столетия. С офорта XVIII века Шефнера

На заставах в то время не записывались своим именем: тогда проезжему оставлялось на совесть говорить, что ему вздумается. В караульне сидел в худом колпаке и в позатасканном халате квартальный отставной прапорщик, герой очаковский; распахнув халат, из-под которого выглядывал красный военный камзол, он спрашивал, кто едет. Если проезжий величал себя

майором, то все колпаки и шапки почтительно летели с головы, и не всегда трезвый страж быстро откидывал рогатку, которая стояла на полуизломанном колесе. Шлагбаумов в то время еще не было, их учредил император Павел.

У казаков и гусаров главная путевая обязанность была по приезде на станцию отводить квартиры и содержать неусыпный караул при экипажах. Земская полиция такой поезд встречала без шапок; чинопочитание тогда составляло необходимую обязанность каждого малочиновного пред высшим. Один только фрак, который нашивали и служащие, и не служащие, все без исключения, иногда уравнивал между собою и полковника, и гвардейского сержанта. Люди с большими средствами и первые вельможи в дальний путь ехали еще с большим караваном, слуг бывало более ста человек; гораздо раньше до проезда вельможи по всей дороге отправлялись обойщики с коврами, занавесками, постелями и бельем, в деревнях выбирали почище избу и отделявали коврами, занавесками для приличного и опрятного вида, и затем уже господа отправлялись с шутами, карликами, охотниками и т. д.

Во время путешествия Потемкина¹⁴⁶ впереди его ехал англичанин-садовник с помощниками и с

невероятною поспешностью разбивал сад в английском вкусе на том месте, где должен был остановиться князь, хотя бы на один день. Являлись дорожки, усыпанные песком и окаймленные цветочными клумбами, сажались деревья и кусты всякого рода и величины; если князь жил дольше одного дня, то увядшие растения заменялись свежими, привозимыми иногда издалека.

В еде во время пути также себе не отказывал Потемкин и ел с большим аппетитом как яства самые дорогие, вроде, например, ухи в 1300 рублей из серебряной ванны в 7–8 пудов весом, так и самые простые пирожки и бисквиты, запас которых у него стоял всегда неистощимый даже у постели.

Но иногда Потемкин отправлялся в далекое путешествие, скакал в простой кибитке день и ночь, сломя голову, и питался самой грубой пищей, черным хлебом, луком, солеными огурцами и т. п.

Считаем также нелишним для полноты нашего рассказа здесь упомянуть о поездках по имениям известного орловского богача, генерала Неплюева, в блаженное время царствования Екатерины. В поезде Неплюева всегда были три осьмиместные линии, две или три кареты

четвероместные, множество колясок, кибиток, фур, дрожек, телег, и все это было переполнено разным народом. Подле главных экипажей, тянувшихся ровным шагом, шли скороходы и гайдуки, на запятках висели и сидели вооруженные гусары и казаки. Вся внутренность экипажей разбита была как сад, из всякого рода колоритных компаньонов, компаньенок, шутих, шутов, дур и дураков; последние припрыгивали и кричали голосами разных животных. Сам хозяин в богатом гродетуровом¹⁴⁷ зеленого цвета халате, украшенном знаками отличий, лежал на сафьянном пуховике в одной из колясок; на голове его был зеленый же картуз с красными опушками, отороченный где только возможно галунами. Из-под картуза виднелся белый колпак, ярко-пунцовый, рубчик которого, оттеняя зелень картуза, составлял на самом лбу помещика радужного цвета кайму. Руки генерала держали гигантской величины трубку с янтарным мундштуком, красный шелковый носовой платок и ужасную дорожную табакерку с изображением одного из мудрецов Греции.

Мысль создать Эрмитаж у императрицы Екатерины явилась вот по какому случаю. В 1766 году, проходя через кладовую Зимнего дворца в комнаты верхнего этажа, где тогда собиралась

депутатская комиссия, государыня нечаянно обратила внимание на большую картину, изображающую "Снятие со креста"¹⁴⁸". Картина эта после кончины императрицы Елисаветы была перенесена сюда из ее комнаты. Государыня долго любовалась ею, и здесь-то у Екатерины родилась мысль завести у себя картинную галерею; вскоре государыня повелела собрать все лучшие картины, находившиеся в других дворцах, а также приказала своим министрам и агентам при иностранных дворах скупать за границей хорошие картины и присылать к ней. Чрез несколько лет после того государыня приобрела для своего Эрмитажа известные богатые картинные коллекции: принца Конде, графов Брюля и Бодуэна, берлинского купца Гоцковского, лорда Гаугтона и еще многих других. Помимо покупок, императрица приказала снять копию лучшим художникам с ложи Рафаэля. К собранию картин Екатерина присоединила также коллекцию античных мраморов, приобретенных в Риме, купила также все мраморные статуи у известного в то время мецената Ив. Ив. Шувалова; затем государыня приобрела у герцога Орлеанского богатейшую его коллекцию резных камей и античных гемм¹⁴⁹ и стала покупать открываемые в

раскопках древности, как-то: монеты, кубки, оружие и т.д. Государыня особенно пристрастилась к собиранию резных камней и сама стала снимать с них слепки. В одной из комнат, окнами на двор в том же здании Эрмитажа, приказала сделать горн, где вместе с химиком Кенигом и медальером Лебрехтом стала делать из композиции копии с них. Храповицкий в своем дневнике часто рассказывает, что государыня "для разбития мыслей" рассматривала камни.

Внук Екатерины, Александр I, присоединил к богатой коллекции своей бабушки еще несколько других, в числе которых особенно драгоценная коллекция была куплена им за два миллиона у французской императрицы Жозефины из ее загородного дворца Мальмезона.

Положив основание художественной части Эрмитажа, государыня избрала его местом отдохновения в часы, свободные от государственных занятий; здесь она делила свой досуг в беседе с Дидро, Гриммом, Сегюром, принцем де Линь, Потемкиным, Шуваловым, Строгановым, Безбородко и многими другими остроумнейшими людьми того времени. В Эрмитаже собрания были большие, средние и малые.

В первые годы царствования Екатерины

придворные увеселения были распределены по дням: в воскресенье назначался бал во дворце; в понедельник – французская комедия; во вторник – отдых; в среду – русская комедия; в четверг – трагедия или французская опера, причем в этот день гости могли являться в масках, чтобы из театра прямо ехать в вольный маскарад: в то время почти все вельможи тешились самым беззастенчивым образом. Безбородко, Храповицкий, Завадовский были известны как гуляки; первый из них, Безбородко, был уличным ловеласом, он почти каждый день после обеда надевал простой синий сюртук, круглую шляпу, брал трость, клал в карман кошелек с деньгами и отправлялся в разные дома в городе. Зимой по воскресеньям его всегда можно было встретить в маскараде у Лиона, на Невском (где был Купеческий клуб, у Казанского моста); здесь он проводил время до пяти часов утра. В восемь часов утра его будили, окачивали холодной водою, одевали и полусонного отправляли во дворец, где только у дверей императрицы он становился серьезным и дельным министром. Существует рассказ, что раз царский посланный, явившийся из дворца, застал его среди самой широкой оргии. Вельможа приказал пустить себе кровь из обеих рук и отправился к государыне.

Про Безбородко говорил граф Сегюр, что он в теле толстом скрывал ум тончайший. Завадовский был также гуляка широкой руки; он и умер за трапезой со своим старым другом, князем П. В. Лопухиным.

Секретарь императрицы А. В. Храповицкий был тоже известен своею скифскою жаждою, проказами и дебоширством. Про него существует следующий анекдот. Один приезжий помещик, явившийся в Петербург по важному делу, заходит к нему с письмом и не застаёт его дома. Помещик едет за город пообедать, входит в трактир и, видя накрытый стол, садится и велит себе подать обедать. Прислуга, полагая, что он принадлежит к компании, заказавшей обед, спешит исполнить его желание. Во время обеда приезжает компания и начинает трунить над ним. Помещик сперва отшучивается, но потом на дерзость отвечает дерзостью и дает пощечину; завязывается общая драка, помещик выходит победителем, оставив под глазами своих противников источники света. Утром, выспавшись, он едет к Храповицкому. "Дома барин?" – спрашивает он. "Дома, – отвечают, – но нездоров и никого не принимает". Помещик отдает письмо, по которому его тотчас просят пожаловать; помещик входит в спальню, завешенную со всех сторон. Но только что

вошедший произносит приветствие, как Храповицкий говорит ему: "Ваш голос мне что-то знаком, я вас видел, а где – не помню". – "Быть не может, – говорит приезжий, – я только что вчера приехал". – "Нет, точно я вас знаю", – сказал Храповицкий и велел поднять стору. Помещик взглянул и обмер: это был тот человек, которого он приколотил накануне. Храповицкий посмеялся, подал ему руку и сказал: "Ну полно, помиримся, я сделаю для вас все, что могу, а кто старое помянет, тому глаз вон".

Государыня сама езжала в маскарады, где садилась в ложу замаскированная. Екатерина ездила на такие маскарады всегда в чужой карете, но полиция тотчас же узнавала государыню по походке и по неразлучной при ней свите. Она очень любила, когда перед ней маски плясали вприсядку. Существует автобиографическая заметка Екатерины II, где она описывает свое приключение в маскараде¹⁵⁰: государыня рассказывает, что в один из таких маскарадов она надела офицерский мундир и накинула на него розовое домино и, войдя в залу, стала в кругу, где танцуют. "Здесь княжна Н. С. Долгорукая, – пишет императрица, – стала хвалить знакомую девушку. Я, позади ее стоя, вздумала вздохнуть и, наклонясь к ней, вполголоса сказала: "Та, которая

хвалит, не в пример лучше той, которую хвалит". Она, обратясь ко мне, молвила: "Шутишь, маска, кто ты таков? Я не имею чести тебя знать. Да ты сам знаешь ли меня?" На это я отвечала: "Я говорю по своим чувствам и ими влеком". Она еще спросила: "Да кто же ты таков?" Я отвечала: "Обещайте быть милостивы". Тут подошли к ней подруги и увели ее. Затем, немного погодя, я нашла ее опять. Она оглянулась и спросила меня: "Маска, танцуешь ли?" Я сказала, что танцую. Она подняла меня танцевать, во время танца я пожала ей руку, говоря: "Как я счастлив, что вы удостоили мне дать руку, я от удовольствия вне себя". Оттанцевав, я наклонилась так низко, что поцеловала у нее руку". Государыня долго преследовала княжну на бале своими объяснениями в любви...

П. Ф. Карабанов¹⁵¹ рассказывает, что раз государыня пожелала неожиданно дать маскарад. В назначенный день, на вечернем собрании в Эрмитаже, государыня, играя в карты, вдруг услышала звук расстроенной скрипки и объявила присутствующим гостям о том; через несколько времени такой звук повторился ближе и яснее; она приказывает разведать, но посланный явился назад без ответа. Наконец, звук раздался в третий раз, и очень громко; императрица положила

карты, пошла, и все общество за ней последовало; проходя множество комнат, вошли в такую, где на обе стороны растворялись двери, ведущие в две комнаты: одну для дам, другую для кавалеров, здесь лежали маскарадные наряды. Наскоро и без разбора все оделись и вышли в масках, так что одни других не скоро узнавали. Екатерина, одетая волшебницей, отдала приказ, что когда она снимет маску, чтобы все общество размаскировалось.

Государыня, заметя, что у новопожалованной фрейлины, графини Потоцкой, в сравнении с прочими нет жемчугов, пожелала ее наградить; заблаговременно было приказано ее одеть молочницей, и когда начались танцы, то государыня приняла кувшин под сохранение и, поставя у ног, опустила в него дорогие жемчуги. Потоцкая, обратно принимая кувшин, заметила подарки и сказала: "C'est vous, madame, c'est votre majestй..." – "Non, c'est du lait caillй",¹⁵² – отвечала императрица. По пятницам маскарады давались при дворе, в субботу полагался отдых.

На большие эрмитажные собрания приглашались все первые особы двора, иностранные министры, на средние – одни только лица, пользовавшиеся особенным благоволением государыни. На малые собрания приглашались

только лица, близкие к государыне. Гостей обязывали отказаться от всякого этикета. Кроме того, были написаны самой императрицею особые правила, выставленные в рамке под занавескою. Вот эти правила: 1) оставить все чины вне дверей, равномерно, как и шляпы, а наипаче шпаги; 2) местничество и спесь оставить тоже у дверей; 3) быть веселым, однако ж ничего не портить, не ломать, не грызть; 4) садиться, стоять, ходить, как заблагорассудится, не смотря ни на кого; 5) говорить умеренно и не очень громко, дабы у прочих головы не заболели; 6) спорить без сердца и горячности; 7) не вздыхать и не зевать; 8) во всяких затеях другим не препятствовать; 9) кушать сладко и вкусно, а пить с умеренностью, дабы всякий мог найти свои ноги для выхода из дверей; 10) сору из избы не выносить, а что войдет в одно ухо, то бы вышло в другое прежде, нежели выступит из дверей. Если кто против вышеписанного проступился, то, по доказательству двух свидетелей, должен выпить стакан холодной воды, не исключая дам, и прочесть страничку "Телемахида"; а кто против трех статей провинится, тот повинен выучить шесть строк из "Телемахида" наизусть. А если кто против десяти проступится, того более не впускать. При входе висели следующие строки,

написанные государыней:

Asseyez vous, si vous voulez,
Où Il vous plaira
Sans qu'on vous le rйpete cent fois.¹⁵³

На эрмитажные собрания малые, "les petites soirйes"¹⁵⁴, приглашалось избранное общество приближенных к императрице.

Барские сани в конце XVIII столетия. С гравюры XVIII века Шефнера

Тут находился французский посланник граф Сегюр, принц де Линь, Кобенцель, Лев Ал. Нарышкин, Строганов, Дашкова. Государыня

здесь была самая радушная хозяйка; самую любимую игрою на этих вечерах была игра в вопросы и ответы. Во избежание каких-нибудь личностей, гости описывали события при дворе "Бамбукового Короля", например, его праздники, привычки, также характеристику его придворных; иногда предлагались вопросы для философских трактатов; последние были разделены на главы: так, например, тридцать седьмая глава этого трактата, написанная рукою императрицы, носит название: "Что меня смешит?" Затем следуют ответы, написанные каждым. Вот эти ответы: первый написал: "Гордость"; второй пишет: "Так, так, я согласен с мнением моего соседа и с правой и с левой стороны"; другой писал: "Меня смешит умная шутка, или меня смешит г. обер-шталмейстер". "Что меня смешит? Иногда это сам я". "Надутость, довольная собою". Рукою императрицы находим написанное: "Я смеюсь над гордым человеком, потому что он как две капли воды похож на индейского петуха; смешны также ленивцы, потому что они по доброй воле скучают"; далее шли заметки: "Муж мой часто смешит меня до слез. Я смеюсь охотно, слыша умные слова, но только неожиданные. Я очень смеюсь над людьми, которые смеются из

угождения!" и т.д.

Театр в Эрмитаже представлял здание в виде римского цирка, только в небольшом размере. Стены и колонны в нем были мраморные; места для зрителей, обитые зеленым бархатом, подымались ступенями и образовывали полукруг; для самой императрицы особенных мест не было, для нее ставились кресла. На сцене Эрмитажного театра в Екатерининское время игравали все известные европейские знаменитости артистического мира; здесь были капельмейстерами Сарти, Чимароза, Галуппи, Паизиелло; играли в оркестре Диц, Лолли, Виоти, Буньяни, Жерновик, Роде, Ромберг, Хандошкин, Зорин; пели Габриэли¹⁵⁵, Маркези¹⁵⁶, Тодди¹⁵⁷, Мажорлети, Мара, Шевалье, Мандини¹⁵⁸, Марокети¹⁵⁹, Сандунова, Самойлов; танцевали ле Пик, Дюпор, Росси, Сантини, Канциани, Бубликов; восхищали в комедии Жорж, Лефрен, Лесаж, Бурде, Флоридор Офрен, Волков, Дмитревский, Шумский, Крутицкий, Черников, Шушерин, Яковлев, Троепольская, Семенова большая и многие другие; писали декорации для этого театра Гонзаго¹⁶⁰ и Иосиф Губерти; машины и превращения делал механик Бригонци¹⁶¹.

Но гораздо ранее в Зимнем дворце

существовал Малый театр, на котором представлялись придворными дамами и кавалерами комедии императрицы. Так, января 28-го 1773 года там в первый раз была представлена комедия Екатерины "О, время!"¹⁶². Пьеса эта была дана в присутствии государыни и 257 избранных зрителей. Государыня очень любила театр, и особенно русский, для которого и написала много пьес. Эти пьесы игрались на придворных театрах Петергофа и Царского Села и затем уже переходили и на публичные театры. Из пьес государыни, помимо названной, известны: "Госпожа Вестникова с семьею", "Именины госпожи Ворчалкиной", "Передняя знатного барина", "Невеста – невидимка" и затем несколько французских пьес-пословиц (proverbes), которые государыня писала в сообществе своих вельможных сотрудников: графа Кобенцеля, Сегюра, принца де Линя, Д'Еста, графа А. М. Мамонова, Ал. С. Строганова, Ив. Ив. Шувалова. Таких пословиц известно до семи: "Les voyages de M-r Bontemps"; "Le flatteur et les flattés"; "Il n'y a point de mal sans bien"; "La rage aux proverbes"; "Un chien vaut toujours mieux que deux tu l'auras"; "За мухой с обухом"; "За вздор пошлины не платят". Последние две нам известны

по дневнику Храповицкого, который упоминает, что первая из них, "За мухой с обухом", была написана государыней по поводу ссоры, затеянной княгиней Дашковой с Л. А. Нарышкиным из-за свиньи, которая зашла по соседству в ее огород. Эта шутка без обиняков прямо потешалась над княгиней, и потому государыня приказала Храповицкому, когда он поднес ей переписанную, отложить с тем, чтобы сделать в ней некоторые поправки. Вторая из этих пьес, "За вздор пошлины не платят", была написана Мамоновым, и только конец государыня к ней приделала.

Эрмитажный театр. С гравюры XVIII века

Помимо этих мелких пьес государыней было написано еще несколько больших комедий, как, например: "Расстроенная семья осторожками и подозрениями", "Недоразумения", "Сказка о Горе-богатыре Косометовиче", "Начальное управление Олега". Увлечение шарлатанством графа Сен-Жермена и Калиостро государыня осмеяла в своих трех пьесах: "Обманщик", "Обольщенный" и "Шаман Сибири". Во всех этих пьесах действует личность, которая с помощью различных фокусов дурачит простаков и обогащается на их счет.

Русский театр при императрице Екатерине открылся представлением при дворе оперы "Олимпиада", музыка сочинения Манфредини, декорации Традиция, балеты венского балетмейстера Гильфердинга. И затем на третий год ее царствования состоялось открытие в Петербурге и частного народного театра под открытым небом, за Малой Морскою, на пустыре, называвшемся Брумберговой площадью. Первое такое представление было дано во второй день Пасхи, 4 апреля 1765 года, в день смерти Ломоносова. Представления в этом театре начинались в 4 часа дня; играли в них охотники, преимущественно мастеровые, в переводных комедиях Мольера, Гольдберга и некоторых

оригинальных.

Из "С.-Петербургского вестника"¹⁶³ видно, что по возвращении двора в Петербург, после коронования, во дворце играли придворные дамы и кавалеры "Семиру", трагедию Сумарокова, после чего следовал балет "Галатея и Ацис", в котором великий князь Павел Петрович, в виде брачного бога Гименея, являсь на сцену, удивлял всех зрителей искусными и благородными танцами. В числе любителей, принимавших участие в спектакле, были гвардии капитаны Кропотов, Волков, Титов, три сестры девицы Бибиковы и Титова; танцевали гр. А. П. Шереметева, фрейлина Хитрово и другие; роль Семиры представляла графиня Брюс, в мужских ролях участвовали графы Г. Гр. Орлов, А. П. Шувалов, Ан. П. Нарышкина и другие¹⁶⁴.

На репетициях государыня сажала в первом ряду вместе с собою старика актера Оффена, учителя драматического искусства в кадетском корпусе. Оффен нередко забывал, где сидит, и забавлял государыню своими восклицаниями. Однажды, слушая монолог в "Магомете", которого играл П. С. Железников, Оффен то и дело твердил довольно громко: "Bien! Tris bien! Comme un Dieu! Comme un ange! Presque comme

moi!"¹⁶⁵

Все артисты в то время носили прилагательные имена: так, Офрена называли "чувствительным", Флоридора – "благородным", Бурде – "увлекательным" и т.д. Актеры века Екатерины отличались всеми достоинствами придворных – вежливостью и светскостью. Про известного Ив. Аф. Дмитриевского рассказывали современники, что это был старец замечательной наружности, с правильными чертами лица и с умною, выразительною физиономиею. Голова его имела в себе много живописного, особенно белые, как снег, волосы, зачесанные назад, придавали ей вид, внушавший невольное уважение. Все его движения были изучены и рассчитаны, а речь была тихая, плавная, и выражения, употреблявшиеся им в разговоре, большею частью изысканные. Впрочем, товарищи его не верили этой вежливости и называли его "куртизаном" и "эффекщиком".

Про игру и характер этого отца сценического искусства тогдашний знаток театра Ап. Алек. Майков говорил: "Дмитревский похож на заколдованный сундук, в котором перемешано множество драгоценных вещей с разною ветошью и всяким хламом; этот сундук отворяется для всякого, и всякому дозволяется в нем рыться и

выбирать любую тряпицу, но драгоценности ни за что никому не даются: они видны, но неуловимы".

Отцом сценического искусства в России, или учителем, как говорит С. П. Жихарев в своих воспоминаниях, он никогда тоже не был: сидит, бывало, на почетном кресле на репетициях и в спектаклях, прослушивает иногда роли у молодых, вновь поступающих на сцену актеров, и только. При всей также своей театральной опытности, он нередко не понимал ролей; так, существует рассказ, что раз, исполняя роль царя в какой-то пьесе, он, отдавая тайные приказания послу, кричал немилосердно. По окончании репетиции государыня подозвала его и заметила, что так о государственных делах не говорят громко, и ей, как царице, он может поверить на слово...

На парадных эрмитажных спектаклях царствовала та же всегдашняя непринужденность, как и на репетициях. Вот как описывает один из таких спектаклей граф Эстергази в письме к своей жене: "Все общество отправилось в великолепную театральную залу. Императрица заняла стул во втором ряду, пригласив сесть возле себя графа Кобенцеля, а по другую сторону меня. Старший внук ее сел впереди. Зубов возле меня, а граф

Брюс возле Кобенцеля. Дамы поместились в первом ряду, а остальное общество где кому вздумалось. Пустых мест было довольно. Представляли "Щедрого человека" и "Школу мужей". Пока шла первая пьеса (без пения и музыки), императрица то и дело заговаривала то с тем, то с другим".

ГЛАВА X

Переезд Екатерины II в Зимний дворец. – Обновление улиц. – Новые здания. – Карусели. – Кадрили и призы. – Святочные игры и другие забавы двора. – Участие в танцах наследника. – Забавный маскарад. – Большое собрание Эрмитажа. – Пышность двора. – Придворный оркестр. – Солисты. – Искусство сановников в гримировке. – Алмазная комната. – Диковинки Эрмитажа. – Работы императорской шпалерной фабрики. – Висячий сад и зверинец. – Аллегорические статуи Эрмитажа. – Биллиардная комната. – Анекдот. – Необыкновенная вежливость Екатерины II. – Часы Рентгена и Стасеровы. – Различные античные изображения. – Ложи Рафаэля. – Собрание гемм, монет, эстампов. – Библиотекарь Лужков. – Анекдоты о нем. – Клубы. – "Подлые поступки". – Карточная игра и азартные игры. – Анекдоты о них. – Английский клуб. – Коммерческое общество. – Танц-клуб, музыкальный клуб. – Роскошь и великолепие домов наших аристократов. – Дворянские балы. – Общество гостиных. – Дешевизна жизни. – Обилие медной монеты. – Анекдот о Шумском. – Чекан медных денег. – Первые ассигнации. – Упадок денежного курса. – Евреи – подделыватели монеты. – Шкловские фальшивые ассигнации. – Графы Зановичи – распространители фальшивых денег. – Суд над ними и их судьба.

С переездом императрицы Екатерины II в Зимний дворец смежные с дворцом улицы и площади стали украшаться и отстраиваться.

Царицын луг был обращен в огромный сад с множеством беседок для государыни и отдельных домиков и кухонь, в которых гуляющие могли готовить себе кушанье; вслед за этим стали устраивать Адмиралтейскую площадь. В это время половина места по Невскому, от Полицейского моста до Малой Морской, после ломки бывшего тут дворца, была подарена императрицею обер-полицеймейстеру Чичерину, и им уже выстроен дом, существующий и до сих пор (дом бывший Косиковского, теперь Елисеева). Другая половина, от Большой Морской до Малой Морской, оставалась незастроенною до 1804 года. С другой стороны дворца к Неве, берег которой был укреплен деревянным парапетом в 5 футов вышины, начатое еще в 1754 году строение гранитной набережной приводилось к окончанию; для гранитной набережной вбивали под водою сваи в 2S сажени, сплошь одна возле другой, на три сажени в ширину; на них клали ростверк¹⁶⁶, потом фундамент из пудовской плиты в 2S и 3 сажени, а верх одевали гранитом на одну сажень выше самой высокой воды. Парапету дали 2S фута вышины и 1S толщины, а тротуару сажень в ширину; общая длина набережной к 1788 году была три версты.

В это же время принялись за важную

постройку к луговой стороне дворца; нужно было маскировать конец Невского, выходявшего к Адмиралтейству: дома были строены лицом на проспект, следовательно, все надворные строения были на стороне, ближайшей ко дворцу, так что из окон императрицы открывался самый некрасивый вид. Она приказала строить полукруглый дворец из трех соединенных домов, с тремя воротами, над которыми поддерживались двумя мраморными колоннами портики. Одна часть этого колоссального здания была подарена государыней графу Брюсу, который был тогда петербургским губернатором; другая отдана была флигель-адъютанту Ланскому, по смерти последнего постройка снова была куплена императрицею; впоследствии эта часть принадлежала Кушелеву, а по смерти его поступила к князю Волконскому.

Большой Миллионной в это время дано новое направление, и начаты постройки богатых домов, от которых она и получила свое название. Прежде эта улица была проведена искривленною линией от первого почтового дома (нынешний Мраморный дворец) и называлась сперва Троицкою; потом, застроенная деревянными домиками немецких мастеров, она называлась Немецкою и после Греческою. Так обстроились

смежные с дворцом места и открылась нынешняя обширная Дворцовая площадь, на которой в царствование Екатерины устраивались народные праздники, били фонтаны вина и ставились жареные быки. Вокруг всего дворца были поставлены железные грелки, точно такие же, какие и теперь находятся у Большого театра. По всем улицам, о которых мы говорили, также и по Литейному проспекту, были окончены к тому же времени генералом Бауером подземные кирпичные трубы в 3 фута ширины и в 4 вышины для стока нечистот, с общим наклоном их к Неве.

16 июня и 11 июля 1766 года на Дворцовой площади была дана карусель в нарочно построенном амфитеатре. Карусель была устроена по инициативе князя Н. И. Репнина. "Изобретатель и директор, – как гласит рескрипт государыни, – показал не токмо талант своего знания в таковых экзерцициях и изобилие вкуса в пристойных нарядах и аллегорических украшениях, заимствуемых от довольного сведения древней и новой истории, но и все оное распорядил и произвел самым действием до самой малейшей части сего увеселения без всякого помешательства, будучи и сам при том шефом кадрили индийской. К неоспоримо в том должной его сиятельству справедливости,

всемиловейшая государыня, в знак своего к нему удовольствия, при милостивейших изображениях по окончании каруселя, пожаловать ему соизволила часы золотые и с цепочкою, осыпанные бриллиантами, в четыре тысячи рублей".

Карусель вскоре повторилась еще 11 июля. Назначена она была еще в 1765 году, но за худую погоду отсрочена до следующего года. Церемониймейстером карусели был гвардии Измайловского полка секунд-майор князь П. А. Голицын, от которого и были розданы билеты для входа в амфитеатр, начиная от знатнейших персон обоего пола, как для всех чинов военных и гражданских, так и для всех прилично одетых. Карусель состояла из четырех кадрили: славянской, римской, индийской и турецкой. Места для зрителей были расположены также по кадрилям: так, с правой стороны от ложи государыни была славянская и римская, с левой – индийская и турецкая; напротив ложи государыни была ложа наследника.

В день карусели, в два часа пополудни, был дан сигнал из трех пушек с крепости адмиралтейской, чтобы дамы и кавалеры каждой кадрили собирались в назначенные им места. Первые две кадрили, славянская и римская,

собрались у Летнего дворца, в поставленные на лугу шатры, индийская и турецкая собрались в приготовленных шатрах в Малой Морской. В четыре часа дан был второй сигнал, дабы дамы вступали на колесницы, кавалеры садились на лошадей, а зрители занимали свои места в амфитеатре. В половине пятого был дан третий сигнал, по которому все четыре кадрили вступили маршем в следующем порядке: славянской кадрили шефом был граф Ив. Петр. Салтыков, римской – граф Гр. Орлов, индийской – князь Н. И. Репнин и турецкой – граф Ал. Орлов. Кадрили разделились на две части и одновременно шли к амфитеатру; народу по улицам было бесчисленное множество, так как зрелище было редкое.

Когда кадрили стали входить в амфитеатр, звук музыки поразил всех. Мелодия музыкальных инструментов оказалась до этого времени неслыханною; все инструменты были сделаны на манер существовавших в глубокой древности. При входе в амфитеатр кадрили остановились за ложею своих судей, вне барьера, и по данному сигналу начались "курсы"¹⁶⁷, сперва дамские на колесницах, а потом кавалерийские на лошадях.

ЕКАТЕРИНА
*б-ю Императрицею-Великою
и Самодержицею*

ВТОРАЯ.
*НИКОЛАЮ П. Тургеневу
Воронежскому*

Екатерина II. С гравюры Уткина, сделанной с портрета, писанного Боровиковским

Судьи записывали в таблицы дам и кавалеров, которые имели успех и неудачу, как в "ристаниях на коне", так и в "метании жавелотов"¹⁶⁸. Окончив эти все кадрили, сделали кругом амфитеатра марш и пошли перспективою до Летнего дворца к большому крыльцу, где государыня, стоя на верхнем балюстраде крыльца, на шествие смотрела. И когда все кадрили были введены в большую залу обер-церемониймейстером, каждая из них знак своего народа подавала музыкою.

Главный судья. фельдмаршал Миних. со

всеми судьями выступил из конференц-залы, вслед за ними были вынесены пажами на золотых подносах богатые "прейсы" (призы), которые после речи фельдмаршала были розданы. Первый приз, состоящий из богатой бриллиантовой тресиле (?), получила графиня Н. П. Чернышева; второй приз, табакерку с бриллиантами, А. В. Панина; третий приз, перстень бриллиантовый, графиня Е. А. Бутурлина. Из кавалеров первый приз получил князь И. А. Шаховской – бриллиантовая пуговица и петлица на шляпу; второй полковник Ребиндер – трость с бриллиантовой головкой; третий граф Штейнбок – перстень бриллиантовый.

Кавалеры возницы дам получили: первый приз – Ферзен, поручик конной гвардии, записную золотую книжку с финифтью; второй – А. Н. Шепотьев, табакерку золотую с финифтью; третий – граф Д. М. Матюшкин, готовальню золотую с финифтью и т. д.

Судьями были граф Бутурлин, Нарышкин, князь Голицын, граф Панин и многие другие.

Как мы уже сказали, вскоре была дана и вторая карусель с тем же церемониалом, которая закончилась представлением в Зимнем дворце оперы "Дидона". Победителем на второй карусели единогласно был признан граф Орлов, которому

фельдмаршал Миних вручил первый приз и от себя тайно заготовленную лавровую ветвь. Дамы тоже каждая сняли со своей головы живые цветы и поднесли увенчанному победителю.

В ряду забав двора нередко бывали и святочные игры. Вот как описывает такие игры в день Рождества 1765 года Порошин: "Сперва, взявшись за ленту, все в круг стали, некоторые ходили в кругу и других по рукам били. Как эта игра кончилась, стали опять все в круг, без ленты, уже по двое, один за другого гоняли третьего. После сего золото хоронили; "Заплетися, плетень" пели; по-русски плясали; польский, менуэты и контрдансы танцевали. Императрица во всех этих играх сама быть изволила и по-русски плясала вместе с Н. И. Паниным. Великий князь тоже очень много танцевал; во время этих увеселений вышли из внутренних государыниных покоев семь дам: это были в женском платье граф Гр. Гр. Орлов, граф А. С. Строганов, граф Н. А. Головин, Петр Богд. Пассек, шталмейстер Л. А. Нарышкин, камер-юнкеры М. Е. Баскаков, князь Анд. Мих. Белосельский¹⁶⁹. На всех были кофты, юбки, чепчики; князь Белосельский был проще всех одет: он представлял гувернантку или маму и смотрел за прочими дамами. Ряженных посадили за круглый стол, поставили закуски, подносили

пунш, и потом все плясали и шалили". На больших собраниях Эрмитажа, которые начинались в седьмом часу и кончались в девять, императрица первая танцевала менуэт, но обыкновенно открывал их великий князь польским с одной из старейших придворных дам.

Барские сани с выездными гусарами в конце XVIII столетия. С гравюры того времени Хаттенбергера

По словам иностранцев, в такие дни вся Дворцовая площадь была запружена каретами и другими экипажами; толпы народа тоже многочисленными группами собирались

поглядеть на прибывающих шестерней вельмож. Полиция исполняла свою обязанность при помощи палочных ударов, раздаваемых налево и направо. На лестницах от толпы слуг доступ в покои делался почти невозможным. Глухой шум и говор в покоях стоял неумолкаемый, и только стихал он тогда, когда появлялась императрица, с удалением же монархини опять все снова приходило в беспорядок и комнаты снова оглашались гулом громкого разговора на разных языках.

В Екатерининское время пышность двора и разнообразие характерных костюмов разных инородцев заставляли каждого превратиться в зрение. Блеск драгоценных камней и воинственный вид покрытых орденами мундиров смущал многих и приводил в робость.

Во время балов играл придворный оркестр под управлением капельмейстера Галуппи¹⁷⁰. На малых собраниях играл на скрипке Диц, на виолончели Дельфини, на арфе В. Кардон, на фортепиано Ванжура. На эрмитажных собраниях государыня всегда являлась в русском платье; ее примеру следовали и все приглашенные дамы. Здесь уже господствовал русский язык. Каждый гость занимался чем ему угодно было. Кто играл в

жмурки, кто в билетцы, кто ворожил, гадал, играл в веревочку, кто читал стихи и т.д. Любимой игрой, как мы уже выше говорили, была литературная в мыслях; но как только государыня замечала, что гости начинали писать колкости и личности, то тотчас брала перо и зачеркивала написанное. Всякое стеснение, всякая церемония были изгнаны из общества; особенно запрещено было государынею вставать со стула перед нею, и тот, кто не исполнял этого, нес штраф по червонцу в пользу бедных или выучивал шесть стихов из "Телемахида". Рассказывают, что Л. А. Нарышкин чаще других подвергался этому наказанию. Читал же он стихи Тредьяковского с таким пафосом, что вызывал всеобщий неудержимый смех. Вельможи со способностями выделять различные гримасы и изменять свою физиономию особенно ценились на этих вечерах и получали в шутку разные военные чины. Так, барон Ванжура вместе с кожей спускал до бровей свои волосы и, как парик, передвигал их направо и налево; за это качество он получил там звание капитана. Сама государыня тоже умела спускать правое ухо к шее и опять поднимать его вверх; за эту способность она числилась только поручиком. Безбородко превосходно представлял картавого.

Собрания эти происходили в той комнате, где

теперь хранятся эскизы и рисунки Рафаэля и других великих художников. Эта уединенная комната дала Эрмитажу свое имя. Из этой комнаты был выход в так называемую "Алмазную комнату", в которой, по повелению императрицы, были собраны из всех дворцов и кладовых и из Московской Оружейной палаты разные редкости из финифти и филиграна, агата, яшмы и других драгоценных камней. Тут поместили все домашние уборы русских царей и бывшие у них в употреблении вещи: часы, табакерки, кувшины, зеркала, бокалы, ножи, вилки, цепочки, солонки, чайные приборы, перья, букеты. Из таких редких вещей здесь хранились: филиграновые туалеты царевны Софии Алексеевны и царицы Евдокии Лукьяновны; хрустальный кубок императрицы Анны Иоанновны; серебряная пудреница Елисаветы Петровны, золотая финифтяная чарочка царя Михаила Феодоровича; часы, служившие шагомером царю Алексею Михайловичу; модель скромного домика, в котором обитал Петр Великий в Саардаме; кукла, одетая по-голландски, – это была копия с хозяйки дома; изображение Полтавской битвы и морского сражения при Гангоуде, выточенное резцом Петра; табакерки, шашки и наперсток работы Екатерины. Позднее все эти достопамятности

были расставлены по галереям Эрмитажа. Первой из этих галерей считалась та, которая примыкала к южной части висячего сада. Все три галереи были со сводами и имели около трех сажен ширины и четыре вышины; окна выходили только в сад. Из первой галереи выстроен на своде переход через переулок в придворную церковь Зимнего дворца. Вторая галерея, западная, примыкала к застройке флигеля, через который государыня из внутренних покоев ходила в Эрмитаж. По обеим сторонам дверей находились вазы из белого прозрачного мрамора с барельефами, на подножке цветного мрамора, в 4 фута вышины. Подле них стояли два женских портрета в восточных нарядах, в подвижных рамах. Они были сделаны на императорской шпалерной фабрике мастерами Андреевым и Ивановым. В третьей, восточной, галерее были еще такие же две вазы; в этой галерее копировались обыкновенно картины профессорами и воспитанниками Академии художеств. В последней комнате все стены и промежутки между окон были покрыты картинами.

Окруженный с трех сторон галереями, а с северной залом Эрмитажа, висячий сад имел вид продолговатого четвероугольника, около 25

сажен длины и 12 сажен ширины. Своды были покрыты землею на три фута, так что сад имел такую же вышину, как пол в галереях. В этом открытом саду росли со всех сторон ряды прекраснейших больших берез, а на дерновой поверхности были сделаны дорожки для прогулок, украшенные цветами, в конце каждой дорожки стояли статуи из белого мрамора работы Фальконета, на подножьях из дикого камня в 3 фута вышины. В северной части сада была устроена высокая оранжерея с галереею наверху; в этом зимнем саду содержалось множество попугаев и других тропических и наших птиц, а также множество обезьян, морских свинок, кроликов и других зверьков. От галереи по западной стороне шли три комнаты, в одной из которых стоял бюст Вольтера в натуральную величину из красноватого состава, на столбе из дикого камня; в примыкающих к этой других комнатах стояло еще несколько бюстов Вольтера: один из фарфора, другой из бронзы, сделанный с оригинала, работы Гудона; все эти комнаты были украшены бронзовыми историческими группами из жизни Древней Греции и Рима. Подле угольной комнаты к оранжерее находился зал, вместо стены с одной стороны были громадные окна в сад; рядом с залом была столовая комната:

пол здесь состоял из двух квадратов, которые вынимались и из них подымались и опускались посредством простого механизма два накрытые стола на шесть приборов. Государыня здесь обедала без присутствия слуг. В этой комнате по углам стояли два бюста работы Шубина: графа Румянцева и графа Шереметева. Из этой комнаты шла арка через переулок ко второму дворцу Эрмитажа; здесь находилось аллегорическое изображение мира со Швецией. Екатерина, изображающая Россию, подавала Швеции, представленной тоже в виде женщины, лавровую ветвь, показывая на сноп. Пограничная река Кюмень была представлена лежащим старцем; из находившегося в руках у старика сосуда вытекала вода.

Во втором дворце, в первом овальном зале со сводами и высокою галереек", поддерживаемую тринадцатью столбами, никаких украшений не было, только висели два рисунка с изображением цветов, писанные великою княгиней Мариею Феодоровною, и несколько географических карт. В небольшой угловой комнате за тем залом сохранялся токарный станок Петра Великого и разные выточенные им работы из слоновой кости. Подле, в овальной комнате, стоял большой бильярд и маленькая "фортунa"¹⁷¹". Стены этой

комнаты были увешаны картинами. Государыня очень любила играть на бильярде, и пред тем, чтоб начать играть, всегда спрашивала партнера, удобно ли ему играть этим кием или не нужно ли опустить шторы, когда замечала, что солнце неприятно ему светит в глаза.

Однажды в то время, когда государыня играла с кем-то на бильярде, вошел Ив. Ив. Шувалов. Императрица низко ему присела. Присутствующие придворные сочли это за насмешку и засмеялись. Государыня приняла серьезный вид и сказала: "Вот уже сорок лет, что мы друзья с господином обер-камергером, а потому нам очень извинительно шутить между собою". Государыня, как известно, отличалась необыкновенной вежливостью в обращении с людьми; любимая ее поговорка была: "Ce n'est pas tout que d'être grand seigneur, Il faut encore être poli" (Не довольно быть вельможею, нужно еще быть учтивым). По рассказам, императрица имела особенный дар приспособлять к обстоятельствам выражение лица своего¹⁷²; часто после вспышки гнева в кабинете подходила она к зеркалу и, так сказать, сглаживала, прибирала черты свои и являлась в залу со светлым и царственно-приветливым лицом. Однажды на бале хотела она дать приказание пажу и сделала

знак, чтобы подзвать его, но он того не заметил, а граф Остерман принял, что знак был сделан ему, и подошел к государыне, опираясь на свою длинную трость; императрица встала со своих кресел и подошла с ним к окну, где несколько времени с ним проговорила. Потом, возвратясь на место, спросила графиню Головину, довольна ли она ее вежливостью. "Могла ли я иначе поступить! Я огорчила бы старика, давши ему почувствовать, что он ошибся, а теперь, сказав ему несколько слов, я оставила его в заблуждении. Он доволен, вы довольны, а следовательно, довольна и я!"

В другой раз князь Барятинский ошибкою, вместо графини Паниной пригласил на вечер в Эрмитаж графиню Фитингоф. Увидя неожиданную гостью, императрица удивилась, но не дала этого заметить, а только приказала тотчас послать приглашение графине Паниной; графиню же Фитингоф велела внести в список лиц, приглашаемых на эрмитажные собрания, для того, чтобы она не догадалась, что была приглашена ошибкою.

В небольшой комнатке, "диванной", рядом с биллиардной, стоял драгоценный столик из разноцветных камней, а в углах бюсты адмиралов графа А. Г. Орлова и В. Я. Чичагова, оба работы

Шубина; рядом с этой комнатой, окнами на двор, как мы уже упоминали, государыня занималась химическими сплавами для камеев, вместе с Кенигом и Лебрехтом вырезала печати и т. д. Рядом с этой комнатой стояли две драгоценные вазы: одна из стекла аметистового цвета и другая, фарфоровая, с тонкою живописью, работы здешнего завода. Тут же было одно из первых и древнейших фортепьян с флейтами. В комнате подле этой помещались две мраморные группы: одна – работы Шубина, другая – Щедрина, и большой фарфоровый сосуд на круглом пьедестале в 4 фута вышины из голубого состава, работы Кенига. В следующей полукруглой зале находились изображения римских императоров Иосифа и Леопольда на одной картине и бюст князя Потемкина-Таврического, работы Шубина; рядом с этой комнатой хранилась коллекция рисунков.

Уборная, или спальная комната императрицы, кроме обыкновенной мебели, имела следующие редкости: играющие часы работы Рентгена¹⁷³, бюсты Цицерона и Вольтера, античное изображение Дианы с собакой из слоновой кости, античный стол, горку из уральских драгоценных камней, с каскадами из аквамарина, работы Ямышева.

В следующем большом зале висело шесть хрустальных люстр, перед софой стоял стол, четырехугольная доска которого в 8 футов длины и 4 ширины была сделана из аметистового стекла, по бокам на ней были начерчены планы турецких крепостей: Очакова, Бендер, Килии и Акермана, завоеванных князем Потемкиным; сделана эта доска на стеклянном заводе¹⁷⁴. В комнате подле зала были размещены разные китайские редкости. Первая комната, на восточной стороне, по каналу, вела к лестнице главного входа в Эрмитаж, сделанной из одноцветного камня; напротив ее был на своде переход через канал в придворный театр; в комнате перед проходом построен был древний греческий храм, в котором стояло античное изображение из мрамора Амура и Психеи. В той же комнате стояло бюро с изображением разных эпизодов из путешествия государыни по Таврической области; делал это бюро крестьянин графа Салтыкова. Далее во всю длину по каналу (30 сажен длины, около трех ширины) шла "ложа Рафаэля", расписанная *al fresco*¹⁷⁵. Затем следовали кабинеты минералогический и императорская картинная галерея и скульптурных и античных мраморов; за картинною галереей первое время надзирал придворный живописец Фензельт, известный

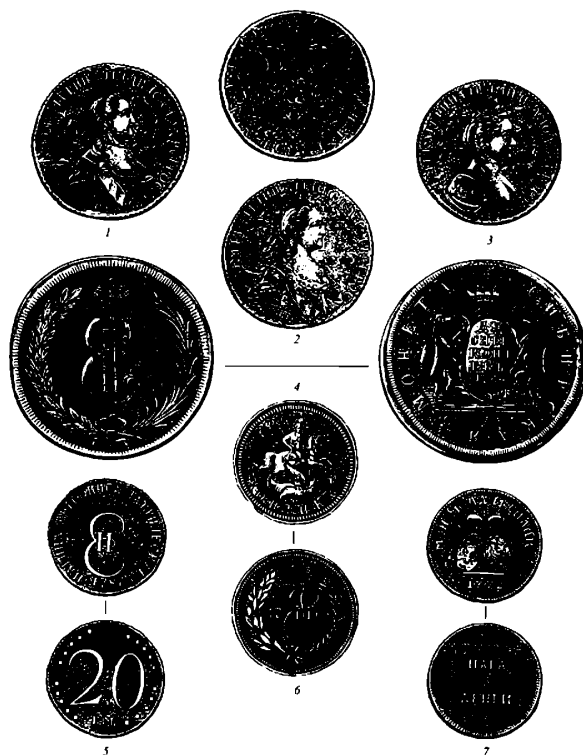
реставратор древних картин (после него, с 1780 года, был смотрителем венецианец г. Мартинели).

Над собранием гемм, монет, эстампов и других произведений художеств был начальником библиотекарь императрицы, коллежский советник Петров, но так как последний был часто посылаем в Москву, то, большею частью, заведовал этими собраниями унтер-библиотекарь, коллежский асессор Алексей Иванович Лужков. Императрица очень его ценила и оказывала ему большую доверенность, присылая к нему драгоценные вещи без всяких записок. Однажды государыня, отворяя у него разные шкафы, по рассеянности положила ключи от них в свой карман. Лужков на это обиделся и просил государыню, чтобы она дала ему отставку. Государыня очень удивилась и просила его сказать, что за причина, почему он хочет ее оставить. "Я, государыня, честен, всегда пользовался вашим доверием, а вчера заметил, что вы в первый раз меня заподозрили и взяли ключи от меня, – после этого я вам уже не слуга". – "Помилуй, – сказала императрица, – я сделала это по ошибке, без всякого умысла, вот твои ключи, не обижайся, извини меня, я впредь буду осторожнее". Этот Лужков по кончине государыни представил в казну серебра и золота,

не записанного в книгах, более чем на 200 000 рублей и немедленно после того вышел в отставку.

В круг общественных увеселений в царствование Екатерины стали входить в моду клубы, или "клобы", как их тогда называли; всех их, начиная с 1770 года по 1795-й было основано в Петербурге семь. Поводом к основанию первых таких клубов хотя и послужила благотворительная цель, но вскоре по открытии их было замечено, что посещали их люди не только такие, что ищут в длинные зимние вечера средства лишь "рассыпать мысли свои", но и такие, которые впадают в "подлые поступки" и особенно умножают страсть к карточной игре. Императрица строго преследовала азартные игры и по временам издавала указы, строго запрещающие их, но они скоро забывались; особенно много играли у князя Потемкина и Орлова. Екатерина говорила про игроков: "Эти люди никогда не могут быть полезными членами общества, потому что привыкли к праздной и роскошной жизни. Они хотят всю жизнь свою провести в этой пагубной игре и таким образом, лишая себя всего своего имущества и нисколько об этом не заботясь, делают несчастными и других, которых они обманывают и вовлекают в игру!"

Наказанием для игроков был арест в тюрьме под крепким караулом.

Монеты Екатерининского времени. Снимки с подлинных монет: 1) Рубль 1763 года. - 2) Рубль 1766. - 3) Рубль последних лет царствования. - 4)

Медная сибирская монета. - 5) Крымская серебряная монета. - 6) Копейка 1765 года. - 7) Монета, выбитая в 1772 году, во время занятия Молдавии

Узнав, что в Москве завелись карточные игроки, она писала к главнокомандовавшему: "Иностранцев высылайте за границу, а своих унимайте; а если нужно будет, то пришлите ко мне именной список их. Я велю публиковать об них в газетах, чтобы всякий мог их остерегаться,

зная ремесло их". Раз до сведения Екатерины дошло, что генерал Левашев ведет сильную азартную игру. Государыня при встрече говорит ему: "А вы все-таки продолжаете играть?" – "Виноват, ваше величество, играю иногда и в коммерческие игры". Двусмысленный ответ обезоружил гнев Екатерины. Она только рассмеялась. Этот В. И. Левашев не изменял своего образа жизни до самой смерти, то и дело проигрывал крупные суммы денег. Император Александр I, по вступлении на престол, издал указ "об истреблении непозволительных карточных игр", где, между прочим, было сказано, что "толпа бесчестных хищников, с хладнокровием обдумав разорение целых фамилий, одним ударом исторгает из рук неопытных юношей достояние предков, веками службы и трудов уготованное". На этом основании всех уличенных в азартных играх приказано было брать под стражу и отсылать к суду.

Государь, однажды встретив Левашева, сказал ему: "Я слышал, что ты играешь в азартные игры?" – "Играю, государь", – отвечал Левашев. "Да разве ты не читал указа, данного мною против игроков?" – "Читал, ваше величество, – возразил Левашев, – но этот указ до меня не относится: он обнародован в предостережение

"неопытных юношей", а самому младшему из играющих со мною – пятьдесят лет".

Императрица Екатерина, узнав, что у статс-секретаря Попова по ночам съезжаются для большой игры, спросила его: "Играете ли вы в карты?" – "Играем, государыня", – отвечает он. "В какую игру?" – "И в ломбер (l'ombre) играем". – "Ваш ломбер разорительный", – рассмеявшись, сказала государыня.

Сама Екатерина любила играть в карты, и нередко даже на бриллианты; государыня играла преимущественно в макао, которое в прошлом веке было весьма распространено. Каждые девять очков оплачивались бриллиантом весом в один карат; в Екатерининское время карат бриллианта стоил сто рублей. Перед играющими на бриллианты ставились ящики с бриллиантами. Игра в бриллианты Екатерины обходилась гораздо дешевле другой нынешней. Любимыми играми императрицы были также: бостон, пикет, крибэдж; у нее часто был партнером пренеприятный и задорный игрок Чертков. Раз, играя с нею и проигрывая, он с досады бросил карты на стол. Она ни слова не сказала ему и, когда кончился вечер, встала, поклонилась и молча ушла в покои. Чертков просто остолбенел от своего поступка. На другой день, когда

гофмаршал вызывал лиц, которые были назначены к ее столу, Чертков стоял в углу ни жив, ни мертв. Когда гофмаршал произнес его имя, он просто ушам не верил, и когда нерешительно подошел, то государыня встала, взяла Черткова за руку и прошла с ним по комнате, не говоря ни слова. Возвратясь же к столу, сказала ему: "Не стыдно ли вам думать, что я могла быть на вас сердита? Разве вы забыли, что между друзьями ссоры не должны оставлять по себе никаких неприятных следов".

Обедать с государыней за одним столом имели право, данное Екатериною раз навсегда, следующие придворные: граф Разумовский, Потемкин, Голицын, Ангальт, Чернышев, Брюс, Строганов, князь Юсупов, Бецкой, Нарышкин, Чертков, князь Барятинский, Румянцев, Кутузов, Эстергази, Мордвинов и дежурный генерал-адъютант. Из дам: Нарышкина, Матюшкина и графиня Браницкая.

В Екатерининское время самый "степеннейший" из клубов был Английский. Основан он был 1 марта 1770 года Гарнером, богатым банкиром; вскоре этот банкир сделался банкротом, и земляки его, англичане, желая пособить ему, сделали его экономом и хозяином этого клуба. Членов в первое время здесь

считалось не более пятидесяти. Плата не превышала сорока рублей; для помещения нанимался небольшой дом на Галерной улице за 1500 рублей. Чрез сорок лет Английский клуб уже имел более 300 членов, в числе которых находились высшие государственные сановники, как, например, граф М. А. Милорадович, Аракчеев, Сперанский, П. Х. Витгенштейн и многие другие.

Почти каждый вечер посещал это собрание И. А. Крылов; над тем местом, где он сиживал обыкновенно, впоследствии был поставлен его бюст; в столовой зале висел портрет и учредителя этого клуба. Английский клуб очень долго занимал великолепный дом у Синего моста, в котором некогда жил фельдмаршал князь Трубецкой, и давал пышные пиры и балы.

В пятидесятых годах нынешнего столетия в Английском клубе считалось около четырехсот членов и более тысячи кандидатов, которые по старшинству и занимали открывавшиеся вакансии. Первейшие люди домогались как бы вступить в число членов этого клуба. Князь Чернышев и граф Клейнмихель так и умерли, не попав в члены Английского клуба.

В одно почти время с Английским клубом был основан другой клуб немцем Шустером, тоже

некогда богатым купцом, но потом разорившимся. Клуб этот сперва помещался в двух скромных комнатах; 1 февраля 1772 года он уже был переведен в большую квартиру и стал называться Большим Бюргер-клубом. Этот клуб, впрочем, более известен как "Шустер-клуб". Клуб одно время представлял довольно дружное общество, состоящее из заслуженных чиновников, артистов, богатых русских и иностранных купцов и зажиточных ремесленников; не ограничиваясь одними увеселениями, клуб этот преследовал многие благотворительные цели: он давал пенсион 150 престарелым, неимущим и постоянно воспитывал несколько беднейших сирот.

27 ноября 1784 года было основано "Коммерческое Общество", с целью доставить биржевому купечеству возможность собираться для совещания по делам коммерческим и проводить время в беседе и карточных играх. Клуб этот и теперь считается одним из солиднейших, а после Английского – первым.

В 1783 году открылся еще Американский клуб, получивший свое начало от Бюргер-клуба; помещался он в первое время близ Исаакиевской церкви в доме Погенполя. Лучшею эпохою его существования было начало 1800-х годов: тогда

считалось в нем членов более 600 человек; впоследствии к этому клубу было присоединено танцевальное заведение г. Квятковского, после чего клуб стал называться "Клубом соединенного общества".

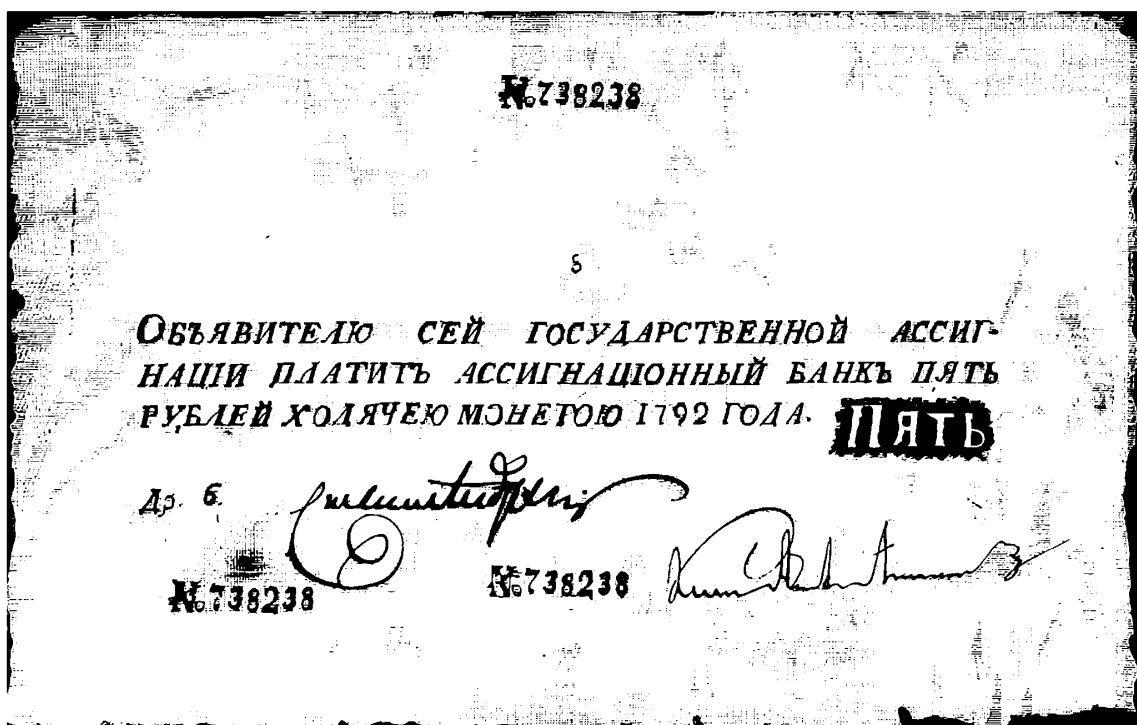
В 1785 году был учрежден "Танц-клуб" гробовым мастером Уленг-луглом; в первое время этот клуб носил название "Кофточного клуба"; членами его могли быть исключительно нечиновные лица мещанского и купеческого сословий.

Впрочем, нынешнее слово "мещанин" в Екатерининское время было в полном смысле слова переводом французского *bourgeois*, или немецкого *bürger*, и купец первой гильдии, по тогдашнему смыслу, был не что иное, как мещанин, записавшийся в гильдию. Мещанами называли также всех свободных художников, переименованных впоследствии в именитых граждан, т. е. почетных граждан.

Танц-клуб помещался у Полицейского моста, где теперь Благородное собрание. В пятидесятых годах это общество славилось своими скандалами малого и большого сорта. После открытия последнего клуба вскоре возникло и второе мещанское общество для танцевания, праздновавшее день своего открытия 6 января

1790 года.

Гораздо прежде этих клубов в 1772 году в Петербурге был учрежден Музыкальный клуб из 300 членов, вносивших в год по десяти рублей с человека на содержание оркестра.

Пятирублевая ассигнация Екатерининского времени. Факсимиле подлинной ассигнации

В Музыкальном клубе два раза в неделю давались концерты, которые посещались многочисленной публикой. Этот клуб просуществовал до 1777 года, затем он был закрыт, но через год основалось другое музыкальное общество, которое зимою, в продолжении восьми месяцев, давало каждую субботу концерты и ежемесячно один бал и

маскарад. Членов здесь было до пятисот человек, каждый платил по 15 рублей. Для этого клуба был нанят большой дом петербургского обер-полицеймейстера Чичерина и роскошно убран. В оркестре этого клуба играло пятьдесят превосходных музыкантов и часто участвовали первые приезжие солисты; здесь пели придворные певчие и лучшие приезжие певицы. Разовые деньги эти артисты получали по тогдашнему времени весьма высокие: от ста и до двухсот рублей за один вечер. В 1787 и 1788 годах дела этого клуба шли блистательно; но вскоре излишняя роскошь, с какою давались здесь маскарады и балы, совершенно расстроила дела, и в 1792 году проданы были с аукциона все прекрасные музыкальные инструменты этого клуба, также серебряная и фарфоровая посуда и даже мебель.

В 1794 году известные богачи гг. Демидов, Сикстель и Бланд создали новый клуб, членов в котором вскоре было до 400 человек. Каждый платил по 50 рублей. Помещался этот клуб в доме Бутурлина. Это музыкальное общество просуществовало не более четырех лет и со смертью учредителей распалось. В 1802 году было положено начало "Филармонического Общества" и потом уже "Симфонического".

Высшее общество в Екатерининское время отличалось широким гостеприимством, и каждый небогатый дворянин мог во весь год не иметь своего стола, каждый день меняя дома знакомых и незнакомых. Таких открытых домов, не считая в гвардейских полках, находилось множество. Первыми аристократическими домами тогда в Петербурге признавали царские чертоги следующих сановников: графа Разумовского, князя Голицына, Потемкина, вице-канцлера графа Остермана, князя Репнина, графов Салтыкова, Шувалова, Брюса, Строганова, Панина, двух Нарышкиных, Марьи Павловны Нарышкиной. Приемы у этих вельмож бывали почти ежедневно; на вечерах у них гремела музыка, толпа слуг в галунах суежилась с утра до вечера.

Роскошь и великолепие палат вельмож доходили до высшей степени азиатского сказочного волшебства. Графиня Головина рассказывает про Потемкина, что в те дни, когда у него не было бала, гости собирались в диванной комнате. Мебель обита была тканью серебряной и розовой, в таком же виде был обит и пол. На красивом столе стояла филигранная курильница, в которой горели аравийские благовония. Князь обыкновенно носил платье с собольей опушкой,

алмазную звезду и ленты: георгиевскую и андреевскую. За столом служили великорослые кирасиры, одетые в красные колеты¹⁷⁶. На голове были черные меховые шапки с султаном. Перевязи их были посеребрены. Они шли попарно и напоминали театральные солдат. В продолжение ужина роговой оркестр исполнял лучшие симфонии и т. д.

В описываемое время в большом обыкновении были прекрасные балы публичные, под названием "дворянских". Число гостей на них было ограничено, и сюда съезжалась лучшая публика. Были также балы, называвшиеся "английскими". В этих балах участвовали иностранные негодцианты. Билеты для входа на бал продавались по 25 рублей с персоны.

Общество в гостиных разделялось на молодых и пожилых. Старики говорили со стариками, молодежь слушала последних почтительно, не смея вмешиваться в разговор. Вежливость с женщинами простиралась до того, что подать салоп, поднять платок, отыскать лакея, карету незнакомой дамы, проводить ее – входило в обыкновенную обязанность каждого.

Дешевизна всех жизненных припасов в то время делала жизнь в Петербурге для всех сословий возможною. В то время ходили в

обращении деньги более всего медные. Даже жалованье и пенсии выдавались из присутственных мест медными монетами. Так, известный ветеран русской сцены, современник обоих Волковых и Дмитревского, актер Шумский, проживший более ста лет на свете, находясь на пенсии, квартировал у кого-то из своих родственников на седьмой версте по Петергофской дороге. Шумский каждый месяц приходил за своим месячным пенсионом в Кабинет, который помещался в доме, где теперь находится здание Императорской Публичной библиотеки; здесь он получал обыкновенный двадцатипятирублевый мешок медных денег, взваливал его на плечи и относил домой, никогда не нанимая извозчика. Мешок таких денег весил полтора пуда. До вступления на престол Екатерины чекан медных денег выходил в 32 рубля из пуда¹⁷⁷; всех выпущенных медных денег с 1700 по 1762 год было на 80707,453 рубля¹⁷⁸. "Для улучшения обращения денег, от которого, – как сказано в указе от 29 декабря 1768 года, – зависит благоденствие народа, цветущее состояние торговли, и дабы отвратить тягость медной монеты, затрудняющей ее оборот и перевоз", были введены в России к употреблению бумажные деньги, или

ассигнации¹⁷⁹. При самом начале ассигнаций было выпущено на сорок миллионов рублей четырех достоинств: в 100, 75, 50 и 25 рублей. Материал для делания первых ассигнаций состоял из старых дворцовых салфеток и скатертей. Новость предмета и появление фальшивых ассигнаций затрудняли вначале обращение бумажных денег. В 1786 году Екатерина велела уничтожить 75-рублевые ассигнации и прежде выпущенные обменять на новые, другого вида и пяти достоинств – в 100, 50, 25, 10 и 5 рублей. В то же время число выпущенных ассигнаций увеличено было еще 60 миллионами рублей. В 1796 году число всех ассигнаций достигло до 150000,000 рублей. По 1815 год было выпущено в обращение ассигнаций на 577 000,000 рублей.

Затем, уже к 1 января 1857 года, находилось в обращении кредитных билетов на 689299,884 рубля.

По выпуске ассигнаций в 1769 году средняя цена ассигнационного рубля на серебряную монету была 99 копеек, в 1771 году – 98 копеек, в 1772 году – 97 копеек, в 1774 году – 100 копеек, с 1775 по 1783 – рубль стоил в 99 копеек; затем по 1786 – 98 копеек. В 1788 году опустился до 92 ³/₅ копейки, в 1790 году стоил 87 копеек, в

79¹/₃ копейки и в 1794 году дошел до 70 копеек, а в 1795 году до 68¹/₂ копейки.

Для объяснения причины такого значительного упадка нашего денежного курса поручено было князю Юсупову и графам Миниху и Воронцову, приглася знатнейших российских и иностранных купцов, узнать от них мнения о способах к повышению курса.

По обсуждении этого предмета признан был причиною падения денежного курса чрезмерный привоз иностранных товаров. Комиссия нашла для возвышения курса необходимым: убавить привоз к роскоши служащих иностранных товаров, разрешить выпуск хлеба, для прекращения между торгующими подлогов и обманов издать "Банкротский устав", завести Купеческий банк для ссуды купцам денег под заклад товаров, учредить должность банкира для выгоднейшего производства денежных за границу переводов¹⁸⁰. Количество взимаемого роста на занятые деньги в то время было по 12, 15 и 20 процентов в год, с вычетом процентов вперед.

Первый преобразовал в России монетную систему Петр Великий. В 1701 году были чеканены первые русские золотые червонцы 118 на фунт 93¹/₃ пробы, также двойные червонцы, двухрублевики и рублевики золотые; до Петра

золотой монеты в торговом обороте не было. Государи только в редких случаях чеканили золотые деньги и давали в награду лицам, которых желали отличить по заслугам. В том же году была чеканена первая серебряная полтина, а в 1704 году первые серебряные рубли. В 1700 году Петр повелел чеканить медные денежки и полушки—12 рублей 80 копеек из пуда меди.

Подделка ассигнаций, как и медной монеты, производилась преимущественно в Польше евреями, в сообществе разных иностранцев.

Подделка монеты была очень легка, так как нарицательная цена пятикопеечников петровского чекана в шесть раз превосходила действительную цену меди¹⁸¹. Эта высокая цена медных денег приносила большой вред государству. Польские жида подделывали пятикопеечники, привозили в Россию и разменивали их на серебряные рубли, приобретая этим путем прибыли до 400 процентов и более.

Фальшивые ассигнации были известны в то время шкловской работы, фабриковали их два брата графы Зановичи, родом далматы, вместе с карлами известного Екатерининского фаворита, генерал-лейтенанта Семена Гавриловича Зорича, основателя Шкловского кадетского благородного училища.

С. Г. Зорич.

С гравированного портрета Осипова, из собрания Бекетова. (Подлинник принадлежит Д. А. Ровинскому)

Около 1781 года стали распространяться слухи о подозрительных сторублевых ассигнациях, которые ходили в Шкове. Следуя в Могилев, князь Потемкин заехал в Шков к Зоричу. Вечером, когда князь был у себя в комнате, к нему явился шковский житель, еврей Давид Мовша и настоятельно просил позволения поговорить с ним наедине. Князь велел допустить его. Оставшись вдвоем, Мовша подал князю

сторублевую ассигнацию. Князь долго и внимательно рассматривал ее и, не найдя в ней ничего особенного, с досадой спросил Мовшу:

– Ну, что же тут, покажи!

Тогда еврей показал, что вместо "ассигнация" написано "ассиша-ция".

– Где ты ее взял? – спросил Потемкин Мовшу.

– Если вашей светлости угодно, я вам через полчаса принесу несколько тысяч.

– Кто же их делает?

– Камердинер графа Зановича и карлы Зоричевы, – отвечал Мовша.

Потемкин, дав Мовше 1000 рублей, приказал променять их на фальшивые и доставить ему в местечко Дубровку. (Местечко это принадлежало Потемкину и находилось в 70 верстах от Шклова.) Сюда были вызваны князем губернатор Энгельгардт и председатель Уголовной палаты Малеев. Немедленно было приступлено к делу. Графы Зановичи были арестованы. Следствие показало, что один из братьев виновен в привозе из-за границы заведомо фальшивых ассигнаций, и, кроме того, оба были заподозрены в самом делании их. Зановичи были заключены в Нейшлотскую крепость на пять лет, а по прошествии этого времени были отправлены в Архангельск для высылки за границу.

ГЛАВА XI

Фонтанка. – Обделка ее берегов камнем. – Раздача земель по Фонтанке. – Баур. – Партикулярная верфь. – Всеобщее катание по водам. – Церковь Св. Пантелеймона. – Дворец на Фонтанке и другие дома по этой речке. – Молельня князя Голицына. – Раскольница. – Симеоновская церковь. – Хамовая улица. – Зверовой двор. – Праздник Нарышкина. – Аничков мост. – Барские усадьбы по Фонтанной речке. – Дом историка Татищева. – Кассир Кельберг. – Пропажа в банке. – Суд над казнокрадами. – Князь А. М. Белосельский. – Троицкое подворье. – Духовник Варлаам. – Дома Дубянского, Деденева, графа Воронцова, Куракина, царицы Прасковьи. – Шуты царицы Прасковьи. – Дом графа Лестока. – Лейб-кампанцы. – Кутежи и буйство последних. – Дальнейшая судьба графа Лестока. – Двор Волынского. – Царская охота. – Масонская ложа св. Михаила. – Дом графа И. Л. Воронцова. – Дом Зубова. – Дом поэта Державина. – Описание дома. – Внешность поэта. – Дом Гарновского. – Дом Вильбуа. – Постройка Сенновской церкви. – Богач Савва Яковлев. – Каменный храм Успения Божией Матери. – Сенная площадь. – Сенновские евреи. – Праздники кущей. – Таиров дом. – Типография Воейкова.

Фонтанка в старину была болотным ручейком; получила она название от фонтанов в Летнем саду, которые она снабжала водою. Императрица Елисавета приказала ее очистить и берега одеть деревом с деревянными же

перилами. С 1780 по 1789 год ее стали обделывать гранитом с железными перилами. Работы при реке Фонтанной производил подрядчик Долгов; на этого подрядчика, крайне притеснявшего рабочих, последние принесли жалобу императрице. Гарновский в своих воспоминаниях отмечает по поводу этого следующее: "1787 года 7-го августа, поутру появились на площади против дворца 400 мужиков, присланных депутатами от общества четырех тысяч работников, у производства при реке Фонтанной, с жалобой к ее императорскому величеству на подрядчика Долгова. Собравшиеся на площадь мужики тотчас дали знать о себе, что они не простые зрители, а челобитчики. Всякий раз, когда случалось какой ни есть даме подойти к окошку, то они, признавая ее за государыню, кланялись низко и показывали в руках жалобу. Государыня неоднократно высылала к ним несколько особ, одну за другою, которые обнадеживали их, именем царицы, скорым удовлетворением их просьбы, с тем только, чтобы они разошлись восвояси и отнюдь бы толпою праздно на площади не собирались. Но средство это не имело желаемого действия. Мужики упорно настаивали на том, что хотят просить государыню, и уверяли увещевавших их господ,

что они не собирались бы толпою, если б прежде присланные от них в Царское Село с жалобою к императрице два мужика не были взяты под стражу, а особливо досадили они дежурному генерал-адъютанту графу Ангальту, сказав последнему, что они с ним, как с немцем, не знающим по-русски, и говорить не хотят. Пополудни, не знаю каким образом, удалось захватить из них семнадцать человек, которые и были отправлены за караулом в уголовный суд, с тем чтоб осуждены были в учинении скопа и заговора. Сие увидя, прочие немедленно разбежались. Того же числа под вечер и спустя целую ночь велено было разъезжать около дворца конногвардейской и донской командам, дабы не допустить мужиков до новых собраний. Два дня спустя после сего, как отмечает Гарновский, "настрашавши довольно, взятых под стражу мужиков выпустили на волю, а дело их с Долговым производится с нарочитою строгостью в губернском правлении"".

Фонтанка сохраняла характер загородной местности до начала нынешнего столетия; в восьмисотых годах придворные служители стреляли на ней весной и осенью уток и даже еще в тридцатых годах нынешнего столетия предполагалось начать отсюда строить

дебаркадер железной дороги¹⁸², как от наиболее близкого конечного пункта столицы.

Император Петр I раздавал землю по Фонтанке под загородные дворы без всякой платы. Такая раздача земель нашла многих охотников здесь строиться, и вскоре первые вельможи того времени разбили по Фонтанке сады и построили свои дачи. Особенно при Екатерине II Фонтанка стала украшаться богатыми постройками. Набережная и углубление Фонтанки¹⁸³ обязаны более или менее своим существованием генерал-поручику Федору Вилимовичу Бауеру, жившему в то время на углу Большой Невы и Фонтанки при Прачешном мосте¹⁸⁴, в построенном им каменном доме (дом этот до настоящего времени носит название "Баурского", в нем живут пансионеры и служащие при Министерстве императорского двора). Около Баурского дома при Петре I был первый огород в Петербурге, где огородником находился большой знаток этого дела пленный швед; затем позднее стояли здесь службы герцога Бирона. Народная молва долго приписывала этой местности недобрую славу, люди суеверные видели здесь по ночам тени замученных злым герцогом людей; особенно дурной славой пользовалось место, которое занимает сад Училища правоведения.

На месте же, где теперь находится Школа правоведения, в старину был Сытный дворец, где хранились запасы разной живности для царской кухни, а позднее помещалось и Водоходное училище, существовавшее до девяностых годов прошлого столетия. Граф Милорадович в своей истории Пажеского корпуса рассказывает, что будто здесь стоял прежде дом Неплюева и в нем помещался в 1796 году Пажеский корпус; но, кажется, это ошибочно: первый Пажеский корпус помещался у Певческого моста (дом, принадлежащий Министерству двора).

Где теперь стоит Политехнический музей и был некогда Соляной и Винный городок, находилась "Партикулярная верфь", учрежденная Петром Великим для того, "дабы при С.-Петербурге и в окрестностях онаго, на морских и речных водах, во время бываемых великих ветров и штурмов, мог всякий ездить без страху, к тому же бы оныя суда при сем новом приморском месте были деланы по образцу европейскому. Его величество повелел довольно таких судов наделать и всем знатым господам безденежно раздать; приказал также и знатныя команды таковыми судами удовольствовать, дабы на оных судах могли безпрестанно всюду ездить, а для лучшаго обучения определил ездить здешним

жителям, в воскресные дни на оных судах на Неве для гуляний и нарочной экзерциции во время благопопутного ветра ездить на буерах, а в тихую погоду на шлюпках и верейках собравшимся всем вместе, т.е. целым флотом и т. д."

О таких катаньях на Неве извещалось поднятием флагов в шести местах города, при этом делался один выстрел из пушки, после чего все городские яхты и буеры отправлялись к Троицкой площади, где стоял кофейный дом четырех фрегатов. Потом все суда начинали лавировать по Неве, следуя за комиссаром, начальником флотилии, который плыл всегда впереди: его никто не смел обгонять и без воли его никто тоже не смел возвращаться домой. В хорошую погоду эти прогулки были приятны, но в дурную приходилось немало терпеть от волнения. Иногда флотилия по воле государя отправлялась в Кронштадт, и дорогою вдруг начиналась буря.

Пекарский рассказывает, что в 1714 году посланнику узбекского хана довелось испытать от такой бури немало страха. Несчастный азиат, ни разу не бывавший на море, по неопытности командира шнявы как раз попал на бурную погоду и провел три дня в заливе, не достигнув Кроншлота. Думая, что пришел его конец, он лег

на пол, заставив перед собою муллу на коленях читать книгу пророка Али. Когда царь увидел потом узбекского посланца и бывших с ним иностранных министров и русских сенаторов, то очень подсмеивался над храбрыми моряками, но тем во время опасности совсем было не до смеха.

При Партикулярной верфи "в палатех" была построена в 1721 году, по ходатайству заведовавшего верфью И. С. Потемкина, полотняная церковь во имя св. великомученика Пантелеймона, так как в день празднования этого угодника, 27 июля, русский флот, созданный Петром, одержал две победы над шведами: одну в 1714 году при Гангеуде и другую в 1720 году при Гренгаме. Год спустя был построен уже мазанковый деревянный храм; позднее, в 1734 году, вместо деревянной церкви был воздвигнут по повелению императрицы Анны каменный храм, внешний вид которого продолговатый, в виде корабля, остается до сих пор тот же. Пантелеймоновская церковь до 1784 года была в ведении адмиралтейств-коллегий, но с упразднением в этом году Партикулярной верфи перешла в ведомство епархиального начальства.

Нынешнего Пантелеймоновского моста в старину не было: он был построен в начале настоящего века; до этого времени здесь

существовал перевоз, воспетый известным пиитой Д. И. Хвостовым в следующих рифмах:

В Петрополе жил двувесельный бот.
Без дальних он забот
Перевозил народ
От Пантелеймона через Фонтанку к саду.

На том месте, где теперь находится Инженерный замок при выходе Мойки из Фонтанки, некогда стоял деревянный дворец на каменном фундаменте; сломан последний был в феврале 1797 года, при постройке Михайловского замка. Еще в пятидесятых годах многие из старожилов помнили это простое невысокое здание, два флигеля которого упирались в Мойку и составляли площадку, посреди которой бил фонтан. В этот дворец, по вступлении на престол, Екатерина II явилась с войсками из Петергофа и в нем принимала тогда официальные поздравления дипломатического корпуса.

К этому дворцу на другой день подгулявший Измайловский полк собрался без ведома начальства и офицеров, требуя, чтоб императрица к нему вышла и уверила их "персонально", что она здорова, а не увезена хитростями прусского короля, как они слышали. Несмотря на все уверения дежурных придворных: Шувалова, Орлова, Разумовского и других, солдаты не

верили и непременно желали, чтобы государыня явилась к ним. Государыня была вынуждена встать, одеться в гвардейский мундир и проводить солдат до их светлиц.

По рассказам современников, в день вступления на престол императрицы погода стояла жаркая, все кабаки, трактиры, погреба для солдат растворены, пир шел на весь мир, солдаты и солдатки в неистовом восторге и радости носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякие другие вина и лили все вместе без всякого разбору в кадки и бочонки, что у кого случилось.

В. Н. Татищев. С портрета, принадлежащего
Н. И. Путилову

В Летнем дворце на Фонтанке родился Павел I и там провел свои младенческие годы. По вступлении на престол Екатерина прожила в нем полторы недели и там получила известие о смерти Петра III. После того она жила в нем только в первые годы своего царствования.

В числе построек на другой стороне Фонтанки, против Михайловского замка, выделялись следующие дома вельмож: графа В. П. Кочубея (дом теперь III Отделения), министра внутренних дел в царствование Александра Благословенного, директором у которого был известный М. М. Сперанский. По словам Державина, этот молодой сановник "был набит конституционным французским и польским духом", он одно время сильно хлопотал о дозволении иезуитам вводить католическую веру *и даже насильно склонял в оную через миссионеров всех магометан и идолопоклонников, живущих в Сибири, в Астраханской и Оренбургской губерниях.*

Далее стоял дом госпожи Пашковой (теперь дом Министерства двора), жены известного богача, винного заводчика и откупщика из дворян; в этом доме некогда жил известный мистик, министр духовных дел, князь Александр Николаевич Голицын.

В аскетическом жилище князя, рядом с его домашнею церковью, в сырых и темных двух чуланчиках была устроена молельня. Вот как описывает эту молельню Ю. Н. Бартенев¹⁸⁵: "Окно этих уединенных каморок прилегалo к соседнему дому и было наглухо закладено; из них можно было явственно слушать все, что происходило в церкви. Комнатки эти очень тесны, и в первой из оных, служащей преддверием к другой, повешено на голых и сырых стенах несколько икон, подаренных разными лицами князю. Перед некоторыми теплятся скромные и небогатые лампы. Около сырых стен комнатки обведены узкие лавки; к стороне стоит низенький деревянный стулец, напоминающий нам, как некогда православные отшельники наши, сидя на таковом, творили Иисусову молитву. Направо от входа в другую комнату, в которой нет дверей, висела простая икона без оклада Спаса Нерукотворенного. Обе комнаты разделялись входом, и, взойдя в них, смотря на лампы, никак вдруг не можешь различить окружающих предметов. В середине второй комнатки стояло подобие гроба. Оно приставлено к подножию огромного деревянного креста, на гробе положена плащаница, на плащанице уложены различных видов кресты,

подаренные в разное время и от разных людей князю. В комнате нет лампы, но пред гробом вместо люстры сделано из пунцового стекла изображение человеческого сердца, и в этом сердце теплится неугасимый огонь. Комнатка эта, освещенная красным унылым пламенем, сильно поражала чувство и воображение: сгорающее сердце кажется кровавым и раскаленным. По утрам уходил князь в эту уединенную сень свою. В этом же сыром и темном чулане маливался вместе с князем и император Александр I".

Рядом с этим домом был дом неаполитанского посланника дюка Серра Каприоли, женатого на дочери князя Вяземского, другая дочь которого была за бароном Розенкранцем, датским посланником, сперва в Петербурге, а потом в Неаполе. Внутри этого барского дома был превосходный сад с фонтаном; позднее дом принадлежал купцу Громову, затем им владела княгиня Голицына, а теперь он принадлежит госпоже Вонлярлярской.

Дом, бывший Безобразова, принадлежал купчихе Голашевой, которая была закоренелой раскольницей: у нее в доме скрывались беглые попы. Здесь также долгое время помещалась масонская ложа, которую, по преданию, посещал император Александр I¹⁸⁶. Рядом с этим домом

стоит дом наследников В. И. Струбинского, наружность свою он сохраняет с первых дней постройки; выстроен же он был вместе с Михайловским замком, строителем его был купец Межуев, подрядчик по постройке дворца. Далее в старину шли дома купца Садофьева и тайного советника Ходнева.

В этой местности, недалеко от Фонтанки, на углу Моховой, или по-прежнему Хамовой улицы, была построена по повелению Петра I в 1712 году деревянная церковь во имя Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, в честь тезоименитства старшей его дочери цесаревны Анны Петровны; церковь была построена тщанием и попечением государя цесаревича Алексея Петровича. Место, где стояла первоначальная Симеоновская церковь, было к востоку в 11 саженьях от алтаря ныне существующей церкви¹⁸⁷. Церковь не отличалась прочностью постройки и в 1731 году была заложена новая, существующая до сих пор. Храм был воздвигнут по повелению императрицы Анны Иоанновны, тезоименитство которой праздновалось в день этих святых; через три года по закладке церковь была освящена. Императрица причислила новый храм к придворным, и в высокоторжественные дни здесь

собиралось все духовенство до постройки Казанского собора.

В 1737 году в церковь были привезены для постановки на колокольные часы с курантами, снятые с церкви Воскресения Христова, что на Васильевском острове, и для игrania курантов было вылито мастером Петром Леклером 25 колоколов по данным моделям от колокольного мастера Ферстера; часы эти впоследствии куда-то исчезли, и в воспоминание их остался один разбитый колокол около 10 пудов весом с английскими надписями 1685 года; этот колокол тоже неизвестно где теперь находится.

По смерти императрицы Анны Иоанновны в церковь был перенесен и поставлен над главным престолом балдахин, шитый по малиновому бархату золотом с бахромою и кистями золотыми, служивший при погребении царицы. В память рождения императора Павла устроен был в середине придела во имя св. великомученика Евстафия Плакиды.

В 1797 году император Павел I присвоил этой церкви орден Св. Анны и велел поставить над главным входом в нее с западной стороны деревянный знак этого ордена; при переделке церкви в 1885 году его покрасили.

В приходе Симеона находился в старину на

Хамовой улице (Моховой) Зверовой двор, который занимал значительное пространство земли, обнесенное вокруг деревянным забором вышиною до четырех футов; стороною, где были ворота, он примыкал к каналу, через который был мост; на дворе было несколько помещений для разных зверей. В покаях помещались следующие звери: в одном, в особых светлицах, две львицы, из которых одна перевезена была в Петербург еще до 1737 года, а другая, с маленькой собачкой, доставлена из Англии в 1739 году (в корм этим львицам ежедневно отпускалось по 24 фунта говядины), и еще два бабра (леопарда), один старый и годовая самка, доставленные в Петербург с прибывшим в 1740 году посольством из Хивы; за ними ходил хивинец Шафий Гадаев. Кроме этих зверей, здесь содержались черно-бурые лисицы, сидели в остроге белые медведи, в амбаре черные и в клетках три мартышки, на корм которых отпускалось 30 яблок и 5 кружек молока; на Птичьем дворе содержался орел. Затем невдалеке от Зверового двора был еще Ауроксов двор, где стояли дикие быки; последние в числе восьми были присланы императрице от прусского короля.

На другом берегу Фонтанки стояли оранжереи, к которым примыкал Слоновый двор;

от него шли по берегу лаковые мастерские и двор спичечного и столярного дел мастера фон Болеса. Старый деревянный Симеоновский мост стоял ниже нынешнего и прямо шел от площадки Слонового двора, где теперь дом Клушина и на другой стороне начинается дом графа Шереметева. Последний дом надо считать одним из первых на Фонтанке; год постройки его неизвестен, имеются только сведения, что церковь в нем устроена в 1733 году. Эта церковь по богатству церковной утвари и собранию святых образов в драгоценных окладах считается первою из домашних церквей в столице; дом Шереметева в двадцатых годах нынешнего столетия был перестроен известным русским зодчим Воронихиным; существующая перед домом решетка сделана гораздо позднее, по рисунку архитектора Корсини.

Рядом с домом графа Шереметева в 1711 году был заложен Петром дворец для великой княжны Анны Петровны, называвшийся Итальянским. Но в нем никто не жил, за исключением придворных служителей, которые были переведены из Летнего сада в 1743 году. В 1796 году здание дворца поступило под военный сиротский дом, и спустя три года после перестройки, под Екатерининский институт. Сад дворца занимал большое

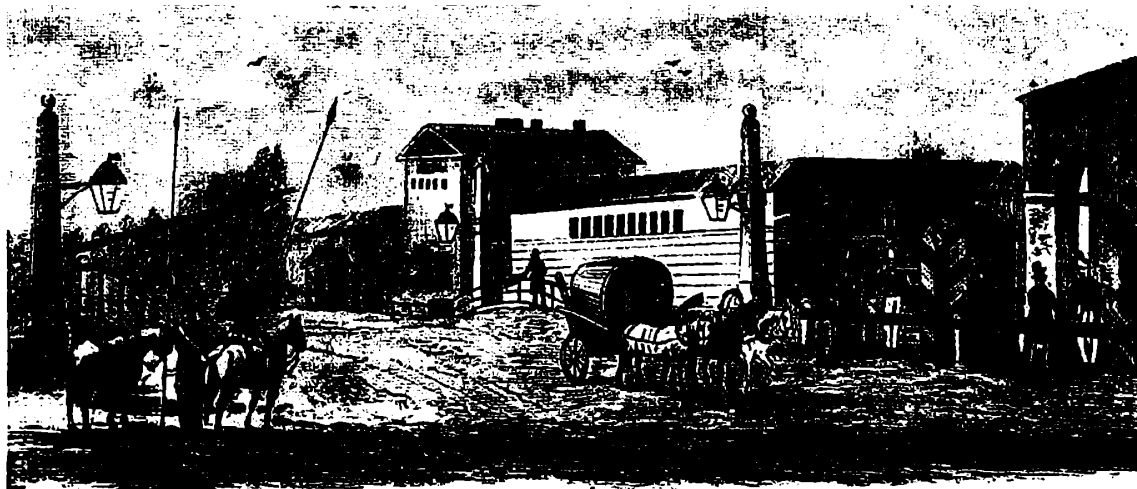
пространство и доходил до Лиговки; в конце сада был устроен огород, который носил название Дворцового.

Позднее часть сада пошла на постройку Мариинской больницы, – последняя открыта в 1803 году в ознаменование совершившегося столетия города Петербурга. Две Итальянские улицы получили свое название от этого дворца.

На другом берегу, напротив дворца, место называлось "Караванная набережная"; угловой дом, выходивший тогда на Фонтанку и на Караванную улицу, принадлежал в начале нынешнего столетия обер-егермейстеру Дмитрию Львовичу Нарышкину; дом этот славился по величине своих комнат и по картинной галерее.

Здесь 29 апреля 1834 года, в день совершеннолетия наследника престола Александра Николаевича, петербургское дворянство дало великолепный праздник. Огромных комнат этого дома для бала оказалось недостаточно, потребовалось вновь построить большую столовую залу в соседнем доме, которая и заняла все пространство правильного четвероугольного двора, длиною в 14, шириною в 8 сажень. Переделка дома была поручена архитектору А. П. Брюлову. Зала была устроена в виде большого шатра, два огромных венца

посреди ее уставлены были свечами, от них шли огненные гирлянды к гигантским пальмам.

Вид городской заставы в царствование
Николая I. С гравюры того времени

Стол для августейшего семейства был накрыт на возвышенной эстраде и убран цветами; над эстрадою была большая картина, изображающая Кремлевский дворец, в котором родился цесаревич; напротив, на парапете хор, вид Петербурга с монументом Петра, а по сторонам гербы Петербургской губернии. Во время стола пели придворные певчие и играл оркестр. Всего в зале ужинало за пятью столами 521 человек и в других комнатах 600 человек. При входе в зал была устроена из редких растений беседка, вокруг стоявшей здесь софы была с обеих сторон и сверху решетка, по которой извивались свежие виноградные лозы; зрелые грозды винограда

висели сверху. В десятом часу, с прибытием императора и высочайшей семьи, открылся праздник, который и длился до утра. Гости разъехались только утром. Пригласительных билетов было разослано более 1500. Не одно дворянство принимало участие в этом празднестве: несметная толпа народа кипела вокруг дома, посреди улиц тянулись непрерывным рядом экипажи зрителей. На противоположном берегу Фонтанки горела великолепная иллюминация, представлявшая вензеля императора и наследника, окруженные гербами уездов С.-Петербургской губернии.

По Фонтанке разъезжали иллюминированные разноцветными фонарями шлюпки, в которых Жуковские песенники оглашали воздух песнями.

Аничков мост, или Аничкин, как его и теперь еще называют, был построен в 1715 году; название он получил от примыкавшей к нему Аничковской слободы, построенной подполковником М. О. Аничковым; позднее, в 1726 году, Аничков мост был подъемный, и здесь, при въезде к нему, стоял караульный дом для осмотра паспортов у лиц, въезжавших в столицу. В 1720 году такие заставы стояли в конце каждой улицы, их закрывали ежедневно вечером в одиннадцатом часу, а поднимали утром

после пробития утренней зори. Ночью чрез заставы, или шлагбаумы, пропускались все команды, вельможи, священники, лекари, повивальные бабки и посланные по делам службы, но только все должны были иметь зажженные фонари. Тогда было подтверждено: "Когда шлагбаумы ночью опустятся, в такие часы знатных персон и при них служителей пропускать с фонарями без задержания, а без фонарей не пропускать, а из подлых в такие неуказные часы, разве кто за крайнюю нуждою пойдет один с фонарем, спрося у него, по указу пропускать же, а ежели два или три человека и более из подлых, хотя и с фонарем пойдут, тех брать под караул". Голландец фон Гавен приводит следующий рассказ по этому случаю. Однажды шел по улице генерал и перед ним слуга его с фонарем. Сторожа окружили генерала и задержали его, а слугу пропустили без затруднения, так как у него был фонарь. Позднее при Екатерине II уже о приехавших и выехавших из города не спрашивали, часовые никого из проезжающих через заставу не останавливали и ни о чем их не допрашивали, шлагбаумов тогда не было, выезд за долги из столиц не был запрещен, каждый получал от губернатора подорожную во всякое время и без всякой платы и выезжал из города

когда хотел. Но, по старой привычке, многие лица считали обязанностью говорить о своем проезде, имена их вносили в реестр, который обер-полицеймейстер на другой день и докладывал императрице. При императоре Павле I еще до заставы в городе каждого проезжающего останавливали раз пять пикеты и подвергали подробным расспросам. На городской заставе ехавшего опять подвергали длинному и томительному допросу. Выехать за черту города тоже без подорожной нельзя было. Проезд через заставу при императоре Александре I был делом тоже государственной важности, и все проезжающие должны были записываться. Иногда это записывание вызывало немало комических сцен. Так, например, несколько проказников сговорились, проезжая чрез петербургские заставы, записываться там самыми смешными и хитрыми именами и фамилиями: это обратило внимание начальства. Приказано было задержать первого, кто даст повод к подозрению. Несколько дней спустя после такого распоряжения проезжает чрез заставу государственный контролер Балтазар Балтазарович Кампенгаузен и заявляет свое звание, имя и фамилию. Караульному офицеру это имя показывается странным, он грубо говорит

ему: "Знаем мы вашу братию шутников, извольте-ка здесь посидеть, а потом мы отправим вас к коменданту для спроса, существует ли такой шут гороховый!"

Аничков мост стали перестраивать в 1742 году, и в 1749 году его утвердили на сваях, на которых он простоял 34 года.

В царствование Екатерины II Аничков мост был уже каменный, в два свода, из дикого тесаного камня, между сводами был подъемный мост с четырьмя каменными башнями в три сажени вышины, на мосту находились четыре колонны с восемью фонарями на железных рукавах; начали его строить в 1783 году и закончили в 1787 году. Строителем его, как и других семи каменных мостов, в одно время с ним выстроенных, был генерал Модерах, который позднее был пермским губернатором. В нынешнем виде Аничков мост возведен в 1841 году и украшен колоссальными бронзовыми группами, вылепленными и отлитыми бароном Клодтом. Открыт Аничков мост был в день восшествия императора Николая на престол.

Первый же исторический мост в Петербурге был построен на Петровском острове, на реке Ждановке; он соединяет крепость с городом.

После него были выстроены три моста на

Фонтанке, в числе которых был и Аничковский; затем уже в 1739 году в столице стало вдруг сорок мостов. Все эти мосты были в первое время безымянные.

Каменные палаты наших вельмож, стоявшие на широких дворах, с прудами, оранжереями и обширными садами на Фонтанной речке, давали всей этой местности вид приволья и простора. Здесь в старину проводили лето наши сановники, а некоторые из опальных жила и по зимам; известный своими дебошами в Екатерининское время граф Апраксин, не имея права на въезд в столицу, жил здесь как бы за городом, на своей даче, где теперь стоит торговый Апраксин двор.

Из построек, замечательных историческими воспоминаниями, в старое время у Аничкова моста по левой стороне, где теперь дом Семянникова, стоял дом известного администратора и историка В. Н. Татищева, религиозные убеждения которого так пугали многих своею смелостью, что доставили ему между современниками репутацию "афеиста"¹⁸⁸, чего на самом деле за ним не было. Татищев восставал против "пустосвятства" и "суесвятства", боязни диавола и разных бабьих предсказаний. Суеверие массы, эксплуатируемой ханжами, у Татищева – болезненное место. По

рассказам¹⁸⁹, Татищев умер как редкий христианин. Накануне дня смерти он поехал верхом за три версты от своего имения Больдина (Клинского уезда) в приходскую церковь. Отправляясь из дома, он велел прийти людям к церкви с лопатами. Когда обедня кончилась, он пригласил священника с собою на погост. Пришедши туда, выбрал себе место и велел рабочим приступить к копанию могилы; назавтра он просил священника приехать к нему со святыми дарами, чтобы его исповедать и причастить. На другой день священник исповедал его и причастил. Простившись со всеми, он просил священника читать отходную и тихо, безболезненно скончался. Когда послали за столяром, чтобы снять мерку для гроба, то оказалось, что давно по приказанию покойного гроб сделан и ножки под него он сам точил.

От дома Татищева, на Невской преспективе, стояли триумфальные ворота; на них было поставлено изображение императрицы Анны Иоанновны в короне и порфире; ворота были выстроены по случаю торжественного въезда в столицу государыни 16 января 1732 года. В этих воротах граф Миних, губернатор Петербурга, принес поздравление государыне и рапорт о состоянии столицы. Эти ворота простояли до

1751 года.

Напротив дома Татищева, где теперь дворец великого князя Сергея Александровича, стоял дом князя Ал. Ив. Шаховского, известного противника немцев-правителей, за что он подвергался преследованию Миниха и гневу Бирона. Князь Як. Петр. Шаховской, обер-полицеймейстер времен Бирона, отличавшийся также необыкновенной честностью и правдивостью, был родной племянник этого Шаховского. Он воспитывался в его доме и, как заявляет в своих записках, нравственными основами он был обязан дяде. При Екатерине II этим домом владел директор Ассигнационного банка Мятлев. В его доме собиралась следственная комиссия, учрежденная по случаю растраты денег в заемном банке; в комиссии участвовали Державин, Мятлев и Архаров (петербургский генерал-губернатор). Похищена была кассиром Кельбергом сумма в 600000 рублей. Из следствия оказалось, что в течение долгого времени, при освидетельствовании банка, кассир Кельберг клал в сундуки запечатанные пакеты с надписью 10000, в которых вместо ассигнаций, однажды сосчитанных, лежала белая бумага. Кассир, как говорит Болотов¹⁹⁰, подделал казенную печать, все деньги вынул, а сам дал

было стрелка, но Архаров не выпустил его из Петербурга. Жена его, как рассказывает Державин, чтобы приготовить средства к пополнению дефицита, продавала ко двору при праздновании Шведского мира бриллиантовые вещи; это подало повод императрице еще в 1790 году заподозрить честность банковских чиновников. Так говорит Державин, но Грибовский¹⁹¹ упоминает о доносе, поданном на главного директора Заемного банка Завадовского каким-то Морозовым. Во время производства дела Завадовский подал просьбу об увольнении. При следствии открылось, что он поставил себя сам в неловкое положение: в ночь после открытия покражи он велел вывезти из банка к себе на дом два стоявшие там сундука; это дошло до императрицы, она приказала Архарову потребовать у Завадовского объяснения. Последний отвечал, что в этих сундуках хранились принадлежавшие ему старые золотые и серебряные вещи и что когда пришлось запечатать банк, то он счел нужным вывезти их.

Державин же в своих записках¹⁹² объясняет это тем, что Завадовский, вопреки правилам банка, брал свое жалованье серебром и, кроме того, променивал ассигнации на серебро без платежа лажа¹⁹³, а для прикрытия этого держал в

одном сундуке серебряную монету, в другом ассигнации, переводя деньги из одного в другой, для пополнения же происходившего при этом дефицита стали брать с заемщиков непомерные проценты. Державин повел дело круто, со свойственной ему правдивостью. Граф П. В. Завадовский упал духом, слег в постель, и даже считали его жизнь в опасности. Кассир Кельберг показал, что по уставу банка деньги должны были храниться в сундуках в кладовой, а вне кладовой в обоих сундуках могло находиться не более как по 10 тысяч в каждом; между тем на деле вне кладовой находились гораздо большие суммы, из которых директора временно брали деньги на свои надобности. Кроме того, Кельберг говорил, что в 1790 году первому директору Алексееву поверены были в особый присмотр Завадовским 240 000 рублей, из которых он, Кельберг, взял на покупку бриллиантов 80 000 рублей, а когда бриллианты были куплены, то потребовались еще сорок тысяч. Сумма эта с позволения Алексеева и была взята из казенных денег, на место же ее положены четыре пакета с пустыми бумагами за печатью. Это и было началом расхищения банка. Державин не находил нужным смягчать падавшую тень на начальников банка.

По свидетельству Грибовского, Екатерина, прочитав доклад комиссии, назвала Державина "следователем жестокосердным"; по повелению императрицы доклад был передан в сенат, где приверженцы Завадовского дали делу такой оборот, что произведенное следствие признано недостаточным; поэтому назначен был пересмотр, результатом которого было полное оправдание принадлежавших к высшему управлению банка лиц; осуждены были только кассир Кельберг с женою и несколько человек, признанных его сообщниками. Приговор был только исполнен в царствование Павла I. Присуждено было: Кельберга лишить чинов и сослать с женою в тяжкую работу, других же сообщников наказать кнутом, сослать или присудить к денежным взысканиям. На этот приговор 4 декабря 1796 года последовала высочайшая резолюция: Кельберга выводить по три дня на площадь и ставить у столба с привешенною на груди таблицю: "Вор государственной казны", сообщников его второй степени от наказания кнутом освободить "из единственного человеколюбия и милосердия нашего"...

После Мятлева дом купил князь А. М. Белосельский, известный представитель французской музыки в Петербурге: он переводил

Державина, Ломоносова и даже Баркова на французский язык; его поэтические вольности были безграничны до невозможности: написанная им оперетка "Оленька" в свое время наделала много шума; она, по словам князя Вяземского, была приправлена пряностями такого соблазнительного свойства, что публика, не дождавшись конца спектакля, поспешно разбежалась. Все эти игривые качества князя не мешали ему быть просвещенным вельможей своего времени. Князь долго был посланником в Турине, единственная дочь его Зинаида Волконская наследовала от отца любовь к литературным занятиям и с 1825 года считалась членом Московского общества истории и древностей российских, умерла она в 1862 году.

Рядом с этим домом стоит Троицкое подворье, построенное в 1718 году на земле, пожалованной Петром I в 1714 году Александро-Невской лавре¹⁹⁴. Но собственно первое каменное строение, как и освящение церкви, было в 1753 году. В пятидесятых годах нынешнего столетия дом и церковь пришли в ветхость, и вместо нее выстроена нынешняя в 1857 году. Главным строителем теперь богатого подворья был архимандрит Варлаам, в миру Василий Антипьев-Высоцкий. Этот иерей был

духовником шести высочайших особ, в том числе двух императриц—Екатерины I и Анны Иоанновны. Первую императрицу он присоединял к православию, когда она была еще мариенбургской пленницей Мартой¹⁹⁵ и проживала в Москве тайно в нанятом для нее царем частном доме; здесь же он крестил у нее дочерей Анну и Елисавету. Варлаам впоследствии, занимая почетное звание царского духовника, пользовался от императрицы и двора особым уважением. В числе знатных лиц, которым должны быть отпускаемы по востребованию казенные суда от Адмиралтейства, показано имя и Варлаама: ему положена одна восьмивесельная шлюпка без гребцов. По свидетельству современников, Варлаам вел жизнь благочестивую, строгую, по уставам церкви, которую осмеивал в сатире к Феофану Прокоповичу известный вольнодумец того времени Кантемир. По рассказам, келья Варлаама была всегда наполнена просителями разных званий и состояний; все просители не уходили от него неудовлетворенными. Императрица Анна по кончине своей сестры царевны Екатерины Ивановны¹⁹⁶ подарила Варлааму принадлежавшую царевне мызу на Петергофской дороге¹⁹⁷. Варлаам здесь построил монастырек,

куда уединялся по временам в последние годы своей жизни.

Екатерина II в домашнем платье. С весьма редкой гравюры XVIII столетия, сделанной по наброску с натуры членом английского посольства в Петербурге Уйенсоном. (Из собрания П. Я. Дашкова)

Год спустя императрица отдала своему духовнику деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы, которая была при загородном доме покойной матери ее, царицы Прасковьи Федоровны, на Фонтанке, близ Лештукова переулка; по перенесении этой церкви на приморскую дачу Варлаам устроил в ней храм

во имя преподобного Сергия и освятил его 12 мая 1734 года.

Варлаам переехал в Петербург вместе со своей духовной дочерью, императрицей Анной Иоанновной; по его ходатайству были возвращены Троицкой лавре те села и деревни, которые при императоре Петре I были отчислены к новооснованной Александро-Невской лавре (указ 1730 года 15 июля). Варлаам был противником Феофана Прокоповича; он был одним из главных действующих лиц древнерусской партии, мечтавшей о восстановлении в России патриаршества. На Троицком подворье, в келье архимандрита Варлаама, был образ преподобного Сергия-чудотворца; предание говорит, что образ написан на доске от гроба чудотворца Сергия, взятой тотчас по открытии его мощей. Образ этот теперь находится в Сергиевской пустыни. Архимандрит Варлаам умер в Петербурге в двадцатых числах июля 1737 года. Императрица Анна очень скорбела о потере своего духовника и, живя в Петергофе, сама делала письменные распоряжения о погребении его. Один из священников провожал тело его всю дорогу из Петербурга до Сергиевской пустыни; над прахом его там воздвигнута небольшая каменная часовня.

Где теперь стоят дома Зиновьева и угловой дом к Графскому переулку и затем примыкавшие к углу Троицкого переулкa большие новые дома, – здесь стояла загородная дача духовника Елисаветы, Ф. Я. Дубянского¹⁹⁸, бывшего при дворце в большой силе; придворные считали его недалеким простячком, которого никто не боялся, но на самом деле это был ловкий и умный царедворец; по его представлениям совершались все перемены в составе духовенства, а также объявлялись разные распоряжения по церковному ведомству. По преданию, Дубянский жил очень открыто на своей даче; в записках Марковича встречаются следующие заметки: "Бывали у отца духовного Дубянского... бокалов по десяти венгерского выпили и подпиахом". В доме Дубянского была церковь во имя Преображения Господня.

По смерти Дубянского загородный дом поступил во владение его племянников, и в сороковых годах здесь жили его наследники. Вероятно, петербургские старожилы помнят одного из потомков духовника Елисаветы, камергера Дубянского, низенького бодрого старичка, в легком пальто и всегда со шляпой в руках, несмотря ни на какой мороз; его коротко обстриженные волосы были буквально залиты

маслом или помадой. Позади Дубянского всегда следовала низенькая модная карета. Жил он в своем доме, в Графском переулке, который так назван от дома графа Головина; по другим сведениям, он получил название от дома графа Ротари, к дому которого он вел с Фонтанки. Граф Ротари, известный богач-художник, ученик Балестры и Тревизани, был вызван Екатериною II на должность придворного живописца; он написал в Петербурге множество портретов, исторических картин и более трехсот девичьих головок, служащих теперь украшением одной из зал Большого дворца в Петергофе. Ротари умер в Петербурге.

На месте дома на углу Графского и Фонтанки, где теперь помещаются квартиры духовенства Аничковского дворца, в старину стоял загородный дом Алексея Деденева, женатого на дочери В. И. Разумовского. Про этого Деденева говорит Гельбиг¹⁹⁹, что он был человек весьма странный и в обществе неуживчив, у него был сын камергер, умерший в Дрездене в 1793 году; от сына последнего, камер-юнкера, великий князь Николай Павлович в 1818 году и купил деревянный дом со всеми строениями и землею.

Далее стояли дома сторонников Елизаветы Петровны, шталмейстера²⁰⁰ Р. М. Кошелева и

гофмейстера²⁰¹ Д. А. Шепелева; женаты оба были на двух родных сестрах, дочерях пастора Глюка, в семействе которого некогда жила Марта Скавронская; родственница Шепелева, Мавра Егоровна, была лицом очень близким к императрице и впоследствии вышла замуж за графа П. И. Шувалова; дом Шепелева примыкал к углу Чернышева переулку. По словам Гельбига, Шепелева все ненавидели за его грубость; предание говорит, что он был при Петре смазчиком экипажей. Напротив этого дома, по Фонтанке, тянулся большой сад графа М. И. Воронцова, в глубине которого, к Гостиному двору, стоял великолепный дворец, построенный графом Растрелли. Граф Воронцов был в то время вице-канцлером, женат он был на двоюродной сестре императрицы Анне Карловне Скавронской. В 1763 году императрица Екатерина купила его дом за 217000 рублей, дом стоял пустым до осени 1770 года; в этом году там отвели квартиру принцу Генриху Прусскому, брату Фридриха II; потом жил в нем принц Нассау-Зиген, служивший в нашем флоте адмиралом, одержавший победы над шведами. Затем помещался в нем вице-канцлер граф Ив. Ан. Остерман.

Император Павел устроил в нем капитул

мальтийского ордена, церковь была построена архитектором Гваренги и освящена 17 июня 1800 года митрополитом Сестренцевичем; она состояла в заведовании графа Литты до смерти его; в 1810 году дом этот был пожалован Пажескому корпусу, хотя вовсе не был приспособлен к помещению учебного заведения и носил все признаки жилища богатого вельможи XVIII столетия²⁰². Великолепная двойная лестница, украшенная зеркалами и статуями, вела во второй этаж, где помещались дортуары и классы. В огромных залах в два света были спальни для воспитанников; все дортуары и классы имели великолепные потолки. Картины этих плафонов изображали сцены из Овидиевых превращений с обнаженными

богинями и полубогинями; в одной из таких комнат на потолке было изображение освобождения Персеем Андромеды. Без всяких покровов прелестная Андромеда стояла прикованная на скале, а перед нею Персей, поражающий дракона.

По рассказам современников, после дворца Воронцова по роскоши был один дом в Петербурге – это Шувалова, который в то время полагал основание императорской Академии художеств.

Цесаревна Елисавета Петровна. С
гравированного портрета Вагнера

Около Чернышева переулка в старину стоял загородный дом отца знаменитых деятелей царствования Екатерины II: Ивана, Петра и Захара Чернышевых. Про этого денщика Петра I, графа П. Чернышева, говорит джук де Лириа, испанский посол, что он "был умен, храбр и исправен в службе, но отличался чрезвычайной скупостью, лживостью и ненавистью к иностранцам". Здесь же вблизи был дом князя А. Б. Куракина, сына известного дипломата времен Петра Великого. Куракин был тип

версальского придворного, усвоившего вполне внешний лоск; прожив всю свою молодость в Париже, он вынес безукоризненное знание французского языка, элегантные манеры и модное в то время легкомысленное отношение к вопросам религиозным и нравственным. При императрице Анне Иоанновне Куракин был неперенный член всех интимных вечеров и празднеств, на которых имел привилегию напиваться допьяна²⁰³ и потешать государыню каламбурами и остротами. Куракин был также усердным слугой Остермана и Бирона.

За домом Куракина стоял загородный двор царицы Прасковьи Федоровны, вдовы царя Ивана Алексеевича, брата Петра Алексеевича и матери императрицы Анны Иоанновны. Жила ли здесь царица – неизвестно; по приезде в Петербург ей был отведен с дочерью дом на Петербургской стороне, недалеко от крепости, вверх по Неве, близ Петровского домика. Жизнь этой царицы в Петербурге была непривлекательна, в Москве она жила в Измайлове гораздо лучше, полной помещицей: там у ней все было, что нужно для самого обширного хозяйства²⁰⁴. Про двор своей невестки император Петр говаривал: "Госпиталь уродов, ханжей и пустосвятов".

По словам Татищева, в низеньких покоях ее

обширного дома в толпе челядинцев не только были терпимы ханжи, пустосвяты и всякие уроды физические и нравственные, но некоторых из них почитали чуть-чуть не за святых; были здесь и гадалщики, и пророки; в последнем звании состоял один отставной полупомешанный "подьячий" Тимофей Архипыч; некогда он занимался иконописанием, но потом бросил, стал юродствовать миру. "Меня, – рассказывает Татищев, – Тимофей Архипыч не любил за то, что я не был суеверен и руки его не целовал. Однажды перед отъездом в Сибирь я приехал проститься с царицей; она, жалую меня, спросила этого шалуна: "Скоро ли я возвращусь?" Он ответил на это: "Руды много накопишь, да и самого закопают". Пророчество, однако, не исполнилось. Царица верила каждому слову Тимофея Архипыча и считала себя счастливою, что такой человек удостоился жить в ее доме: он прожил у нее 28 лет; говорят, что он предрек царевне Анне Иоанновне ее дальнейшую судьбу".

Впоследствии загородное место царицы императрица Елисавета подарила своему первому лейб-медику Лестоку, для которого здесь построил загородный дворец архитектор Растрелли; три года тому назад дом Лестока еще был цел, он стоял на углу Лештукова переулка, в

глубине крайнего двора от Фонтанки, напротив дома известного фабриканта В. Г. Жукова. В настоящее время он переделан.

Граф Герман Лесток, по происхождению француз, имел на Елисавету сильное влияние в начале ее царствования. Лесток приехал в Россию в 1713 году, определен доктором Екатерины и в 1718 году сослан Петром в Казань, как уверяет Штелин в своих анекдотах. Со вступлением на престол Екатерины I Лесток был возвращен из ссылки и определен врачом к цесаревне Елисавете; здесь он умел понравиться ей своим веселым характером, французской любезностью. При дворе принцессы Лесток ловко повел интригу в пользу своей повелительницы и представил ей план овладеть престолом. Вначале Елисавета не решалась отважиться на такой шаг, но позднее, спустя одиннадцать лет, во время младенчества императора Иоанна Антоновича, она согласилась на его план. По его совету царевна обратилась к содействию французского посланника, маркиза де ла Шетарди, последний передал Лестоку до 130000 дукатов для этого дела. Все переговоры были ведены очень хитро: если нужно было переписываться, то заговорщики клали записочки в табакерки и таким образом вели корреспонденцию. Но как ни

были ловки заговорщики, тайные сношения были открыты. Елисавета имела горячий разговор с регентшей и, возвратясь домой, объятая страхом, умоляла Лестока бросить все затеи. Елисавета наконец решилась и в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года взошла на престол своего отца. Услуги Лестока были вскоре забыты императрицей; последний это предвидел и не раз намекал об этом Елисавете, но государыня уверяла его в своей неизменной благодарности.

В первые дни своего царствования она наградила его по-царски: помимо большого жалованья, он получал за каждый раз, когда пускал кровь императрице, по 2000 рублей. Елисавета пожаловала ему свой портрет, украшенный бриллиантами. Но вскоре своим беззаботным поведением, кутежами и в особенности преданностью наследнику Петру III он возбудил в императрице подозрительность. Этими ничтожными обстоятельствами и воспользовались его враги: граф Апраксин и Бестужев-Рюмин, которые донесли, что он находится в тайной связи с враждебным императрице прусским двором и затем хочет возвести на престол Петра III. Как ни были нелепы эти обвинения, но Елисавета поверила им; над Лестоком был учрежден суд. Ведение этого

суда возмущало всякого беспристрастного человека; только для веселого Лестока оно было новым источником забавы, но скоро веселость покинула его; для обвинения нужно было собственное сознание, чего никак нельзя было добиться от графа. Варварская пытка подействовала, несколько ударов кнутом вынудили его сознаться в не совершённых преступлениях. Но несмотря и на это, враги ни в чем не могли изобличить его, они начали тянуть процесс, члены которого, по существовавшему тогда закону, содержались на счет виновного Лестока; превосходный дом его на Царицыном лугу (теперь дом Игнатьева) взял себе граф Апраксин, капитал тоже был отобран, дело тянулось долго. Только в 1756 году он был осужден к ссылке сначала в Углич, потом в Устюг. При вступлении Петра III на престол Лесток был возвращен государем. Когда его возвратили, то жена Лестока, принося благодарность Петру III, пророчески сказала императору: "Ваше величество все такой же любезный, человеколюбивый государь, каким и были; ваше великодушное сердце прощает своим врагам, но, поверьте мне, ваша доброта погубит вас!"

Граф Лесток. С редкого гравированного
портрета XVIII столетия Штелина

По преданию, Петр III позволил Лестоку отыскивать разграбленные у него вещи, и последний смущал придворных своим появлением в их гостиных. Лесток был талантливый человек, он обладал проницательным умом, глубоким знанием людей и добрым сердцем; он владел неуны-вавшею веселостью, был вечно жив, резв и остер и до последних дней жизни беззаботен и крайне невоздержан на язык: этим недостатком он вредил скорее себе, чем другим.

Лесток умер в 1767 году, по одним сказаниям

от каменной болезни, по другим, он был заеден насекомыми вследствие своей невероятной нечистоплотности под старость.

Известный, по уличному прозванию, на Фонтанке, у Семеновского моста, "Глебов дом", где помещаются теперь казармы, получил свое прозвище от своего прежнего владельца, генерал-прокурора А. И. Глебо-ва, происходившего родом из духовного звания, возвышением же своим обязанного графу П. И. Шувалову, в руках которого, по выражению императрицы Екатерины II, "он находился и напоился его дурными принципиями, хотя и не весьма полезными для общества, но достаточно прибыльными для их самих". Глебов владел миллионами, начало которых положил в Сибири, где был откупщиком и винозаводчиком в Иркутской губернии. Впоследствии Глебову за взятки и разные беззакония было воспрещено жить в обеих столицах. В это время он выстроил себе дом на Ходынке, близ Москвы, где и умер. Глебов еще при жизни своей продал дом своему однофамильцу, богатому ярославскому купцу, который в доме устроил большую суконную фабрику.

В царствование императора Павла в Глебовом доме стояли два эскадрона Кавалергардского

полка; потом при Александре I были казармы Московского и Литовского полков; по возвращении первого из заграничного похода в 1814 году в казармах была отстроена церковь (освящена 27 апреля 1815 года) во имя святого Архистратига Михаила. Когда здесь стоял Литовский полк, то в церкви хранилась тамбур-мажорская трость, отбитая у верховного визиря во время войны с Турцией в 1829 году. Трость эта была пожалована императором Николаем в память победы, одержанной над турками. С переводом в эти казармы фельдъегерского корпуса здесь снова был освящен храм в память Сретения Господня.

За Глебовым домом жил в царствование Анны Иоанновны прославившийся своими мрачными деяниями в Тайной канцелярии во время бироновщины шестидесятилетний старик граф А. И. Ушаков.

Андрей Ив. Ушаков, сын бедного дворянина Новгородской губернии, осиротев в ранней молодости, до тридцатилетнего возраста жил в деревне с четырьмя братьями, владел обще с ними всего одним крестьянином Анохою (Онуфрий) и одним же холстяным балахоном с парю лаптей-семиричков, ходил с девками по грибы и, отличаясь большою телесною силою,

перенашивал деревенских красавиц через грязь и лужи, за что и слыл детиною. В 1700 году Ушаков в числе прочих недорослей явился на царский смотр в Новгороде; записанный государем в Преображенский полк, он скоро обратил внимание Петра и через семь лет был уже капитаном. Императрица Екатерина I произвела его в генерал-поручики. Императрица Анна пожаловала его сенатором и генерал-аншефом. Императрица Елисавета пожаловала его графом и первым из трех своих генерал-адъютантов. Ушаков был смел, честен, некорыстолюбив, отличался очаровательным обхождением и даром выведывать чужие мысли, но его обвиняют и в пристрастных действиях по Тайной канцелярии, и в жестокости, с какою он производил ужаснейшие истязания. Одно имя его заставляло трепетать каждого.

Где теперь Казачий переулок, там при Екатерине II размещаемы были приходявшие в столицу казаки; место это носило в то время название "Казачьего подворья".

На набережной Фонтанки, между мостом и каналом, проведенным из Фонтанки в Обводный в 1803 году Герардом, основана в 1784 году, по плану лейб-хирурга Кельхена, по образцу венской лечебницы, одна из обширнейших столичных

больниц–Обуховская. Как название больницы, так и мост этой местности получили свое прозвание от строителя-подрядчика Обухова. Место, где стоит теперь Обуховская больница, некогда было загородной дачей Нарышкина.

Этот Нарышкин отличался преданностью старинным московским обычаям. После смерти Петра Великого он числился при Екатерине I своим прежним московским чином "ближнего стольника". Вся эта местность, которая теперь занимает угол от Обуховской больницы и вплоть до Загородного проспекта, где теперь дома Технологического института, при Петре и Екатерине I принадлежала обер-шталмейстеру Петра, С. А. Алабердееву, известному своими знаниями и близкими отношениями к царю. Алабердеев начал службу во флоте. Петр возложил на него, вместе с Любрасом, поручение отыскать и исследовать новое водное сообщение между Волгой и Ладожским озером; поручение это Алабердеев исполнил скоро и искусно. Затем при Анне Иоанновне здесь стоял загородный дом известного своими несчастиями кабинет-министра Артемия Петровича Волынского. В 1740 году этот дом считался отписанным от Волынского под псовую охоту и в нем жили шесть пикеров^{205,206}, прибывшие в

этом же году в Петербург с собаками, купленными в Англии и Франции для придворных охот. Вот подробная опись дома Волынского, которая была представлена в канцелярию егермейстерских дел полковником фон Трескоу. Приводим ее дословно, так как она дает понятие о загородных домах вельмож того времени: "Опись загородному двору, что на Фонтанке, Артемия Волынского. А в нем покоев три горницы и одна каморка детских. Из оных в одной горнице обито камкою красною; в двух горницах печи синие кафленые, а в третьей белая; обиты полотном и выбелены. Подле тех трех горниц, через сени, светлица, в ней два окошка, окончины стеклянные; печь белая, пол выстлан кирпичом; в той же горнице 22 рамы в окно, без стекол.

В его покаях: 1) в одной светлице обиты стены голубою камкою от полу до потолка, в двух углах от окошка до окошка; 2) светлица, в ней печь и камин кафленые синие; и в первой, и во второй двери за стеклом, обиты белым полотном; 3) светличка, против нее другая; в них камин штукатурный, белый; обита полотном; 4) спальня с одним окном столярным; в ней две печи кафленые синие; в ней двери двои со стеклами; обито по панели камкою таусиною, травы

красные; 5) светлица подле спальни, обита камкою голубою от полу и до потолка стены все кругом, печь белая; 6) зал, в нем печь кафленая синяя; по панели обито обоями воцанкою цветною; 7) светлица без печи, в ней четыре скамьи; 8) горница, в ней печь кафленая синяя; в ней две скамьи столярные; на другой стороне, в детских же горницах: в первой обито полотном, стол дубовый с полами, две скамьи столярные и в другой тоже. Каморка без печи, в ней семь стулов ореховых плетеных. Еще светлица чрез сени; обита полотном, в ней печь белая, скамья столярная.

На переднем дворе: повареная изба с сеньми и при ней кухня с очагом и печью, в них восемь окончин со стеклами. Баня с прибаником; в ней печь, в прибанике камины; чрез сени столярная изба; а в них, в избе и в бане, семь окончин стеклянных. Восемь изб людских. Пять амбаров, два погреба, конюшня, в ней трои двери отворчатые на крючьях железных и запоры железные, в ней стоел 28, затем еще три конюшни, в них по 15 стоел, два сарая деревянных. Кругом всего двора огорожено барочными досками".

О существовании здесь псарного придворного двора имеются следующие довольно подробные

сведения. Так, в 1740 году псовая охота на этом дворе пополнилась собаками, отписанными от Волынского, в числе 57, от Бирона 68 и купленными во Франции и Англии 194; во Франции куплены были для императрицы русским послом, князем Кантемиром, 34 пары бассетов (коротконогих), в том числе несколько ищущих трюфли, за 1100 рублей; в Англии в том же году куплены русским посланником, князем Щербатовым, у министра Вальполя, 63 пары разных пород собак: гончих, биклесов, борзых и хортов. Приобретение этих собак обошлось в 481 фунт стерлингов 17 шиллингов и 5S пенса, по существовавшему тогда курсу – 2234 рубля 77 копеек. Позднее, при императоре Павле и даже в первых годах царствования Александра I, здесь происходили травли медведей, на которые съезжалась вся петербургская знать²⁰⁷. Это место долго в народе называлось Волынским двором; теперь этот двор занят мастерскими, принадлежащими Технологическому институту, основание которому положено в 1829 году графом Канкриным. Институт был открыт в конце 1831 года. Недалеко от института, по Обуховскому проспекту, на углу 4-й роты, стоит дом Вольно-экономического общества, основанного в 1765 году графом Г. Г. Орловым;

Общество прежде помещалось на углу Адмиралтейской площади и Невского проспекта. В доме, теперь принадлежащем Обществу, при императоре Александре I происходили заседания масонской ложи святого Михаила.

На просторном участке земли, ограниченном с одной стороны Фонтанкою, на протяжении до 1 версты, с другой Обуховским проспектом и с третьей частью 1-й роты Измайловского полка, где стоит теперь Константиновское военное училище, при Петре был первый Аптекарский ботанический сад. Затем позднее место это перешло к графу И. И. Воронцову, женатому на дочери А. П. Волынского; потом И. И. Воронцов передал его брату своему Р. И. Воронцову, отцу известной княгини Дашковой и графа А. Р. Воронцова, покровителя и друга Радищева. Граф Роман Илларионович, генерал-аншеф, построил здесь, в 1757 году, роскошный загородный дворец, строителем которого был известный Гваренги. В деньгах, как известно, он не нуждался, он носил в тогдашнем обществе прозвище "Роман большой карман". Женат он был на богатой сибирячке Марфе Ивановне Сурминой, бывшей до ссылки первого ее мужа в Сибирь княгиней Долгорукой.

Император Павел в 1797 году купил дворец

Воронцова и поместил в нем военно-сиротский дом, основанный им в 1793 году для сыновей бедных инвалидов; школа эта сперва помещалась в одном из флигелей Каменноостровского дворца, затем, в 1795 году, в Гатчине, где надзирателем за малолетними детьми был подполковник А. А. Аракчеев; в 1796 году заведение это было помещено в Летнем дворце близ Итальянского сада и после, в день восшествия на престол императора Павла I, переведено в дом бывший Воронцова. В то время в пользу этого дома поступало много пожертвований от частных лиц и преимущественно от купца Нащокина и графа Румянцева. В 1829 году император Николай приказал основанный Павлом военно-сиротский дом называть Павловским корпусом; впоследствии он был переименован в Константиновское училище. Церковь в училище взята с Волынского двора по приказанию императора Павла I; там она была во имя Воскресения Христова, здесь в память святых равноапостольных Константина и Елены. К достопримечательностям церкви принадлежат две иконы Богородицы – Тихвинская и Знаменная, переданные из Волынской церкви и бывшие в роду несчастного Артемия Волынского. К числу церковного дохода причта принадлежат

проценты с 2000 рублей, положенных женою Державина за поминование рода их. Рядом с домом училища стояла в Екатерининское время обширная усадьба, заросшая кругом вековыми деревьями; часть этого сада уцелела до наших дней; она принадлежит к дому Тарасова. Здесь в Павловское время в глубине рощи стояли деревянные хоромы одного из графов Зубовых, где по временам жил и Платон Зубов, постоянно проживавший, впрочем, после смерти императрицы на Дворцовой набережной в доме сестры своей Жеребцовой. В то крутое время за всякими ночными собраниями полиция зорко следила; здесь же в глуши, почти в лесу, ей трудно было видеть поздние беседы недовольных вельмож того времени.

К дому Зубова примыкал дом сенатора Захарова, купленный в 1791 году нашим поэтом Г. Р. Державиным²⁰⁸; теперь здесь стоит Римско-католическая коллегия. Главное здание, в котором жил поэт, находилось в глубине большого двора; над фасадом его высились сохранявшиеся долгое время статуи четырех богинь; со стороны фасада были, как и теперь, два боковые подъезда, третий был позади дома, вел в сад, разведенный стараниями жены Державина. От фасада по обоим краям двора шли

колонны, которые потом продолжались и вдоль стены параллельно с Фонтанкой. Дом состоял из двух этажей. Кабинет поэта был наверху, с большим венецианским окном, обращенным на двор²⁰⁹; за кабинетом находилась небольшая гостиная, влево был так называемый "диванчик", а далее столовая; другая большая столовая внизу служила и залом для танцев. Прямо с подъезда входили в аванзалу, а вправо от нее была большая галерея в два света, где впоследствии происходили заседания пресловутой шишковской "Беседы"²¹⁰, еще далее вправо был театр, также в два света. На втором этаже находились, между прочим, комнаты для приезжих, одна для секретаря и другая для доктора. Державин имел от 60000 до 70000 рублей дохода; подобно большинству наших бар, поэт жил выше своих средств, оба принадлежавшие ему дома были заложены в Опекунском совете. Образ жизни его был таков: вставал он рано, часов в пять или в шесть утра, а вставши, пил чай; в два часа обедал, ужинал в десять; вина почти не пил, кофею не любил, не увлекался картами, проигрывал не более тысячи; раз в неделю у него собирались гости, танцы продолжались далеко за полночь; сам

Державин уходил часов в одиннадцать спать;

жена его, уложив мужа, возвращалась к гостям. Державин любил музыку, особенно Баха и Крамера; часто, слушая ее, ходил по комнате и ударял такт; если он при этом ускорял шаги и наконец уходил в кабинет, то все знали, что надо ожидать новых стихов. Почти до конца жизни он сберег хорошее зрение и только для самого мелкого шрифта иногда употреблял лупу. Дома, когда не было гостей, он обыкновенно носил шелковый шлафрок, подбитый беличьим мехом, и колпак; молодые дамы ему вышивали кушаки, которыми он подпоясывал халат. Державин был давно лыс и, одевшись, являлся в парике с мешком; выезжал во фраке, в коротеньких панталонах и гусарских сапожках, над которыми видны были чулки. Камердинер Державина был Кондратий, в его доме находились еще два Кондратия: садовник и музыкант, по этому поводу поэт написал шуточную комедию "Кутерьма от Кондратьев".

Посещавшие поэта молодые литераторы: С. П. Жихарев, В. И. Панаев, С. Т. Аксаков оставили нам следующее описание внешности Державина. Один видел его в халате, опушенном соболями, во фланелевой, плотно застегнутой фуфайке, на шее был у него белый кисейный платок, а на голове белый же вязаный колпак.

Другой застал Державина за письменным столом, стоявшим посредине кабинета; поэт сидел в таком же домашнем наряде; из-за пазухи его торчала головка белой собачки, которая носила имя Тайки (сокращенное от Горностайки), она не оставляла своего господина ни на минуту, и если не была у него за пазухой или не вместе с ним на диване, то лаяла, визжала и металась по целому дому. Собачка эта была для поэта воспоминанием одного доброго дела; прежде она принадлежала одной бедной старушке, которую Державин облагодетельствовал.

Посещавший его вечера Панаев нашел Державина в коричневом фраке с двумя звездами, в хорошо причесанном парике, очень любезным хозяином и т.д. С.Т. Аксаков видел нашего поэта, сидевшего на диване с аспидной доской и грифелем в руках. По его описанию, Державин был довольно высокого роста, широкого, но сухощавого сложения; на нем был колпак, остатки седых волос небрежно из-под него висели; он был без галстука, в шелковом зеленом шлафроке²¹¹, подпоясан такого же цвета шнурком с большими кистями, на ногах у него были туфли; портрет его походил на оригинал, как две капли воды. Аксаков был восторженный почитатель Державина, он знал множество его

стихов наизусть, которые и читывал превосходно в присутствии поэта. При чтении Аксаковым стихов Державин входил в полный экстаз, он не мог сидеть, часто вскакивал, руки его, как и голова, были в постоянном движении; но эти чтения кончались, как пишет Аксаков, дурно для поэта, он после них всегда прихварывал, несмотря на то, что столько еще энергии, живости и теплоты сохранилось в этом 75-летнем старце.

Соседом Державина был богач Гарновский, построивший свой огромный дом рядом с его выше законной меры и затемнивший тем свет своему соседу, на что Державин жаловался в полицию и написал даже стихи "Ко второму соседу"²¹², где пророчески предвещал соседу дальнейшую его печальную судьбу.

Великолепное здание Гарновского дома (теперь Измайловские казармы, у Измайловского моста) должно было примыкать к дому Державина эрмитажем, в котором предполагалось устроить сад и фонтан. Гарновский строил свой дом в надежде, что его купит казна для кого-нибудь из великих князей или княжон.

Полковник Михаил Гарновский, статный, красивый мужчина, по происхождению шляхтич, был поверенный в делах князя Потемкина и английской графини Кингстон, известной по

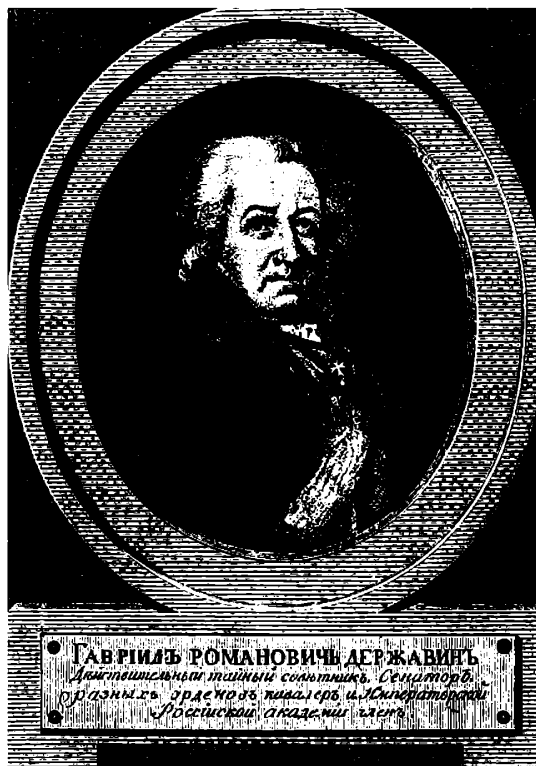
своей красоте и приключениям в Европе; с последней Гарновский состоял в связи и унаследовал ее имения в России. По смерти Потемкина Гарновский лучшие вещи из Таврического дворца вывез к себе, как-то: статуи, картины, мебель и даже строительные материалы; узнав об этом, наследники остановили расхищение через полицию, перехватывая барки на Фонтанке с добром; от этого, как пишет Державин, нередко были крики и споры²¹³. Впоследствии, при Павле, Гарновский пострадал жестоко; он, как поверенный в делах князя Потемкина, переводил в армию во время турецкой войны большие денежные суммы, не отдавая в том никому отчета.

Вскоре по восшествии на престол Павла, он за это подвергся преследованию, был посажен в крепость, откуда уже выпущен под надзор полиции. От суда Гарновский был освобожден только в царствование императора Александра I. Великолепный дом Гарновского в это время поступил в казну, и в нем были помещены сперва конногвардейские конюшни, потом сделаны казармы Измайловского и Лейб-Егерского полков.

Дом Гарновского, впрочем, не был им достроен и стоял непокрытый долго; после

смерти Потемкина Гарновский даже просил у Екатерины пособия на постройку его, подавая императрице не раз прошения. Это подало повод Державину написать эпиграмму "Челобитная о достройке дома".

Возри, монархиня! на дом, покрова не имущий,
В столице от крупниц царя Тавриды сущий.
Возри! и украси сей хижиной твой трон:
Прибавь к украденным еще хоть миллион.

Г. Р. Державин. С гравированного портрета
Розанова

Большое имение, завещанное ему графиней Кингстон, Гарновский потерял, скитаясь во время

невзгоды своей по судебным местам. Пишась состояния, он сделался шулером и за картежную игру был выслан из С.-Петербурга в Тверь под надзор полиции; впоследствии через ходатайство принца Ольденбургского, тверского губернатора, он был возвращен в Петербург с обязанием его подпискою, чтоб он впредь в карты не играл. Гарновский умер в Петербурге в 1810 году.

На другой стороне Фонтанной речки, у Семеновского моста, где теперь стоит дом Гуна, в Елисаветинское время стояла загородная дача вице-адмирала Вильбуа, француза по происхождению, вступившего на службу к Петру во флот. Вильбуа был женат на дочери пастора Глюка, известного воспитателя императрицы Екатерины I. Гельбиг про этого Вильбуа говорит: "обладал горячею кровью и приятностью своей нации, но, кажется, не отличался ни особыми познаниями, ни заслугами". Вильбуа написал известные анекдоты о русском дворе в царствование Петра I и Екатерины I.

В 1743 году проживавшие вблизи этой местности купцы Гроздов, Краснощекое, Соломяков, Кокушкин, Рогов, Попов и Важин просили Никодима, епископа Санкт-петербургского, дозволить им своим коштом построить деревянную церковь на

каменном фундаменте, в пристойном порожнем месте, за Морским рынком, по Большой Садовой улице, против Загородного, по Фонтанной речке, двора вице-адмирала Вильбуа. На всепокорнейшее прошение купцов из кабинета ее величества позволение не вышло²¹⁴. Позволение тогда только последовало, когда при Петре III в этой местности появился богатейший домовладелец, коллежский асессор Савва Яковлевич Яковлев²¹⁵, родом из города Осташкова Тверской губернии, известный колоссальный богач, владелец железных рудников на Урале (Невьянских заводов) и откупщик всех русских таможен при Петре III.

В Петербурге Савва Яковлевич приобрел в собственность и "тыном огради" громадный участок земли формою четырехугольника: от Сенной площади, по Обуховскому проспекту, до моста (в этой местности он построил себе дачу, главное здание которой, изящной архитектуры, лицом на Фонтанку, сохранилось до наших дней, теперь фабрика бронзовых вещей Шопена). Дача была сооружена в 1766 году по плану знаменитого архитектора Растрелли; во дворе был распланирован большой сад; место Яковлева отсюда шло по набережной Фонтанки до Семеновского моста, потом по Гороховой улице

до Большой Садовой, вплоть до площади. На углу Садовой и Гороховой он построил громадный дом (дом этот до сего времени стоит в том же виде, как он был построен, не поднятый ни на один этаж; им владели наследники Яковлева более столетия, теперь он продан купцу Воденикову).

Вид Исаакиевской площади со стороны
Большой Морской улицы в конце XVIII столетия.
С рисунка того времени Патерсона

Рядом со своим домом Яковлев заложил и построил каменную церковь; заложена она была 20 июля 1753 года и строилась 12 лет. Храм сперва думали освятить во имя Сретения Господня, но потом передумали и освятили во

имя Успения Божией Матери. Внешний вид храма был окончен в год коронавания Екатерины II, и чтобы это увековечить, на кресте главного купола водрузили корону. Строитель храма, воздвигая корону на кресте, хотел сделать новой императрице приятное; Екатерина II, въезжая в столицу после коронации, первую церковь в черте города от Московской заставы увидела увенчанную короною.

В 1763 году строитель храма перенес в построенную им церковь тела своих родителей с Сампсониевского кладбища и положил их под придел Трех Святителей. Престол в главном храме Яковлев снаружи обложил серебряными досками, весу в них 5 пудов 37 фунтов 51 золотник, на верхней доске изображено положение Иисуса Христа во гроб, на боковых – те святые, имена которых носило семейство Яковлевых, чеканка досок сделана в 1786 году. Из замечательных исторических образов в этом храме имеется образ Христа Спасителя в серебряной ризе, устроенный вологодскими гражданами за избавление Вологды от моровой язвы в 1605 году; Евангелие, напечатанное в 1689 году, затем ковчег серебряный, больше пуда весом, устроенный в 1770 году строителем, и масса сосудов, кадил и крестов серебряных,

современных началу церкви. Из 15 колоколов на большом, кроме изображений престольных праздников церкви, есть портрет императрицы Екатерины II и следующая надпись: "Асессора Саввы Яковлева, в церкви Успения, что на Сенной, весу 542 пуда 18 фунтов. 1780 года января 20-го, лит в Москве на заводе Ясона Струговищикова, язык при нем железный, 17 пудов 5 фунтов". Есть предание, что при жизни Яковлева звонили в этот колокол только тогда, когда он дозволял, и у него от языка был ключ, который он сам выдавал, когда хотел.

До 1869 года вокруг церкви была красивая ограда и прекрасный сад, носивший название "Настоятельского", но впоследствии, в видах крупного дохода с домов в этой местности, здесь выстроили большой четырехэтажный дом с магазинами. Что же касается до домов строителя церкви, Саввы Яковлева, то они сохранились до наших дней, хотя и не принадлежат уже потомкам его. Существующий и теперь дом в прежнем наружном своем виде, у Обухова моста, еще в 30-х годах принадлежал одному из Яковлевых, в комнатах тогда еще были видны следы великолепия, роскоши и блеска первого владельца. В большой зале стены были обтянуты кожаными обоями, расписанными масляными

красками по золотому полю, зало было украшено большими портретами высочайших особ в рост; кроме того, здесь было несколько картин итальянской школы, в числе которых были две превосходные: одна "Усекновение главы Иоанна Предтечи" и другая "Архимед в раздумье над геометрическими фигурами". В сороковых годах в этом доме был детский приют великой княгини Ольги Николаевны.

Вид Сенной площади в начале XIX столетия.
С офорта И. Иванова 1814 года

Сенная площадь с первых дней существования Петербурга была складом сельских произведений, ввозимых по Московской дороге; она находилась на рубеже города. Крестьяне, въезжая в

Петербург, останавливались прямо здесь, продавая сено, солому, овес, телят, баранов и куриц. От имени первого продукта площадь получила название Сенной, и при Екатерине II она была исключительно занята продажей сена. Торг живностью производился на Обуховской площади, откуда после переведен на скотный двор. Площадь эта, составлявшая вначале часть Сенной, отделилась сама собою в то время, когда отошло от Сенной место на берегу Фонтанки. На Сенной продавались и лошади близ того переулочка, который от имени их назван Конным. С 1800-х годов крестьяне на Сенную стали доставлять мясо, рыбу и масло, потом появились и огородники; до пятидесятых годов на Сенной производился торг деревьями и цветами, которыми преимущественно торговали крестьяне из слобод Пулковой и Кузьминой. С первых дней весны на правой стороне площади раскидывался импровизированный сад. К Троицыну дню деревья распродавались, и фантастический сад исчезал.

Дома на Сенной в старину исключительно населялись евреями. Утром, при закупке припасов, они толпами расхаживали на площади. В это время они не приписывались ни к одному из торговых сословий и не были обложены

никакими податями. При таком выгодном положении своем в столице евреи богатели в короткое время и стали заниматься ростовщичеством. Когда состоялось положение об евреях, им пришлось приписываться в городские сословия. Большая часть еврейских семейств оставила столицу, следовательно, и Сенную площадь.

В счастливые дни пребывания евреев на Сенной на них приходили смотреть столичные жители во время их праздников Кущей. В эти дни сенновские евреи имели обыкновение строить внутри двора временные деревянные шалаши при домах, в которых жили. Снаружи шалаш сходствовал с четырехсторонними башнями и примыкал к дому с нижнего яруса до крыши; одна сторона шалаша сообщалась с внутренними покаями, а три, составленные из стеклянных рам, выходили на двор; шалаш разделялся на столько отделений, сколько дом заключал в себе ярусов, и каждое отделение состояло из одного покая. Вечером шалаши освещались множеством свечек, евреи с величайшим волнением, шумно располагались на лавках лицом к той стороне стены, которая присоединялась к дому; еврейки обносили мужей разными яствами и вином; евреи, предаваясь торжеству, кричали

оглушительно, и под конец веселье переходило в шумную оргию. Тысячи зрителей толпились по дворам, любуясь странными празднествами евреев.

Близ Сенной площади существовал грязный, запущенный дом Таирова; в нем была устроена холерная больница во время эпидемии 1831 года, из окон которой взбунтовавшаяся чернь выбрасывала на улицу докторов. Впоследствии в этом доме существовала типография Воейкова, автора "Сумасшедшего дома". На новоселье у последнего при открытии книгопечатни присутствовали все литераторы того времени. Характерное описание этого праздника находим в воспоминаниях Ив. Ив. Панаева, И. П. Сахарова, В. Бунашева и других.

В конце Фонтанки в Екатерининское время стоял дом академика Штелина. Дом стоял в той местности, где теперь Калининская больница. Яков Штелин числился при Академии наук "профессором аллегорий". Штелин родился в Меммингене, он был вызван в Петербург для преподавания истории великому князю Петру Феодоровичу; при вступлении последнего на престол он состоял у него библиотекарем и домашним человеком. В несчастные дни этого государя, 28 и 29 июня, он находился неотлучно

при своем повелителе. Штелин оставил записку о последних днях царствования Петра III и издал известные анекдоты о Петре Великом; затем выгравировал еще несколько гравюр с изображениями торжественных фейерверков, иллюминаций и видов Петербурга.

ГЛАВА XII

Разные постройки при Екатерине П. – Первый мост через Неву. – Плата за проход и проезд. – Мысль императрицы поставить Петру I монумент. – Проекты художников. – Фальконет и его модель. – Камень-Гром. – Перевозка его. – Отливка статуи. – Отъезд Фальконета. – Стихи Рубана. – Медаль на открытие памятника. – Столетние сподвижники Петра. – Торжество открытия. – День столетия Петербурга. – Рассказы столетнего старика об императоре. – Торжество в Петербурге по случаю столетнего юбилея города. – Аристократический квартал Петербурга. – Дом эпохи Петра! – Английская набережная. – Жилища наших вельмож. – Дом графа Воронцова-Дашкова. – Домашние спектакли и балы. – Беспримерная деликатность графа Воронцова-Дашкова. – Анекдоты о нем. – Дома Нарышкиной, генерала В. И. Асташева. – Замечательный вековой погреб. – Дом графа Румянцева, пребывание в нем шведского короля Карла XIII. – Дом Шереметева. – Английская церковь. – Палаты вельмож: князя Лобанова, канцлера Безбородко, Салтыкова. – Семейные вечера генерал-аншефа Арбенева.

Несмотря на те улучшения и новые постройки, которые были сделаны Екатериною, Петербург все еще имел вид возникающего города. Улицы были очень нешироки, из них три только главные, примыкающие к Адмиралтейству, были вымощены

камнем²¹⁶, другие выстланы были досками; дома в лучших улицах стояли тесно друг к другу, в других же местах, как на Васильевском острове, беднейшие деревянные лачужки перемешивались с большими кирпичными зданиями. Лучшие постройки находились на набережной, а около Адмиралтейства были сосредоточены дома вельмож, и здесь же, близ Исаакиевской площади, был наведен в 1727 году первый через Неву мост "Исаакиевский"²¹⁷, по которому указом 1741 года велено было пропускать безденежно только дворцовые кареты, церемонии, курьеров и едущих на пожар. После 1750 года мосты Санкт-Петербургские были отданы на откуп купцу Ольхину. С пеших за проход брали по копейке, с лошади по три деньги. Такая тягостная плата мостовых денег была отменена только в 1754 году по случаю рождения Павла Петровича.

На площади, между Невой, Адмиралтейством и домом, в котором присутствовал правительствующий сенат, Екатерина II изустно повелела 15 мая 1768 года г. Бецкому: "Во славу блаженных памяти императора Петра Великого поставить монумент".

Мысль же о постановке памятника у ней явилась гораздо ранее: еще в 1765 году она приказала нашему посланнику в Париже, князю

Голицыну, найти ей опытного и талантливое ваятеля. Голицын предложил государыне четырех художников: Фасса, Кусту, Файю и Фальконета. Выбор Екатерины пал на последнего, бывшего ученика профессора Лемуана, приобретшего уже себе славу талантливого ваятеля созданием художественного жертвенника в храме Св. Роша и статуями Флоры и Помоны. В 1766 году Фальконет приехал в Петербург и в десять месяцев изваял в малом виде модель будущего памятника²¹⁸. Фальконет обязывался свою работу окончить в восемь лет. После отлития модели императрица приказала отыскать камень для подножия, и в июле 1768 года от Академии художеств явилась публикация, в которой была описана потребная величина такого камня. В описании говорилось: "Камень сей должен быть пяти сажень и одного аршина в вышину". В том же году, в сентябре месяце, в Академию явился крестьянин из деревни Лахты, Семен Вишняков, и заявил, что у них, в 12 верстах от Петербурга, имеется такой, годный к подножию статуи, камень. Камень этот был у них известен под именем "камня-грома"; на этот камень, по словам крестьянина, неоднократно всходил император для обозрения окрестностей. Камень этот лежал в земле на 15 футов глубины, наружный вид его

уподоблялся параллелепипеду, верхняя и нижняя часть его были почти плоски, камень зарос со всех сторон мхом на два дюйма толщиной. Произведенная громовым ударом в нем расселина была шириной в полтора фута и почти вся наполнена черноземом, из которого выросло несколько березок вышиною почти в 25 футов. Вес этого камня был более четырех миллионов фунтов. Государыня приказала объявить, что кто найдет удобнейший способ перевезти этот камень в Петербург, тот получит 7000 рублей.

В записках часовщика Фази (см. "Русскую старину", 1875 г., т. XI, стр. 588), женева, бывшего при Екатерине II придворным мастером, находим, что он предложил Бецкому перевезти эту огромную скалу для памятника Петра в 20 дней с помощью только сорока человек; при этом он еще требовал только, чтоб ему предоставлены были в полное распоряжение казенные кузницы. Этот Фази пользовался особенным расположением Потемкина. Последний занял у него однажды 14000 рублей и несколько лет не платил ему долга. Накануне отъезда князя на юг, в действующую армию, императрица пригласила его к обеду и вместе с ним позвала своего любимого часового мастера. Фази захотел воспользоваться случаем и написал Потемкину,

немножко в республиканском духе, письмо, которое и положил на его прибор, а сам занял место по другую сторону стола. Любопытство государыни было возбуждено, и она торопила Потемкина вскрыть пакет. Пробежав письмо, Потемкин бросил на смельчака многозначительный взгляд. Узнав, в чем дело, Екатерина много смеялась, и средство, которое придумал Фази для получения своих денег, очень ей понравилось. В тот же вечер вся сумма была отвезена к Фази, но только медными грошами, которыми и наполнились целые две комнаты.

Способ перевезти камень придумал некто Карбури, он же граф Цефалони²¹⁹, но вернее, этот способ нашел простой кузнец, а Карбури у него купил за ничтожную сумму²²⁰. В октябре того же года было приступлено к работам для поднятия камня; нужные рычаги для этого были придуманы петербургским слесарем Фюгнером. В первый день, 15 ноября, камень оттащили на 23 сажени. 20 ноября 1770 года Екатерина посетила работы, и при ней камень был подвинут на 12 сажен²²¹.

Память этого происшествия была ознаменована выбитием медали, на главной стороне которой видно грудное изображение императрицы и на другой стороне изображен

самый камень, как его везут с помощью машин и как его обсекают во время пути. Тут же виднеется надпись: "Дерзновению подобно", в обрезе поставлено: "генваря 20-го 1770 года". Камень во время пути пять раз погружался в землю, проваливаясь на 18 и более дюймов; во время следования на камне находились барабанщики, которые и давали знак рабочим начинать и кончать работы; наверху одного края камня была устроена кузница и прицеплена караульня.

Перевозка камня привлекала множество любопытных из города. От самого места, где лежал камень, дорогу очистили от леса на десять сажен в ширину. Весь путь был утрамбован, везли камень четыреста человек на медных санях, катившихся на медных шарах. Камень ежедневно подвигался на двести сажен. Как скоро камень достиг берега, его спустили на построенную подле реки плотину и затем на судно в 180 футов длины, 66 ширины и 17 вышины.

В день коронации Екатерины, 22 сентября, камень торжественно провезли мимо Зимнего дворца, и на другой день судно причалило благополучно к берегу, отстоящему на 21 сажень от назначенного места для памятника. Причалка камня совершилась в присутствии прусского принца Генриха.

В июле 1769 года Фальконет окончил гипсовую модель памятника, и она была выставлена на две недели для всенародного обозрения; голову всадника сделала приехавшая француженка девица Коллот; для того чтобы вернее изучить мах лошади, перед окнами дома Фальконета было устроено искусственное возвышение, вроде подножия памятника, на которое по несколько раз в день въезжал вскачь искусный берейтор, попеременно, на лучших двух лошадях царской конюшни, жеребцах: ле Бриллиант и ле Каприсье. Скач коня на монументе сделан на десять градусов от горизонтальной линии. Вся высота всадника с конем $17\frac{1}{2}$ футов, высота одного всадника 11 футов.

Профессор Академии художеств Лосенков, по заказу Фальконета, нарисовал картину с модели. Фальконет заплатил ему за нее триста рублей и тотчас же отослал картину в Париж. Камень имеет 7S сажени длины, 3 ширины и 2S вышины. При отделывании камня на месте Фальконет велел от передней высоты убавить два фута с половиною. Это произвольное уменьшение камня вызвало неудовольствие со стороны Ив. Ив. Бецкого, и он поручил дальнейшее надзирание за работами архитектору Фельтену.

Камень-гром

Фальконет обиделся и решительно отказался выливать статую. Правительство стало искать мастера, писали литейному мастеру Гоору в Копенгаген, тот запросил за вылитие 400 000 ливров. Сумма эта показалась высокою, и более двух лет не находили литейщика; наконец 1 мая 1772 года приехал литейный мастер Бенуа Ерсман, который и обязался вылить статую за 140000 ливров, с ним прибыли также три подмастерья; через два года Ерсману было отказано²²², и Фальконет опять отлитие принял на себя; 25 августа 1775 года начата была

отливка, надзор за которой был поручен русскому литейному мастеру Хайлову. Меди было заготовлено 1351 пуд²²³, и когда она, растопленная, была уже пущена и в то время, когда нижние части формы все уже наполнились, вдруг медь из глиняной формы вытекла и разлилась по полу. Фальконет, увидя, что его девятилетние труды рушились и честь его погибает, со страха и с горя выбежал из мастерской; его примеру последовали и все остальные рабочие, один только Хайлов не растерялся и, с опасностью для своей жизни, остался там и стал подбирать вытекшую расплавленную медь и снова вливать ее в форму.

Отлитие удалось с небольшими погрешностями. Передние ноги коня вышли прекрасно, только та часть коня не удалась, откуда вытекла медь. Но это горе взялся поправить г. Сандоц и в два года выполировал и обделал статую. За эту работу ему было заплачено 20000 рублей.

Модель змеи делал ваятель Академии художеств Гордеев. Фальконет покинул Петербург в сентябре 1778 года; он получил за свою работу 92261 рубль, три его подмастерья 27284 рубля, а литейный пушечный мастер Хайлов 2500 рублей. Сумма, заплаченная

конторою с 1776 года по день окончания работ, простирается до 424610 рублей.

По отъезде Фальконета всеми работами стал заведовать коллежский советник Фельтен. Открытие памятника происходило 7 августа 1782 года. За несколько дней перед торжественным освящением памятника вместо деревянного забора монумент был обнесен полотняной оградой, на которой были изображены горы и скалы; ограда была пяти сажень вышины и имела 32 сажени в окружности. В день открытия статуи погода стояла дождливая, но в 12 часов прояснилась; в это время двинулись полки под предводительством фельдмаршала князя А. М. Голицына. Число войск простиралось до 15 000 человек. В четвертом часу прибыла государыня на шлюпке, при выходе из которой была принята всем сенатом во главе с генерал-прокурором князем А. А. Вяземским, и, сопровождаемая отрядом Кавалергардского полка, отправилась в сенат, откуда и явилась на балконе в короне и порфире; со слезами на глазах императрица преклонила голову, и тотчас же спала завеса с памятника, и воздух огласился криками и выстрелами из пушек.

Поэт того времени, В. Рубан, по этому случаю сочинил следующее восьмистишие:

Колосс Родосский, днесь смири свой гордый вид!
И нильски здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами!
Вы смертных бренными соделаны руками.
Нерукотворная здесь Росская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,
Прешла во град Петров чрез невские пучины
И пала под стопы Великого Петра!

День открытия памятника был ознаменован многими милостями, и на открытие выбита была медаль. Большую такую золотую медаль первый получил присутствовавший на этом торжестве столетний старец, капитан-командир Рейзер, вступивший в морскую службу еще в 1715 году.

Разные милости народу были объявлены особенным манифестом. В этот день был прощен И. И. Голиков, несостоятельный должник. По преданию, он пришел на площадь, упал перед памятником на колени и здесь дал клятву всю свою жизнь посвятить на написание истории деяний Петра, что и исполнил честно, издав такой истории 30 томов.

В 1803 году, 16 мая, в день столетия Петербурга перед памятником Петра праздновался столетний юбилей города; 20 000 войска, предводительствуемого самим императором Александром I, проходили

церемониальным маршем и салютовали
преклонением знамен перед монументом Петра.

Голова статуи Петра I, находящейся на
Сенатской площади в Петербурге. С гравюры
Генрикеца 1772 года

В день юбилея от города была поднесена
государю золотая медаль с изображением в
профиль Петра, увенчанного лаврами, с надписью
по кругу: "От благодарного потомства". Медаль
была по воле монарха отнесена с церемонией в
Петропавловский собор и положена на гроб
Петра.

На Неве в этот день, против памятника, стоял

110-пушечный корабль "Гавриил" с императорским штандартом, имея на хребте своем ботик, известный под именем "Дедушки русского флота"; четыре столетних старца были его стражами, из них один был 107 лет от роду. Он хорошо помнил Петра I, при котором служил морским офицером. Другой из них, тоже современник великого монарха, некогда носил за государем межевые шесты, когда он вымерял болотистую местность под Петергофом. Он дожил до двадцатых годов нынешнего столетия, проживая в деревне Ольховой, близ Ропши. Этот старик как святыню хранил один из двух серебряных рублей, пожалованных ему царем за его работу. В день столетнего торжества Петербурга монумент, дворец Петра на Петербургской стороне и в Летнем саду были убраны флагами, а вечером пышно иллюминированы; тоже и весь город горел в этот вечер огнями.

В конце царствования Екатерины II стала славиться в Петербурге рядом своих великолепных каменных домов Английская набережная, которая до этого называлась Галерным двором и Галерною набережною.

В половине Английской набережной, еще лет пятьдесят тому назад, впадал в Неву Крюков

канал, чрез который был перекинут подъемный мост с великолепными гранитными столбами. Канал этот теперь течет под сводом, и на нем выведена широкая улица от Благовещенской церкви к Николаевскому мосту.

В прежние годы на этой набережной собиралась для прогулки лучшая петербургская публика в феврале и марте месяце; эти прогулки прекратились с постройкой Николаевского моста. В 1710 году Английская набережная имела непривлекательный вид, здесь жили одни бедные рабочие в жалких избушках. В 1716 году первый здесь выстроил князь Меншиков длинное и высокое мазанковое строение, покрытое черепицею, для постоянного двора, в которое и стал пускать за "постоянные деньги от казны" разных приезжих иностранцев-мастеровых.

Рядом со строением Меншикова стоял кабак, в который заходили адмиралтейские рабочие. По словам Вебера, кабаки в то время были крайне неряшливы, пиво в них стояло в больших открытых кадках, из которых теснящийся народ зачерпывал пиво деревянным ковшом и, чтобы не проливать ничего даром, выпивал пиво над кадкой, в которую стекало, таким образом, по бороде то, что не попало в рот. Притом если у пришедшего выпить не оказалось денег, то он

оставлял в заклад свой старый тулуп, рубаху или другое какое-нибудь носильное белье, без чего мог обойтись до вечера, когда получит поденную плату свою и заплатит за пиво; такой заклад, по обыкновению, вешался гут же на кадку, которая часто была кругом обвешена этой грязной рухлядью, но никто этим не брезговал, хотя нередко эта ветошь от тесноты сваливалась в чан и там преспокойно плавала в пиве по несколько часов.

Впоследствии князь Меншиков построил каменный дом, и когда впал в немилость, то дом этот был отдан Миниху. Тот, в свою очередь, променял его канцлеру Остерману, и когда тот тоже был сослан в Сибирь, то дом перешел в пользование канцлера Бестужева-Рюмина. Последний его перестроил заново и вывел обширные каменные палаты с церковью, но и сам в нем жил недолго и был так же, как и прежние домовладельцы, сослан.

В 1764 году сюда был переведен сенат, который и до настоящего времени там находится.

В первое время до постройки каменных домов здесь жили в небольших домах следующие лица: корабельные мастера Ней, Иван Немцов (дом последнего стоял крайним к Галерному двору), затем гвардии майор Юсупов, генерал

Полянский, Иванов, вице-адмирал Синявин, А. П. Волынский, граф П. Б. Шереметев, Матюшкин, граф Головкин, Бутурлин, Муханов, князь Хованский, архитекторы Чевакинский и Еропкин.

В блестящий век Екатерины II и в начале нынешнего столетия на Английской набережной возвышались дома следующих вельмож: от сената был первый дом графа А. И. Лаваль (теперь дом г. Полякова); в этом доме, по преданию, собирались декабристы, здесь хозяйка дома вышивала им знамя шелками. После рокового дня на Сенатской площади на этот дом пало немало упреков; петербургское простонародье иначе не называло графиню, как Лавальшей-бунтовщицей.

Через дом, где теперь дом Паскевича, стоял дом С. С. Потоцкого; рядом с ним был дом графа А. И. Остермана-Толстого, после дом принадлежал княгине Бутера-Радали, в настоящее время дом этот графа И. И. Воронцова-Дашкова. В этом роскошном доме, со статуями Торвальдсена, в сороковых годах устраивались изящные праздники и давались благородные спектакли, лучшими исполнителями на которых были следующие аристократы артисты: два графа – Б. и С.; один из них особенно был хорош в роли безрассудного певца-студента в комедии "Les

vieilles amours"; граф владел замечательным голосом. Сама хозяйка дома в этой пьесе с большим успехом играла роль молодой бедной певицы.

В другой пьесе Скриба "Le Chaperon", здесь тоже игранный не раз, большой фурор производил сын сенатора, г. Ж. Граф Воронцов-Дашков первый стал устраивать в своем доме благотворительные базары; он, по своей прекрасной наружности, считался самым блестящим придворным кавалером своего времени. Этот вельможа имел внешность дипломата и сохранял таковую, даже играя на бильярде, до которого был большой охотник; граф был посланником в Турине и участвовал в Веронском конгрессе.

В "S.-Petersbourger Zeitung" за 1878 год находим следующую черту его беспримерной деликатности. "Летом 1834 года я приехал на почтовых в Петербург, – пишет анонимный рассказчик, – и проезжая в 2 часа ночи мимо ресторации Леграна, впоследствии Дюссо, ощутил зверский аппетит. Видя в окнах свет, я вошел и заказал себе что-то. Какой-то господин, в одиночку забавлявшийся на бильярде, обратился ко мне с предложением, не сыграю ли я партию, пока мне готовят кушанье.

– Почему нет, – отвечал я, не зная, что господин этот игрок по ремеслу. Игрок сначала маскировал свою игру, делал грубейшие ошибки, но в конце концов всегда выигрывал. Я проиграл ему в заключение вечера 200 рублей.

– Завтра я пришлю сюда деньги на имя Леграна, – сказал я.

– Хорошо, – отвечал он, – а меня зовут Долгушев.

На другой день я послал деньги к Леграну, но слуга мне принес их обратно. Деньги, по уверению Леграна, были уже заплачены, и притом человеком, выдававшим себя за моего слугу. Я рассказал о происшествии графу Виельгорскому, который тоже не мог решить, кто бы это мог сделать. Год спустя однажды Воронцов пришел к своему другу Виельгорскому.

– Слушай, Воронцов, – сказал последний, – я подозреваю, что ты это сделал.

– Очень просто, – отвечал он, – я находился в соседней комнате, узнал его по голосу и подумал, что он, вероятно, не при деньгах. Что его обманули, это не подлежало сомнению; я оставался до конца игры и потом обделал все дело. Если б он пошел далее, то я вышел бы и запретил ему играть".

Балы графа Воронцова были самые блестящие

в Петербурге; в день каждого бала дом графа представлял великолепное зрелище: на каждой ступени роскошной лестницы стояли ливрейные лакеи, внизу в белых кафтанах (ливрея Дашковых), на второй половине лестницы в красных кафтанах (ливрея Воронцовых); мажордом Воронцова (итальянец) в черном бархатном фраке, коротких бархатных панталонах, чулках и башмаках со шпагою на боку и треуголкой под локтем; ужин императрицы в этом доме всегда сервировался на отдельном небольшом столе, на посуде из чистого золота. Вообще все приемы графа Воронцова-Дашкова отличались царским великолепием и носили характер врожденного барства.

Граф В. А. Сологуб, называя женщин петербургского большого света сороковых годов, говорит, что в то время не было женщины в Петербурге, которая бы могла походить по чарующей грации и по тонкости ума на графиню Алек. Кирил. Воронцову-Дашкову.

Рядом с домом графа Воронцова стоял дом графа Н. А. Татищева, теперь Шереметева; соседним с ним был дом супруги обер-егермейстера М. А. Нарышкиной. Этот дом в то доброе, старое время, время скороходов,

пудры и гвардейских сержантов, можно вполне было назвать домом торжеств; владельцы его жили открыто, широко, и почти ни один день здесь не обходился без праздника.

Вид памятника Петру Великому при его открытии в 1782 году. С гравюры Мельникова, сделанной с рисунка того времени Давыдова.
(Из собраний П. Я. Дашкова)

У дома Нарышкина в летние вечера, на реке, на плотках и на лодках, играло несколько оркестров музыки, особенно большой эффект производила роговая музыка, эта, так сказать, собственность фамилии Нарышкиных, изобретенная в 1751 году обер-егермейстером Сем. Кир. Нарышкиным²²⁴; Державин

гостеприимный дом Нарышкиной воспел в
следующих стихах²²⁵:

Где дружеский, незванный стол,
Важна хозяйка, домовита...

По рассказам современников, Нарышкина управляла домашним хозяйством сама; муж получал от нее по рублю на карманные расходы. Далее поэт говорит:

Оставя короли престолы
И ханы у тебя гостят...

Посещавший Екатерину II император Иосиф, короли прусский и шведский, французский граф д'Артуа²²⁶, а также и азиатские ханы, приезжавшие ко двору императрицы, считали своим долгом побывать и пообедать у Нарышкиной.

Пред дом твой соберется чернь... –

здесь поэт намекает о разных масленичных удовольствиях – горах и качелях, которые Нарышкина строила зимой на Неве перед своим домом.

Рядом с домом Нарышкиной стоял дом деда нынешнего владельца, г. Дурново. Следующий дом был князя Лобанова-Ростовского, и затем дом Коммерческого общества. Зимой в этом

клубе для постоянных членов давались по подписке балы, с гостей же брали довольно высокую плату за вход на бал. Балы эти считались самыми приличными. В первое время, лет шестьдесят тому назад, когда балы лишь только учредились, было постановлено правилом, чтобы дамы приезжали не иначе как в ситцевых платьях; балы эти были прозваны "ситцевыми". Правило это продержалось только до конца первой зимы, впрочем, уже и тогда начали появляться шелк, бархат и кисея.

И. И. Бецкий. С гравированного портрета
Дюпюи

Далее следовали дома сенатора Митусова, князя В. А. Шаховского, действительного камергера Жеребцова; затем несколько домов принадлежали богатым купцам-иностранцам.

Перейдя через постоянный мост на Крюковом канале (теперь не существующий), стояли по набережной следующие дома: угловой Борха, теперь Кларка, рядом с ним один из старейших вековых домов Петербурга, принадлежащий теперь генералу В. И. Асташеву. В 1740 году домом этим владел камергер князь В. П. Хованский; от него дом перешел к сыну его, А. В. Хованскому, который в 1761 году продал его за 7000 рублей профессору философии и английскому купцу Генриху Клаузенгу. Тот перепродал его за 13 000 рублей негоцианту Фоме Бонару, от него купил дом в 1814 году за 40000 рублей иностранный гость Генрих Томсен, от которого в 1852 году и приобрел за 110000 рублей отец нынешнего владельца, камергер И. Д. Асташев, давший громадный толчок отечественной промышленности открытием в 20-х годах золота в Восточной Сибири, в Енисейском округе, по реке Ангаре. Вместе с домом был куплен и вековой погреб с несколькими сотнями бутылок старого вина. В погребе нынешнего владельца В. И. Асташева,

этого петербургского широкого благотворителя, теперь хранится тысячами бутылок портвейн закупки 1782 года, вековые токайское, рейнвейн, арманьяк и таких же патриархальных годов "литовский мед", ровесник царствования саксонских королей, ценою чуть ли не по червонцу за глоток.

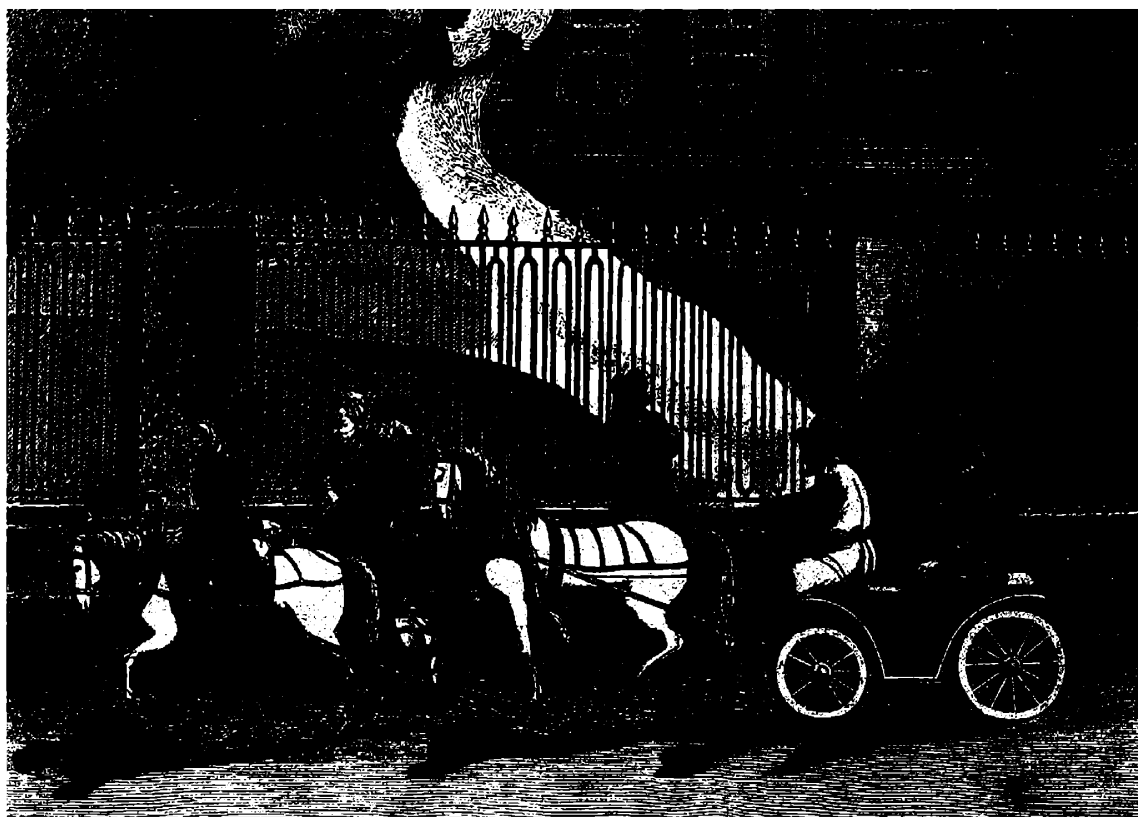
О доме соседнем, г. Полежаева, сохранилось следующее предание: в нем жил более полувека добродушный старик, действительный камергер А. А. Яковлев, слывший в петербургском свете за алхимика и астролога.

В доме, бывшем канцлера графа Румянцева, жил в царствование Екатерины король шведский Густав IV с дядею, герцогом Зюдерманландским, после бывшим королем Карлом XIII. Простой народ во время пребывания герцога в Петербурге называл его "Сидором Ермолаевичем".

Далее шли дома вельмож: князя Юсупова, генералов Потемкина, Юшкова, Левашова; иностранных купцов Келя, Венинга, Молво, М. С. Перекусихиной. Замечательно также, что в конце Английской набережной всегда жили придворные лейб-медики – так, здесь имел свой дом лейб-медик Екатерины II Роджерсон, затем проживал лейб-медик императора Александра I баронет Вилье, и в наши дни имеет здесь дом

светило врачебной науки нынешнего
царствования С. П. Боткин.

В этой также местности просуществовал более
81 года банкирский дом барона Штиглица.

Извозчичьи дрожки в конце XVIII столетия. С
гравюры XVIII века Набгольца

Приводим, кстати, оригинальное
обстоятельство, касающееся английской церкви,
существующей рядом с домом Штиглица. В
первое время, и даже в сороковых годах, на ее
молитвенниках была напечатана надпись: English
Factory at St.-Petersbourg²²⁷, чем англичане как бы
применяли Петербург к своим колониям на

берегах Тихого океана или Африки.

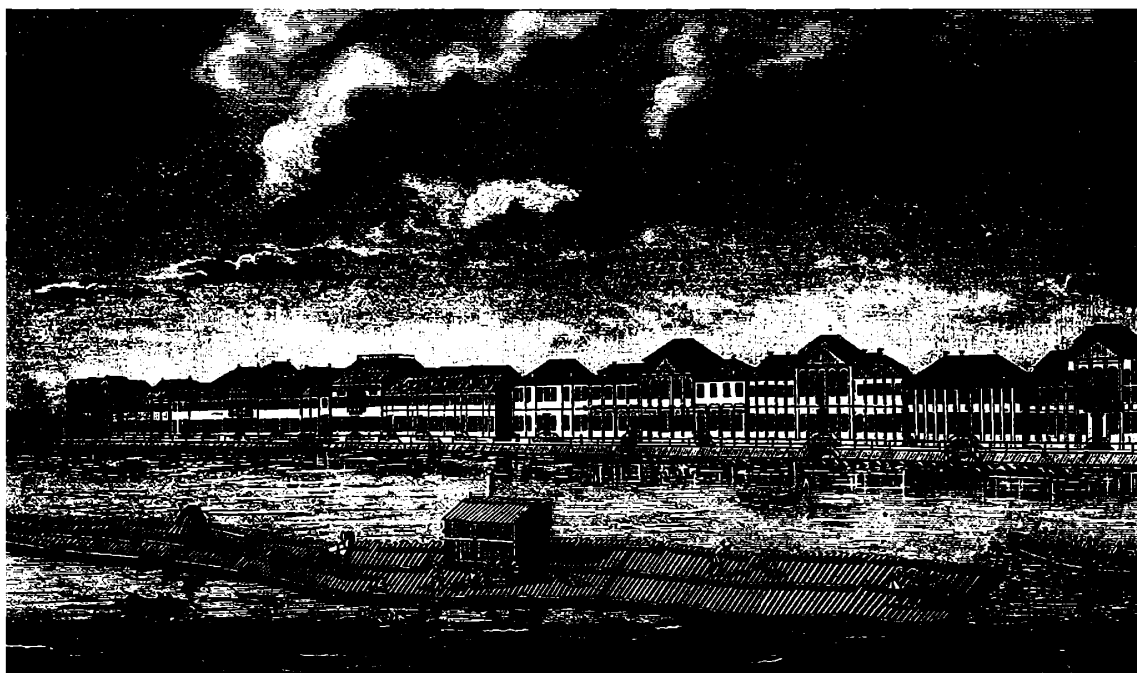
На месте теперешней английской церкви стоял в былые годы дом сподвижника Петра Великого, Б. П. Шереметева. Славный генерал-фельдмаршал граф Б. П. Шереметев умер в Москве. Он завещал предать свое тело земле в Киеве, в лавре, но по воле Петра I тело его перевезено из Москвы в Петербург и похоронено в Невской лавре, в Лазаревской церкви. Петр Великий не хотел расстаться и с останками своего сподвижника и друга и желал подарить их своей новой столице в воспоминание его знаменитых дел. За гробом Шереметева от Москвы до Петербурга следовали пешком два полка в продолжение шести недель.

В описываемую нами эпоху все дома на Английской набережной были каменные, в два и три этажа, не имея ворот на набережную; ворота были только в одном доме госпожи Плещеевой; до 1800 года в Петербурге лучшие дома строились в два этажа и редко в три, это продолжалось до 20-х годов, потом постепенно дома стали расти вверх. Первый дом в пять этажей был выстроен в 1830 году Зверковым у Кокушкина моста, и на него в первое время приходили смотреть как на редкость²²⁸. До настоящего времени на Английской набережной

нет ни одного магазина, и только сравнительно недавно здесь поселились вывески банков и купеческих контор.

Впрочем, в пятидесятых годах в угловом доме, бывшем Вонлярлярского, где теперь помещается аптека, существовал недолго ресторан Бореля; в доме, где теперь Военная академия, квартировала в старину Коллегия иностранных дел.

В начале текущего столетия Петербург, полный еще богатым барством былого царствования Екатерины II, жил открытыми домами, хлебосольно, нараспашку. В эту эпоху почти ежедневно у кого-нибудь из вельмож давались праздники и большие обеды, на которые стекались "званные и незванные". Дома таких бар были еще живою летописью прежнего славного царствования; по большим праздникам здесь отставные военные гости²²⁹ являлись в пудре, в красных камзолах, с золотыми позументами и разнообразными обшлагами. На этих парадных пиршествах толпы раззолоченных слуг толпились по залам с яствами и питьями. Хоры и оркестры крепостных артистов гремели победоносными маршами и польскими. Богатый помещичий быт еще блистал внешнею пышностью.

Дворцовая набережная в начале XVIII столетия. С гравюры того времени Зубова

Когда гость приезжал в дом такого амфитриона²³⁰, то в передней тридцать или сорок слуг в богатых ливреях кидались снимать с него шубу. Затем, в конце целого блестящего ряда изукрашенных и ярко освещенных комнат, показывался хозяин, с сановитой почтительностью медленно шел к гостю навстречу, в дверях передней, с постоянными поклонами, брал его под руку и провожал к столу, уставленному водками, икрой, хреном, сыром, маринованными сельдями и т.д. Вокруг стола обыкновенно стояло все общество и лакомилось в ожидании карт, за которыми обычно сидели почти до утра. По окончании закуски каждый

мужчина подставлял свой локоть даме, и вся эта процессия из сорока, пятидесяти и более пар торжественно выступала под звуки полонеза и садилась за четырехчасовое обеденное пиршество²³¹.

Вся женская прислуга, образуя целый хор, стояла толпою в дверях и пела песни с аккомпанементом скрипок и других инструментов. Малолетние дети дворовых, в костюмах китайских, арабских, черкесских, калмыцких и т.д., бегали кругом стола. Гости оделяли их сладостями. После обеда следовали танцы. В дверях и в углах комнат теснились дети хозяев, разряженные, как куклы, в новые платья, с пудрою, с их наставниками французами. Последние следили издали за их первыми шагами в обществе.

В числе домов таких вельмож в двадцатых годах жил роскошно в своем громадном доме на углу Исаакиевской площади и Малой Морской (теперь дом Военного министерства) блестящий вельможа Александровской эпохи, князь Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский. Дом князя, великолепно отделанный в стиле empire²³², вмещал несколько редкостных музеев; князь имел редкую, даже в Европе, библиотеку, в которой, в числе многих исторических отделов,

был один, где было собрано все, что было писано на всех языках о жизни несчастной королевы Марии Стюарт. Впоследствии, по смерти жены, когда князь задумал продать свою библиотеку и большой свой дом, то не нашлось покупателя, и Лобанов уже предполагал разыграть ее вместе с домом в лотерею, по рублю за билет, выпустив билетов на миллион рублей, но император Николай не допустил лотереи и купил как дом, так и библиотеку; за последнюю государь назначил князю пожизненную пенсию.

Вид Арсенала и Литейного двора в Петербурге в конце XVIII столетия. С гравюры Мальтона 1798 года

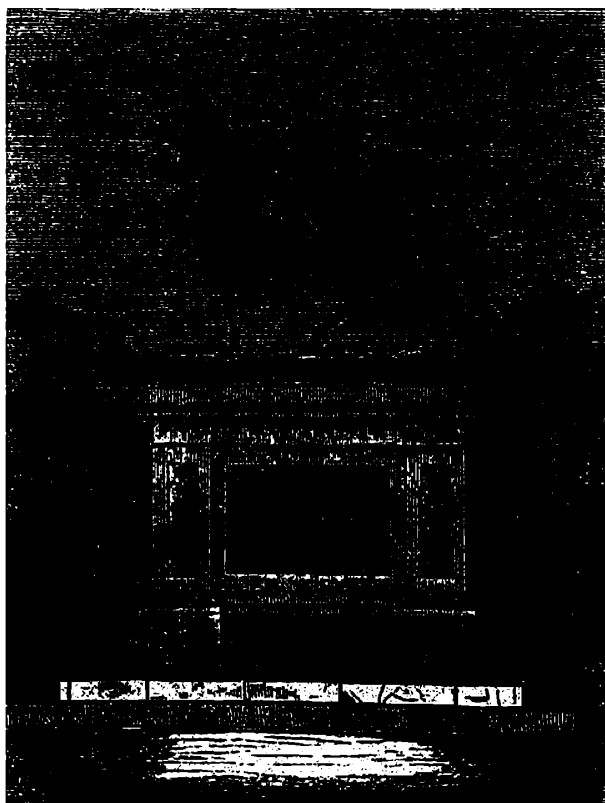
Князь Лобанов был женат на самой богатой невесте в России – графине Клеопатре Ильинишне Безбородко. Лобанов в высшем обществе пользовался всеобщей любовью; это был прямодушный человек, безупречного, благородного характера. Князь служил флигель-адъютантом у императора Александра I; с вступлением на престол императора Николая он как-то заслужил выговор нового государя, явившись во дворец в старой форме. После этого князь вышел в отставку и долго жил в Париже. Здесь он предался страстно охоте вместе с друзьями своими князем Голицыным и Бутурлиным; арендовал знаменитый королевский парк Фонтенебло. Лобанов жил в этом замке по-царски, каждый вечер приглашал первых артистов к себе на ужины. Почтовые тройки в русской упряжи привозили актеров. Эти пиры наших русских бар заставили говорить весь Париж. Князь Лобанов, вместе с князем Тюфякиным (бывший директор театров), основал в Париже яхт-клуб, где он и был долго командором. В числе различных редкостей, которыми владел князь Лобанов, у него была превосходнейшая коллекция драгоценнейших тростей и палок, принадлежавших королям и другим историческим лицам. Эту коллекцию

впоследствии у него приобрел граф Воронцов-Дашков.

Под конец своей жизни князь Лобанов жил в Петербурге, на углу Большой Морской и Гороховой улиц, в доме Штрауха, где и давал один раз в год, великим постом, роскошный раут для мужчин. На этом великосветском рауте устраивали всегда турнир на бильярде. В то время в знатных русских домах везде были заведены бильярды, в подражание французам. Иностранные посланники и другие высокие гости состязались на бильярде во фраках и со всеми звездами. Маркером у игроков был известный в то время Тюрин, из Английского клуба. Победителем на этих турнирах был всегда граф И. И. Воронцов-Дашков.

В последние годы царствования Екатерины стал в Петербурге греметь своими пирами дом канцлера Безбородко. Дом князя Александра Андреевича стоял в Ново-Исаакиевской улице; прежде на этом месте было подворье Курско-Знаменского монастыря. Безбородко купил его в 1781 году за 6000 рублей. В это время канцлером были куплены для возникавшего в то время почтамта дом графа Ягужинского за 30000 рублей и еще два пустые места, принадлежащие профессору Урсиносу и нотариусу Медеру. Дом

Безбородко блистал как внутренним, так и наружным великолепием – на одну его картинную галерею, как выражался по-татарски канцлер, "чек акча вирды", т. е. много денег пошло. Наружный вид дома поражал своими четырьмя стоявшими при входе колоннами из полированного гранита, с бронзовыми основаниями и капителями, мраморным наверху балконом с бронзовыми перилами, задняя часть которого выходила на Большую Исаакиевскую улицу. Князь обладал большим вкусом и приобретал почти ежедневно новые художественные вещи и украшал ими свое жилище. По свойству построек его дома, как писал Реймерс²³³, видно, что они возникали один салон за другим, одна галерея за другой. Особенно красивы были в доме Безбородко столовая и танцевальная залы, великолепна была и большая парадная зала с колоннами под мрамор, превосходно исполненная по проекту архитектора Гваренги. По обеим сторонам этой залы стояли две большие мраморные вазы, сделанные в Риме, с барельефными фигурами. По обеим сторонам других стен возвышались две высокие, почти до потолка, этажерки, сверху донизу уставленные редчайшим китайским фарфором.

Памятник Петру Великому на площади у
Инженерного замка в Петербурге. С
фотографического снимка

В комнатах была расставлена замечательная мебель, некогда украшавшая дворцы французских королей; в начале революции она была вывезена, и ее успел купить князь за большую цену. В числе комнатных украшений здесь были: бюро, жирандоли, вазы, урны, гобеленовые занавесы и шелковые материи на креслах любимого кабинета несчастной Марии-Антуанетты из Малого Трианона. Великолепная люстра из горного хрусталя, взятая из Palais-Royal'я герцога

Орлеанского, и чрезвычайно редкая мебель с художественной инкрустациею работы Шарля Буля, бронзовые статуи работы Гудона и затем замечательная по своей большой величине севрская ваза бирюзового цвета с прекраснейшими украшениями из бронзы и белого бисквита. Канцлер купил ее почти за бесценок, за 12000 рублей. Рядом с кабинетом с мебелью несчастной королевы французской стояли превосходные севрские сервизы. Стены парадной спальни канцлера были обиты красным бархатом и отделаны бронзовыми украшениями; в нише здесь помещались бюст императора Павла I, а на двух сторонах двери два портрета – императрицы и императора. Перед бюстом Павла на цоколе стояло прекрасное серебряное атланта, с медалями российских государей в знак благодарности. В голубой бархатной гостиной висел портрет императрицы Екатерины, работы Левицкого. Государыня изображена во весь рост, стоит она подле жертвенника, на котором курится фимиам из маковых цветов, а на столе возвышается пьедестал с медалями ее царствования; здесь же помещалась чаша работы Бунцеля. За этой комнатой находилась обыкновенная спальня князя, в которой он и умер. После смерти канцлера там был поставлен

за решеткою бюст покойного из белого мрамора, работы Шубина. Замечательны особенно были в спальне 22 картины Вернета с изображением по большей части морских видов.

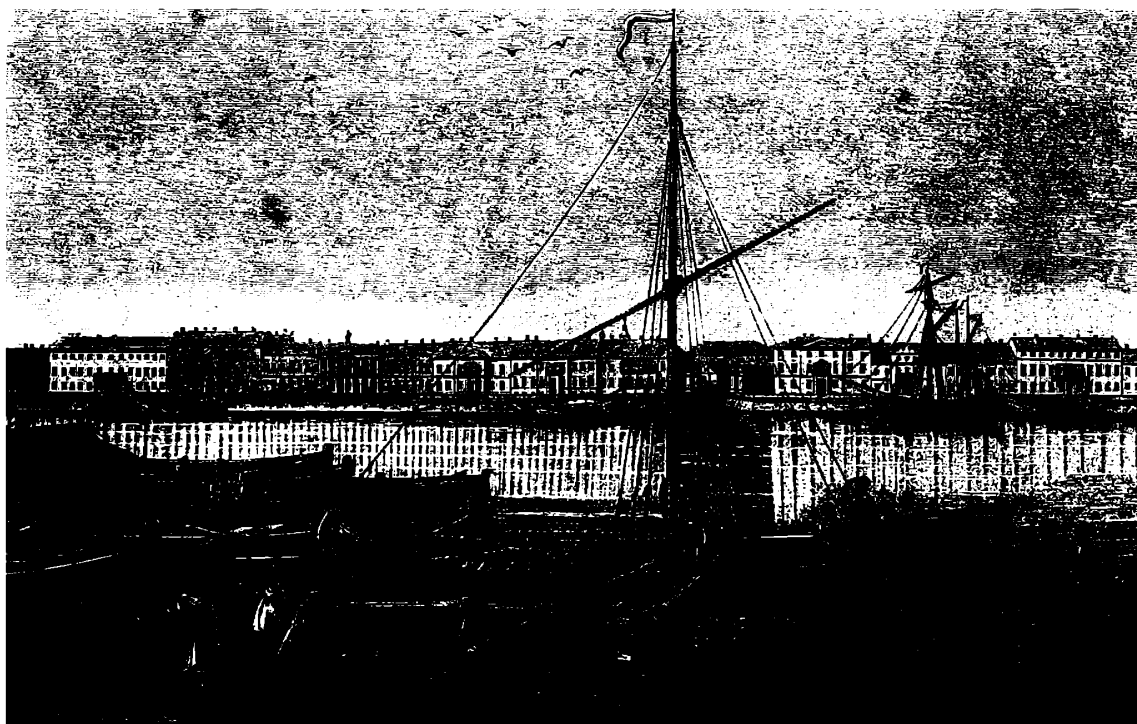
В картинную галерею вход был из танцевальной залы, где при входе особенное внимание заслуживала статуэтка из белого каррарского мрамора с изображением амура работы Фальконета. Под амуром виднелась следующая надпись:

Qui que tu sois, voici ton maotre
Il l'est, le fut, ou doit l'ktre. ²³⁴

По смерти Безбородко купидон достался его брату, И. А. Безбородко. В настоящее время эта статуя хранится в Императорском Эрмитаже.

В каталоге галереи Безбородко было 330 оригинальных картин, большая часть которых принадлежала некогда герцогу Орлеанскому и частью последнему королю польскому. Помимо этих богатств в доме Безбородко было большое собрание великолепных золотых и серебряных сосудов, драгоценнейших плато²³⁵, особенно одно было необыкновенно изящно, с изображением храма Геркулеса, с колоннами из лапис-лазури. Затем, еще в нынешней церкви почтамта, помещающейся теперь в бывшей танцевальной зале князя, имеются древние иконы: "Спаситель в

Эммаусе", работы Рубенса, "Положение Спасителя в гроб", икона Страстей Господних, великомученица Варвара, "Взятие Богородицы на небо" и еще некоторые.

Вид Английской набережной с Васильевского острова в конце XVIII столетия. С гравюры Патерсона 1796 года

Во время управления почтамтом князем А. Н. Голицыным богослужение в этом храме отличалось необыкновенной торжественностью: церковь освещалась лампадами, а в алтаре горели особенные светильники, разливая неяркий свет, как в римских катакомбах во времена первых дней христианства, также и хора певчих не было видно. Стройное пение несло откуда-то

издалека, невидимо. Дом, в котором жил Безбородко, можно было назвать целым музеем. Канцлер не жалел денег на приобретение картин, статуй и других редкостей искусства.

Безбородко был самый приветливый и радушный хозяин; на его обедах, балах и праздниках собирались все знатнейшие иностранцы, первые сановники и образованные люди. Вельможа-холостяк иногда устраивал вечера, которые ему обходились в 50000 рублей²³⁶. Во время таких празднеств ставились горки золотых и серебряных сосудов в 6 футов вышиной и 3 фута в ширину. В кругу людей близких и родных он был всегда весел, откровенен и увлекателен, но на парадных собраниях несколько неловок и тяжел. Терещенко (см. "Жизнь сановников") рассказывает про него, что он, являясь к императрице в щегольском французском кафтане придворного, нередко не замечал осунувшихся чулок и оборвавшихся пряжек на своих башмаках. Гулял же по городу Безбородко всегда в простом синем сюртуке, в круглой шляпе и с тростью с золотым набалдашником.

Граф Комаровский пишет в своих воспоминаниях: "На обедах его, кроме знатных гостей, обыкновенное общество его состояло из

живущих в его доме. Ничего не было приятнее слышать разговор Безбородко; он был одарен памятью необыкновенною и любил за столом много рассказывать, в особенности о фельдмаршале графе Румянцеве. Безбородко особенно покровительствовал своим землякам-малороссам; приемная его была постоянно наполнена ими, приезжавшими искать мест и определять детей. Канцлер имел доброе сердце и никогда не отказывал просителям, хотя нередко и забывал просьбы просителей. По рассказам, он имел привычку повторять последние слова просителей: "Не оставьте! Не забудьте". На просьбу одного просителя о деле, которое должно было решиться на другой день, "не забыть", Безбородко отвечал: "Не забуду, не забуду". – "Да вы, граф, забудете", – слезно замечал его проситель. "Забуду, забуду", – подтверждал Безбородко, любезно отпуская просителя. Иногда он успокаивал просителя словами: "Будьте, батюшка, благонадежны", которые обычно произносились настоящим малороссийским выговором".

Н. Григорович (см. его книгу "Канцлер Безбородко") рассказывает несколько анекдотов по этому случаю. Раз один из названных просителей серьезно обратился к вельможе с

просьбой определить его в должность театрального капельмейстера, "чтобы палочкой махать, да по шести тысяч брать"; снисходительный сановник только ласково улыбался и объяснял просителю, что для маханья палочкой в оркестре и получения шести тысяч нужно знать музыку, хотя немножко. Другой раз, работая у себя в кабинете, Безбородко слышал в приемной комнате топанье ног и протяжное зевание с разными переливами голоса; осторожно взглянув в полуотворенную дверь, он увидел толстого земляка с добродушной физиономией, явно соскучившегося от ожидания. Вельможа улыбался, глядя из-за двери, как посетитель, не привыкший ждать никогда, все потягивался, зевал, смотрел картины и наконец, соскучившись окончательно, принялся ловить мух. Одна из них особенно заняла малоросса, и он долго гонялся за ней из угла в угол; улучив затем минуту, когда назойливое насекомое село на огромной вазе, охотник поспешно размахнулся и хватил рукой. Ваза слетела с пьедестала, загремела и разбилась вдребезги. Гость побледнел и потерялся, а Безбородко вышел в приемную и, ударив по плечу малоросса, ласково сказал: "Чи, поймав?" Иногда масса одолевавших Безбородко просителей заставляла его уходить по черной

лестнице, но и в таких случаях хитрые малороссы не терялись, и раз один из земляков Безбородко, не застав его дома, забрался в его карету, стоявшую у крыльца. Канцлер был крайне удивлен, найдя в карете просителя, но, узнав дорогой о нужде земляка, сделал ему угодное. Безбородко был большой любитель карточной игры и нередко целые ночи проводил за зеленым столом; в картежной игре он не был счастлив. Безбородко также очень любил пение русских песен.

У него почти жил тульский купец Иван Гаврилович Рожков, сын знаменитого некогда барышника лошадьми и поставщика их ко двору. Этот Иван Рожков обладал превосходным голосом и до такой степени был мастер петь русские песни, что, как говорит С. П. Жихарев в своих "Воспоминаниях", вошел даже в пословицу: "поет, как Рожков" – говорили про певца, которого хотели похвалить. Но дар песен был только второстепенным качеством Рожкова, а главным – были необыкновенное удалство, смелость и молодечество. Это-то и сблизило его с тогдашними знаменитыми гуляками: графом В. Д. Зубовым, Л. Д. Измайловым, А. А. Безбородко. Раз эти господа держали за него пари в тысячу рублей, что он, Рожков, на

своем сибирском иноходце въедет в четвертый этаж одного дома в Мещанской, в квартиру балетной танцовщицы Ол. Дм. Каратыгиной, дочери эконома театрального училища (последняя жила с канцлером, впоследствии она вышла замуж за правителя его канцелярии, статского советника Н. Е. Ефремова, который за ней получил дом и значительную сумму денег). Рожков не только въехал, но, выпив залпом бутылку шампанского, не слезая с лошади, той же лестницею съехал обратно на улицу. Тысяча выигранных рублей была наградой Рожкова. Этот подвиг у петербургской Аспазии передавал герой Жихареву следующими словами: "Когда я въехал к ней в фатеру, окружили меня гости, особ до десяти будет, да и кричат: браво, Рожков! шампанского! И вот ливрейный лакей подает мне на подносе налитую рюмку; но барышня сама схватила эту рюмку и выпила не поморщась, промолвив: это за твое здоровье, а тебе подадут целую бутылку".

Любовь к прекрасному полу в тот век была в большой моде, и ею отличались почти все придворные современники Безбородко. О жизни канцлера на его даче в Полюстрове и о существовавшем там крепостном гареме мы поговорим в другом месте. Все сказанное нами о

петербургском доме Безбородко, богатом художественными коллекциями, не может равняться с московским его домом по великолепию и роскоши. Последний был куплен императором Павлом и назывался Слободским дворцом, от Немецкой слободы, в которой находился. По величине и по внутренним украшениям он был первый в Москве. Путешественники, видевшие Сен-Клу, утверждали, что в украшении Безбородкина дворца и более пышности, и более вкуса. После смерти Безбородко в петербургском его доме жил директор почтового департамента К. Булгаков. Это был тоже тип вельможи прошлого века, и богатые апартаменты канцлера жили опять жизнью придворного человека старого времени. Должность Булгакова доставляла ему ежегодного дохода до 100000 рублей, источником которого была подписка на иностранные газеты.

Из домов нашей русской знати, отражавших старинный блеск царствования Екатерины Великой, был известен дом еще в тридцатых годах нынешнего столетия на Малой Морской, на месте, которое теперь занимает гостиница "Гранд Отель", каменный двухэтажный дом Сер. Вас. Салтыкова. Этот вполне барский дом был построен итальянцем-архитектором Вендрамини.

Вход в него вел прямо с тротуара в роскошные, длинные сени, между колоннами которых вечно пылал камин. К Салтыкову по вторникам собиралось высшее общество столицы на танцевальные вечера, на которых играл его собственный бальный оркестр. Эти вторники в петербургском обществе называли "Les mardis eurorйens"²³⁷. Помимо вторников к изысканному, богатому столу Салтыкова можно было иметь свободный доступ всякому дворянину, но должно было являться только во фраке.

Граф А. А. Безбородко. С гравюры Валькера, сделанной с портрета, писанного Лампи

Салтыков был очень состоятельный человек, он владел богатейшей коллекцией табакерок, которые, по большей части, были все исторические, приобретал он их за дорогую цену в Париже и Лондоне, содержал с этой целью агентов за границей. Салтыков любил нюхать табак и каждый день брал новую табакерку, одну богаче другой, из своей коллекции; он любил, чтоб их замечали, и тогда с большим удовольствием рассказывал историю каждой. В его доме была также богатейшая библиотека, заключавшая всевозможные книжные редкости. Салтыков был библиофаг и не позволял даже никому прикасаться к своим книгам; он каждый день ходил от 3 часов до 6 по книжникам, где отбирал все, что ему казалось интересным. В его библиотеке хранились подлинные записки ювелиров Бемеров по поводу ожерелья королевы Марии-Антуанетты, с раскрашенным рисунком ожерелья в его натуральную величину, с описанием всех его больших, приобретших историческую известность, алмазов.

Помимо множества мелких бриллиантов, было семнадцать великолепных бриллиантов, почти в орех величиною. Это была, собственно, не книга, но переплетенное собрание тех судебных документов, которые были напечатаны

и изданы разными сторонами, замешанными в этом знаменитом процессе об ожерелье. Эти бумаги, переплетенные в два тома *In quarto*²³⁸, с портретами, картинами, заметками и разными песнями и стихотворениями, иногда самого непечатного свойства, и составляли это "Affaire du Collier"²³⁹. Второй том, озаглавленный "Suite de l'affaire du Collier"²⁴⁰, был еще курьезнее, он относился к интриге и процессу некоего Bette d'Etienville, выставляющего себя бедным молодым парнем, которого похитили, и с повязкою на глазах, ввели к прелестным дамам и пригласили отыскивать для них мужей; принявшись за это дело, он был мало-помалу одурачен и отуманен, без всякого сомнения, стараясь одурачивать и отуманивать других где ни попало, и все это вследствие этого процесса об ожерелье и того шума, который он наделал.

Салтыков очень любил рассказывать разные невероятные вещи из нашей новейшей истории, в которые очень искусно приплетал действительно совершившиеся факты. Нередко эти рассказы выходили очень нецензурными. Но постоянный его гость, граф Бенкендорф, нанимавший себе квартиру близ Салтыкова, говаривал либеральному хозяину: "Покуда я живу возле вас, вы можете быть покойны". В те годы Салтыков,

как и все баре, разыгрывал роль недовольного. В детстве Салтыков воспитывался вместе с наследником престола Александром Павловичем и как-то, играя с ним, забылся против своего высокого товарища и был удален из дворца.

Вид набережной Невы и дома князя Г. Г. Орлова (ныне Мраморный дворец) в конце XVIII столетия. С гравюры того времени Эйхлера

Чином он был только корнет. Наружность имел красивую, тип старого придворного барина, голову держал всегда вниз, отчего казался горбатым. Он никогда нигде не бывал, ни на балах, ни в театрах; за исключением часов прогулки, остальное время проводил все в своем

кабинете, который называл "мое инкогнито". Салтыков умер в 1846 году. После его смерти все движимое и недвижимое его имение было продано. Его богатая библиотека долго продавалась в Москве, у Готье²⁴¹.

Дочь этого Салтыкова была пожалована во фрейлины в 1826 году, и когда явилась во время коронации императора Николая Павловича в Москве на бале, то обратила на себя общее внимание медальоном, в котором был вделан редкий и известный камей, исчезнувший из придворной коллекции в пятидесятых годах XVIII века. Он достался ей от покойного деда, елисаветинского камергера.

На той же Малой Морской в начале восьмисотых годов существовал еще один барский дом, хотя не такой роскошной наружности, где самый высший петербургский круг встречался с второстепенным и даже с третьеклассным. Люди всех состояний знали дом Асафа Ивелича Арбенева, генерал-аншефа в отставке. Честный и добрый старик был служакой при Екатерине, оттого он казался очень странным в гостиных, все его манеры отзывались фронтом. Он долго командовал Измайловским полком и при Павле вышел в отставку. Жена его, Марфа Ивановна, несмотря на свои преклонные года,

очень любила молодиться и краситься и делала это единственно для того, чтобы лучше понравиться мужу, с которым они жили как голубки. Ей Державин посвятил следующее восьмистишие:

Ну же, муза! ну, ну, ну!
Настрой арфу,
Воспой Марфу
Мне, Арбенева жену.
Что Марфа прекрасна,
В том муза согласна;
Что Марфа умна,
В том муза скромна.

По словам Вигеля, "знатные люди говорили, что ездят в дом Арбенева посмеяться, а если бы сказать правду, то для того, чтобы повеселиться. Радущие в этом доме было старинное, всякий вечер наедет молодежь, дом набьется битком, все засмеется, все запляшет; правда; зажгутся сальные свечи, для прохлады разнесется квас; уж ничего прихотливого не спрашивай в угощении, но зато веселье, самое живое веселье, которое, право, лучше одной роскоши, заменившей его в настоящее время".

ГЛАВА XIII

Таврический дворец, или Конногвардейский дом. – Переделка дворца Потемкиным. – Празднование в нем взятия Измаила. – Приготовления во дворце к большому празднеству. – Участие Державина. – Празднество. – Число приглашенных на праздник. – Убранство дворца. – Столы с яствами. – Танцы и балет. – Печаль Потемкина. – Отъезд его в армию. – Платон Зубов. – Весть о смерти Потемкина. – Подробности о его кончине. – Стихи Державина на его смерть. – Горе императрицы. – Похороны Потемкина. – Церемониал. – Дальнейшая судьба останков Потемкина. – Осмотр могилы. – Описание склепа. – Комиссия об исследовании места погребения Потемкина. – Судьба Таврического дворца при императоре Павле. – Модель Кулибинского моста. – Обитатели Таврического дворца в царствование императора Александра I.

В числе памятников блестящего века Екатерины II на Воскресенском проспекте сохранился Таврический дворец с прежним обширным садом, каскадами, прудами, беседками на островках и другими украшениями.

Первоначально Таврический дворец был построен князем Потемкиным в виде небольшого дома, но вскоре, по присоединении Крыма, императрица Екатерина II приказала архитектору Старову вместо прежнего дома построить роскошный дворец, наподобие Пантеона, назвать

его Таврическим, и затем подарила его великолепному князю Тавриды. Главное здание дворца сохранилось до сих пор в своем первоначальном виде; вышиной оно около шести сажен, с большим высоким куполом и перистилем из шести колонн, поддерживающих фронтоны. К двум сторонам дворца пристроены флигеля, которые выведены до самой улицы; перед дворцом обширная площадь, огражденная невысокою чугунною решеткою. Внутреннее расположение дворца, вместе с пространством между обоими флигелями, представляет одну огромную залу, в середине освещенную окнами, сделанными в куполе; два ряда колонн придают зале необыкновенно величественный вид. В одной стороне залы расставлены мраморные статуи, на другой стороне зимний сад. После подарка Екатерина купила дворец опять у Потемкина, заплатив ему за него 460 000 рублей. А когда в феврале 1791 года Потемкин прибыл из Ясс, увенчанный победными лаврами, императрица, в числе многих милостей и наград, подарила ему опять Таврический дворец.

Здесь 28 апреля 1791 года Потемкин торжественно праздновал взятие Измаила. По словам современников, подаренный вторично Потемкину дворец, или, как его тогда называли,

Конногвардейский дом, не был вполне отделан: перед главным подъездом дворца тянулся забор, скрывавший какие-то развалины (на том месте, где теперь стоит башня общества водопроводов); по приказанию Потемкина в три дня был уничтожен забор, место расчищено и устроена обширная площадь до самой Невы. Здесь воздвигнуты были триумфальные ворота. Устройством дворца, как и сочинением программы праздника, распоряжался сам Потемкин. В приготовлениях к этому празднику принял участие и Державин, который, по вызову Потемкина, написал для пения на празднике стихи. Это были четыре хора, тогда же и напечатанные в большую четверку²⁴², без заглавного листа. Стихи шли в таком порядке: 1) для концерта "От крыл орлов парящих"; 2) для кадрили "Гром победы раздавайся"; 3) для польского "Возвратившись из походов" и 4) для балета "Сколь твоими мы делами". Довольный хорами, Потемкин пригласил к себе автора обедать и просил его составить описание праздника. Исполнив это желание князя, Державин сам отвез ему свою работу; Потемкин пригласил его было остаться обедать, но, прочитав тетрадь и увидев, что в описании нет никаких особенных ему похвал и что ему отдана

честь наравне с Румянцевым и графом Орловым, рассердился и уехал со двора, пока Державин дожидался в канцелярии у секретаря его, В. С. Попова²⁴³.

По слухам, сумма, затраченная на праздник, была баснословна. Для шкаликов и освещения зал дворца был скуплен весь наличный воск, находившийся в Петербурге, и за новой партией был послан нарочный в Москву; всего воску было куплено на 70000 рублей. Масса всякого рода художников и мастеров в течение нескольких недель трудились во дворце за работами.

Князь Г. А. Потемкин-Таврический. С
гравированного портрета Харитонова

Множество знатных дам и кавалеров несколько недель собиралось там же для разучивания назначенных им ролей, и каждая из этих репетиций походила на особое празднество, так была она роскошна и пышна.

В назначенный день, в пятом часу, на площади перед Таврическим дворцом были построены качели, поставлены столы с яствами, открыты разного рода лавки, в которых безденежно раздавали народу платье, обувь, шапки и тому подобные вещи. Народ во множестве толпился на площади. Богатые экипажи один за другим подъезжали к дворцу, на фронтоне которого красовалась надпись, сделанная металлическими буквами, выражавшая благодарность Потемкина "великодушию его благодетельницы". Императрица прибыла на праздник в седьмом часу; перед дворцом она была задержана толпой. Народу было объявлено, что раздача питей и одежды должна начаться в то самое время, когда будет проезжать государыня. Но тут вышло недоразумение: кто-то по ошибке принял карету одного вельможи за экипаж императрицы. Народ крикнул: ура! и, не дожидаясь раздачи приготовленных для него подарков, бросился расхватывать их сам. Произошла суматоха, давка, и настоящий экипаж

императрицы должен был остановиться, не доехав до площади, и простоять более получаса. Наконец императрица подъехала ко дворцу. Потемкин принял ее из кареты, а в передней комнате императрицу встретил наследник престола.

Сопровождаемая всею императорскою фамилиею, Екатерина прошла на приготовленную для нее эстраду, по вступлении на которую тотчас и начался балет, сочинения знаменитого тогдашнего балетмейстера Ле Пика²⁴⁴. В балете танцевали двадцать четыре пары из знаменитейших фамилий, на подбор красавицы и красавцы, одетые в белых атласных костюмах, украшенных бриллиантами, которых в итоге было на несколько миллионов рублей! Распоряжались танцами великие князья Александр и Константин вместе с принцем Виртембергским; в конце балета сам Пик отличился каким-то необыкновенным соло.

Всех приглашенных на праздник было три тысячи человек, и все, как дамы, так и мужчины, были в костюмах. На самом Потемкине был алый кафтан и епанча из черных кружев, осыпанная бриллиантами, а на шляпе последних было так много, что ему стало тяжело держать ее в руке, и он отдал ее своему адъютанту, который и носил ее

за ним.

Обстановка и убранство дворца походили на волшебное воссоздание одной из сказок "Тысячи и одной ночи". Под куполом устроены были хоры, на которых стояли невидимые снизу часы с курантами, игравшие попеременно пьесы лучших композиторов того времени. Здесь же помещалось триста человек музыкантов и певцов.

Вид Таврического дворца со стороны Невы. С гравюры Патерсона 1806 года

Эстрада, предназначенная для императрицы, была покрыта драгоценным персидским шелковым ковром. Такие же эстрады были устроены вдоль стен, и на каждой из них стояло

по огромнейшей вазе из белого каррарского мрамора на пьедестале из серого; над вазами висели две люстры из черного хрусталя, в которых вделаны были часы с музыкою. Люстры эти стоили Потемкину сорок две тысячи рублей.

(Купил он их у герцогини Кингстон, урожденной мисс Чодлей; эта герцогиня была известна своею красотою, приключениями, и особенно по процессу с мужем, из-за которого едва не лишилась головы. Герцогиня приехала в Петербург в 1777 году искать счастья, здесь она сошлась с управляющим Потемкина, полковником Гарновским, купила на Неве себе имение и поручила Гарновскому заведование им; впоследствии она ездила в Дрезден, где жила у вдовствующей курфюрстины, затем опять приехала в Петербург. Герцогиня умерла за границей, по смерти все ее недвижимые имения в России достались Гарновскому.) Кроме больших люстр, в зале было еще пятьдесят шесть малых люстр и пять тысяч разноцветных лампад. Считают, что в этот вечер горело всего 140000 лампад и 20000 восковых свеч. При входе в залу, по обеим сторонам дверей, были устроены ложи, драпированные роскошными материями.

Но особенною пышностию отличались комнаты, предназначенные для игры

императрицы, в них одни стулья и диваны стоили сорок шесть тысяч рублей²⁴⁵ (с этого праздника вошли в особенную моду введенные Потемкиным диваны). Обои в этих комнатах были гобелены с вытканными на них изображениями из истории Мордохея и Амана; здесь же стоял "золотой слон" в виде часов перед зеркалом (слон этот был в 1829 году подарен императором Николаем I персидскому шаху), обвешанный бахромами из драгоценных камней; сидевший на нем автомат-персиянин, ударив в колокол, подал сигнал к началу театрального представления. В театре были даны следующие комедии с балетами "Les faux amants"²⁴⁶ и "Смирнский купец"; в последней продажными невольниками явились жители всех стран, за исключением России. Из театра императрица отправилась в танцевальную залу. Бал открылся при громе литавр и грохоте пушек, под звуки польского:

Гром победы раздавайся!
Веселися храбрый Росс! *и т. д.*

Из большой залы был выход в зимний сад; сад этот был чудом роскоши и искусства и в шесть раз больше эрмитажного; тут был зеленый дерновый скат, густо обсаженный цветущими померанцами, душистыми жасминами, розами; в

кустарниках виднелись гнезды соловьев и других птиц, оглашавших сад пением. Между кустами были расставлены невидимые для гуляющих курильницы и бил фонтан из лавандовой воды. Посреди зимнего сада стоял храм изящной архитектуры, в котором помещался бюст императрицы, иссеченный из белого паросского мрамора. Императрица была представлена в царской мантии, держащею рог изобилия, из которого сыпались орденские кресты и деньги. На жертвеннике была надпись: "Матери отечества и моей благодетельнице". Перед храмом виднелась зеркальная пирамида, украшенная хрусталями, а близ нее еще несколько таких же пирамид поменьше. Все окна залы были прикрыты искусственными пальмами, листья которых были сделаны из разноцветных лампад. Из таких же лампад по газону были расставлены искусственные плоды: арбузы, ананасы, дыни и проч.

Настоящий сад тоже был отделан великолепно; всюду виднелись киоски, беседки; ручейку, протекавшему в саду по прямой линии, дали извилистое течение и устроили мраморный каскад. Сад горел тоже множеством огней и оглашался роговой музыкой и пением хора песенников.

Князь П. А. Зубов. С гравюры Валькера, сделанной с портрета, писанного Лампи

В двенадцатом часу подан был ужин. Стол, на котором ужинала императрица с августейшим семейством, был сервирован золотой посудой; Потемкин сам прислуживал государыне. Позади стола императрицы был накрыт другой стол, на сорок восемь персон, для лиц, участвовавших в балете. Здесь же было поставлено еще четырнадцать столов амфитеатром. Гости проходили посредине и садились за столы в один ряд, лицом к императрице. Все столы были освещены шарами из белого и цветного стекла. В

комнате перед залом находился стол, на котором стояла суповая серебряная чаша необъятной величины, а по сторонам ее две еще большие вазы, доставленные из имения герцогини Кингстон. В других комнатах было еще тридцать столов, да кроме того, множество столов стояло вдоль стены, где гости ужинали стоя. После ужина бал продолжался до утра. Императрица уехала во втором часу. Когда она уходила из залы, слышалось нежное пение под орган. Пели итальянскую кантату, слова которой были следующие: "Здесь царство удовольствий, владычество щедрот твоих; здесь вода, земля и воздух дышат твоей душой. Лишь твоим я благом живу и счастлив. Что в богатстве и почестях, что в великости моей, если мысль – тебя не видеть, ввергает дух мой в ужас? Стой и не лети ты, время, и благ наших не лишай нас! Жизнь наша – путь печалей; пусть в ней цветут цветы".

Екатерина выразила Потемкину свое живейшее удовольствие за праздник. Потемкин упал к ногам государыни, прижал ее руку к губам, на глазах его были слезы. Императрица была растрогана и тоже плакала.

Замечательно, что о великолепном празднике Потемкина не было упомянуто ни слова в ведомостях того времени. Причина такого

молчания заключалась в начинавшемся могуществе другого любимца, Пл. Зубова.

После этого праздника императрица еще раз посетила Потемкина в июне, а через два месяца и сам владелец покинул дворец, чтобы не возвращаться уже сюда более. В последние месяцы жизни Потемкина празднества уже его более не развлекали. Малодушный страх смерти обуял его; он хандрил и тосковал.

Вид части Таврического сада,
Преображенских казарм и манежа
Конногвардейского полка. С акварели В.
Патерсона 1811 года

Когда Екатерина II получила известие, что Потемкин очень болен, то поехала ко всеобщей

в Невскую лавру и пожаловала в церковь Благовещения большое серебряное паникадило, золотую лампаду к раке святого Александра Невского и несколько сосудов с бриллиантами. Когда же пришла весть, что Потемкина не стало, императрица заплакала и несколько дней сильно грустила.

Екатерина говорила про Потемкина:

"Он имел необыкновенный ум, нрав горячий, сердце доброе; глядел волком, и потому не был любим, но, давая щелчки, благодетельствовал даже врагам своим. Трудно заменить его; он был настоящий дворянин, его нельзя было купить. *C'était mon eleve, – писала она к принцу Нассау-Зигену, – homme de genie, Il faisait le bien a ses ennemis, et c'est par cela qu'il les dйsarmait*"²⁴⁷.

Потемкин умер 5 октября 1791 года на пути из Ясс в свой любимый Николаев; отъехав от станции 37 верст, он приказал остановиться.

– Будет теперь... – произнес он, – некуда ехать... я умираю! Выньте меня из коляски, я хочу умереть в поле.

Его вынесли на постели и положили на траву; полежав более трех четвертей часа, он стал отходить, вздохнул три раза и скончался. Один из казаков, бывших в его свите, положил покойному

на глаза два медных пятака, чтобы веки сомкнулись.

Державин сказал о кончине Потемкина:

Чей одр, земля, кров – воздух синь,
Чертоги, вокруг пустынные виды?
Не ты ли, счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды,
Не ты ли с высоты честей
Внезапно пал среди степей?

Труп Потемкина, окруженный факелами, был привезен обратно в Яссы. По прибытии тело было анатомировано и бальзамировано; на месте кончины князя был оставлен казацкий пикет с воткнутыми пиками и затем воздвигнут каменный круглый столб; столб этот существовал еще в 1811 году.

Отпетое тело Потемкина стояло в Яссах до ноября и затем было перевезено в город Херсон и поставлено в подпольном склепе крепостной церкви Святой Екатерины. Гроб оставался неопущенным в землю с 23 ноября 1791 года по 28 апреля 1798 года. Жители Херсона здесь служили панихиды и приходили, как рассказывают, поклониться праху Потемкина; то были преимущественно старообрядцы, которых Потемкин вызвал из Турции.

Император Павел не любил Потемкина; у него ничего не было общего с ним, мнения и убеждения одного шли вразрез с образом мыслей другого.

При вступлении на престол из бумаг Потемкина он увидел, как много тот вредил ему в мнении императрицы.

Кончина князя Г. А.

Потемкина-Таврического. С гравюры
Скородумова. Гравюра Паннемакера в Париже

Дошедший до императора Павла слух, что тело Потемкина более семи лет стоит не преданным земле, вызвал распоряжение похоронить его, как гласил указ: "Без дальнейшей

огласки, в самом же том месте, в особо вырытую яму, а погреб засыпать и загладить землею так, как бы его никогда не было". Все это подало основание молве, быстро облетевшей Россию и проникнувшей за границу, будто тело князя Потемкина из гроба вынуто и где-то во рву Херсонской крепости зарыто бесследно. Между тем тело оставалось в гробу неприкосновенным; так, в 1818 году²⁴⁸, при объезде епархии, екатеринославский архиепископ Иов Потемкин, по родству, пожелал убедиться в справедливости носившегося слуха; поэтому ночью, 4 июля, в присутствии нескольких духовных лиц поднял церковный пол, проломал свод склепа и, вскрыв гроб, удостоверился в присутствии тела в гробу. Говорят, что родственник вынул из склепа какой-то сосуд и поместил в свою карету; в сосуде этом, по догадкам, находились внутренности покойного. Одни сказывали, что сосуд отправлен был в сельцо Чижово Смоленского уезда, на родину князя. Предание гласит, что, захватив из склепа сосуд, иерарх взял и портрет императрицы Екатерины II, осыпанный бриллиантами, лежавший в гробе. В 1859 году, по случаю внутренних починок в церкви, пять лиц спустились через пролом в склеп и, вынув из развалившегося гроба, засыпанного землею,

череп и некоторые кости покойного, вложили их в особый ящик с задвижкой и оставили в склепе. Около того же времени, как рассказывают, из склепа взято все до последней пуговицы, куски золотого позумента и даже сняты полуистлевшие туфли с ног Потемкина.

27 августа 1874 года комиссия из нескольких лиц, при участии уполномоченного от Одесского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевича, приступила к исследованию места погребения князя Потемкина. По вскрытии пола в церкви обнаружился свод склепа, последний оказался проломанным в двух местах; из них одно было заложено наглухо камнями, а другое просто досками. В склепе найден деревянный ящик небольшой величины, в нем лежал цельный с нижней челюстью череп, с выпиленной с задней стороны треугольной частью и наполненный массой для бальзамирования, на затылке черепа видны клочки темно-русых волос; тут же лежало несколько других человеческих костей. Здесь же, в разрыхленной земле, найдены части истлевшего деревянного ясеневго гроба и куски свинцового гроба, разрушенного, очевидно, не временем, а человеческими руками; также остальные кости с истлевшими частями роскошного одеяния, на

котором три шитые канителью звезды первой степени: Георгия, Владимира и Андрея Первозванного.

Памятник Потемкину в Херсоне. С гравюры, приложенной к "Русской старине" 1875 года

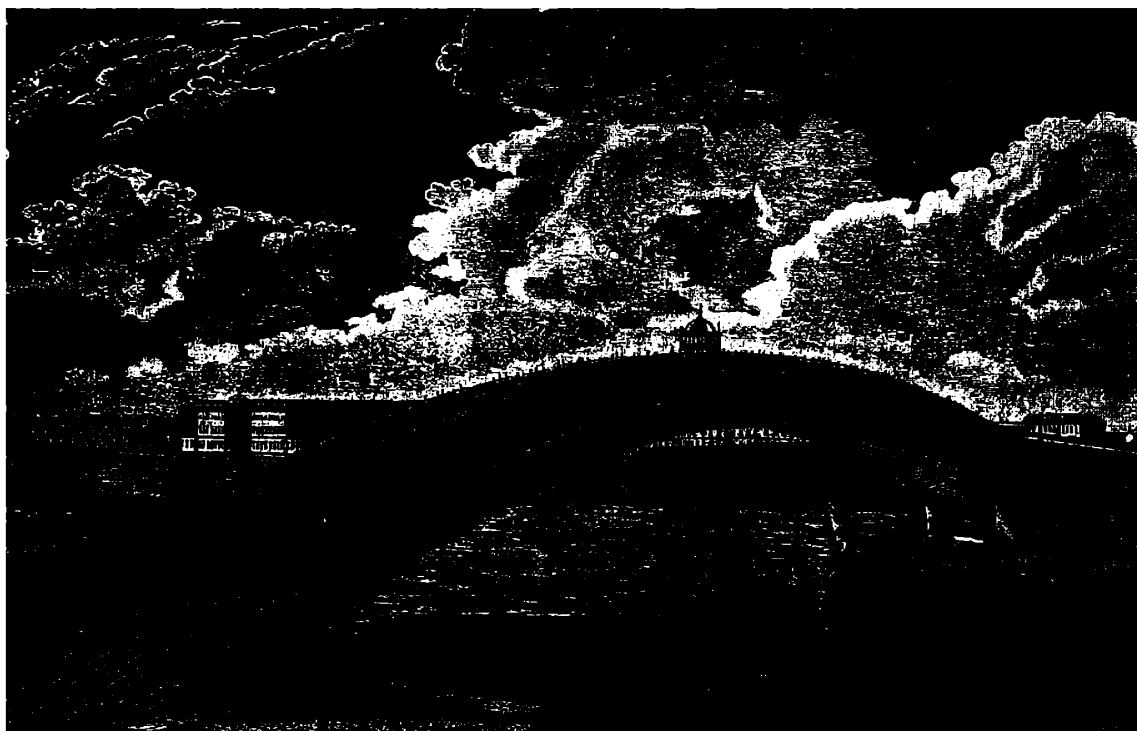
Тут же лежал небольшой железный лом, куски позумента, бархата и несколько серебряных скоб и подножий. Комиссия положила: собрать все кости покойного Потемкина и положить в особый свинцовый ящик, отверстия в своде заделать, уложить на него мраморную надгробную доску, обнеся ее приличною чугуною решеткою, а позументы, скобы, звезды уложить в особый ящик, который оставить в ризнице крепостного

собора на память о покойном. В 1873 году херсонское земство повесило в церкви в память князя Таврического небольшую мраморную доску с надписью.

По смерти Потемкина указом Екатерины в сентябре 1792 года дворец Потемкина объявлен императорским дворцом под именем Таврического. Дворец поступил в казну и сделался любимым местопребыванием императрицы весною и осенью. Грибовский в своих "Записках" говорит: "Государыня любила жить в этом дворце оттого, что главный корпус его был в один этаж, а государыня высоким входом не любила быть обеспокоена. Покои ее здесь были просторнее, чем в Зимнем дворце, особенно кабинет, в котором она дела слушала". Государыня этот дворец описывала Гримму в своих письмах так: "На дворец этот пошла мода; он в один этаж с огромным, прекрасным садом; вокруг же все казармы по берегу Невы; напротив—Конногвардейская, налево—Артиллерийская, а позади сада — Преображенская. Для осени и весны нельзя желать ничего лучшего. Я живу направо от галереи со столбами; такого подъезда, я думаю, нет еще нигде на свете. Александр помещается налево. Правда, что прежде в этом дворце было

не немного, а чрезвычайно сыро, так что из-под колонн в зале текла вода и на полу стояли лужи; происходило это оттого, что фундамент залы был ниже уровня воды в пруде. Но я помогла горю, приказав вырыть между домом и прудом сточную трубу и выложить ее камнем; труба идет вокруг всего дома и так хорошо отводит воду, что теперь совсем нет сырости в доме и не пахнет гнилью, как прежде".

При императоре Павле в Таврическом дворце царствовало полное запустение. Второв²⁴⁹, посетивший его в это время, пишет: "На развалины великолепного Таврического дворца взглянул я со вздохом. Видел обломанные колонны, облупленные пальмы, и теперь еще поддерживающие своды, а в огромном зале, с колоннадой, украшенной барельефами и живописью, где прежде царствовали утехы, пышность и блеск, где отзывались звуки "Гром победы раздавайся!" – что бы, вы думали, теперь? – Дымящийся лошадиный навоз!.. Вместо гармонических звуков раздается хлопанье бичей, а вместо танцев бегают лошади на корде; зал превращен в манеж! Романический сад поныне еще привлекает всех для прогулки в нем. На беседках и храмиках стены и двери исписаны сквернословными стихами и прозой".

Проект Кулибина одноарочного деревянного моста через Неву. С гравюры 1799 года

"Тут поставлена, – продолжает Второв, – через один пруд славная модель механического моста для Невы. Кулибин делал эту модель на дворе Академии наук в продолжение четырех лет, на постройку которой Потемкин дал ему тысячу рублей. Потемкин очень любил Ивана Петровича Кулибина за его честность и за его открытый, благородный характер. Прямота и откровенность, часто не нравившиеся в других людях Потемкину, нравились в Кулибине. Он был рад, что явился такой необыкновенный русский самоучка. Потемкин говаривал, что он любит Кулибиным

побесить немцев.

Модель моста была в десять раз менее против настоящего предполагаемого через Неву моста. Дугообразный мост Кулибина предполагался деревянный. Он должен был иметь 140 сажен в длину, состоять из 12 908 частей разной меры дерева, из 49 650 железных винтов и 5300 железных же четырехугольных обоин. Он был бы связан и укреплен стоячими и лежащими решетками, собранными из брусьев. Все части, составляющие дугу, подкреплялись бы взаимно, и вся тяжесть моста имела бы только две точки опоры на противоположных берегах реки. Брусья, находящиеся у этих точек опоры, должны были иметь шесть вершков ширины и столько же толщины. В середине же свода, от нижних частей строения до горизонтальной линии, вышина предполагалась в 12 сажен, что было бы достаточно для прохода кораблей с мачтами и парусами. Для предохранения моста от напоров сильного ветра были устроены двойные решетки. Начало въезда на мост предполагалось за 94 сажени от берега. Это можно было весьма удобно сделать на Адмиралтейской стороне, но на Васильевском острове надобно бы было для этого снести здания Кадетского корпуса. Для избежания этого Кулибин придумал сделать два

въезда по берегу, из которых один начинался бы от здания Двенадцати коллегий, а другой от 1-й линии. Концы дуги должно было прикрепить к каменным прочным фундаментам.

Модель моста была рассмотрена в Академии 27 декабря 1776 года. Кулибин предстал перед собранием ученых и многочисленной толпой любопытных, окруживших его постройку, твердо уверенный в правильности своих исчислений; он выдержал испытание блистательно: на модель положили не 3300 предполагаемых пудов тяжести, а 5700; по ней прошло еще пятнадцать человек рабочих один за другим, и под середину ее подвесили гири на веревочках. В таком положении модель простояла долгое время. Тогда написали всеподданнейший доклад императрице, в котором сказали, что мост, построенный по проекту Кулибина через Неву, будет легко поднимать до 55 000 пудов".

В царствование императора Александра I другой такой же самоучка-инженер, мещанин Торгованов, подал графу Милорадовичу проект устройства туннеля под Невую со стороны Адмиралтейской площади на Васильевский остров. Прочитав поданный проект, граф сказал Торгованову, что он пустяки затевает. Торгованов отвечал, что это может быть славным делом,

достойным России, и что он за него отвечает своею головою. Изобретатель просил на коленях у графа, чтобы он, хотя ради курьеза, доложил государю о его проекте. Граф доложил и вынес следующую резолюцию: "Выдать Торгованову из кабинета 200 рублей и обязать его подпискою, чтоб он впредь прожеками не занимался, а упражнялся в промыслах, состоянию его свойственных".

Вид здания государственного банка в Петербурге в конце XVIII столетия. С гравюры Мальтона 1798 года

По кончине императрицы Екатерины II Павел повелел из Таврического дворца перенести все

находящиеся в нем драгоценности, а паркетный пол в Михайловский замок, и приказал называть его замком, а смотрителя его – капитаном замка. В 1798 году он велел в замке над церковью сделать главу и поставить крест. Постройка купола не осуществилась по недостатку средств. В 1799 году 11 апреля Павел повелел передать Таврический дворец под казармы лейб-гвардии Конного полка, а в 1801 году сюда переведен был вновь сформированный тогда лейб-гвардии Гусарский полк и простоял здесь по май 1802 года; оттуда он был выведен на стоянку в Павловск, а по окончании наполеоновских войн переведен в Царское Село, где квартирует и теперь.

Указом, данным Александром I, замок велено переименовать во дворец и возвратить в него все драгоценности из Михайловского замка. Император Александр I провел в нем часть осени 1803 года; временно жила в нем и императрица Мария Федоровна. В 1829 году в нем жил наследник персидского престола Хозрев-Мирза. В этом дворце провел также последние годы и скончался историограф России–Н. М. Карамзин. Он умер в мае месяце от чахотки; государь Николай Павлович ездил к его праху и очень плакал.

ГЛАВА XIV

История Гостиного двора. – Первые торговые ряды на Петербургской стороне. – Рассказы Бергхольца. – Первая книжная лавка и первые книгопродавцы. – Название линий Гостиного двора. – Мебельный ряд. – Апраксин и Щукин дворы. – Серебряные лавки. – Владелец их Яковлев. – Сын его журналист. – Нападки на Яковлева семьи Каратыгиных. – Гильдии. – Именитые граждане. – Первый петербургский городской голова Березин. – Купцы-миллионеры. – Богач Савва Яковлев. – Чужачество его детей, мотовство и кутежи. – Петровские законы о чистоте улиц. – Торговля в деревянном Гостином дворе. – Опера "Гостиный двор". – Образ жизни купца в XVIII веке. – Оригиналы прежнего времени: майор Щегловский и бригадир Брызгалов. – Прогулки замечательных лиц и разных попрошайек по Гостиному двору. – Юродивая Аннушка. – Пустосвятка Макарьевна. – Проезды позорной колесницы с преступниками. – Селиванов, пророк скопцов. – Гостинодворский зоил Булгарин. – Его рекламы. – Старинные торговые дома и торговцы старожилы. – Скрипичный мастер Батов. – Газовое освещение и отопление в Гостином. – Позднейшие перестройки лавок.

Первые торговые ряды в Петербурге были построены в 1705 году на Петербургской стороне, вблизи домика Петра Великого, где теперь стоят дома церковнослужителей Петропавловского собора; по словам первой монографии о

Петербурге, отпечатанной в 1713 году в Лейпциге, ряды заключали в себе несколько сотен грубо обтесанных брусчатых лавок без окон и печей. Эти лавки в ночь на 28 июля 1710 года сгорели дотла. На пожаре не обошлось без крупного грабежа. Чтобы наказать грабителей, вскоре по углам площади, занятой до пожара лавками, были построены четыре виселицы, на которых повесили по жребию четверых из числа двенадцати человек, принадлежащих частью к гарнизону и уличенных в воровстве. После пожара 1710 года мелочные торгаши воспользовались уцелевшими брусьями и досками и сколотили из них против Кронверка в два ряда шалаши.

Это был первый в Петербурге толкучий рынок, который народ называл "татарским табором". Воспоминание о нем до сих пор сохранилось в названии одного переуллка Татарского, примыкающего к описываемой местности. По словам другого описания Петербурга, изданного в 1718 году во Франкфурте, около этих шалашей толпилось всегда множество народа, отчего была такая теснота, что проходившие там должны были зорко смотреть за своими кошельками, шпагами, даже самыми шляпами и париками; все это,

чтобы сохранить в целости, необходимо было носить в руках. Неизвестный автор рассказывает: "Однажды гвардейский полковник с женою, проходя по рынку, не приняли нужных предосторожностей, почему и возвратились домой – один без шляпы и парика, а жена без фонтанжа. Это приключение с ними случилось на рынке весьма просто: какой-то человек верхом на малорослой татарской лошаденке, проезжая мимо помянутых лиц, стащил их головные уборы особенного устройства вилами. Толпа, видя это, смеялась и отпускала остроты, но никто не оказал содействия к возвращению похищенного, и все продолжали идти своей дорогой". Вблизи этого рынка в то время совершались казни и выставлялись на каменном столбе и железных спицах тела казненных. Здесь видел Бергхольц, рядом с четырьмя другими головами, голову брата прежней царицы, урожденной Лопухиной, и голову сибирского воеводы, князя Гагарина, тело последнего было повешено уже в третий раз. Лицо казненного было закрыто платком, одежда его состояла из камзола, сверх которого была надета белая рубашка. Тела казненных отдавались спустя некоторое время родственникам для погребения, головы же долгое время оставались на площади. На этой же

площади прогуливались и выделяли разные фокусы маски на уличных маскарадах, длившихся иногда целые недели. Эта же площадь была свидетельницею разных торжеств по случаю побед над неприятелями.

В 1713 году построен был другой Гостиный двор, называвшийся долго Новым. Он стоял на той же площади, шагах в двухстах выше прежнего. Новый Гостиный двор был обширное мазанковое строение в два яруса, крытое черепицею и с большим двором внутри, который пересекался поперек каналом. Во всю длину здание было перегороджено стеною надвое, так что лавки выходили двойные – одни на площадь, другие же на внутренний двор. В этом-то Гостином дворе помещалась первая книжная лавка в Петербурге; в ней продавались печатные указы, азбуки учебные (шесть денег каждая), "считание удобное", т. е. таблица умножения (по 5 алтын), затем из гравюр: портреты "персоны", т. е. царя, Шереметева, виды монастырей, Москвы и т. д. Бойче всех книг в тогдашнее время здесь шел календарь Брюса; публика особенно ценила его за предсказания. Вовсе не покупались и лежали в лавке книги: "Разговоры на голландском и русском языках", затем множество еще других печатных изданий.

Как мало дорожили тогда книгами, об этом есть множество свидетельств: так, в конторе Московской Синодальной типографии накопилось такое множество напечатанных при Петре Великом книг, не находивших покупателей, что в 1752 году их приказано сжечь.

Гостиный двор в начале прошлого столетия. С гравюры 1716 года

О равнодушии тогдашнего общества к книгам ярким примером является также и указ 1750 года (см. "Поли. собр. зак.", т. XIII, р 9, 794), в котором говорится, что "в Синод беспрекословно было представлено для истребления множество

книг и карт, которых представлять вовсе не следовало". Книги эти были после свезены в "десианс академию"²⁵⁰. Позднее, впрочем, в русском обществе, особенно в провинции, явилась страсть хвастаться книжками, и нередко сельские библиотеки наших бар состояли из тысяч томов, выточенных из дерева. Вся эта деревянная мудрость стояла в роскошных шкафах, с блестящею сафьянною накладкою на корешках и с надписью: Racine, Voltaire, Encyclopedic²⁵¹ и т. д.

В это время в быту дворянском книги составляли последнюю вещь из всех вещей. Орловский или тульский помещик говаривал, что оследить русака не то, что прочесть книгу. Книгу может прочесть всякий, а петли русачьи по выбору бредут на разум; пороша – дело, а книгу читаешь от безделья. С почтенными помещиками думали тогда более или менее все одинаково.

Книжная лавка, о которой мы говорили, была единственная в Петербурге до 1760 года; она управлялась фактором²⁵². Вторая книжная лавка была открыта г. Вейтбрехтом, носила она название Императорской книжной лавки. Затем уже, с 1785 по 1793 год, открылось около десяти новых книжных магазинов: гг. Клостермана, Еверса, братьев Гей, Миллера, Роспини, Логана и

Герстенберга, затем Ив. Глазунова, Тимофея Полежаева, Василия Сопикова и Василия Алексеевича Плавильщикова.

Из всех книгопродавцев того времени имя Плавильщикова отличается наибольшими заслугами в области просвещения. Ему принадлежит слава основателя первой русской библиотеки для чтения: до него книги для чтения можно было получать от книгопродавцев не по выбору читателей, а по воле последних, которые и выдавали книги испорченные или старые. В. А. Плавильщиков²⁵³ прибыл из Москвы в Петербург в 1788 году; он сперва взял в аренду губернскую и после театральную типографию и затем открыл первую книжную торговлю в Гостином дворе, в лавке под р 27-м. По словам современников, его магазин представлял "тихий кабинет муз, где собирались ученые и литераторы делать справки, выписки и совещания, а не рассказывать оскорбительные анекдоты и читать на отсутствующих эпиграммы и сатиры". Все почти литераторы безденежно пользовались его библиотекой, даже и после его смерти (1823 года, 14 августа), по духовному завещанию.

Открытие первой библиотеки в Петербурге состоялось 15 сентября 1815 года. Первая же библиотека в смысле книгохранилища была

основана Петром во дворце в Летнем саду и затем передана в Академию, где с 1728 года (22 октября) и сделалась доступной для общественного пользования.

В старом здании Гостиного двора помещалась и биржа, которая позднее, в 1725 году, перенесена в особое строение перед Гостиным двором. Вне Гостиного двора никому не дозволялось ни складывать, ни продавать товары. Здание принадлежало царю; для безопасности у четырех углов и при воротах Гостиного двора стоял солдатский караул. Этот Гостиный двор существовал до 1735 года, потом в нем хранилась полковая амуниция.

Что же касается места, где теперь стоит Гостиный двор, то сначала здесь, в 1734 году предполагалось устроить Морской рынок, бывший при Петре на Адмиралтейской площади²⁵⁴, но в 1735 году купцы, торговавшие в первоначальном Гостином дворе, на Петербургской стороне, просили, по случаю ветхости здания, отвести им места "на новоотведенном, вместо Морского рынка, месте от Большой и другой прешпективных дорог на 180 лавок земли, длиннику по обе стороны по 130 сажен, поперечнику от новой прешпективы 107 сажен, а в заднем конце, что явится по мере".

Уличный продавец цветов в Петербурге в конце XVIII столетия. С гравюры того времени Шенберга

4 июля 1735 года позволение было дано. Место в указе определялось так: "От Адмиралтейства к Невскому монастырю, по правую сторону прешпективной дороги, в ширину от первых шпренделей до двора Антона Девьера, а в длину от Девьерова двора прорубленною прешпективною дорогою к церкви Вознесенья Господня до переулка, который мимо Апраксина двора". Гостиный двор построен был "коштом" всего купечества для того, как говорит Н. Богданов (см. "Историч. географ, опис.

Петербурга", СПб., 1779 г.), что бывший каменный Гостиный двор на Мойке, у Зеленого моста (Полицейского), от пожара в 1735 году сгорел и за неисправностью в скором времени от казны выстроиться не мог.

По словам Георги (см. "Описание С.-Петербурга 1794 года"), каменный Гостиный двор существующего вида был начат строением в 1755 году и окончен только в 1785 году²⁵⁵). Он имеет вид косоугольника, длиною около 150 сажен, шириной с одной стороны в 100 и с другой – около 50 сажен. В каждом его ярусе имеется 170 лавок; он разделен на четыре линии, из которых каждая сохранила свое старинное название, показывающее прежнее назначение рядов.

Так, сторона, обращенная к Невскому, называется Суконной линиею, по Садовой – Зеркальною линиею, против Думы – Большою Суровскою линией, а в тыле – Малою Суровскою линиею. Под словом "суконный" в старину подразумевался всякий шерстяной товар; под словом "зеркальный" – всякий светлый товар, а "суровским", или, вернее, "сурожским", называли всякий шелковый товар. Эта торговля получила свое название от Сурожского моря²⁵⁶; на жаргоне гостинодворцев, продавцы суровскими товарами

назывались сурогами.

Против большой Суровской линии, через улицу, впоследствии был построен Бабий ряд, или Перинная линия; здесь до сороковых годов торговлей занимались одни женщины.

За Бабьим рядом, сбоку, был выстроен в 1800 году купцом Нащокиным Мебельный ряд, и напротив его вытянулась Банковская линия, или, по-старинному, Глазуновские лавки, в которых засели менялы. Далее, по Садовой, в 1791 году после постройки Ассигнационного банка был сооружен Москотильный ряд. Москотильным товаром в русской торговле называются краски, пряные коренья и аптекарские материалы. Это имя тоже очень древнее и перешло к нам от арабов, торговавших в Болгарах и Атели (нынешней Астрахани) этим товаром, получаемым из города Мо скота, или Муската.

Участок земли пространством более 20000 квадратных сажен, окаймленный с одной поперечной стороны Большою Садовою улицей, с противоположной – набережною реки Фонтанки, известен с 1740 года под именем торгового Апраксина двора; это вполне упроченный народный рынок с кустарным товаром.

В 1780 году в переулке от Большой Садовой улицы к Фонтанке уже находился Охотный, или

Птичий ряд, где уже в то время продавались живые и битые птицы, собаки, копией, обезьяны, лисицы и другие живые звери; здесь же были ряды: лоскутный, ветошный, шубный, табачный, мыльный, свечной, луковый, седельный, нитяный, холщовый, шапочный и "стригальный" ряд, "где фельдшеры сидят для стрижения волос и бород".

Рядом с Апраксиным двором был Щукин двор; там торговали ягодами и плодами в огромном, гуртовом виде.

Торговцы лубочными картинками и стальными изделиями в Екатерининское время. С офорта XVIII столетия Гейслера

В 1787 году на Невской перспективе, подле Большого Гостиного двора, был выстроен каменный в три этажа дом, где в нижнем ярусе поместились 14 лавок с серебром, жемчугом и драгоценными камнями.

Эти лавки некогда принадлежали богатому купцу Яковлеву, сын которого служил в Министерстве иностранных дел и писал театральные рецензии в "Северной пчеле". Петербургские сторожилы-театралы хорошо помнят его, ходившего в театр всегда в виц-мундире. За строгий разбор бенефиса актера В. А. Каратыгина, по приказанию министра двора кн. П. М. Волконского, он был выведен в водевиле "Горе без ума" в смешном виде и, по словам Каратыгиной²⁵⁷, был узан всею публикой, громко смеявшеюся в сцене, когда отец водевильного рецензента, почтенный богатый купец, торгующий серебряными изделиями, уговаривает сына не позорить его имени и не срамить себя самого статьями, писанными под хмельком:

Не разбирай тогда актеров,
Когда тебя поразберет!

Старик оканчивал куплет словами:

Ну, брат, я вижу, ты дурак
Восемьдесят четвертой пробы.

Нападки были несправедливы. Яковлев был известен как честный критик, талантливый переводчик и остроумнейший человек в обыденной жизни. Остроумие его в городе вошло в пословицу; остроты, каламбуры у него так и сыпались. Про него между товарищами сохранилось множество воспоминаний.

По несчастью, Яковлев не мог похвалиться сильным характером и не был расположен оставить некоторых вечерних привычек молодости, что и свело его в могилу. Он умер 19 июля 1861 года. По рассказам, он писал свои фельетоны на службе в канцелярии, озаглавив их титулом докладных записок к покойному министру финансов Егору Францовичу Канкрину.

За два года до постройки Гостиного двора был дан купечеству устав о гильдиях. Преимущество гильдий единственно зависело от суммы объявленного капитала в шестигласной думе. Объявивший капитал от одной тысячи до пяти тысяч рублей принадлежал к третьей гильдии и мог отправлять мелочной торг, держать трактиры, бани и т. д.

Внесший капитал от 5 до 10000 рублей

принадлежал ко второй и торговал чем хотел, за исключением держать фабрики и иметь торговлю на судах.

Заявивший капитал от 10000 до 50000 рублей и платящий с этой суммы по одному проценту составлял принадлежал к первой гильдии и мог отправлять иностранную торговлю и иметь заводы и проч. Купцы же, объявившие у себя капитал более 50 000 рублей, имевшие свои корабли и производившие вексельные обороты более чем на 100000 рублей или два раза избранные заседателями на судах, носили звание "именитого гражданина". Они могли ездить в городе в четыре лошади, иметь загородные дома и сады, также заводы и фабрики и наравне с дворянством освобождались от телесного наказания.

Особенно богатых купцов в половине XVIII столетия было очень немного. Все рассказы о богатых наших именитых гражданах представляют более вымысла, нежели правды. Богатым в то время был только двор и некоторые царедворцы. При Екатерине II все высшие государственные сановники торговали и пускались в разные спекуляции. По словам Храповицкого, в это время самыми известными винными откупщиками были князь

Ю. В. Долгорукий, князь С. Гагарин и князь Куракин. Трудно было купцам при такой сильной конкуренции наживать капиталы. Богатели только такие из них, которые участвовали в предприятиях вместе с вельможами.

Одно время, как рассказывает тот же Храповицкий, императрица хотела воспользоваться капиталами купцов, предлагая им за проценты чины и баронский титул. Но этот проект, порученный генерал-прокурору Соймонову, потерпел неудачу.

Известному в то время богачу, петербургскому городскому голове А. Н. Березину, за постройку первой народной школы в Петербурге был предложен начальством чин, но Березин отказался.

– Чин взять – пешком носить его тяжело, а надобно возить его в карете; пусть он охотникам достанется, – ответил он.

В конце царствования Екатерины II купцов-миллионеров уже было гораздо более. Из числа таких славились своими богатствами Шемякин, Лукин, Походяшин, Логинов, Яковлев, Горохов. Последний в Петербурге был настолько популярен, что заставил жителей забыть название улицы Адмиралтейской, на которой жил и торговал, и называть ее Горохового, по своей

фамилии.

По преданию, он выстроил в 1756 году первый каменный дом в этой местности. Про купца Логинова, откупщика и приятеля князя Потемкина, Державин рассказывает, что он раз, устроив у себя зимой народный праздник, выставил народу такое количество водки, что на другой день полиция подобрала множество мертвых тел. По смерти этого Логинова долг его в казну простирался до 2 000 000 рублей.

Другой такой же откупщик, Савва Яковлев, по уличной фамилии Собакин, при вступлении императрицы Екатерины II на престол стал отказывать народу и не отпускать даром водку против повеления государыни; народ произвел буйство на улицах. Екатерина приказала объявить ему свое неудовольствие. Опала Яковлева стала известной в столице; народ рассказывал на улицах, что государыня пожаловала ему чугунную пудовую медаль, с приказанием носить на шее по праздникам. Державин на него написал стихотворение "К Скопихину".

Вскоре государыня отправилась в Москву для коронования, следом за ней поехал и Яковлев; на пути Екатерина заметила в одном небольшом селении ветхую деревенскую церковь, грозившую разрушением, и приказала по возвращении своим

в Петербург напомнить ей о церкви. Яковлев, узнав об этом, поспешил тотчас же восстановить храм и украсить богатыми вкладами. По окончании коронационных празднеств государыня на обратном пути в Петербург, проезжая это селение, была встречена крестным ходом с колокольным звоном; императрица была удивлена таким быстрым и превосходным возобновлением церкви и пожелала знать виновника.

К крайнему удивлению, ей представлен был Яковлев; Екатерина выразила ему свою признательность, сказав: "Я забываю прошедшее". Прибыв в Петербург, Яковлев покинул все дела по откупам, вступил в гражданскую службу и впоследствии оставил ее с чином коллежского асессора. Племянник этого Яковлева, Иван Алексеевич Яковлев, отличался тоже крупною благотворительностью; он в чине корнета Конногвардейского полка был один из всех обер-офицеров российской армии, который имел орден Св. Владимира на шее; эту генеральскую награду он заслужил за то, что покрыл железом из своих сибирских заводов все казенные строения в Москве, пострадавшие во время исторического пожара 1812 года.

В 1850 году этот же И. А. Яковлев

пожертвовал миллион рублей серебром в инвалидный капитал, растраченный правителем дел Комитета раненых Политковским. Брат его Савва отличался самодурством мота. Он при содействии безграничного кредита, открытого отцом, успевал проматывать более миллиона рублей в год. Отец его говорил ему: "Савва! Будешь у меня кость глотать, как положу тебе в год на прожитие только сто тысяч". Савва служил в Кавалергардском полку и был одно время ремонтером. По рассказам, он поставлял в полк таких коней, каких никто не ставил. Служил он недолго, пьянство и скандалы заставили его выйти из полка, особенно один крупный скандал в театре ускорил его отставку: он бросил из боковой ложи дохлую кошку в кульке немецкой актрисе Нерейтер.

По выходе в отставку Савва предался самому непробудному пьянству; не находилось между пьяницами человека, который мог бы перепить его. Мотовство и самодурство наконец значительно расшатали его баснословное богатство, он стал занимать деньги под векселя за подписью своего родственника, молодого гвардейского полковника А. И. Угримова, со своим поручительством. Векселей таких выдано было более чем на миллион рублей. Когда же

пришло дело к расплате, Савва не признал своей подписи: Угримов был арестован и кончил жизнь самоубийством в тюрьме (подробности этого дела изложены в "Журнале Министерства юстиции" за 1861 г.). Неповинная смерть приятеля повлияла на самодура, и он в припадках сплина стал стрелять из пистолета по драгоценным фигурам старого саксонского и севрского фарфора, хранившимся в богатых покоях своего отца. Вскоре он, впрочем, утешился, сойдясь с наездницею из цирка Лежара, Людовикою Сlopачинскою. Красавица, впрочем, недолго терпела его самодурства и променяла его на известного тоже богача-красавца Вадковского, который и дал Савве публично в цирке пощечину за какой-то неблаговидный поступок с Сlopачинской; Яковлева из цирка привезли в обмороке домой, и так как он непременно желал стреляться с Вадковским, то был подвергнут домашнему аресту. Последний скандал на него подействовал весьма сильно, он предался пьянству еще больше. По рассказам, "серебряный гроб" уже не сходил с его стола; гробом он называл кубок, сделанный формой обыкновенного гроба, в который входила бутылка шампанского. Процесс же питья из гроба был следующий: в конце каждой своей попойки

он хриплым голосом кричал: "Гроб!!!" В тот же момент слуги вносили ящик с шампанским, один за ними нес на подносе кубок "гроб", а другой вносил заряженный пулею пистолет. После них входил дворецкий и называл по имени одного из присутствовавших гостей. Гость вставал и подходил к хозяину; слуга подавал кубок, а хозяин поднимал над головой гостя пистолет, гость должен был выпивать вино до дна и, поцеловав хозяина, отправляться домой, если же гость не мог уже осушить гроба и падал к ногам Саввы, то он приказывал "похоронить мертвого", что означало положить в спальню на диван. Так, угостив всех гостей, хозяин сам выпивал чашу и успокаивался тут же на раздвижном своем стуле. Яковлев кончил жизнь самоубийством: раз прокричав "гроб" и осушив его до дна, повернул дуло пистолета себе в рот, и прежде чем прислуга и гости успели вскрикнуть, раздался выстрел и Савва, обливаясь кровью, пал, никем не оплаканный.

Родной брат покойного, известный под именем Корнета, умер от скоротечной чахотки, с мелом в руке, отмечая на стене ежеминутно припадки своей болезни (подробности эти берем из книги В. П. Бурнашева "Чудодеи" и пр.).

Торговые части Петербурга, где теперь стоят

Гостиный и Апраксин дворы, в половине XVIII столетия были наполнены топями и болотами, так что в дурную погоду не было возможности ни пройти, ни проехать. Невский проспект, на котором теперь красуется лицевой своей стороною Гостиный двор, получил свое название при императрице Анне (20 апреля 1738 года); в это время было постановлено: "По комиссскому рассуждению, впредь именовать Большую перспективу, что следует от Адмиралтейства к Невскому монастырю, – Невскою перспективою". Невский проспект был тогда не что иное, как длинная, терявшаяся в отдалении аллея, вымощенная бревнами и обсаженная по обеим сторонам деревьями. Проложили и работали над нею при Петре пленные шведы; на обязанности их было также мести ее каждую субботу. По улицам Петербурга предписывалась величайшая чистота; каждый домовладелец обязан был против своего двора рано утром или вечером, когда по улицам не было ни езды, ни ходьбы, сметать с мостков всякий сор; а камни, которые выламывались в продолжение дня, поправлять.

За неисполнение этого правила взыскивался штраф, по две деньги с сажени в ширину его двора. Особенно строго наказывались те, кто вывозил на Неву и другие реки помет и сор. За

такие проступки у знатных – их служители, а незнатные домовладельцы самолично, должны были быть биты кнутом и ссылаемы в вечную каторжную работу. Постановлено было, чтобы все торгующие съестными припасами на улицах и в лавках "ходили в белом мундире по указу, а мундиры бы делать по образцу, как в мясном и рыбном рядах у торговых людей". С неисполнителей брали штраф, а товар отбирали "на великого государя". Было также запрещено: "чтоб никто никакого чину по малой речке Мье и по другим малым речкам и по каналам днем и ночью, на лошадях, в санях и верхом, кроме пеших, отнюдь не ездил, того ради, что от коневого помета засариваются оные речки и каналы". Также замечено было, что извозчики в Петербурге ездили на невзнузданных лошадях и топтали пешеходов, почему было постановлено за первую подобную вину – кошки, за вторую – кнут, за третью – ссылка на каторгу. "Имеющим же охоту, – сказано в указе, – бегать на резвых лошадях взапуски или взаклад, и тем людям такое бегание позволяется чинить, выезжая в Ямскую слободу" и т. д.

Не менее интересно было в описываемое время запрещение нищим шататься по улицам и просить милостыню, "понеже в таковых многие

за ленью и молодые, которые в работы и наймы не употребляются, милостыни просят, от которых ничего доброго, кроме воровства, показать не можно". С подавших милостыню взыскивался штраф в 5 рублей, потому что желающие помогать бедным обязывались делать пожертвования на богоугодные заведения. Многие из вышеписанного недурно было бы принять в соображение и в настоящее время.

В деревянном Гостином дворе, что стоял на месте нынешнего Гостиного двора, торговали на ларях, в шалашах и вразноску. Здесь нередко происходили драки и даже разбои. По рассказам иностранцев, бывших в это время в Петербурге, иногда и проезд по преспективе от тесноты был невозможен, особенно от возов с дровами и сеном. Купцы того времени, или, вернее, торгаши, пользовались весьма дурной славой. В то время явился даже обличитель купцов, Матинский, написавший комическую оперу "С.-Петербургский Гостиный двор", где был выведен разными плутнями и мошенничеством нажившийся гостинодворец Феропонт Сквалягин и товарищ в его плутовских проделках, взяточник, подьячий Крюкодей. Опера была дана в первый раз 26 ноября 1783 года на Царицыном лугу в театре Книпера и

Дмитревского. Как гласила афиша, сочинения она "путешествующего по Италии крепостного человека Матинского графа Ягужинского, музыка тоже Матинского". Опера имела необычайный успех и в короткое время выдержала три издания: в 1791, 1792 и 1799 году.

Торговка старыми вещами и рекрут
Екатерининского времени. С офорта XVIII
столетия Гейслера

Роль Сквагыгина играл актер Сем. Соколов, а
Крючкодея – Ан. Крутицкий.

Образ жизни купца XVIII века, как говорит
П. И. Страхов²⁵⁸, был таков, что блаженство его

состояло в том, чтобы иметь жирную лошадь, толстую жену, крепкое пиво, в доме своем особенную светелку, баню и сад. Утром сидел он в лавке, где со знакомыми и покупателями выпивал несколько так называемых "галенков"²⁵⁹ чаю. После обеда спал три часа, а остальное время проводил с приятелями, играя в шашки на пиво. Богатый купец имел свою пословицу, которая в кругу его знакомых заменяла остроумие, возбуждала смех и часто давала предлог к выпивке. Купцы за особенное качество ума считали бестолковость в разговорах; речь их иногда делалась совсем непонятной от излюбленной пословицы, которую они употребляли без всякой надобности, почти чрез несколько слов.

При первом с кем-нибудь свидании или знакомстве купец тотчас старался закидать его пословицами и прибаутками, и тем дать знать, что он, как говорится, "сам себе на уме". Купец всегда любил выпить и, помимо разных семейных празднеств: именин, родин, крестин, искал случая напиться, особенно баня также еженедельно давала предлог к пьянству и созывам гостей.

Летом в праздники купцы с друзьями ездили за город с пирогами, самоварами и водкою. Смотрение кулачных боев, медвежьей травли,

катанья с гор составляли любимейшие зимние удовольствия. Жены купцов не пили пива и не играли в шашки, но хозяйка дома свою гостью отводила потихоньку в спальню, как будто для разговора, и подносила ей там по чарочке тайком, пока не напайвала допьяна.

Приказчики где-нибудь в отдельном жилье подражали хозяевам, с тою только разницей, что напивались допьяна при игре одного из товарищей на гусях. Достоинство молодого купеческого сына состояло в том, чтобы он умел твердо читать и писать и знал бы проворно выкладывать на счетах. Но тот считался с большими способностями, кто умел быстро и звонко звать покупателя, скоро говорить, хвалить товар, божиться, обвешивать и присчитывать. Дочери богатых купцов всегда составляли лакомый кусок для промотавшихся дворян. Было время, говорит Страхов, что из Петербурга разорившиеся моты на последние деньги скакали в Москву для поправления своего состояния женитьбою на них. Видные и красивые осаждали миллионы как крепости, брали их иногда хитростью, а иногда штурмом. Женившись на богачке, из всей силы продолжали мотать до смерть, оставляя детям при нищете одно удовольствие – вспоминать, что мать их была

миллионщица. Эти гордые бедняки представляли подобие тех голых веников, которые домогались уважения, выдавая свое происхождение от самого древнего и густого дуба!

Вид Невского проспекта от Зеленого (Полицейского) до Аничкого моста в XVIII столетии. С рисунка того времени Бенуа. (Из собрания П. Я. Дашкова)

Дед нынешнего купца носил русское платье, ходил "при бороде", летом был в чуйке, зимою в шубе. Жил он в своем деревянном домике, где-нибудь на Песках или у Владимирской; вид его был смирный, богобоязливый, почитал он после Бога власть, поставленную от Бога, стоял почтительно за прилавком, снявши шапку пред

благородною полициею, боялся военных, чиновников, целый век обдергивался, суетился. Жену, детей держал в черном теле и в страхе Божьем. Умирал такой отец семейства, выносили его в дубовой колоде ногами в ворота на "Большую Охту", или на "Волково".

По смерти старика купца всегда оказывался капитал значительный, наследник его на месте отеческого диконького домика выводил огромный домина и сам облакался в особенный вариант европейской моды, об которой теперь едва сохранилось воспоминание: такой коммерсант носил длинный сюртук, вправляя брюки в сапоги, и брил бороду. Платье его чистил старший приказчик, но сапоги вверял он сыну или мальчику. Чищение последних требовало долгой работы и особенного умения. Вакса употреблялась восковая, накладывать ее на кожу нужно было понемножку, разогревая дыханием, затем сейчас же растирать и намазывать следующий слой. Такое подравнивание слоев отнимало много времени и могло быть благополучно окончено только опытною рукою. Сапожный глянец высоко ценился купцами.

Вставал купец рано и являлся в лавку зимой вместе с первым проблеском света, летом он

приходил в шесть часов утра. Отпирая лавку, пили сбитень, съедали несколько калачей и принимались за торговлю. В торговле в то время первое дело было зазвать к себе покупателя и отбить последнего у соседа. Потому молодцы с зычным голосом, неотвязчивые и умеющие в зазывах своих насулить покупателю с три короба, высоко ценились хозяевами. Когда покупатель в лавку был зазван, торговец старался улестить его, отвести ему глаза, продать товар втридорога. На такие уловки нужна была опытность. Платье, походка, речь покупателя, тут все берется в расчет. С одним надобно кланяться, упрашивать, сделать уступку "из уважения", с другого заломить сразу цену и вести себя гордо, не уступать копейки, третий, как, например, мужичок, требует фамильярного обращения: стукнуть по плечу, по животу, и "что ты, мол, брат, со своими торгуешься, со своего человека земляка лишнего не возьмем". С духовенством можно заговорить от Писания, следует подойти под благословение, в самой физиономии выразить некоторую святость.

Всякий товар надобно было показать лицом. Например, материи торговец старался на прилавок накидать такую грудку, что у покупателя разбегаются глаза. Кусок материи разворачивался

так, чтобы на него прямо падал свет, и т. д. Купцы из лавок ходили обедать домой и после обеда ложились отдыхать. Это был повсеместный обычай; спали купцы, затворив свои лавки; в то время спали после обеда все, начиная от вельмож до уличной черни, которая отдыхала прямо на улицах.

Не отдыхать после обеда считалось в некотором смысле ересью, как всякое отступление от прадедовских обычаев. Когда смеркалось, купец запирает лавку замком, потом прикреплял восковую печать и, помолившись, шел домой. При однообразии торговой жизни в рядах Гостиного доставляла развлечение игра в шашки; около почти каждой лавки стояла скамейка, на середине которой была нарисована "шашельница". Около играющих иногда образовывалась целая толпа зрителей, которые в игре принимали живейшее участие, ободряли игроков и смеялись над их оплошностями. В игре, как и в торговле, главное взять не столько знанием, сколько хитростью, воспользоваться оплошностью противника. Зимой, в морозные дни, приказчики грелись, схватываясь руками и похаживая посреди линии, перегоняя друг друга на сторону, или прозябнувшие молодцы вступали двумя станами в ратный бой и тянули веревку. Бывали в

то время такие силачи, как живший еще в конце сороковых годов шкатулочник – большой оригинал, Евграф Егорыч, ходивший зимой и летом в большой боярской меховой шапке; он, бывало, ухватится за один конец веревки, и все усилия противников сдвинуть его с места пропадали даром.

Немало в то время развлечения доставляла торговцам и публика, гулявшая по линиям Гостиного двора. Вероятно, теперь уже нет в живых гостинодворцев, которые бы помнили приезжавшего к Гостиному двору в карете цугом высокого мужчину в черном доломане²⁶⁰ с металлическою мертвою головою на груди. Это был барон Жерамбо, гусар из полка наполеоновских гусаров смерти. По рассказам, он вел большую карточную игру, писал латинские стихи и был отчаянный бретер²⁶¹, загубивший не одну христианскую душу на дуэли.

Возбуждала здесь тоже общее любопытство своею ловкостью фигура старого немца с длинными волосами на плечах; это был известный в свое время фокусник Апфельбаум, отмеченный Гоголем в одной из его повестей; затем памятны всем были екатерининский секунд-майор Щегловский и павловский бригадир Брызгалов.

Первый, уже столетний старик, одетый в мундир светло-зеленого цвета, с красными отворотами, с широким золотым галуном, в треугольной шляпе, с большим белым султаном, в парике, с буклями и с тростью в руках, бодро еще ходил по линии, заходя в лавки, чтоб отдохнуть и словоохотливо поболтать с купцами о штурме Бендер, о походе за границу во время Семилетней войны. Жизнь его была крайне интересна: он вступил в службу солдатом при Елисавете, сделал поход в Семилетнюю войну, при штурме Бендер находился в армии графа Панина. В 1777 году был в походе в Судакских горах, там ранен в шею и в голову стрелою и в руку кинжалом, после чего взят турками в плен с майором Зоричем и находился в Турции четыре года, до заключения мира. По возвращении из турецкого плена был избран для сопровождения императрицы Екатерины из Киева в Херсон. Здесь, танцуя на бале у императрицы, он переменял в малороссийской мазурке четырех дам; государыня, смотря на ловкого танцора, в знак удовольствия рукоплескала; после бала он был пожалован золотою табакеркою.

В Таврической области, при переезде императрицы из Кинбурна, снесло бурей мост через проток Сиваша. Необходимо было устроить

новый. Императрица спешила выехать, а еще неизвестно было, поспел ли мост; Щегловский был послан Потемкиным за 27 верст узнать, готов ли мост. Часа через три, когда государыня села за обеденный стол, он возвратился, загнав несколько лошадей и проскакав 54 версты не более как в три часа. Войдя в столовую императрицы, где находился и Потемкин, Щегловский, с трудом переводя дыхание, едва мог промолвить:

– Ваша светлость! Мост поспел!

– Как? – сказала императрица. – Он уже и съездил? – и так была довольна, что сняла с руки свой богатый бриллиантовый перстень и подарила Щегловскому. В следующем году он был пожалован золотою саблею и капитанским чином за храбрость, а за взятие в плен паши-орденом Св. Георгия; потом он отчаянно дрался под стенами Очакова; за долгое сопротивление город был предан Потемкиным на три дня в добычу победителям. 18 солдат из отряда Щегловского возвратились к нему с мешками золота и, поощренные удачей, отправились снова на поиски.

Тогда была ужасная зима: лиман замерз, войско в лагере укрывалось в землянках. Телеги, кровати, все было пожжено; нечем было ни топить, ни сварить похлебки. Несколько раз

возвращались с мешками серебра и золота разгоряченные вином солдаты Щегловского, и раз пошли и не вернулись более. Щегловский должен был вскорости выступить; взять натасканные сокровища не было возможности и даже опасно; завалив землянку с сокровищами, он покинул Очаков. С тех пор ему не удалось уже быть там, и неизвестно, сохранились ли в целости его сокровища.

Уличная продавщица конфет в Петербурге в конце XVIII столетия. С гравюры того времени Шенберга

В 1790 году он получил ордер сдать турецких пленных поручику Никорице. По прибытии в

Яссы Щегловский получил рапорт, что из числа пленных девять турецких офицеров бежали, и не прошло пяти дней, как за это упущение пленных, даже без всякого допроса и суда, он был, по повелению Потемкина, в кандалах отправлен в Сибирь, где и пробыл 52 года в ссылке. Причина гнева и немилости князя Потемкина, по словам Щегловского, лежала в особенном обстоятельстве. Он имел несчастье понравиться одной польской княгине, которая была предметом внимания Потемкина.

В 1839 году император Николай I повелел сосланного в Сибирь Щегловского освободить и наградить тысячью рублями. Взяв на шеститысячеверстный путь десять рублей деньгами и простившись с 80-летней своей женой, Щегловский отправился в Петербург. Здесь в дворцовых сенях он упал к ногам царя и на другой день получил триста рублей деньгами, а от императрицы – мундир полный формы майорской одежды Екатерининских времен. В этой форме майор был представлен государю, и на вопрос, за что был сослан в Сибирь, отвечал: "За одну вину: потерпел за Еву!"

В 1843 году стосемилетний бодрый старик, в полном мундире Екатерининских времен, присутствовал в числе зрителей на параде на

Суворовской площади, и по милостивому вниманию императрицы ему предложено было кресло. Как Елизаветинский столетний рядовой, он получил в сравнении с другими, бывшими на параде, в сто раз более – 1750 рублей.

Из рассказов и воспоминаний Щегловского интересен рассказ про известного фаворита Екатерины Зорина, который жил впоследствии в пожалованном императрицею местечке Шклове в полной роскоши, среди наслаждений, как сатрап. Вот что рассказывал о нем стосемилетний Щегловский: "Храбрый майор Зорич был окружен турками и мужественно защищался, но когда наконец увидел необходимость сдаться, то закричал: "Я капитан-паша!" Это слово спасло его жизнь. Капитан-паша у турок – полный генерал, и его отвезли к султану в Константинополь. Здесь его важный вид, осанка, рассказы, все побуждало султана отличить его и даже предложить ему перейти на турецкую службу, впрочем, с тем, чтобы он переменял веру. Но ни угрозы, ни пышные обещания не могли поколебать Зорича. И когда политические обстоятельства переменялись, султан, желая склонить императрицу к миру, согласился на размен пленных, в письме своем поздравлял императрицу, что она имеет такого храброго

русского генерала, как храбрый Зорич, который отверг все его предложения. Государыня велела справиться, и по справкам оказалось, что никакого генерала Зорича не было взято в плен, а был взят майор Зорич. Возвращенный в Петербург Зорич был представлен императрице.

– Вы майор Зорич? – спросила Екатерина.

– Я, – отвечал Зорич.

– С чего же, – продолжала императрица, – вы назвались русским капитаном-пашою, ведь это полный генерал?

– Виноват, ваше величество, для спасения жизни своей и чтобы еще иметь счастье служить вашему величеству.

– Будьте же вы генералом, – продолжала императрица, – турецкий султан хвалит вас, и я не сниму с вас чина, который вы себе дали и заслужили.

И майор был сделан генералом. У этого Зорича в Шклове давались лукулловские пиры, учреждались летом поездки в санях по рассыпанной по дороге соли и сожигался фейерверк, деланный несколько месяцев, один павильон состоял из 50000 ракет. Его крепостной балет был настолько хорош, что туда посылался в начале царствования Павла балетмейстер Вальберх и привезены танцовщицы", и т. д.

Другой такой же свидетель прошедшего века, бригадир Брызгалов, ходил в длиннополом русском мундире, ботфортах, крагенах, со шпагой назад и с длинной тростью. Этот старик некогда служил кастеляном в Михайловском дворце и при Павле исполнял должность смотрителя за подъемным мостом; он редко гулял один, всегда его сопровождали дочь и два сына. Часто дети впереди несли его длинную трость. Зимой Брызгалов надевал волчью шубу на малиновом сукне. Брызгалов был очень сварливого нрава и вечно заводил ссоры с купцами. Посещал также ежедневно Гостиный несколько недель гостивший в Петербурге известный сподвижник Александра Благословенного, герцог Веллингтон. Знаменитый гость разгуливал в круглой шляпе и в узком, длинном черном плаще без рукавов (cols). В старину в Гостином дворе гуляли все известные лица тогдашнего общества. Здесь меценат Н. И. Перепечин, директор банка, отыскал в щепетильной²⁶² лавке, под р 67, молодого сидельца Яковлева, впоследствии знаменитого трагического актера. В Гостином же, на верхней линии, осенью и зимою, в дождливые и ненастные дни гулял наш баснописец, Иван Андреевич Крылов. Он обходил Гостиный двор ежедневно пять раз. Существует анекдот про эти

прогулки Ивана Андреевича: раз сидельцы, обыкновенно надоедавшие своими криками всем гуляющим, атаковали Крылова.

У нас лучшие меха²⁶³, пожалуйста-с, пожалуйста-с! – схватили его за руки и насильно втащили в лавку.

Крылов решился проучить рыночника.

– Ну, покажите же, что у вас хорошего?

Приказчики натаскали ему енотовых и медвежьих мехов. Он развертывал, разглядывал их.

– Хороши, хороши, а есть ли еще лучше?

– Есть-с. Притащили еще.

– Хороши и эти, да нет ли еще получше?

– Извольте-с, извольте-с!

Еще разостлали перед ним несколько мехов. Таким образом он перерыл всю лавку.

– Ну, благодарствуйте, – сказал он наконец, – вижу, у вас много прекрасных вещей. Прощайте!

– Как, сударь, да разве вам не угодно купить?

– Нет, мои друзья, мне ничего не надобно; я прохаживаюсь здесь для здоровья, и вы насильно затащили меня в вашу лавку.

Не успел он выйти из этой лавки, как приказчики следующей подхватили его.

– У нас самые лучшие, пожалуйста-с! – и втащили в свою лавку. Крылов таким же образом

перерыл весь их товар, похвалил его,
поблагодарил торговцев за показ и вышел.
Приказчики уже следующих

лавок, перешептываясь между собою и улыбаясь, дали ему свободный проход. Они уже знали о его проказах из первой лавки, и с тех пор он свободно проходил по Гостиному двору и только раскланивался на учтивые поклоны и веселые улыбки своих знакомых сидельцев.

Утром по Гостиному двору, от создания его до семидесятого года, проходили целые бесконечные нити нищих; шли бабы с грудными младенцами и с поленами вместо последних; шел благородный человек, поклонник алкоголя, в фуражке с кокардой, рассказывая публике мнимую историю своих бедствий; шел также пропойца-мастеровой, собирали чухонки на свадьбу, гуляя попарно, со словами: "Помогай невесте"; возили на розвальнях пустые гробы или крышку от гроба старухи, собирая на похороны умершему; шли фонарщики, собирая на разбитое стекло в фонаре. Ходил и нижний полицейский чин с кренделем в платке, поздравляя гостинодворцев со своим тезоименитством. Бродил здесь и нищенствующий поэт Петр Татаринов²⁶⁴ с акrostихом на листе бумаги, из заглавных букв которого выходило: "Татаринову на сапоги".

Проходил и артист со скрипкой, наигрывая концерт Берио или полонез Огинского. Такой скрипач, бродивший в конце сороковых годов, был весьма недюжинный крепостной артист князя Потемкина. Брели, особенно перед праздниками, разные калеки, слепцы, уроды, юродивые, блаженные, странники и странницы; между последними долго пользовалась большою симпатией у торговцев старушка лет шестидесяти, в черном коленкоровом платье, с ридикюлем в руках, полным разными даяниями. Происхождением она была из княжеского рода, воспитывалась чуть ли не в Смольном и говорила по-французски и по-немецки. Звали ее Аннушкой и Анной Ивановной. В молодости она имела жениха гвардейского офицера, который женился на другой. Обманутая невеста покинула Петербург и только спустя несколько лет явилась опять в столицу, но уже юродивою. Одета всегда почти в лохмотья, она ходила по городу, собирала милостыню и раздавала ее другим. На улице заводила ссоры, бранилась с извозчиками и нередко била их палкой. Жила она у одного богатого купца, а больше на Сенной, у священника о. Василия Чулкова, тоже очень замечательного духовного лица, вышедшего в первую холеру из простого звания,

популярнейшего священника между простонародием и купцами. Аннушка отличалась прозорливостью и предсказаниями. Раз, встретившись в Невской лавре с одним архимандритом, она предсказала ему получение епископского сана; действительно, архимандрит вскоре получил епископство и был сделан викарием в Петербурге. Впоследствии он поместил Аннушку в Охтенскую богадельню, под вымышленной фамилией Ложкиной.

Уличный продавец гребенок в Петербурге в конце XVIII столетия. С гравюры того времени Шенберга

В богадельне она не жила. Незадолго до своей смерти она пришла на Смоленское кладбище, принесла покров и, разостлав на землю, просила протоиерея отслужить панихиду по рабе Анне. Когда панихида была отслужена, она покров пожертвовала в церковь с тем, чтобы им покрывали бедных умерших, и просила протоиерея похоронить ее на этом месте. При погребении ее присутствовали тысячи народа.

В числе разных пусто святок, бродивших по Гостиному двору, обращала на себя внимание толстая баба лет сорока, называвшая себя "голубицей оливаной". Носила эта голубица черный подрясник с широким ременным поясом; на голове у ней была иерейская скуфья, из-под которой торчали распущенные длинные волосы; в руках у нее был пучок восковых свечей и большая трость, которую она называла "жезлом иерусалимским". На шее у нее были надеты четки с большим крестом и образ, вырезанный на перламутре. Народ и извозчики звали ее Макарьевной и вдовицей Ольгой. Говорила она иносказательно и все больше текстами; на купеческих свадьбах и поминках она играла первую роль и садилась за стол с духовенством. Занималась она также лечением, оттирая купчих разным снадобьем в бане; круг действий

Макарьевны не ограничивался одним Петербургом. Она по годам жила в Москве, затем посещала Нижегородскую ярмарку, Киев и другие города. По рассказам, она выдала свою дочь за квартального надзирателя, дав ему в приданое тысяч двадцать. Подчас Макарьевна жила очень весело, любила под вечерок кататься на лихачах, выбирая такого, который помоложе и подюжее.

Немало также толков и разговоров вызывали у гостинодворцев утренние провозки преступников на Конную площадь; в то время такие экзекуции случались довольно часто; телесные наказания производились публично: по обыкновению, преступника везли рано утром на позорной колеснице, одетого в длинный, черный суконный кафтан и такую же шапку, на груди у него висела черная деревянная доска с надписью крупными белыми буквами о роде преступления; преступник сидел на скамейке спиной к лошадям, руки и ноги его были привязаны к скамейке сыромятными ремнями. Позорная колесница следовала по улицам, окруженная солдатами с барабанщиком, который бил при этом особенную глухую дробь. В отдельном фургоне за ним ехал, а иногда шел пешком палач в красной рубашке, под конвоем солдат, выпрашивая у торговцев

подачки на косушку водки.

По прибытии позорной колесницы к месту казни преступника вводили на эшафот; здесь к нему первый подходил священник и напутствовал его краткою речью, давал поцеловать крест. Затем чиновник читал приговор. Тюремные сторожа привязывали его к позорному столбу; снимали с него верхнее платье и передавали осужденного в руки палачам. Эти разрывали ему как ворот рубашки, так и спереди рубашку до конца, обнажая по пояс, клали преступника на кобылу²⁶⁵, прикрепляли к ней руки и ноги сыромятными ремнями; затем палачи брали плети, становились в ногах преступника и ждали приказа начать наказание. Начинал сперва стоявший с левой стороны палач; медленно поднимая плеть и с криком: "Берегись, ожгу!" – наносил удар, за ним бил другой и т.д. При наказании наблюдалось, чтобы удары следовали в порядке, с промежутками.

По окончании казни отвязывали виновного, накидывали на спину рубашку и после наложения клейм надевали шапку, сводили под руки с эшафота, клали на выдвижную доску с матрасом в фургоне в наклонном положении и вместе с фельдшером отвозили в тюремную больницу. При посылке на каторгу палачом вырывались

ноздри нарочно сделанными клещами. Вора́м ставились на щеках и на лбу знаки: "вор" и затем их затирали поро́хом.

В 1801 году император Александр I, вступив на престол, отменил как знаки, так и пытку; в указе было сказано: "Самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, должно быть изглажено навсегда из памяти народной".

По гостинодворским преданиям, в малом Гостином ряду, или в Ямщиковых лавках (рядом с Думской улицей, нынешний мебельный ряд), нередко видели в начале нынешнего столетия довольно тучного, вялого, семидесятилетнего старика, известного распространителя скопческой ереси, Кондратия Селиванова; по рассказам, его всегда сопровождал Солодовников, в то время еще приказчик богатого купца-сектанта Сидора Ненастьева; впоследствии сыновья Солодовникова были известные петербургские богачи. Про Селиванова старожилы рассказывали много таинственного и чудесного: говорили, что он предсказывает будущее, а этого уже было достаточно, чтобы привлекать суеверную публику. Петербургские барыни толпами приезжали к этому пророку, чтобы послушать пророчества. Селиванов жил у купца Ненастьева, в Басковом переулке, близ Артиллерийских

казарм, второй дом от угла. Здесь нередко стояло по десяти карет, заложенных, по тогдашнему обыкновению, четвернями и шестернями. Даже такие особы, как министр полиции Балашов и петербургский генерал-губернатор граф Милорадович, не брезговали беседовать с этим старцем и получать от него благословение. Селиванов принимал гостей, лежа на пуховиках на кровати, в батистовой рубашке, под пологом с кисейными занавесками и золотыми кистями; комната, где он лежал, была устлана цельным большим ковром, на котором были вытканы лики крылатых юношей. Впоследствии Селиванов жил в своем доме, построенном для него Солодовниковым в Литейной части, близ Лиговки. Это был первый в Петербурге скопческий корабль, или, как его называли скопцы, "Новый Иерусалим". В этот храм стекались скопцы со всех концов России. Приходивший встречал самое широкое гостеприимство. Лица, приставленные к пришлецам, незаметно выводывали от последних про их домашние нужды и обстоятельства и затем все передавали Селиванову, который этим при разговорах с ними и пользовался. Таким образом, слава лжепророка росла, как и усердные приношения в его кассу, казначеем которой был

Солодовников. Селиванов в своем корабле прожил до 1820 года, т. е. до ссылки его в монастырь. В этом корабле была устроена зала, где могло радеть более шестисот человек. Построена она была в два света и разделена на две части глухою перегородкой, в один этаж. В одной половине радели мужчины, в другой женщины. Над этой перегородкой была устроена ложа, вроде кафедры, под балдахином, где сидел Селиванов, одетый в короткое зеленое шелковое полукафтанье. Молящиеся кружились внизу, одетые в двойных белых рубашках. В одной из комнат, примыкающих к храму, помещалось всегда до десятка и более молодых бледнолицых мальчиков; здесь они излечивались от той операции, которая делала их навек дискантами. "Настало златое время воскресения", – говорили скопцы. Полиция знала обо всем, что делается в этом доме, она знала, что число скопцов в Петербурге значительно умножается. Никаких, однако, мер для пресечения распространяющегося зла предпринимаемо не было; в это время еще не существовало никаких узаконений против скопчества; на эту секту смотрели снисходительно, на основании принципа веротерпимости в самых широких размерах. Народ же на скопцов смотрел

благодушно и в шутку называл их "масонами".

В эпоху фельетонов Ф. Булгарина Гостиный двор переживал много тревог. Отзывы его о магазинах, по большей части, появлялись всегда перед праздниками. Начинал он их всегда колко и ядовито для гостинодворца и потом переходил в хвалебный тон; обычно в это время мифическое лицо его бесед, г. Добров, спрашивал²⁶⁶: "Итак, скажите нам что-нибудь о Гостином дворе?" – "На это надобно много времени, – отвечал Фаддей Бенедиктович, – и я обещаю предпринять особое путешествие в Гостиный двор, в котором я, однако ж, не люблю часто прохаживаться". – "Как! Вы такой приверженец Гостиного двора, всегдашний его защитник и поборник!" – возражал г. Добров. "Это правда, но я не люблю беспрестанных вопросов: "Чего вам угодно-с? Чего вам надо-с?" Это вежливое "с", превращаясь в несносное для ушей шипенье, изгоняет из-под прекрасных сводов Гостиного двора всякого любопытного посетителя. Неужели купцы думают, что перебегая дорогу, снимая шляпу, кланяясь и делая неуместные вопросы с шиканьем в конце речи, можно заставить человека войти в лавку и купить ненужную вещь..."

В другом месте Булгарин писал: "Однажды, проходя по Зеркальной линии, увидел я в одной

из лавок серебряную табакерку, имевшую вид собачки. "Что хочешь за эту вещь?" – спросил я приказчика или хозяина, не знаю. "Тридцать пять рублей", – отвечал купец. "Дам пять", – сказал я в шутку и пошел. В двадцати шагах от лавки мальчик догнал меня и, подавая табакерку, сказал: "Извольте-с! Пожалуйста пять рублей". Я заплатил и ужаснулся: я предложил цену в шутку и угадал настоящую цену.

Наказание плетью в тайной канцелярии в конце XVIII столетия. С акварели XVIII века Гейслера. (Из собрания П. Я. Дашкова)

Спрашиваю: сколько бы я потерял, если б в этой пропорции ошибался по двадцать четыре раза в

год, запасаясь всем нужным в Гостином дворе!!" Иногда Булгарин писал и более неприятные вещи про гостинодворцев. Так, какая-нибудь девица Полина отписывала своей приятельнице: "Я хотя и патриотка, но не люблю покупать в Гостином дворе. Для меня несносен этот обычай зазывать в лавку. Беда быть неопытной; запросят здесь в двадцать раз более настоящей цены, заплатишь гораздо дороже; я присела в лавке и раздавила блин, который положил на стуле второпях завтракавший сиделец. Другой раз моей знакомой при выходе из лавки икорник провел черту лотком по белому салопу!" Гостинодворцы знали, что это значит, и несли дары из своих лавок к сердитому фельетонисту. Следующие уже отзывы о лавках были в ином роде: "Где вы мне советуете купить часы?" – спрашивал тот же г. Добров, или девица Полина. "Во всяком магазине Гостиного двора их множество... здесь вам поручатся за целый год за исправность проданной вещи. Если вам угодно купить цепочку, перчатки и даже бриллианты, то ступайте в лавку К-ва. Его вещи уважаются даже за границую, а в пробе золота и доброте камней вы можете верить его слову!" – "Я давно намереваюсь украсить мой кабинет несколькими бронзовыми вещами, – говорил г. Добров. – Здесь в Гостином три магазина

славятся бронзовыми товарами, а именно..." – следуют фамилии купцов.

Если Булгарин чувствовал особенную признательность к владельцу магазина, то писал: "Я видел однажды чиновника, украшенного орденами, который дружески беседовал в магазине с купцом, своим сотоварищем по училищу. Я знаю несколько случаев, в которых школьные друзья выручали из несчастья старых своих товарищей, принадлежавших к высшему сословию".

Часто реклама была и такого сорта: "Главная отличительная черта этого магазина – честность. Пошлите ребенка, его так же примут, как вельможу, и за одинакую цену отпустят товары. Сею добродетелью издавна славится меховой магазин Л-ых. Здесь находятся драгоценные плоды дикой промышленности сынов зимы, камчадала, алеута и канадца, т. е. великолепная и вместе спасительная одежда, заимствованная человеком от животных, щедро наделенных природою предохранительными средствами от действий климата; от оконечностей северо-восточных берегов Америки, через всю пространную Сибирь, Китай, Европу и Соединенные Штаты простираются отрасли обширной торговли гг. Лем-х. Покупателю у них

не надобно быть знатоком, чтобы избежать обмана" и т.д. "Продолжайте, продолжайте! – восклицает г. Добров, – Я всегда с удовольствием слушаю рассказы о честности купцов..."

В двадцатых годах пользовалась большой популярностью лавка купца Ко-ва, торговавшего, как значилось на вывеске, "разными минералиями и антиквитетами". Лавка этого продавца была целый драгоценный редкий музей: картины, оружие, фарфор, драгоценные камни и нумизматические диковинки. Иностранец, приезжавший в Петербург, редко уезжал, не видав его любопытных товаров; правда, в то время не было моды на амфоры времен Сарданапала, вазы Аннибала и кровати Марии Медичи и т. д. Тогда более была мода на отечественные диковинки. Так, за медную монету с надписью "гроши" 1724 года платили 600 рублей, за другую такую же редкую монету, четырехугольной формы, с гербами по углам и в середине со словами "Цена рубль. Екатеринбург, 1725 года", и затем надпись кругом: "Первая плата из меди Верхотурских Лялинских заводов, которые построены при воеводе господине Беклемишеве", – было заплачено 3000 рублей, первую купил купец Лаптев (автор редкой книги "Опыт старинной русской дипломатики"), вторую

– известный литератор тех времен П. П. Свиньин.

На Суконной линии был еще другой такой торговец – антикварий Дергалов; торговал он орденами и особенно музыкальными инструментами, у него, например, были всевозможные скрипки, начиная от кремонских Андреа и Николо Амати, Франческо Руджиери, Гварнери до Антонио Страдивари; были скрипки и основателей этих школ, также тирольские: Якова Штайнера, Клотца, Гваданини и Маджини из Бресции и т. д. Но особенно хорошие тогда продавались у него скрипки работы наших петербургских мастеров Иосифа Вахтера Штейнингера и русского Страдивариуса, Ивана Андреевича Батова. Скрипки Батова новые продавались от 500 до 800 рублей ассигнациями за штуку, старые же, т.е. давно сделанные, ценились от 1000 до 2000 рублей. Его произведения отличались необыкновенно тонкой работой и имели много общего с инструментами Жозефа Гварнериуса; дерево прекрасного качества, лак чрезвычайно гибкий, превосходного оттенка, не уступающий лаку Страдивариуса; размер скрипки Батова был невелик; очертания правильны; своды дек не очень высоки и понижались мало-помалу до самых усов; внутренние части сделаны из ели хорошего

качества. Был у него один только недостаток – нижняя дека в центре имела значительную толщину, что сильно вредило звучности инструмента, ослабляя гибкость деки и препятствуя свободному распространению звуков волн. Скрипки Батова так близко подходили к произведениям Жозефа Гварнериуса, что все, по большей части, покупались за границу или продавались в Петербурге за работу этого итальянского мастера.

Вот некоторые собранные нами подробности о жизни этого мастера. Батов был крепостной графа Н. П. Шереметева, родился он в 1767 году, учился ремеслу у инструментального мастера в Москве Владимирова. В бытность свою еще учеником, Батов отличался тем, что все его изделия были сделаны с необыкновенною точностию и чистотою; в мастерской Владимирова он снял копию с одной старинной скрипки с богатой резьбой, так что ее никто не отличил от настоящей. Батов за это выиграл большой заклад. Оставив своего учителя, Батов уехал в деревню графа Шереметева, где и снабжал прекрасными инструментами капеллу графа. Вскоре граф переехал на жительство в Петербург, куда вытребовал Батова, где и определил его для изучения нового тогда

мастерства – делать фортепиано. Батов попал к фортепианщику Гауку и через год уже умел исполнять фортепьяно. Батов, несмотря на большие заказы, никогда не принимал работ без позволения своего барина. Граф позволял ему делать только музыкантам. Все знаменитые виртуозы того времени пользовались его работами и отдавали ему полную справедливость. Таким образом, его заказчиками были: Гандошкин, знаменитый скрипач и балалаешник князя Потемкина; по преданию, Батов сделал ему по дружбе такую балалайку из старой, вырытой из могилы гробовой доски, что за нее впоследствии чесменский герой, граф А. Г. Орлов, предлагал ему тысячу рублей; давальцами²⁶⁷ Батова были и все иностранцы: Диц, Фодор, Френцель, Роде, Бальо, Лафон, Ламар, Борер, Ромберг и другие.

В 1814 году Батов поднес императору Александру I (которому и прежде неоднократно исправлял инструменты) скрипку своей работы; три месяца он безостановочно и неутомимо делал ее. По свидетельству знатоков, эта скрипка была *plus ultra*²⁶⁸ совершенства в отделке. Государь щедро наградил мастера. После этой скрипки Батов занялся устройством новой виолончели и, трудясь без отдыха более пяти месяцев, окончил

ее с успехом. Виолончель эта, по словам Батова, красовалась и телом, и душой. Знаменитый виолончелист Бернгард Ромберг даже не верил первое время, что она была сделана Батовым, и отдавал за нее свою старинную итальянскую. Эту виолончель мастер впоследствии поднес своему барину, графу Дм. Ник. Шереметеву, который за нее дал ему вольную со всем его семейством.

В течение своей деятельной жизни Батов сделал 41 скрипку, 3 альты, 6 виолончелей и, по просьбам друзей, 10 гитар, контрбасы он делал только в мастерской Владимирова, считая эту работу неблагодарной и почти никогда не оцененною по справедливости. Множество знаменитых итальянских скрипок были им реставрированы и спасены от преждевременного уничтожения; уважение его к старинным мастерам было беспредельно. Работая много лет сряду, он особенно обращал внимание на заготовление хорошего дерева, на которое нередко употреблял значительные деньги, покупая его даже в вещах, как, например, в дверях, старинных воротах и т. д. У него до последних дней сохранялись запасы такого дерева, заготовленные еще в царствование Екатерины II.

Наказание фухтелями в XVIII столетия. С
офорта XVIII века Гейслера

Он умер в 1839 году, оставив сыновьям не деньги, а дерево и разные рецепты для делания лака и разные лекалы, шаблоны, прорези и множество полезных приспособлений, извлеченных из результатов более пятидесятилетней постоянной практики. После его смерти осталась одна виолончель и две неоконченные скрипки, которые купил за большие деньги один итальянец банкир и увез за границу.

В тридцатых годах в Гостином дворе книжных лавок было счетом восемь: Тюленева,

Глазунова, Плавильщикова, Исакова, Фарикова, Свешникова (две), Воробьева и Сленина. Отец последнего торговал винами, но, видя в сыне страсть к книжному делу, открыл ему книжную лавку; И. В. Сленин немолодых уже лет выучился французскому и немецкому языкам; сперва он торговал в Гостином вместе с братом. Но в 1817 году основал другой еще магазин, где и занялся изданием "Истории" Карамзина (второе издание восемь томов и первое XI тома). Издание это ему обошлось в 165 000 рублей. Сленин замечателен тем, что не издал ни одного романа, песенника и т. д.

Имена старых купцов беспрестанно исчезают из списков купечества; насчитать много купцов, чей дед и отец были купцами 1-й гильдии, едва ли возможно; у нас купеческая фамилия почти всегда кончается со смертью основателя фирмы. Одно время богатые купцы тянулись в дворянство²⁶⁹, хлопотали о получении чинов и спешили во что бы то ни стало родниться со знатными дворянскими фамилиями; так, известный симбирский заводчик Твердышев весь свой громадный капитал раздал своим дочерям, которых повыдал замуж за генералов и князей. Большие имения Пашковых, Шепелевых, Баташевых, князей Белосельских есть не что

иное, как клочки огромнейшего капитала, составленного этим купцом. Впрочем, были и исключения. Так, Прок. Акин. Демидов выдал своих дочерей за фабрикантов-купцов, несмотря на то что сам уже был дворянином. Когда же одна из его дочерей объявила, что пойдет замуж только за дворянина, то Демидов велел прибить к воротам дома доску с надписью, что у него есть дочка дворянка, и потому не желает ли кто из дворян на ней жениться? Случайно проходивший в это время мимо чиновник Станиславский первый прочел это объявление, явился к Демидову, сделал предложение и в этот же день был обвенчан с его дочерью. Получивших дворянство купцов и торговавших после весьма немного; из таких известны фирмы Кусовых, Погребова, Глазуновых, кажется, и только.

Кусов первый завел транзитную торговлю и имел свои корабли. Кусов отличался большою благотворительностью; император Александр Павлович часто ездил к нему запросто в гости с императрицею. Дом его стоял у Тучкова моста, после смерти он завещал его в казну для постройки на этом месте Мариинской больницы. Кусов был масоном и служил в ложе "Астреи" казначеем, у него был сын, полковник Кавалергардского полка. Лет двадцать тому назад

род Кусовых получил баронство.

Родоначальник фамилии Кусовых был Василий Григорьевич, уроженец Троицко-Сергиевского посада; он в 1766 году переписался в петербургское купечество. Ив. Вас. был патриархом русского купечества. Слово его было верный вексель, совет – закон. Когда хоронили его, то все купечество было на ногах, самые почетнейшие несли гроб на руках. После него осталось сто семнадцать живых членов его семейства. В праздники за стол Ив. Вас. садилось до восьмидесяти его родных, помимо разных артистов, чиновников и т. д.

Старшие сыновья его, Алексей и Николай, продолжали портовую торговлю под фирмой "Ивана Кусова сыновья", невзирая на то, что были в чинах и орденах, следовательно, и дворяне. Дом Кусовых отличался необыкновенным радушием и хлебосольством. В старину так жили не только богачи и дворяне, но и купцы чуть-чуть зажиточные; теперь уж все это переходит в предание!

Другой такой богатый купец, Жербин, вышел в дворянство также очень давно. Торговал он лесом у Калинкина моста, где и имел великолепный дом, роскошная зала в котором, в два света, отделана была с царскою роскошью.

Один из наследников Жербина владеет теперь большими домами на Михайловской площади; по преданию же, первый купец в Петербурге, получивший дворянство, был Меншиков (его наследники тоже известные петербургские домовладельцы); возведен он был в это звание за услуги, оказанные его дедом, московским купцом, царям Иоанну и Петру Алексеевичам; в числе царских наград в его роду сохранялся серебряный кубок, пожалованный деду царевною Софьей. Самый старейший купеческий дом, торгующий в Гостином дворе, это дом Погребова; он основан в 1781 году. В этом доме были два редких сотрудника, гг. А. П. Зайцев и П. П. Гласков, которые, если бы магазин не закрылся, отпраздновали бы свое пятидесятилетнее пребывание в стенах торгового дома; из просуществовавших сто лет купцами известны фамилии гг. Меншуткиных и Лейкиных. Из старожилов Гостиного двора нам называли г. А. Сергеева, торговавшего в Суровской линии более шестидесяти лет, затем Ив. Ив. Ванчукова, П. Ф. Самохвалова и на Суконной линии г. Масляникова.

Гостиный двор со дня постройки не изменил наружного вида, только к Невскому проспекту он в 1886 году переделан; к удобству магазинов

много содействовала пневматическая топка, устроенная с 1837 года.

Первый теплый магазин был купца Бобренкова на Малой Суровской линии. При постройке Гостиного двора будущее отопление лавок строителем было предусмотрено, и в каждом номере были выведены дымовые трубы; на случай же пожара внутри Гостиного был выкопан обширный пруд для воды. До 1803 года в Гостином дворе на линии перед лавками были устроены шкафы; кроме того, что от них на галерее была теснота, прохожие еле проходили, рвали платье и т.д., но еще наемщики лавок терпели и ту невыгоду, что хозяева лавок отдавали лавку внаймы одному, а шкаф – другому. Наемщику лавки от этого происходил подрыв в торговле.

В 1803 году торговцы подали жалобу тогдашнему военному губернатору графу Толстому; узнав о жалобе, лавковладельцы явились с просьбой; лавковладельцам отказали. В дело даже был пущен подкуп в 25 тысяч рублей кому следовало (см. "Записки" В. Н. Гетуна "Истор. вест.", янв. 1880, стр. 283). Дело доходило до императора Александра I. Государь решил оставить только те шкапы, которые на углах против лавок устроены в стенах и не

мешают проходу, а прочие все снять, нimalo не медля, галерею очистить и впредь ее ничем не загромождать.

В начале нынешнего столетия Гостиный двор имел пять гранитных ступенек при входе; с поднятием тротуара и мостовой; последние ушли в землю. Стены Гостиного, как и фундамент, отличаются необыкновенною прочностью; что же касается фундамента кладовых внутри двора, то он сделан из одного крупного булыжника и при кладке новых этажей всегда требует переделки.

Газовое освещение в Гостином уже явилось в сороковых годах. Владельцы лавок долго не решались проводить его, их сильно пугали частые взрывы и пожары от газа; проведение газа в Петербурге было предпринимаемо в 20-х годах. Первый осветился газом Главный штаб, затем, в 1825 году, только что построенный графом Милорадовичем, в самое короткое время, очень красивый деревянный театр у Чернышева моста, фасадом на Фонтанку (где теперь здание Министерства внутренних дел). Цена лавки (стен) в Гостином, лет 30 назад, не превышала двенадцати тысяч рублей, теперь же на Большой Суровской линии доходит до 80000 рублей. Наем в год прежде ходил не дороже 600 рублей, теперь 4, 5 и 6 тысяч. Наибольшим количеством лавок

владеют в Гостином гг. Е. Е. Куканов и Миняев; у первого, по слухам, вместе с кладовыми их 18 номеров. Внутри Гостиного, параллельно наружному зданию, идет второй ряд лавок, вмещающий в себя кладовые, а также лавки с железными и медными изделиями; в среднем дворе помещается важня (большие весы) и столовая.

Вид Гостиного Двора в начале XIX столетия.

С акварели Патерсона 1804 года

В 1853 году чуть-чуть Гостиный двор не потерял своей вековой наружности с Невского проспекта; в этом году подпоручик Нелидов выхлопотал дозволение впереди Суконной линии построить новое здание с магазинами; на это

позволение комитет Гостиного двора принес жалобу военному генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву и доказал указом, данным 21 мая 1758 года императрицею Елисаветою, "что земля против Суровской линии не есть соседственное ему место, а есть неременная принадлежность выстроенных по этой линии лавок, определенная для свободного проезда к ним, а потому в отношении чистоты и мощения и освещения в продолжение 90 лет содержится на средства владельцев лавок".

В 1881 году было еще другое посягательство на перестройку Гостиного двора: какая-то французская компания предлагала свои услуги.

ГЛАВА XV

Большой театр. – Спорный вопрос о дне его открытия. – Празднество открытия театра. – "Il monde della luna". – Содержание пьесы. – Постройка театра. – Наружное и внутреннее его устройство. – Реймерс и Георги о дне его открытия. – Полицеймейстер Чулков и сатира на него Копьева. – Постановка пьес при Екатерине П. – "Начальное управление Олега". – Актеры и рецензенты старого времени. – Актрисы Семенова и Жорж. – Пожар Большого театра. – Перестройка его. – Открытие после перестройки.

Вопрос о дне открытия петербургского Большого театра до сих пор является спорным. Одни (и в том числе Дирекция императорских театров, праздновавшая столетие Большого театра 21 октября 1883 года), говорят, что театр открыт в 1783 году; по нашему же мнению, столет ему вышло только в 1884 году, и это мнение основывается на следующих источниках:

"Описание С.-Петербурга", 1794 г., стр. 96; Ив. Пушкарёв: "Описание С.-Петербурга", ч. III, стр. 120; князь А. Шаховской: "Летопись русского театра", эпоха II, стр. 1; "Театрал", карманная книжка любителей театра, СПб., 1853 г., стр. 117, и многие другие. Все эти источники говорят, что Большой театр открыт не в 1783

просматривали все повременные издания 1783 года на русском и немецком языках и нигде не могли найти дня открытия названного театра. Удивительнее всего, что такие люди, как П. Н. Арапов и Н. И. Греч, целую жизнь собиравшие все сведения по истории нашего театра, не знали верно года и дня открытия. Греч в своей статье "Взгляд на историю русского театра", напечатанной в "Русской Талии" 1825 года, говорит, что Большой каменный театр был открыт в 1783 году. П. Н. Арапов, в своей "Летописи", прямо перепечатывает это известие, и затем эта величайшая неверность повторяется несколько раз в разных "Театральных альманахах" и доходит в ошибке до наших дней.

Наиболее последовательный из летописцев нашего театра князь Шаховской первый сообщает, что каменный театр был открыт в 1784 году итальянской оперой: "Il mondo della luna" ("На луне"). Приводим здесь интересную заметку об этой опере музыкального критика М. М. Иванова; по словам его, опера принадлежала перу двух знаменитостей своего времени – Гольдони и композитору Паэзиэлло, или, правильнее, Паизиэлло. Последний долго жил в Петербурге, где занимал место дирижера в опере и инспектора театральных оркестров. Днем

открытия театра был день коронации императрицы. Об этом ясно сказано на заглавном листе пьесы Гольдони, напечатанной²⁷¹ в Петербурге (у Брейткопфа): ""На луне" – веселое театральное празднество, имеющее быть представленным в новом каменном императорском театре по случаю дня первого открытия, назначенного на торжественный день коронования ее императорского величества Екатерины II". Отсюда видно, что, во-первых, с празднованием юбилея дирекция опоздала ровно на месяц, ибо Екатерина короновалась 22 сентября 1761 года, а во-вторых, что Р. Вагнер, взяв для своих опер обозначение *Bühnenweihfestspiel*²⁷², только вернулся к старому и пустил в ход выражение, употреблявшееся итальянцами в театральном мире задолго до него. Итак, нет ничего нового под луною: ни промахов театральных дирекций, ни употребления театральных терминов.

Комедия "На луне" была написана Гольдони сперва в трех актах. Но так как торжественный спектакль не может очень долго продолжаться, то пьесу переделали, составив из нее одно довольно большое действие в пяти картинах. Паизиелло раньше приезда в Петербург написал и дал в Неаполе оперу на этот же сюжет под названием

"Праведный лежковерный". Для открытия же петербургского театра он сочинил совсем новую музыку. Она состоит из нескольких хоров, ансамблей, дуэтов и инструментальных интермедий, размеров не особенно значительных, по обычаю времени. Содержание пьесы следующее. Молодой человек, Эклиτικο, ухаживает за Кларисой, дочкой некоего Буонафедe, любителя последних слов науки. Увлечение наукой не мешает ему держать дочерей под замком. Но давно уже известно, что взрослых девушек не спрячешь, а человек идет к гибели именно путем своих увлечений. На увлечении старика Эклиτικο строит план соединения с возлюбленной. Вместе со своим приятелем Эрнестом, влюбленным в другую дочь старика, Фламинию, ему удастся одурачить лежковерного Буонафедe. Он убеждает его, что ему, в качестве астролога, удалось войти в сообщение с луною и получить приглашение переселиться туда навсегда. Буонафедe, видевший уже в телескоп Эклиτικο разные диковинные туманные картины, поддается раскинутым сетям и желает сопровождать своего молодого друга на луну. Ему дают сонных капель и переносят в сад Эрнеста, где устраивается ряд волшебных сцен: старику поют деревья, эхо говорит на разные голоса,

пастушки танцуют с нимфами и т. д. Буонафедe в восторге и просит только, чтобы и дочерей его перенесли в очаровательный лунный мир.

Площадь Большого театра.

С редкой гравюры того времени. (Из собрания
П. Я. Дашкова)

Желание его исполняется, а монарх луны, изображаемый слугою Эрнеста, приказывает Буонафедe обвенчать молодежь. Обман, в заключение, конечно, раскрывается, но исправить его немислимо, и Буонафедe остается покориться своей судьбе.

Такова эта незамысловатая пьеса. Некоторые

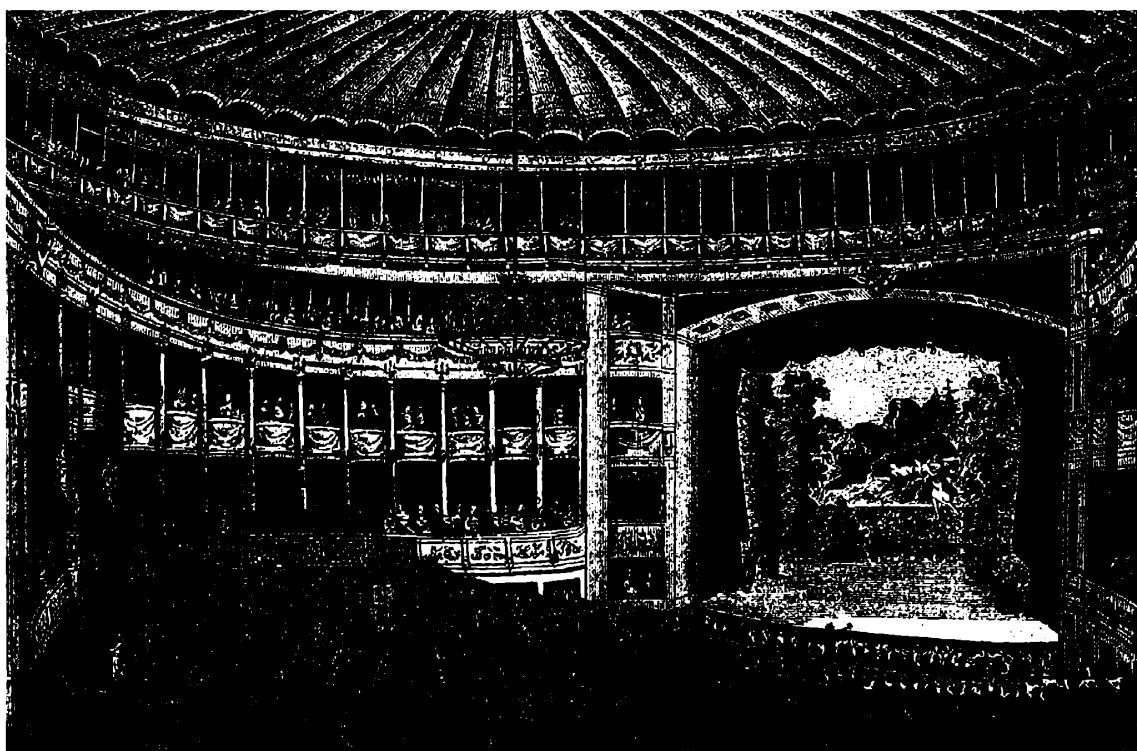
положения в ней, впрочем, очень милы и забавны. Музыка оперы Паизиелло должна, вероятно, находиться в театральной библиотеке.

Артисты, исполнявшие оперу "На луне", были: Бальдассаре Маркетти (Буонафедде), Бернуччи (Клариса), Фермоли (Эклитико), Бен. Маркетти (Фламиния), Брокки (Эрнест) и Маццони (слуга). Хористы – из придворной капеллы. Танцовщики и танцовщицы – итальянцы. Балетмейстер Анджиолини, декораторы и машинист – Градицци, Бигарри и Домпьеры – тоже итальянцы.

Вот что говорит Реймерс (автор известного труда о Петербурге на немецком языке) об основании Большого театра: "Во времени восшествия на престол Екатерины в столице было два маленьких театра, но собственно оперного театра еще не было. Поэтому в 1784 году императрица приказала выстроить большой каменный театр; он был воздвигнут известным художником Тишбейном, под наблюдением генерала Бауера, на одной широкой площади, на правой стороне Николаевского канала, недалеко от Матросской церкви, но хотя величина его была довольно значительна, однако скоро он стал слишком мал для быстро возраставшего населения города. Внутренность театра,

вмещавшего до 3000 человек, неоднократно переделывалась. Сначала царская ложа находилась на середине, как раз в уровень с эстрадой, так что для сидевших в ней всякая перспектива в декорациях исчезала, что было причиной частых оптических обманов. При Павле амфитеатр уничтожили и все очищенное место заняли под кресла и партер, а царскую ложу, которая до той поры находилась напротив эстрады, перенесли в первый ряд лож. В начале настоящего царствования театр снаружи был увеличен, а внутри переделан совершенно и превосходно разукрашен французским архитектором Томо²⁷³. В первом ряду лож, теперь значительно выдвинутых вперед, находится и царская ложа; по желанию монарха, вполне согласному с обычным благородством образа мыслей Александра, она ничем не отличается от прочих. Самая театральная зала, с тех пор как ее осветили аргантовыми лампами и украсили великолепной люстрой, представляет величественное сооружение, которое вполне соответствовало бы своему назначению, если бы не один важный ее недостаток: отсутствие резонанса; в ложах, расположенных напротив эстрады, голоса актеров едва слышны". Затем он описывает внешность театра и площадь. "В

хороших актерах для национального театра чувствовался до сих пор решительный недостаток, – продолжает он. – Чтобы помочь этому, монархиня учредила в 1785 году в одном из зданий на левом берегу Невы, недалеко от императорского Летнего сада, императорское Театральное училище". Эта связь между учреждением Большого национального театра и Театральным училищем еще более говорит в пользу того, что Большой театр действительно основан в 1784 году.

Вид зала Большого театра в Екатерининское время. С весьма редкой гравюры XVIII столетия.
(Из собрания П. Я. Дашкова)

При Екатерине II учреждения возникали в известной системе, и недостаток актеров тотчас же должен был сказаться, и тотчас же учреждена и Театральная школа, наполнявшаяся преимущественно из воспитанников и воспитанниц Воспитательного дома.

Реймерс напечатал свою книгу спустя двадцать лет со дня открытия театра, следовательно, ошибки в таком важном факте, как основание Большого театра, не могло быть уже потому, что автор был современником этого события. Книга Реймерса не скороспелая компиляция, а серьезный труд. Другой очевидец этого же события, Георги, говорит в своей книге:

"Повелением Екатерины Второй построенный в 1784 году под смотрением славного театрального живописца Тишбейна и под главным надзиранием г. генерал-поручика Бауера. Снаружи представляет он громадное здание величественного вида. Над главным входом стоит изображение сидящей Минервы из каррарского мрамора с ее символами, а на щите надпись: *Vigilando quiesco* (покоясь, продолжаю бдение). Все здание определено для комедий, трагедий, опер, концертов и маскарадов. Поелику в комедии и трагедии требуется, чтоб можно было явственно слышать говоренное и различать

черты лиц актеров, то и неудобно было сделать залу весьма великую. Для достижения же первого отверстие театра сделано столь велико, как обширность места позволяла. Императорская ложа находится в середине, против театра, в горизонте оно и так, что все перспективные линии в оной смыкаются, отчего разнообразные представления здесь наиболее пленяют. Под кровлей находятся четыре большие водохранилища с восьмью мехами и двумя насосами; сверх того, в этом здании 8 крылец и 16 выходов, которые все имеют взаимную связь между собою. Ради громовых ударов сделан при сем театре профессором Кольрейфом громовой отвод, где копье Минервы управляет молниею.

На прекрасной обстроенной площади около театра во время Святой недели бывают качели для увеселения черни, и стоят шесть беседок из дикого камня, коих предмет и построение равен с находящимися на Дворцовой площади. На последних зимою раскладывается огонь для кучеров, стоящих на улице во время съезда". Здесь же сменялись гвардейские караулы и во время торжественных празднеств давались народу жареные быки и били фонтаны с вином. В этих же беседках в дни тезоименитства императрицы производились поздравления

музыкою и барабанным боем. Цены на места в Большом театре установлены были в следующем порядке: за ложу 1 яруса 12 рублей, за кресло сначала по 2 рубля, потом 2 рубля 50 копеек, вход в партер стоил рубль медью. Кресел всего в то время было три ряда; в кресла садились одни старики, первые сановники государства; офицеры гвардии и все порядочные люди помещались в партере, на скамьях. В ложах второго яруса нередко можно было видеть старых женщин, с чулком в руках, и купцов-стариков в атласных халатах, с семьей, по-домашнему. В эту эпоху спектакли начинались обычно в 5 часов и кончались не позднее десятого часа; цензура пьес была подведомственна с.-петербургскому обер-полицеймейстеру и совершалась очень немногосложно. В канцелярию полицеймейстера, куда собиралось множество всякого народа: кто с прошением, кто забранный на улице за пьянство или буйство, приходили и авторы с рукописями, просмотр которых совершался очень быстро, на ходу. Тут же обер-полицеймейстер прочитывал их и подписывал. Особенно отличался своею грубостью в конце царствования Екатерины и в начале царствования Павла полицеймейстер Чулков. Раз, осыпая насмешками известного в то время остряка-поэта А. Д. Копьева, автора

комедии "Лебедянская ярмарка", пришедшего к нему по делу, он стал приставать к нему со словами: "Говорят, что ты пишешь стихи? Напиши же сейчас мне похвальную оду, вот перо и бумага". – "Хорошо", – отвечал Копьев, подошел к столу и написал:

Отец твой Чулок,
Мать твоя тряпица,
А ты сам?
Что за птица?

В царствование Екатерины об актерах и театре говорили в обществе с большим интересом; в то время еще существовали записные театралы из людей всех слоев общества; тогда первое представление какой-нибудь трагедии, комедии или оперы возбуждало всеобщий интерес и порождало всюду толки и суждения. Новая пьеса была тогда настоящею новостью; в бенефисы брали старые пьесы, и зрители являлись. Тогдашнее однообразие репертуара и привычка зрителя к однообразию всего сценического были почти изумительны; теперь невозможно понять, как доставало терпения десять, двадцать раз смотреть одно и то же. Такое же однообразие было и в самой игре актеров. Театральные традиции переходили от

одного к другому. Все актеры, и хорошие, и дурные, постоянно тогда пели или читали, но не говорили. У хороших выходило лучше, у худых хуже, но манера была у всех общая и одинаковая, да и стихи и проза того времени не позволяли от нее отступления.

Обстановка пьес и костюмировка того времени тоже не могут идти ни в какое сравнение с нынешним. Смешно было смотреть на бедность декораций, машин и одежды. Герои все тогда являлись в каких-то однообразных балахонах. Бывали, впрочем, исключения, но такие существовали только на Эрмитажном театре. Так, например, в 1788 году были пожалованы императрицею роскошные костюмы и весь гардероб ее двух царственных предшественниц для великолепного представления "Олега".

Вот заглавие этой пьесы: "Начальное управление Олега, подражание Шекспиру, без сохранения театральных обыкновенных правил, в 5 действиях. Музыка соч. Сартя, с его же объяснением, переведенным Н. Львовым, СПб., 1791 года". Это по своему времени роскошное издание сочинения Екатерины II не было в продаже. По слухам, эта величайшая теперь библиографическая редкость недавно отыскана в количестве нескольких сотен экземпляров.

Народное гулянье на Неве в Екатерининское время. С офорта XVIII столетия Нютгейля. (Из собрания П. Я. Дашкова)

Содержание пьесы относится к веку великого князя Рюрика, когда он при конце жизни, оставляя сына своего Игоря в несовершеннолетнем возрасте, передал княжение шурина своему, урманскому князю Олегу. Театр представляет место, где соединяются реки Москва, Яуза и Неглинная. Являются бояре новгородские, киевляне, вожди и народ. Жрецы подносят первый камень для заложения города Москвы. Затем происходит торжественный обряд заложения города и отъезд Олега в Киев. Второе действие открывается шествием угров через Киев.

Театр представляет луг на берегу Днепра. На противоположной стороне реки видна часть города; на первом плане сцены шатры княжеские, Олег с Игорем принимают киевских бояр, пришедших с жалобой, будто бы Аскольд, князь киевский, не соблюдает веры предков и изменяет праотцовские обычаи. Олег отрешает Аскольда от княжения и отдает его под стражу.

Третье действие самое интересное. Театр представляет великолепную палату княжеского дома в Киеве. Две боярыни свахи вводят под руки нареченную невесту Игоря, изборскую княжну Прекрасу. Сваха сажает Прекрасу за дубовый стол, за скатертьями браными; четыре боярыни-свахи и четыре сидячие боярыни помещаются по обеим сторонам сцены на лавках; затем свахи наряжают Прекрасу, надевают на нее верхнее русское платье и накрывают покровом с убрусцем²⁷⁴, украшенным золотом, жемчугом. Затем садятся по местам; появляется Олег и нарекает Прекрасу Ольгою. Действие оканчивается балетом и торжественным шествием к венцу.

В четвертом действии представлен Константинополь. На заднем плане сцены видна городская стена и шатры Олеговых войск. Олег осаждает город, остается победителем и

заключает с Леоном, царем константинопольским, достославный мир.

В пятом действии театр представляет внутренность императорского дворца в Константинополе. Император Леон, царица Зоя и Олег идут рядом перед ними стража греческая и придворные сановники и царедворцы Олега. Хор поет:

Коликой славой днесь блистает
Сей град с прибытием твоим!
Он всех веселий не вмещает
В просторном здании своем.
Но воздух наполняет плеском
И ночи тьму отъемлет блеском.

Стихи эти были взяты из сочинений Ломоносова. Замечательно, что стихи эти были еще петы и в 1826 году, при некоторых торжествах, во время коронации императора Николая. В последней сцене представлен ипподром константинопольский, Леон, Зоя и Олег сидят на возвышенном месте. Начинаются разные игрища: бег, борьба, конские ристалища, и оканчивается все балетом.

Постановка этой пиесы стоила около 15000 рублей.

Театр времен Екатерины можно было назвать

отражением тогдашнего утонченного тона, источником изящества, стиля и т. д. Театры, как и актеры, в то время были мастера при случае сложить мадригал и расшаркаться по всем правилам салона. На сцене как ни была пламенная любовь Федры, Андромахи или Роксаны, но они всегда умели сохранить в обращении приемы придворных. Федра, Андромаха, Роксана, испуская дух, произносили правильные периоды и умирали с подобающим чином...

Старые театральные рецензенты были тоже учтивые и вежливые люди, все их печатные отзывы об игре артистов были писаны на тему мадригалов; перед именами первых артистов непременно ставили ласкательные эпитеты: единственный, незабвенный, славный и т.д., а некоторых величали и виршами, например: "Вальберхова Дидона достойна трона".

Как мы уже заметили, закулисная жизнь и разные анекдоты артистов возбуждали общее любопытство и переходили от одного к другому в ежедневных рассказах. В десятых годах нынешнего столетия поклонники артисток Семеновой и Вальберховой гонялись за каретами этих актрис, останавливали их на улице, выражая им свое обожание, и нередко заводили ссоры с противниками за превосходство каждой из них.

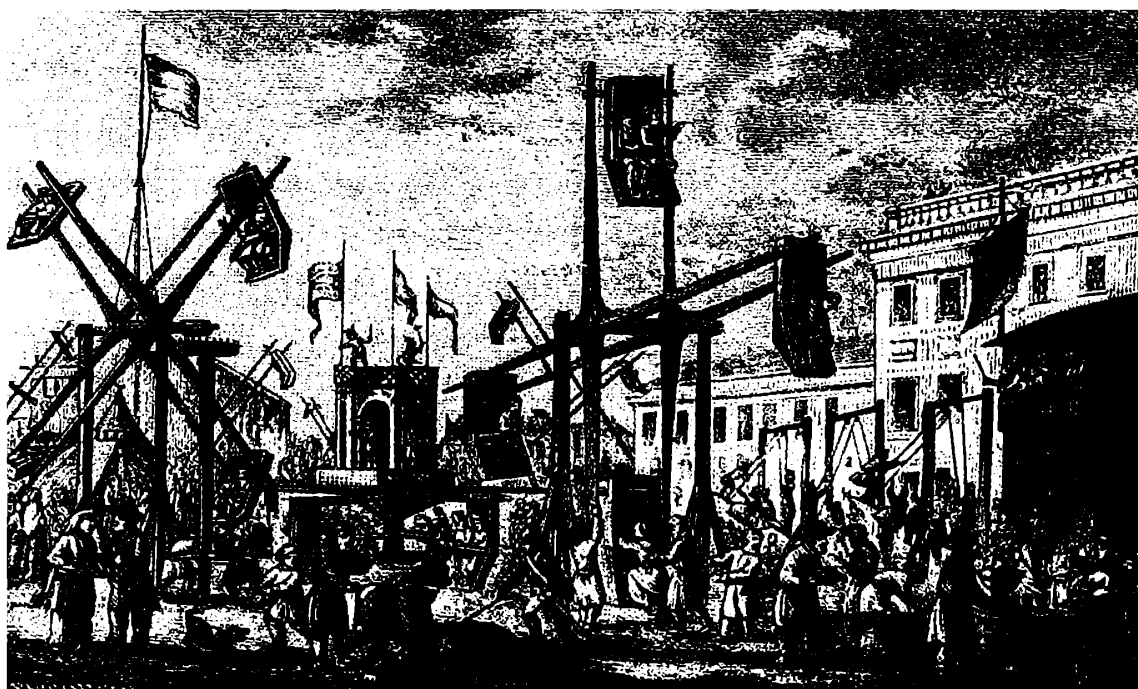
Про Семенову современники говорили, что эта актриса обладала всем тем, что только может иметь женщина, посвящая себя театру. Мода на вечера с чтением Семеновой была настолько велика, что ей платили по 500 рублей и более за вечер. Нелединский в своей книге "Хроника недавней старины" пишет: "Для забавы твоей матери я пригласил к себе Семенову. Она декламировала роли Арианы, Гермiony, Ксении из "Эдип" Озерова; подарок был 500 рублей. Вчера Семенова декламировала у графа Строганова, где имела большой успех. Завтра она будет у Вяземских" и т.д. Про игру этой артистки говорили, что она прежде отличалась необыкновенною простотою и естественностью, но с приездом в Петербург знаменитой французской актрисы Жорж она рабски стала подражать последней и "запела растянутою декламациею". Эта неслыханная до того на русской сцене дикция сильно понравилась публике, и Семеновой стали восхищаться еще более, чем прежде, провозгласив ее первую актрисою в свете.

Но если Жорж и пела, то у этой артистки, приехавшей в 1808 году в Петербург, двадцати четырех лет от роду, во всем блеске своей красоты и силе таланта, были минуты истинного

вдохновения в ролях Федры, Меропы, Клитемнестры, Семирамиды и проч. Жорж, сводившая с ума весь Париж и прославившаяся связью с Наполеоном I²⁷⁵, вызвала целую бурю восторга в петербургском обществе. Первый дебют г-жи Жорж в Большом театре был 13 июля 1808 года, в трагедии Расина "Федра".

Вот что пишет о ней в "Драматическом вестнике" неизвестный театральный критик характерным языком прошлого столетия: "К нам приехала из Парижа новая актриса, г-жа Жорж, которая может включена быть в малое число славных трагических лиц. Всеобщая молва о ее дарованиях заставила меня с лорнетом в руках замечать в театре все ее движения, голос, взгляды. Г-жа Жорж, лет 22-х девица, роста большого, стройна, прекрасна собою, волосы черные, овал лица греческий, и по тому самому с первого уже появления вселяет в зрителях охоту ее видеть, замечать... К тому же все ее телодвижения ловки, игривы, как говорят живописцы. Словом, для кисти и резца она лучший образец. Голос у нее свободный, громкий, выговор внятный; многие замечали, будто она слишком уже протяжно говорит, даже поет; но забыли, что самое лицо, ею представленное, того требовало; известно нам, что так произносили на

театрах древних, в роде которых сия трагедия писана. На этот самый случай фернейский драматург пишет, чтобы отнюдь не произносить стихи как прозу, он даже бранит тех, которые дерзают сей язык великих людей унижать обыкновенным выговором: поверим ему в этом, он не лгал, когда касалось до вкуса.

Народные увеселения в Петербурге в
Екатерининское время. С гравюры Ходовецкого,
сделанной с рисунка с натуры Майера

К тому же, как я замечал, актриса в некоторых только местах употребляла протяжное произношение, когда того требовало ее положение, страсти, перемена разговора... Нужно только предуведомить наших молодых актрис,

чтобы они с большей осторожностью принимали такой напев... Пожалуй, иная пропоет нам трагедию на голос "Nel cor più non mi sento".

Далее критик говорит: "Пора мне следовать за Федрою от первого ее явления в трагедии до последнего", и следует за игрой артистки, разбирая ее очень толково, со знанием дела. Заканчивая свой разбор, критик описывает наряд г-жи Жорж: "Одежда актрисы, – говорит он, – соответствовала представляемому лицу; на голове царская повязка или диадема золотая; белое, золотом шитое покрывало; белая, с золотой бахромою туника, на плечах мантия, руки обнаженные, на них запястья, или браслеты. В пятом действии она была без повязки и покрывала, волосы вверх забранные. Некоторые зрители желали, чтобы она распустила свои волосы, но они, конечно, позабыли, что в древние времена при каких-либо несчастиях или горестях не распускали волосы, а, напротив, совсем их обрезывали".

В 1802 году Большой театр был перестроен архитектором Томо. Он сгорел в ночь на 1 января 1811 года, и в 1818 году был возобновлен архитектором Модюи. Для открытия давали пролог князя Шаховского "Меркурий на часах".

Р. М. Зотов в своих воспоминаниях пишет:

"Подобного литературного падения я не запомню. Представлена была заставка на Парнасе, и Меркурий со строгим разбором пропускал в нее разные роды пьес. Публике показалось, что автор выставил личности, и ошिकाла пьесу самым жестоким образом. Из 129 пьес Шаховского имели подобную участь только драма "Лилия Нарбонская" и трагедия "Роксана"".

В 1826 году Большой театр был перестроен архитектором Кавосом и значительно поднят для возвышения потолка залы и для удобства машин на сцене, устроенных машинистом Роллером.

Открытие последовало 26 октября 1836 года первым представлением оперы "Жизнь за Царя" М. И. Глинки. С этого времени на Большом театре стали происходить только оперные и балетные представления; впрочем, в пятидесятых годах давали и небольшие водевили, для съезда публики, иногда перед балетами. В 1856 году, 30 августа, в Большом театре состоялся торжественный столетний юбилейный спектакль в память обнародования указа об учреждении русского театра.

ГЛАВА XVI

Михайловский замок, жилище императора Павла I. – Легенда о построении дворца. – Распорядители над постройками. – Работы днем и ночью. – Анекдот и стихи Копьева. – Торжественная закладка замка. – Жизнь императора Павла в Зимнем дворце. – Парады и разводы. – Балетные танцовщицы на параде. – Анекдот. – Наружное и внутреннее величие замка. – Полная реформа военного быта. – Первые дни царствования императора. – Строгости и новые порядки. – Рассказ А. И. Тургенева. – Внутреннее убранство дворца. – Картины. – Серебряные балюстрады. – Обед государя. – Рассказы современников. – Шут императора Иванушка. – Анекдот из гатчинской жизни. – Гарнизонная служба в Михайловском замке. – Перемены в армии. – Опочивальня императора. – Рассказы А. Коцебу. – Комната, в которой скончался император. – Присутственный день в Павловское время. – Судьба Михайловского замка. – Инженерный замок. – Хлыстовский корабль.

На месте, где находился деревянный Летний дворец императрицы Елисаветы, "в третьем саду", император Павел в 1796 году приказал выстроить Михайловский замок. Дворец этот сохранялся только как последний памятник Елисаветинской эпохи; все ею основанные дворцы в царствование Екатерины обращены в богоугодные и другие заведения.

Причину постройки нового дворца тогда в Петербурге объяснили каким-то загадочным случаем. Известно, что Павел Петрович принадлежал к масонству²⁷⁶, он верил в сны и предзнаменования. Рассказ его о видении ему его прадеда, Петра I, приводится многими его современниками; также известен и сон его перед днем вступления на престол, переданный в записках графа Растопчина. Ему снилось, что его три раза поднимает к небесам какая-то невидимая сила. Сон его накануне смерти тоже описан²⁷⁷. Тут ему привиделось, что ему на спину надевают узкий парчовый кафтан, и с таким усилием, что он готов был закричать от боли. Постройка дворца также находится в прямой связи с этой верой в видения. Вот как рассказывали тогда об этом случае. Однажды солдату, стоявшему в карауле при Летнем дворце, явился в сиянии юноша и сказал оторопевшему часовому, что он, архангел Михаил, приказывает ему идти к императору и сказать, чтобы на месте этого старого Летнего дворца был построен храм во имя архистратига Михаила. Солдат донес о бывшем ему видении по начальству, и когда об этом доложили императору, он ответил: "Мне уже известно желание архангела Михаила; воля его будет исполнена". Вслед за этим он распорядился

о постройке нового дворца, при котором должна быть построена и церковь во имя архистратига Михаила, и самый дворец было приказано называть Михайловским замком. Главным распорядителем всех работ назначен сперва тайный советник В. С. Попов, потом гофмаршал граф Тизенгаузен. Первым архитектором был Бренна, помощниками его: Руско, Соколов, Насонов и Пильников, к ним еще было прикомандировано несколько архитектурских учеников и несколько каменных мастеров, и учреждена была "особая экспедиция для строения", которой отпускалась из кабинета и казначейства единовременно сумма в 791200 рублей и ежегодно по 1173 871 рублю 10 копеек в течение трехлетнего срока; экспедиции было вменено в обязанность, чтобы замок был окончен вчерне непременно в 1797 году. При такой поспешности работы производились и днем, и ночью; очевидцы рассказывали, что в ночное время работы освещались факелами и фонарями; рабочих ежедневно на работах было от 2500 до 6000 человек, не считая тут мастеров и надзирателей. Материалы доставлялись тоже с большою поспешностью, и, кроме заготавливаемых по подрядам, для замка были разобраны каменные галереи дворца в Пелле и перевезены

сюда, а также брали мрамор и камни от строившегося в ту пору Исаакиевского собора, который после того и стали достраивать из кирпича.

Известный в то время своими проказами, стихами и остротами Алек. Данил. Копьев написал на эту тему стихотворение²⁷⁸:

Се памятник двух царств,
Обоим столь приличный:
Основа его мраморна,
А верх его кирпичный.

Император Павел за это стихотворение приказал в тот же день зачислить его в один из армейских полков солдатом. Н. И. Греч в своих записках говорит, что Чулков пал вместе с Архаровым за непомерное вздорожание сена в Петербурге, вследствие его глупых распоряжений. На их падение Копьев нарисовал карикатуру: Архаров лежал в гробу, выкрашенном новою краскою полицейских будок (черною и белую полосую); вокруг него стояли свечи в новомодных уличных фонарях, у гроба же Архарова стоял Чулков и утирал глаза сеном.

Копьев, помимо своих острог, был известен в Петербурге и художбою своей малокормленной четверни. Однажды он ехал по Невскому, а отец

поэта Пушкина шел пешком по тому же направлению. Копьев предлагает довезти его. "Благодарю, – отвечает тот, – но не могу: я спешу". Под старость Копьев занимался подрядами и торгами и отличался скупостью и неопрятностью.

26 февраля, в пятом часу, происходила торжественная закладка Михайловского замка с церемониею, на которой присутствовал сам государь с императрицею и все августейшее семейство. Император с императрицею по выходе из кареты шествовали в сопровождении придворных, иностранных посланников и всего двора; государь был встречен архиереем Иннокентием и всем столичным духовенством. Процессия остановилась у мраморного камня, приготовленного для закладки, с высеченною на нем надписью: "В лето 1797-е, месяца февраля в 26 день, в начале царствования государя императора и всея России самодержца Павла Первого, положено основание зданию Михайловского замка его императорским величеством и супругою его, государынею императрицею Мариєю Феодоровною". По обеим сторонам камня были поставлены богато убранные столы, на которых на серебряных блюдах лежали серебряные лопатки с именами их

величеств, известка, яшмовые камни, наподобие кирпича, с вензелями императора и супруги его, серебряный молоток с надписью и на особых столиках разные новые монеты, золотые и серебряные. После молебна и пушечной пальбы с крепости началась закладка замка. Государю подносили: лопатку – коллежский советник Пушкин, известь – архитектор Соколов, камень – действительный статский советник Ходнев, блюдо с монетой – граф Тизенгаузен. Императрице известь подавал архитектор Бренна, камень – подполковник и капитан Михайловского замка Жандр; великим князьям и княжнам – архитекторы гг. Баженов, Ильин, Крок и Зайцев.

По восшествии на престол император Павел жил в Зимнем дворце; здесь у него в первое время в нижнем этаже, под одним из коридоров дворца, было устроено большое окно, в которое всякий мог бросать свои прошения на имя императора. Павел сам хранил у себя ключ от этой комнаты и никогда не манкировал²⁷⁹ отправляться в нее каждое утро в семь часов, где собирал прошения, собственноручно их помечал и затем прочитывал их сам или заставлял одного из своих статс-секретарей читать их себе вслух. Ответы на них или решения всегда были либо написаны, либо подписаны им самим и затем сообщены

печатно в газетах. Это все делалось без замедления. Иногда просителю предписывалось обратиться в какое-либо ведомство и затем известить его величество о результате этого обращения. Этим путем, по словам современников, было обнаружено много несправедливостей. Император особенно не любил взяточничества, лжи и обмана и крайне был заботлив о правосудии. Малейшее колебание в исполнении его приказаний, малейшая неправильность на службе влекли за собою строжайший выговор и даже наказание без всякого различия лиц. Император иногда легко приходил в гнев от малейшего противоречия; в действительности Павел был человек доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться в своих ошибках. Нередко государь оплакивал свою вспыльчивость, но, к несчастью, не имел достаточно силы воли, чтобы победить себя. В его царствование часто за ничтожные недосмотры и ошибки в команде офицеры прямо с парада отсылались в другие полки на большие расстояния. Это случалось довольно часто, и в то время все офицеры имели обыкновение носить свои бумажники с деньгами всегда за пазухой, чтобы не остаться без копейки на случай

внезапной ссылки. Часто также вспышки гнева императора кончались одним смехом самого же государя. Раз при разводе император, прогневавшись на одного гвардейского офицера, закричал: "В армию, в гарнизон его!" Исполнители подбежали к офицеру, чтобы вывести его из фронта. Убитый отчаянием офицер громко сказал: "Из гвардии да в гарнизон! Ну, уж это не резон!" Император расхохотался. "Мне это понравилось, господин офицер, – сказал он, – прощаю вас".

Михайловский замок был готов в 1800 году, и 8 ноября состоялось его освящение, одновременно с освящением и его церкви. Освящение отличалось большою торжественностью. Государь и великие князья ехали верхом. Государыня и великие княжны и первые чины двора ехали в церемониальных каретах, от Зимнего дворца к замку, между выстроенными полками, при колокольном звоне по всему городу. Церковь освящал митрополит Амвросий в сослужении со всем Святейшим Синодом. Митрополит после освящения удостоился получить от Павла в награду бриллиантовый иерусалимский крест²⁸⁰.

Наружное великолепие замка при основании его было очень разукрашено; на всех фасадах

красовались мраморные статуи, вазы и разные фигуры, служащие теперь украшением Зимнего дворца. Замок представлял образец архитектуры итальянского возрождения; его тогда окружали рвы с подъемными мостами, брустверы, чугунные решетки и т. д. Замок имел двадцать бронзовых пушек двадцатифунтового калибра, со всеми снарядами, расставленных в разных местах на платформах. Внешний вид замка – четырехугольник, в поперечнике сорока девяти сажен.

Екатерина Семеновна Семенова.
С гравированного портрета Уткина

Внутри замка три двора, в середине главный в виде осьмиугольника, к Фонтанке имеющий форму пятиугольника и на углу к Царицыну лугу – треугольный. Вход в замок через трое ворот: *Воскресенские*, с портиками и колоннами полированного гранита с украшениями из пудожского камня, ведут на главный двор; на этот двор позволялось въезжать лишь членам императорского семейства и посланникам; *Рождественские*, чугунные, со стороны Большой Садовой улицы, и *Зачатейские* ворота, с Фонтанки. Наружные фасады замка не одинаковы, и каждый принадлежит к особому ордену. Главный фасад из красного и серого мрамора, подвалы и нижний этаж выстроены из тесаного гранита; остальные части стен окрашены в красноватый цвет, происхождение которого, по достоверному преданию, приписывается рыцарской любезности императора; говорят, что одна из придворных дам явилась однажды в перчатках этого цвета и что император послал одну из этих перчаток в образец составителю этой краски. Говорят, что после окраски замка в этот цвет многие петербургские домовладельцы поспешили окрасить и свои дома в такой колер.

По сторонам Воскресенских ворот стояли две большие пирамиды с трофеями, вензелями и

медальонами. Сверху карниза возвышается фронто́н, украшенный историческим барельефом из пудожского камня; над фронтоном мраморный аттик и императорский герб, поддерживаемый двумя фигурами Славы. Две ниши в нижнем этаже, по обеим сторонам среднего выступа, украшены двенадцатью колоннами ионического ордена. Главный карниз и парапет из разноцветных мраморов, как и фриз, на котором бронзовыми буквами надпись: "Дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней". Противоположный этому главному фасад, обращенный к Летнему саду, имеет большое крыльцо из сердобского мрамора, на котором размещены десять дорических колонн, поддерживающих балкон; на самой середине фасада возвышается аттик с лепными украшениями; по сторонам спуска назначено было поставить колоссальные бронзовые статуи Венеры и Геркулеса Фарнезского. На третьем фасаде, к Фонтанке, сделан полуциркульный выступ с шестью колоннами дорического ордена, архитравом, карнизом, фризом и балюстрадом, окружающим балкон. Над выступом купол и сторожевая башня с древком, которое назначено было для поднятия штандарта, когда государь находился в замке. К Большой Садовой улице,

четвертый фасад был с обширным высоким крыльцом из серого гранита длиной в 14 сажень, шириною в пять, служащим для входа в церковь. На двух углах крыльца поставлены были вазы, по бокам входа – четыре мраморные половинчатые колонны; в нишах первого этажа – лепные украшения, а второго – статуи, изображающие Веру и Надежду; над окнами второго этажа, где теперь окна третьего этажа, – барельефы четырех евангелистов из белого каррарского мрамора; на аттике по бокам изображения св. апостолов Петра и Павла, а посередине вызолоченный крест, на карнизе лепные ангельские головки. Купол, четыре канделябра над колонною и шпиг были вызолочены. 27 августа 1840 года в 9 часов утра этот церковный шпиг сгорел от молнии.

Михайловский замок окружала каменная стена вышиною в сажень; к замку от Большой Садовой вели три липовые и березовые аллеи, посаженные еще при императрице Анне; каждая из них упиралась в железные ворота, украшенные императорскими вензелями; перед замком расстился обширный плац, окаймленный с обеих сторон садами. На плацу был поставлен и освящен вместе с Михайловским замком памятник Петру Великому. Император изображен в римской тоге с лавровым венком на голове и с

фельдмаршальским жезлом в правой руке. На монументе надпись: "Прадеду правнук 1800 г." Мысль соорудить этот памятник принадлежит императрице Анне Иоанновне, предполагавшей поставить его на Васильевском острове, на площади Коллегий (где теперь университет); отлит он был в царствование Елисаветы Петровны графом Растрелли или, вернее, литейщиком Мартилли. В царствование Екатерины II он лежал на берегу Невы у Исаакиевского моста под навесом, и только по повелению Павла поставлен на настоящее место. На другой стороне плаца возвышаются два каменных двухэтажных павильона, предназначенные тогда для жилья дворцовых служителей; теперь здесь помещается фехтовальный класс и гальваническое заведение.

От павильонов шла широкая кленовая аллея, разделяя с одной стороны Михайловский манеж и с другой здание бывшей берейторской школы. Оба эти здания принадлежат ко времени Павла; они тогда входили в черту решетки, отделявшей пространство, занятое садами и дворцом императорским и простиравшееся от Симеоновского моста по Караванной и Итальянской до Екатерининского канала. Плац перед главным фасадом замка назывался

Коннетабльским; здесь происходили смотры и парады, страсть к которым у императора Павла доходила до крайних пределов, – даже балетные танцовщицы были не изъяты одно время от этого удовольствия. А. М. Каратыгина в своих воспоминаниях рассказывает: "Раз Берилова (известная танцовщица) с моею матушкой пошли посмотреть развод у дворца. Государь увидел, узнал их и, подъехав к ним, спросил: "Как они очутились тут?" На ответ, что им очень нравится это зрелище, Павел Петрович только улыбнулся. Каково же было общее удивление и смущение, когда вслед за тем в театральную дирекцию прислан был высочайший приказ, чтобы все балетные актрисы присутствовали при каждом разводе войск у дворца!"

Император Павел ввел полную реформу военного быта и завел прусские военные порядки. Суворов говорил: "Русские всегда били пруссаков; так чего ж тут перенимать?" Когда Суворов получил палочки для меры солдатских кос и буклей, то сказал: "Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, я не немец, а природный русак". Слова эти повели к разрыву между императором и фельдмаршалом. Гораздо ранее, когда еще в Гатчине Павел стал вводить новые порядки, то Екатерина называла их "обрядами

неудобоносимыми". По словам Болотова, Измайловский полк, которым командовал Константин Павлович, в одну ночь изучил новые приемы фронтовой службы и тем доставил такое удовольствие императору, что он заплакал от радости. Муфты и шубы были изгнаны из гвардии, мундир, прежде стоивший 120 рублей, при нем обходился в 22 рубля. Служба в гвардии при Екатерине была самая легкая, офицеры, стоявшие на карауле, одевались в халаты, случалось иногда и так, что жена надевала мундир мужа и несла за него службу. В шведскую войну полковница Меллин заменила мужа, надев мундир и став перед войсками.

В Павловское время мундиры были широки и свободны, узкие и обтянутые явились в царствование Александра I, зато букли, косы и треуголки доводили солдат до слез. Если солдат готовился к параду, то еще с вечера должен причесать голову, намазать ее салом и обсыпать мукой. Для солдат вместо пудры отпускалась ржаная мука. Причесанный солдат ночь спал сидя, чтобы не измять буклей; бывали случаи, что и крысы отъедали косы у сонных. Также неудобны были для солдат огромные треугольные шляпы. Когда на ученье скомандуют беглым шагом, так шляпы и летят с голов. На ученье

тогда наряжалась особая команда для подбирания шляп.

А. М. Тургенев в своих записках (см. "Рус. стар.", 1887) рассказывает, какие он должен был перетерпеть страдания по поводу этих военных реформ, когда его приготавливали к дежурству при дворе в один из первых дней нового царствования; вот что он говорит:

"В 5 часов утра я был уже на ротном дворе: двое гатчинских костюмеров, знатоков в высшей степени искусства обделывать на голове волосы по утвержденной форме и пригонять амуницию по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладели моею головою, чтобы оболванить ее по утвержденной форме, и началась потеха. Меня посадили на скамью посредине комнаты, обстригли спереди волосы под гребенку, потом один из костюмеров, немного чем менее сажени ростом, начал мне переднюю часть головы натирать мелко истолченным мелом; если Бог благословит мне и еще 73 года жить на сем свете, я этой проделки не забуду!

Минут 5 или много 6 усердного трения головы моей костюмером привело меня в такое состояние, что я испугался, полагал, что мне приключилась какая-либо немощь: глаза мои видели комнату, всех и все в ней находившееся

вертящимися. Миллионы искр летали во всем пространстве, слезы текли из глаз ручьем. Я попросил дежурного вахмистра остановить на несколько минут действие г. костюмера, дать отдых несчастной голове моей. Просьба моя была уважена, и г. профессор оболванения голов по форме благоволил объявить вахтмейстеру, что сухой проделки на голове довольно, теперь только надобно смочить да засушить; я вздрогнул, услышав приговор костюмера о голове моей.

Великий князь Павел Петрович в 1781 году. С гравированного портрета Скородумова

Начинается мокрая операция. Чтобы не вымочить на мне белья, вместо пудромантеля окутали рогожным кулем; костюмер стал против меня ровно в разрезе на две половины лица и, набрав в рот артельного квасу, начал из уст своих, как из пожарной грубы, опрыскивать черепоздание мое; едва он увлажил по шву головы, другой костюмер начал обильно сыпать пуховкою на голову муку во всех направлениях; по окончании сей операции прочесали мне волосы гребнем и приказали сидеть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на голове клестеркоре²⁸¹; сзади в волоса привязали мне железный, длиною 8 вершков, прут для образования косы по форме, букли приделали мне войлочные, огромной натуры, посредством согнутой дугою проволоки, которая огибала череп головы и, опираясь на нем, держала войлочные фальконеты с обеих сторон на высоте половины уха. К 9 часам утра составившаяся из муки кора затвердела на черепе головы моей, как изверженная лава вулкана, и я под сим покровом мог безущербно выстоять под дождем, снегом несколько часов, как мраморная статуя, поставленная в саду".

На первых порах такие реформы поглощали все внимание начальствующих лиц. Известно, что

Павел шутить не любил...

Во внутренность Михайловского дворца вели четыре большие лестницы и две меньших размеров. Гранитные ступеньки парадной лестницы поднимаются между двумя балюстрадами из серого сибирского мрамора и пилястрами из полированной бронзы. Наверху лестницы стояли на часах два гренадера, лестницы наружно запирались большими стеклянными дверями. Наверху же, у входа, были великолепные красного дерева двери, украшенные бронзой. Правая дверь вела в парадные комнаты императора; но, помимо этих дверей, можно было войти из передней налево в овальную залу, в которой дежурило тридцать солдат с одним офицером. Этот караул постоянно сменялся из одного и того же полка, между тем как другие караулы во дворце исполняли солдаты из других полков.

В передней овальной комнате стоял бюст шведского короля Густава Адольфа, на потолке был плафон весьма плохой работы Смуглевича, здесь же висели шесть картин исторического содержания работы гг. Шебуева и Угрюмого и две картины английского художника Аткинсона.

В этой зале впоследствии было выставлено тело императора; лежало оно на парадной

постели, ногами к окнам. Н. И. Греч в своих воспоминаниях говорит: "Я раз десять ходил в Михайловский замок и мог видеть только подошвы его ботфорт и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лоб. Едва войдешь в дверь, указывали на другую, с увещанием: "Извольте проходить"". Императора Павла похоронили накануне Светлого Христова Воскресения, 23 марта. Когда везли его тело, то по обеим сторонам улиц стояли войска в беспорядке, с большими интервалами.

Следующая тронная зала имела до двенадцати сажен в длину и около пяти в ширину; стены залы были обиты зеленым бархатом, затканым золотом, в ней помещалась огромная печь в тринадцать аршин, вся обделанная бронзою, и стоял трон, обитый красным бархатом, богато затканый и вышитый золотом, над ним виднелся герб России, окруженный гербами царств: Казанского, Астраханского, Сибирского и т.д. Вокруг всей залы висели гербы остальных городов и областей России и знамена Мальтийского ордена. В этой зале помещалось самое большое зеркало во всем дворце, вылитое в Петербурге на стеклянном заводе.

Из тронной залы шла галерея арабеск, последние были работы Пьетро Скотти; далее

широкие зеркальные двери вели в галерею Лаокоона; четыре великолепных гобелена украшали стены этой комнаты, с изображением сцен из Священного Писания; здесь же стояли мраморные статуи: Амура и Психеи, Дианы и Эндимиона; в конце этой галереи дежурили на страже два унтер-офицера, лейб-гвардии с эспонтонами ²⁸² в руках: они охраняли вход в овальную гостиную, убранную с необыкновенной роскошью; мебель в ней была обита бархатом огненного цвета, с серебряными кистями и шнурами.

Эта гостиная была смежна с обширной мраморною залой, в которой стоял караул мальтийских кавалеров; зала имела в длину пятнадцать сажен, пять в ширину и семь в высоту. Она была построена в два яруса, стены ее были разделаны инкрустациями из черного мрамора и бронзы. На одном из концов залы был устроен оркестр из белого мрамора, с балюстрадаю из полированной бронзы, на которой стояло десять больших бронзовых канделябров в форме ваз. Потолок был еще не доделан – в Риме писался "Парнас", который предназначался для украшения потолка. В конце залы находилась обширная ниша, через нее был вход в круглую тронную залу, стены которой

были обтянуты красным бархатом, затканым золотом. Окна были тоже завешены такою же матернею, за исключением одного из цельного стекла в массивной серебряной раме.

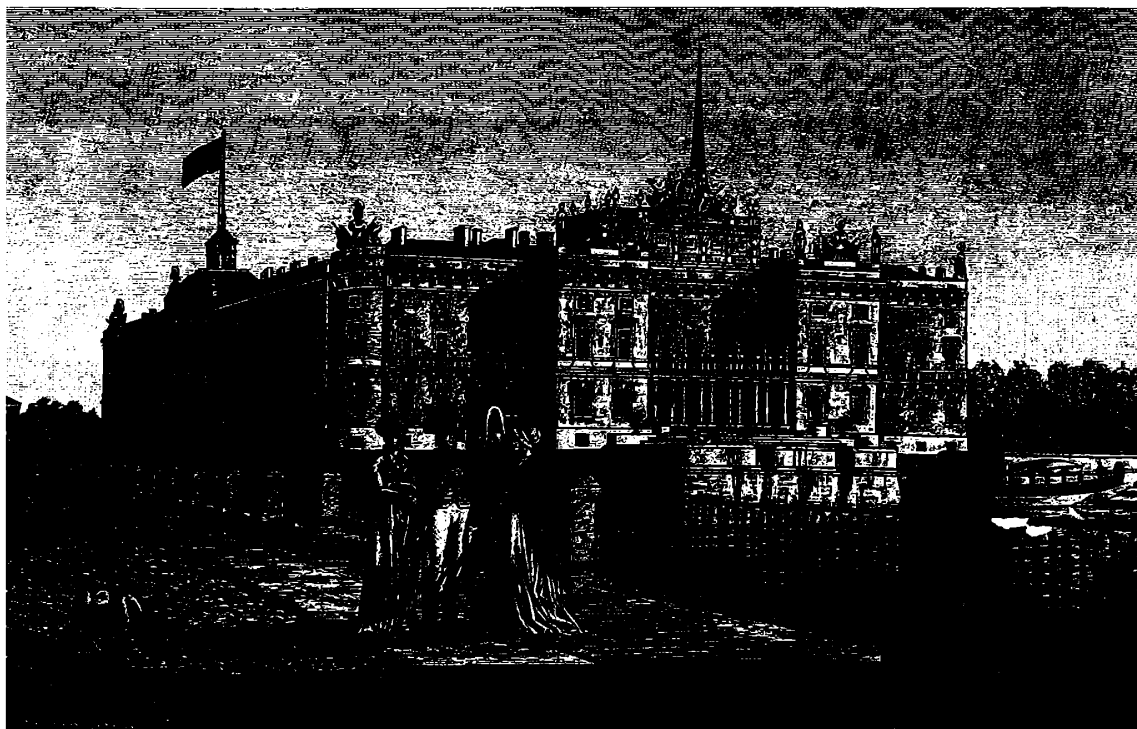
Трон, стоявший в этой зале, отличался от того, который стоял в первой тронной зале, лишь количеством ступенек: у первого было восемь ступенек, у этого только три. Девять люстр из чистого серебра, отчасти матового и отчасти полированного, украшали эту залу. Большая люстра была вышиною в четыре аршина с четвертью, восемь других по три аршина с половиною; работал эти люстры датчанин фон Баух. Плафон был расписан художником Карлом Скотти "en samie". Незадолго до своей смерти император Павел приказал красный бархат заменить желтым с серебряным шитьем, и в углах этой комнаты должны были явиться медальоны, лавровые венки из массивного серебра, и мастерам уже было отпущено с монетного двора сорок пудов серебра; из этой залы была дверь, которая вела во внутренние апартаменты императрицы, в кабинет и парадную спальню; стены комнаты были отделаны под мрамор и обрамлены золотыми гирляндами; за балюстрадаю из массивного серебра, длиною в тринадцать аршин и весом в четырнадцать

пудов²⁸³, стояла кровать, украшенная золотой резьбой, под светло-голубым бархатным балдахином, подхваченным серебряными шнурами и кистями. Камин в этой комнате был отделан аметистами и другими драгоценными камнями.

Зала рядом служила и столовою, и концертною комнатою, в ней играли постоянно великие князья; из этой комнаты был ход в тронную залу императрицы. Трон государыни стоял на одной ступеньке и был гораздо меньше, чем трон императора; около тронной залы императрицы была галерея Рафаэля, которая получила название от четырех превосходных ковров "en haute lice", покрывавших почти во всю длину одну из четырех стен. Это были копии с превосходных картин, находящихся в Ватикане. За этой галереей шла продолговатая четырехугольная зала, в которой находилась прекрасная античная статуя Вакха и затем несколько новейших бюстов, статуй, древних ваз, барельефов и саркофагов. К этой зале соприкасалась караульная комната, где постоянно дежурил взвод конногвардейцев.

Во внутренние апартаменты императора и императрицы вела дверь из Рафаэлевой галереи; прихожая была расписана просто и украшена

семью картинами работы Ван-Лоо, изображавшими сцены из жизни св. Григория. Вторая комната была тоже самой простой отделки: белая с золотыми разводами, в полях стен представлены ландшафты и виды дворца. На плафоне была изображена сцена из жизни Клеопатры, когда она на пиру бросает жемчужину в уксус. В третьей комнате стены были разрисованы ландшафтами Мартынова, представляющими виды дворцов Гатчинского и Павловского. В шести шкафах из красного дерева заключалась библиотека императора. В этой комнате стоял караул из лейб-гусаров.

Вид Михайловского замка со стороны Летнего сада. С гравюры Патерсона 1801 года

Потайная дверь вела отсюда в кухню, исключительно предназначенную для государева стола, в которой готовила кушанье кухарка-немка. Незадолго перед смертью он велел устроить точно такую же кухню в Зимнем дворце, рядом со своими жилыми апартаментами. Павел приказал отказать всем дворцовым подрядчикам и велел покупать для дворца все припасы на рынке по рыночным ценам. Расходы дворца тотчас же значительно сократились.

Император говорил, что если каждый частный человек не лишен удовольствия обедать в своей семье, то зачем лишаться его государю. Поэтому он положил за правило, чтобы члены его семейства обедали всегда с ним вместе, и особые столы во дворце были уничтожены. Изгоняя роскошь при дворе и желая приучить подданных к умеренности, он назначил число кушаньев по сословиям, а у служащих по чинам: майору определено было иметь за столом три кушанья. Як. Кульнев²⁸⁴, впоследствии известный генерал, служил тогда в Сумском гусарском полку и не имел почти никакого состояния. Павел, увидя его где-то, спросил: "Господин майор, сколько у вас за обедом подают кушаньев?" – "Три, ваше императорское величество". – "А позвольте узнать, господин майор, какие?" – "Курица

плашмя, курица ребром и курица боком!" – отвечал Кульнев. Павел расхохотался.

Несмотря на известную всем воздержность в пище императора Павла, обеденный стол его убирался роскошно и в особенности изобиловал десертом. Вот как описывает стол императора Павла старый его паж К. К. Бошняк²⁸⁵. Ровно в известный час император в сопровождении всех лиц императорской фамилии, с их воспитателями, вступал в столовую. Он шел обыкновенно впереди всех с императрицею. Грозно кругом оглядываясь, он отрывистым движением снимал с рук краги, которые вместе со шляпой принимал дежурный камер-паж. За столом царило глубокое молчание, прерываемое иногда государем да воспитателем графом Строгановым, дерзавшим иногда вступать в спор с Павлом.

Случалось, когда царь был в особенно хорошем расположении духа, к столу призывался придворный шут Иванушка, изумлявший иногда самого Павла смелостью своих речей. Этот Иванушка нередко был отличным орудием для лиц, которые хотели обратить на кого-нибудь гнев или милость монарха. От себя он ничего не выдумывал, но как попугай повторял выученное, причем при вопросе, от кого он слышал какую-нибудь чересчур смелую выходку,

указывал не на тех, кто его действительно научил, а на лиц, о которых его учителя нарочно запрещали ему говорить, зная наверно, что их-то имена он и назовет. Однажды государь, выслушивая его далеко не глупые ответы на вопрос: "Что от кого родится", обратился к Иванушке: "Ну, Иванушка, а от меня что родится?" Шут, нисколько не оробев, бойко ответил: "От тебя, государь, родятся чины, кресты, ленты, вотчины, сибирки²⁸⁶, палки..." Разгневанный этим ответом государь приказал немедленно бедного шута наказать палками. С трудом могли его умиловать, и все ограничилось лишь тем, что дурака удалили из Петербурга. (Шута этого впоследствии хорошо знали в Москве, где он коротал дни свои в доме известной красавицы Н. В. Нащокиной. И у нее тоже, пользуясь положением невменяемости, он часто заставлял гостей своей хозяйки глотать горькие пилюли.) По окончании стола Павел, сняв со стола вазы с остатками конфет и бисквитов, бросал последние в угол зала, видимо, забавляясь, как пажи, толкая и обгоняя друг друга, старались набрать как можно более лакомств.

Император после обеда всегда садился в большие кресла и отдыхал, если он жил летом в

Гатчине или Петергофе, то всегда прямо у растворенных дверей балкона. В это время вся окрестность замирала в молчании; махальные от дворцового караула выставлялись по улицам, езда в городе прекращалась.

Раз в такую-то пору, как рассказывает В. И. Даль, пробираясь по направлению ко дворцу, паж Яхонтов вздумал пошалить и, вскочив на простенок к окну, из которого глядели фрейлины, во все безумное горло пустил сигнал: "Слушай!" Можно себе представить, какая тревога поднялась во дворце; император вскочил и позвонил: "Кто кричал *слушай?*" – спросил он вне себя. Вышедший бросился искать в караулке. Последовал второй, третий и четвертый звонок и опять спрос, кто кричал, но виновного не находили. Коменданта уже давно дрожь пробрала до костей: он кидается на колени перед караулом и умоляет солдат: "Братцы, спасите, возьми кто-нибудь на себя, мы умиловим после государя, не бойтесь, отстоим, он добр, сердце отляжет!.." Гвардеец выходит из фронта и говорит смело: "Я кричал, виноват". Чуть не на руках вносят мнимого виноватого к государю. "Ты кричал *слушай?*" – говорит Павел. "Я кричал, ваше императорское величество!" – "Какой у него славный голос! В унтер-офицеры

его и сто рублей за потеху".

Павел не ел скоромного по средам и пятницам; в его время посты в обществе редко соблюдались. Император, раз будучи доволен на смотре войсками, наградил их деньгами и, сверх того, велел раздать солдатам и офицерам рыбы. Так как это случилось в рождественский пост, то многие видели в этой раздаче намек на соблюдение поста. Император был религиозного направления: он издал указ о неработании в воскресенье и о соблюдении этого дня; затем указ (3 декабря 1796 года) об освобождении от телесного наказания судимых за уголовные преступления священнослужителей; в этом указе, между прочим, было сказано: "Чинимое судимым из священнического сана наказание, в виду тех самых прихожан, кои получают от них спасительные тайны, располагает народные мысли к презрению священнического сана". Император Павел стал первый давать приходскому духовенству наперсные кресты и другие орденские знаки.

В той же третьей комнате, где стоял шкаф с книгами и была потайная дверь в кухню, имелась еще другая потайная дверь, которая вела в небольшую комнату, где дежурил иногда караул лейб-гусаров. К этой комнатке примыкала витая

лестница, которая вела на двор, где у двери стоял один часовой.

Из библиотеки была дверь в спальню императора. Павел в ней часто сживал днем, и здесь же он скончался²⁸⁷. Перед смертью Павел вел жизнь скучную и одинокую. Он сидел в запертом Михайловском замке, охраняемом как средневековая крепость. Единственные прогулки императора ограничивались тем, что называлось "третьим Летним садом", куда не допускался никто, кроме него самого, императрицы и ближайшей его свиты. Аллеи этого сада постоянно очищались от снега для зимних прогулок верхом. Гарнизонная служба в Михайловском замке отправлялась как в осажденной крепости. После пробития вечерней зари немногие особы допускались в замок по малому подъемному мостику²⁸⁸, который опускался только для них. В числе последних был плац-адъютант замка. Он был обязан доносить лично императору о всяком чрезвычайном происшествии в городе, например, о пожаре и т.п. Караулы в замке содержали поочередно гвардейские полки. Внизу, на главной гауптвахте, находилась рота со знаменем, капитаном и двумя офицерами. В бельэтаже расположен был внутренний караул, который наряжался только от

одного лейб-баталиона Преображенского полка. Павел особенно любил этот баталион и поместил его в здании Зимнего дворца, смежном с Эрмитажем, отличил офицеров и солдат богатым мундиром – первых с золотыми вышивками вокруг петлиц, а рядовых петлицами, обложенными галуном по всей груди.

Осмотр великим князем Павлом Петровичем
работ на набережной Невы в 1775 году.
С гравюры XVIII столетия Ле-Ба, сделанной
с карты Ле-Пренса

Гатчинские же баталионы были одеты совершенно по-прусски: в коротких мундирах с

лацканами, в черных штиблетах; на гренадерах были шапки, как теперь у Павловского полка, а на мушкетерах маленькие треугольные шляпы без петлицы, только с одной пуговкою. Офицеры этих баталионов до вступления еще императора Павла на престол одевались крайне неряшливо, в поношенные мундиры, нередко перекрашенные. Офицеры сюда поступали из кадетов морского корпуса, оказавшиеся неспособными к морской службе. По вступлении Павла на престол им была обмундирована вся армия в новую форму.

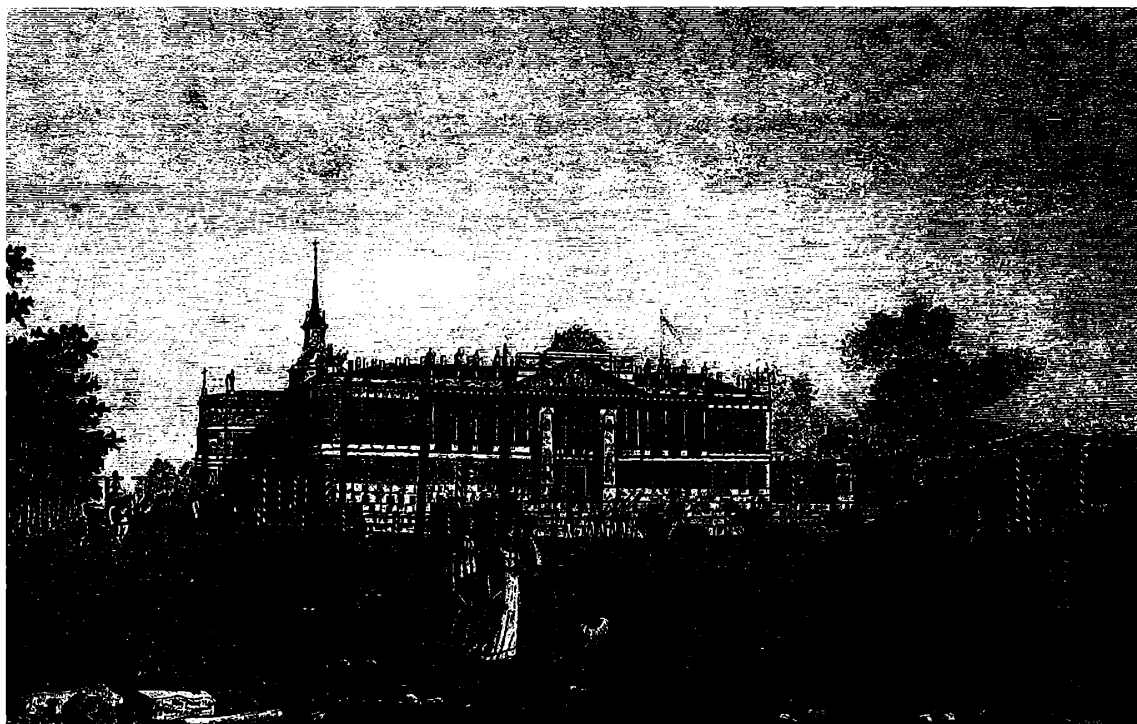
Вот описание павловского нового костюма: он состоял из длинного и широкого мундира толстого сукна, не с отложным, а лежащим воротником и с фалдами, которые спереди совсем почти сходились; из шпаги между этими фалдами, воткнутой сзади, из ботфортов с штибель-манжетами или штиблет черного сукна, из низкой сплюснутой треугольной шляпы, узкого галстука, которым офицеры казались почти раздавленными, перчаток с огромными раструбами, простого дерева форменной палки с костяным набалдашником и, наконец, из двух насаженных над ушами буколь с длинною, тугой проволокой и лентой, перевитою косою. Исключая кавалерии, все одеты были в мундиры одинакового цвета, но зато отвороты и обшлага были розовые,

абрикосовые, песочные, кирпичные, всех в мире цветов. Вместе с тем были сделаны и такие перемены: бесчисленные толпы гвардейских сержантов и вахмистров потребованы на службу, и многие малолетние за неявкой исключены вовсе из полков. При одном Преображенском полку тогда числилось до 2000 таких лиц, во всей же гвардии до 20 000.

Бывало в Екатерининское время, что получали полковые свидетельства на детей, еще не родившихся. Такие военные люди в детстве достигали порядочных чинов. Жихарев в своих воспоминаниях рассказывает о Горяйнове, который еще в пансионе имел чин надворного советника. При Екатерине приписанных к гвардейским полкам производили в армию несколькими чинами выше. Павел стал выпускать в армию одним чином выше. Он хотел лейб-батальон отделить от Преображенского полка и переименовать лейб-компанией, т. е. исключительной стражей, охраняющей его особу; адъютант этого лейб-батальона Аргамаков исправлял должность плац-адъютанта дворца и имел право даже ночью входить в царскую спальню.

Спальня Павла была довольно большая комната; множество картин работы Берне,

Вувермана и Вандермейлена украшали ее стены. Посредине комнаты стояла маленькая походная кровать без занавесок, за простыми ширмами (кровать эту после смерти императора хранила в своей спальне, в Павловске, вдовствующая императрица), над кроватью была картина с изображением ангела, работы Гвидо-Рени, и висели шпага, трость и шарф его величества, в углу портрет старинного рыцаря-знаменосца, работы Жан-Ледюка, также на одной из стен этой комнаты висела картина, изображавшая все военные мундиры русской армии. Павел всегда спал в белом полотняном камзоле с рукавами, в ногах его лежала любимая его собака Шпиц; император особенно любил собак, не разбирая пород, и иногда простая дворняжка была его фаворитом! Шишков рассказывает, что в Павловске, во дворце, во время вечерних отдохновений императора на половине императрицы, простая дворная собака лежала всегда на шлейфе платья государыни. Павел очень любил этого пса, брал его на парады и в театр, где он сидел в партере на задних лапках и смотрел на игру актеров. В день смерти императора эта собака, никуда прежде не отлучавшаяся, вдруг пропала.

Вид Михайловского дворца со стороны главного фасада. С акварели Патерсона 1804 года

Письменный стол императора в спальне был замечательной работы, он стоял на колоннах из слоновой кости с бронзовыми капителями, два подсвечника из слоновой же кости на кубках из янтаря поддерживали четыре пасты, изображающие императора, императрицу и великих князей. Эти подсвечники, как и стол, были сделаны под наблюдением самой императрицы. Тогда уверяли, что в спальне императора был трап и несколько потаенных дверей. Август Коцебу²⁸⁹, у которого мы заимствовали описание некоторых комнат дворца, говорит: "Могу засвидетельствовать

неточности этих показаний: великолепный ковер, покрывавший пол, исключал возможность существования их, сверх того, печь стояла не на ножках и, следовательно, под нею не было свободного пространства, как многие уверяли". В спальне, правда, было две двери, скрытых занавесью: одна вела в известный чуланчик, другою запирался шкаф, в который складывались шпаги офицеров, взятых под арест. Проход из библиотеки в спальню состоял из двух дверей, и благодаря необыкновенной толщине стен между этими двумя дверьми оставалось пространство, достаточное для того, чтобы могли устроить направо и налево две другие потаенные двери. Тут они действительно были: дверь направо служила к тому, чтобы запирасть помещение для знамен, дверь налево открывалась на потаенную лестницу, через которую можно было спуститься в апартаменты императора, находившиеся на нижнем этаже.

В царствование императора Александра II на собственные суммы его величества устроена была здесь домовая церковь во имя св. Павла, в ней замечателен иконостас резной работы из дуба. По преданию, покойный император раз в год приезжал сюда и уединенно молился.

Император Павел вставал в пять часов утра,

умывался и обтирал лицо льдом; в шесть часов он принимал государственных людей с докладами, в восемь часов кончалась аудиенция министров, в двенадцать часов он обедал вместе с семейством, после обеда он отдыхал немного и затем отправлялся по городу на прогулку. После вечерней прогулки у императора во дворце бывало частное домашнее собрание, где императрица, как хозяйка дома, сама разливала чай. Император ложился спать иногда в восемь часов вечера, и вслед за этим во всем городе гасили огни. По рассказам современников, жители Петербурга старались всячески скрывать ночью свет в окнах, завешивая и запирая последние ставнями.

Присутственный день в Павловское время начинался в пять часов утра, во всех канцеляриях и коллегиях в это время уже горели свечи на столах, и сенаторы уже с восьми часов утра сидели за красным столом. Запущения дел, особенно в сенате, император не терпел; он помнил, что после кончины Екатерины II в нем осталось более чем 30000 нерешенных дел; желание императора было, чтобы и в самых отдаленных местах его государства указы и его повеления исполнялись быстро. В его время курьеры ездили из Петербурга в Москву менее

чем в двое суток, таких курьеров тогда было до 120 человек.

Богато убранных покоев в Михайловском замке, помимо описанных нами, было еще несколько в нижнем этаже; здесь много дорогих вещей помещалось в комнатах, обделанных деревом. Этим способом обивки стен деревом была устранена сырость, которая покрывала все стены и потолки дворца. По рассказам современников, следы разрушающей сырости в большой зале, в которой висели картины, несмотря на постоянный огонь в каминах, виднелись в виде полос льда сверху донизу по углам и потолку. Настолько был сыр дворец, что в первый раз, когда император дал в нем бал, в комнатах стоял такой туман от зажженных восковых свечей, что везде была густая мгла и тысячи свеч мерцали, как тусклые фонари на улице. Гостей можно было с большим трудом различать в конце каждой из зал; они как тени двигались в потемках. Все дамские наряды и уборы отсырели и в полутьме казались одного цвета. Дворец для всех был крайне неудобен, беспрестанно было нужно проходить по коридорам, в которых дул сквозной ветер.

В числе особенно драгоценных вещей в замке было несколько великолепных севрских ваз,

люстра из превосходного хрусталя, стоившая 20000 рублей, несколько ваз работы Петербургского фарфорового завода, затем большая каменная из красного порфира и несколько оригинальных картин Греза, одна Рубенса, восемь пейзажей Щедрина с видами Павловска, Гатчины и Петергофа. Два прекрасных плафона, писанных И. П. Скоти, изображающих один Кефала и Прокриду, а другой Венеру, выходящую из воды; затем несколько картин Анжелики Кауфман, Карло Марати и множество еще других. По рассказам, крыша на дворце была из чистой меди, подоконники мраморные, а ручки у окон бронзовые, изящной работы. Обычай снимать шляпы далеко еще до дворца с переездом императора в Михайловский замок был отменен. Новый обычай, по словам современников, было вывести тогда очень трудно. Полицейские офицеры стояли на углах улиц, ведущих к Михайловскому замку, и убедительнейше просили прохожих не снимать шляп, а простой народ даже били за такое выражение почтения. Когда государь жил в Зимнем дворце, то прохожие должны были снимать шляпу при выходе на Адмиралтейскую площадь с Вознесенской и Гороховой улиц. Ни мороз, ни

дождь не освобождали от этого. Кучера, правя лошадьми, обыкновенно брали шляпу или шапку в зубы. Императором также был установлен этикет, чтобы при встрече с ним мужчины выходили из своих экипажей и отдавали честь, а дамы выходили на подножку только экипажа. Говорили тогда, что император нарочно придумал такой сопряженный с неудобствами обычай, чтобы вывести из моды шелковые чулки и башмаки, в которых тогда щеголяли все мужчины. Очень понятно, что в грязь и снег мужчинам было очень неудобно выходить из экипажа. Павел вводил ботфорты, он был враг роскоши, а шелковые чулки в то время стоили в три раза дороже, чем куль муки в девять пудов. При дворе был введен также и другой этикет Павлом: при встрече мужчины должны были становиться перед государем на колени и целовать у него руку.

По смерти императора Павла двор вскоре покинул Михайловский замок, и в том же году, по повелению Александра I, замок поступил в гоф-интендантское ведомство, а мебель, статуи, картины и прочие вещи отосланы отсюда для хранения в Таврический, Мраморный, Зимний дворцы и в императорский кабинет. Большая половина бельэтажа дворца оставалась пустою, в

остальной помещалась Конюшенная контора и Конская экспедиция; на нижнем этаже жили генералы Дибич, Сухтелен, архитектор Камерон, придворные служители и чиновники, всего до 900 человек. Затем здесь же доживал свой век старый кастелян²⁹⁰ замка Иван Семенович Брызгалов. В 1840 году он бродил еще по Петербургу бодрым девяностолетним старцем, в однополом мундире, ботфортах и крагенах, с тростью в сажень, в шляпе с широкими галунами. Брызгалов был родом из крестьян и дослужился при Павле до чина майора; в замке он наблюдал за своевременным подниманием и опусканием подъемных мостов.

Михайловский замок служил императору Павлу I резиденцией только сорок дней.

После смерти императора Павла много перемен произошло как снаружи, так и внутри церкви. Многие украшения, как, например, вазы, стоявшие снаружи и внутри, сняты, нет изображений апостолов, стоявших на аттике, нет канделябр в простенках первого и второго этажей, серебряных царских дверей и лампад, золотой лампы и позолоты в куполе.

В 1822 году дворец, до того времени называвшийся Михайловским, был переименован в Инженерный замок; до этого года в замке и в

принадлежащих к нему зданиях в разное время помещались многие учреждения. Так, здесь стоял лейб-гвардии жандармский полуэскадрон, был институт слепых, комитет по благотворительной части, канцелярия министра духовных дел и просвещения.

В наружной стороне Михайловского замка со дня постройки не сделано особенно важных изменений, за исключением того, что мраморные статуи и другие фигуры сняты и отправлены в другие дворцы и уничтожены укрепления и подъемные мосты. От прежних внутренних украшений осталась теперь одна только Тронная зала с другою круглою комнатою, да еще в некоторых комнатах сохранилась на потолках живопись.

В 1817 году в Михайловском замке был открыт Тайною полициею в квартире жены полковника Татаринова, урожденной Буксгевден, хлыстовский корабль. К этому хлыстовскому обществу принадлежали князь А. Н. Голицын, В. М. Попов, Лабзин, богатый помещик Дубовицкий, князь Энгальчев и другие. Здесь утром по воскресеньям к Татариновой собиралось до 40 человек, и при этом совершались хлыстовские сборища. Солдатка Осипова показала, что ее, приведя в квартиру

Татариновой, положили на постель, затем она была приведена в беспамятство; к ней ввели человека, которого называли пророком, и он ей говорил что-то не совсем понятное. В этом хлыстовском корабле купцы первой гильдии Фролов и Тименков достигали такой быстроты в кружении, что гасили свечи и люстры. Рассеянное общество Татариновой тайно продолжало существовать до конца тридцатых годов.

ГЛАВА XVII

Театр в старину. – Его репертуар. – Примадонны. – Крепостные артисты. – Опера-буфф. – Указ о сохранении благочиния в театрах. – Первые вызовы артистов. – Метание кошельков. – Первый вызов автора. – Начало проспектальной платы. – Доступ артистов в дома меценатов. – Дом А. И. Оленина. – Кутежи. – Актеры Яковлев и Пономарев. – Директора театров Юсупов, Нарышкин, Тюфякин и другие. – Цыганские хоры. – Их история. – Иван Соколов. – Цыганская Каталани Стеша. – Солистки позднейшего времени.

Театр в царствование Екатерины всегда был полон, все лучшие места были заняты по абонементу. Кресла так и назывались годовыми; кресел всего было три ряда, стоили они два рубля с полтиною; в них садились одни старики, первые сановники государства; офицеры гвардии и все порядочные люди помещались в партере на скамьях, за рубль место. Публика в ложах отличалась полнейшей патриархальностью, нередко можно было видеть женщин в чепчиках с чулком и купцов в атласных халатах, с семьей, по-домашнему.

Мода держать актрис на содержании процветала, как и ратование за приятелей-актеров. Все люди образованного

класса делились на театральные партии. Так, в 1800-х годах существовали партии Семеновой и Вальберховой. За каретами их бегали, останавливали их, выражали им свои похвалы и ссорились на улице за превосходство каждый своей актрисы.

В конце царствования Екатерины русский репертуар стал оскудевать отечественными произведениями и стал обогащаться переводными итальянскими пьесами, и, наконец, опера-буфф, наша теперешняя оперетка, вполне овладела русским театром.

Первыми русскими опереточными артистками были Лизанька (Сандунова), Дуняша (Янковская), Наталья и Маша (Айвазовы). Эти артистки вскружили головы всей придворной и гвардейской молодежи. Театральный критик того времени, князь Шаховской, писал: "Эти артистки не дарованием действовали, а облетом искрометного взгляда по всем зорким глазам и самонадеянным сердцам".

Позднее, чтобы поддержать оперу-буфф²⁹¹, была вызвана в Петербург актриса домашнего театра Д. Столыпина – В. Б. Новикова, известная в Москве под именем Вареньки Столыпинской. Актриса эта очень понравилась публике, но не удержала падения

оперетки на русской сцене. Из столыпинских крепостных артисток известные были: Бутенброк, до замужества Лисицына; по характерному выражению критика того времени, это была баба плотная, белая и румяная, но зубы – уголь углем, пела она очень недурно. Из опереточных актеров был известен Уваров, превосходный певец.

Перед фамилией крепостных артистов на афише не ставилась буква г., т.е. господин или госпожа, и когда они зашибались, что случалось нередко, то им делался выговор особого рода.

Но в старину нередко и начальство зависело от подчиненных артистов. Раз вышел такой случай: по желанию кого-то из сильных мира был назначен спектакль, но в самый день представления вбегают к директору режиссер и заявляют, что спектакль идти не может, так как первый певец совсем без зубов. – "Как это случилось?" – спрашивает изумленный директор. "Он разломил верхнюю челюсть". – "Какое несчастье!" – "Не особенное, – отвечает режиссер, – он послал ее к дантисту, и дня через три ее починят". Очень понятно, что при современных успехах дантистики подобный казус не может случиться.

Про народившуюся в то время оперетку князь Шаховской писал: "Опера-буфф приучила толпу к

безотчетному удовлетворению ленивой праздности, пустодельным шутовством и чувственной потехой глаз и ушей отвлекла от благородных наслаждений ума и сердца драматического театра не только зрителей, но и писателей, могущих сделать пользу ему и русскому слову".

Кроме И. А. Дмитриевского, Вьени, ученого секретаря Медицинской академии, В. И. Хомякова, и другие стихотворцы не пожалели своих талантов на угождение причудливой моде. "Дианино древо", "Редкая вещь", "Школа ревнивых", "Венецианская ярмарка", "Хитрая любовница" и другие буффонства торжественно насмехались над опустелостью разумнейшего, благороднейшего и полезнейшего из всех общественных увеселений. Нашу, или насильственно привитую к нам, оперу-буфф можно назвать развратительницей целомудрия русского театра. В ней появились, как говаривали наши предки, "гнилые слова", или экивоки.

Если в комедиях Фонвизина и Княжнина встречались иногда вольные намеки, то они легко скользили в быстром разговоре, а не принуждали бесчинным смехом и рукоплесканием скромность краснеть, а невинность интересоваться. Плоские

обиняки заразили комедии Клушина, Эмина. Страсть к цинизму перешла и к актерам. Сандунов и подражатель его Сторожев объясняли зрителям взглядом, улыбкой и жестами всю сальность авторов.

Подобные выходки принудили дирекцию употребить строгие меры для удержания артистов от такого бесчинного промысла рукоплесканий!

Указ, изданный в 1782 году, о сохранении в публичных зрелищах должного благочиния подвергал нарушителей строгой ответственности; в то время игра и пение артистов хотя и приводили зрителей в восторг, но не вызывали тех оглушительных вызовов и неистовых bis, свирепствующих в наше время. Жихарев говорит (см. "Отечественные записки", 1859 г., "Дневник чиновника"), что в 1802 году вызов актера был таким происшествием, о котором неделю толковали в городе.

Но несомненно, что в то время существовал обычай кидать любимым артистам на сцену кошельки с деньгами. О достоверности этого факта свидетельствует "Драматический словарь", изданный в 1787 году и недавно перепечатанный в ограниченном числе экземпляров А. С. Сувориным. Там, между прочим, сказано, что в первое представление оперы "Земира и

Азор" певица Соколовская при исполнении арии "Горлицы" была аплодирована метанием кошельков.

Впрочем, было немало в то время артистов, которые очень усердно искали таких аплодисментов. Так, в Харькове актеры просто бесцеремонно выманивали деньги у зрителей. Известный провинциальный актер Дмитрий Москвичев, представляя мельника в пьесе Аблесимова того же названия, на сцене позволял себе такие, например, вольности, распевая куплеты:

Я вам, детушки, помога,
У Сабурова денег много.

Сабуров, известный богач, сидевший в первом ряду, только улыбался... и больше ничего. Москвичев, чтобы поправить свою ошибку, пел снова:

Я вам, детушки, помога,
У Карпова денег много.

Рукоплескания подтверждали, что актер пел правду, но Карпов не кидал на сцену кошелька, а только утерся и покраснел. Москвичеву надобно было добиться своего, и он снова запел:

Я вам, детушки, помога,
У Манухина денег много.

Екатерина II, Павел I и Александр I
в медальоне. С редкой гравюры Больдта

Манухин был богатый купец, богачу это понравилось, и вслед за припевом на сцену к ногам актера летел кошелек, актер подымал его и трижды кланялся. Все смеялись находчивости артиста, и часто подобные сцены повторялись.

Про первый дебют этого Москвичева рассказывают "Харьковские ведомости"

следующее. Москвичев, раз исполняя в Харькове роль трубочиста в пьесе "Князь-трубочист", выпал на сцену из камина, упал, приподнялся... и остолбенел! Не может выговорить ни слова и приготовился уже бежать со сцены.

Причиной испуга был губернатор Орловского наместничества, сидевший в театре в первом ряду кресел. Актер Москвичев был в орловской губернской роте сержантом и, тайно оставив знамена орловского губернского Марса, предложил услуги харьковской Талии; являсь на сцену и заметив губернатора, он постигнул все последствия побега и потерялся совсем. Но бывший начальник сжалился над ним и, чтобы не лишать публику удовольствия, закричал ему: "Не робей, Дмитрий, не робей! Продолжай, не бойся ничего". И Дмитрий оправился и благополучно кончил пьесу ко всеобщему удовольствию. В тот же вечер оба губернатора кончили на бумагах, что сержант Москвичев переведен на службу из орловской роты в харьковскую.

Обычай вызова автора в первый раз случился в 1784 году, во время представления "Рослава" Княжнина. В этот спектакль по окончании трагедии публика вошла в такой восторг, что единогласно потребовала выхода автора на сцену. Это требование поставило Княжнина в

недоразумение, из которого выручил его актер Дмитриевский, вышедший на сцену перед публикой со словами, что "для автора восхитительно лестное благоволение публики, но так как его в театре нет, то он, в качестве его почитателя и друга, осмеливается за него принести благодарность публике".

С этого времени, когда пьеса имела успех, принято было за обыкновение вызывать автора.

В старину также существовал обычай делать со сцены анонсы к публике о предстоящих спектаклях и бенефисах. Обыкновенно это делалось так. После первой сыгранной пьесы или перед последним действием выходил второстепенный актер, почтительно кланялся и называл день и театр, на котором будет играна такая-то пьеса.

При представлении пьес многосложных (a grand spectacle), как, например, комедии "Мещанин во дворянстве", одной из первых пьес, игранной в петербургском театре еще в 1758 году, где требовалось много людей и принадлежностей на сцене, при объявлении назначалась за вход всегда двойная цена.

Комедия "Мещанин во дворянстве" была торжеством актера Крутицкого.

В старое время актеры, помимо жалованья,

получали деньги на квартиру и на гардероб, также им давали казенные дрова. Так, первая артистка драматической труппы получала восемь сажень дров ежегодно. Кроме этого, еще существовало правило отпускать актерам по две восковые свечи, отчего и произошло название *argent feu*.

Начало поспектакльной платы в нашей драматической труппе относится к 1810 году. В это время знаменитая актриса Семенова первая начала получать ее. В 1802 году был издан указ, чтобы бенефисы были впредь назначаемы одним отличным актерам, представляющим первые роли. До этого времени переводчики и авторы многих пьес получали бенефисы.

Обыкновение же давать утренние спектакли на масленице началось в 1827 году. Первый такой спектакль был дан на сырной неделе в субботу. Шла вторая часть "Днепровской русалки".

В старину спектакли начинались обыкновенно в пять часов и кончались не позднее десятого часа. Император Павел, не любивший, чтобы спектакли были продолжительны, в 1800 году 25 апреля отдал приказ, чтобы представления, даваемые на публичном театре, не продолжались более как до 8 часов вечера, разумея начало их непременно в 5 часов пополудни.

Выдающиеся артисты имели доступ на вечера известных меценатов того времени: Л. А. Нарышкина, Н. Б. Юсупова, А. С. Строганова, А. Н. Оленина. Даровитые актрисы, великосветские дамы, художники, актеры, музыканты, литераторы – все встречались в домах этих вельмож вместе с государственными мужами и знатью. Все были как в родном доме. Дачи их были публичными садами, стол открыт для всех раз представленных, балы давались почти для всего города.

Дом А. Н. Оленина соединял все, что было замечательного в Петербурге по части литературы и искусства. Здесь Озеров читал в первый раз свою трагедию "Эдип в Афинах"; тут раздавались роли артистам: Яковлеву, Шушерину, Семеновой; здесь писал свои чудные декорации Гонзаго и строил свои театральные машины славный механик итальянец Бриганций.

Про Гонзаго рассказывали, что его декорации заставляли зрителя забываться и поражали удивительным соблюдением перспективы и необыкновенной прелестью композиции; он первый писал декорации прямо на полу, не картинною живописью, а набросом и толстою кистью, и часто растушевывал просто ногою, и это ножное мارانье при искусственном

освещении превращалось в полное очарование. Его декорации в театре Фенниче в Венеции во время карнавалов выставались как образец возможного совершенства сценической живописи; одна из его декораций года четыре тому назад была еще цела на сцене Александрийского театра в Петербурге.

В доме же Оленина читал свои басни И. А. Крылов и жил по несколько недель в его Приютине, обитая в особом домике, называемом "Крыловскою кельею" (в 1849 году, когда Приютино принадлежало доктору Адамсу, были еще следы этого домика, служившего сараем для картофеля). Здесь же И. А. Крылов составил свои пьесы для домашнего театра этого вельможи.

Домашние спектакли в это время были в большой моде; известный в летописях русского театра князь Шаховской говорит, что, участвуя почти каждый день на таких спектаклях, ему приходилось учить по две роли зараз где-нибудь в карауле в Новой Голландии или Новом Адмиралтействе.

Актеры часто сходились к любителям театра; в то время жили на английскую или древнерусскую статью, и возлияния Бахусу приносились ежедневно. Особенно отличались этим гусары и молодые богатые купцы: попасть в

их общество – запоят! В загородных трактирах: в Красном Кабачке, в Желтеньком, в Екатерингофе, на Крестовском острове, происходили настоящие оргии! Зимой туда, бывало, катят сотни саней, летом приезжают на каретах с музыкою и песенниками. Заехав в трактир, шампанское спрашивали ящиками, а не бутылками. Вместо чаю пили пунш. Музыка, песенники, плясуны и мертвая чаша! Тогда все это считалось молодецкою забавою.

Молодежь искала знакомства с актерами и, по тогдашнему обычаю, потчевала их донельзя. Таким образом на гибельную стезю были увлечены почти все лучшие наши актеры: Яковлев, Рыкалов, Пономарев, Сандунов, Воробьев. Про Яковлева рассказывали, что когда он разогревался веселою беседою и пенистою влагою, то пел духовные песни Бортнянского или принимался декламировать различные трагедии и так увлекался, что воображал, что он и в самом деле герой, и раз, возвращаясь с попойки, на вопрос часового у заставы, кто он такой, отвечал: князь московский Дмитрий Донской; на другой день по рапорту узнали, кто этот московский князь, и, разумеется, помылили ему порядком голову. Также любимым собеседником на таких попойках был комический актер Пономарев,

неподражаемый в ролях подьячих и слуг.

Пономарев пел плачевным голосом жалобу об уничтожении питейного дома на Стрелке (на Васильевском острове, вблизи Биржи), куда собирались преимущественно закоренелые подьячие того времени. Пономарев был первым певцом куплетов, он появлялся в дивертисментах, одетый в светло-зеленый мундир, в красном камзоле, красном исподнем платье и в низкой треугольной шляпе, как тогда одевались подьячие (могила этого актера доныне цела, недалеко от могилы П. А. Каратыгина, на Смоленском кладбище).

Про Сандунова рассказывали, что он был добряк, каких мало, и отличался с старшим своим братом, известным переводчиком "Разбойников" Шиллера и сенатским секретарем, – большим остроумием.

Раз, заспорив о чем-то, в пылу спора последний сказал брату: "Тут, сударь, толковать нечего, вашу братью всякий может видеть за рубль медью!"

– Правда, – отвечал актер, – зато вашей братии без красненькой и не увидишь!

Князь Н. Юсупов, о котором мы выше упомянули, был назначен директором императорских театров в 1791 году; по счету это

был седьмой, а по управлению театрами первый: он привел в порядок все дела дирекции, уволил нескольких актеров, учредил до сих пор здравствующую театральную контору и переделал партер, сделав места за креслами. На него тогда явилась эпитафия:

Юсупов, наш директор новый,
Партер в раек пересадил,
Актеров лучших распустил
И публику сковал в оковы.

Но эти оковы, или, вернее, перегородки, долго не просуществовали.

Рассказывали, что какой-то толстяк-силач взял рядом оба билета в партере, выломал железную перегородку и так просидел весь спектакль.

Юсупов очень следил за порядком. Одна из актрис, по капризу, вздумала сказатьсь больною. Князь приказал, чтобы ее не беспокоить: кроме доктора, никого к ней не пускать. Больная выздоровела на другой же день.

При нем оклады были значительно увеличены: балетмейстер Канциани получал жалованья 5500 рублей, танцор Пик 6500 рублей, танцор Гианфонелли 3400 рублей, и то же жалованье получали многие из русских: Ив.

Гальберг, Троф. Слепин, В. Балашов и др.; танцовщице Росси при нем платили 5000 рублей.

В последнее время своего управления князь Юсупов соблюдал очень строго казенный интерес и даже принял на свой счет дорогих итальянских певцов и понес большой убыток. С этой труппой прибыл известный в России капельмейстер Кавос. При Юсупове инспекторы репертуарной части выбирались из актеров пополюгодно, из которых в 1794 году были Крутицкий и Тамбуров. Преемником князя Юсупова в царствование императора Павла I был обер-камергер Нарышкин. Это был вполне русский вельможа великолепного двора Екатерины, меценат и хлебосол в самом широком смысле слова: его обеды и праздники гремели в Петербурге.

На даче и в городе его стол был открыт для всех званных и незванных. Он был отцом всех артистов, и в устах его: "Господа, прошу вас" – значило более всяких приказаний; а "Господа, я недоволен" приводило всех в отчаяние, а слово "благодарю" – возбуждало полный восторг.

В доме его толпилось все, что отличалось умом или талантом: шитый камзол вельможи здесь стоял рядом с кургузым сюртуком какого-нибудь разночинца; все были как в родном доме.

Особенно роскошны выходили у него праздники на его даче по Петергофской дороге. На этих праздниках сюрпризы встречали публику на каждом шагу. Все театральные труппы участвовали в празднествах, и, конечно, не даром, а за весьма приличное вознаграждение.

Раз такой праздник удостоил император Александр Павлович своим присутствием и в разговоре при прощании, любопытствовав узнать, во что обошелся праздник, спросил Нарышкина. "Кажется, двадцать пять или тридцать рублей", – отвечал вельможа. "Что за пустяки!" – "Божусь вам, ваше величество! Лист вексельной бумаги, который я подписал за расходы, обошелся мне не дороже этих денег..."

В 1812 году, во время войны, Нарышкину кто-то хвалил храбрость его сына, находившегося в армии, говоря, что он, заняв одну позицию, храбро отстоял ее от неприятеля.

– Это уже наша фамильная черта, – сказал Нарышкин, – что *займут*, того не отдадут!

Раз при закладке одного корабля государь спросил Нарышкина: "Отчего ты так невесел?" – "Нечему веселиться, – отвечал Нарышкин, – вы, государь, в первый раз в жизни закладываете, а я каждый день".

– Он живет открыто, – отозвался император

об одном придворном, который давал балы чуть ли не каждый день.

– Точно так, ваше величество, – возразил Нарышкин, – у него два дома в Москве без крыш.

Один старик вельможа жаловался Нарышкину на свою каменную болезнь. "Вам нечего бояться, – сказал Нарышкин, – всякое деревянное строение на каменном фундаменте долго живет".

Министр финансов хвалился Нарышкину, что он сжег много ассигнаций. "Нечего хвалиться, – сказал Нарышкин, – они, как феникс, возродятся из пепла".

Нарышкин славился также своим крепостным хором великолепной музыки. Дом его называли тогда в Петербурге "Новыми Афинами".

Петербургские театры во время директорства Нарышкина достигли значительного совершенства. Ему также много способствовал и его помощник, известный в летописях русского театра, князь Шаховской.

Но блистательная деятельность Нарышкина имела и обратную сторону: так, известный в то время драматург В. А. Озеров частенько жаловался в письмах к Оленину на несправедливость директора. И, говоря о постановке своей трагедии "Поликсена", за которую Нарышкин обещал заплатить 3000

рублей "выводу" (т. е. гонорара), но не заплатил: "Последнюю несправедливость терплю от Александра Львовича, – писал он, – не он ли обещал, что даст предписание требуемых сочинителем трех тысяч, после второго ее представления, по заведенному порядку. Два раза "Поликсена" играна. Почему ж он отлагал платеж до третьего представления? Убедительно прошу вас требовать моей трагедии от дирекции обратно, не допуская, чтобы она была в третий раз играна. Для моей славы довольно и двух представлений, для имени Нарышкина довольно и сей его неправды против меня".

Вот еще и другой случай. За несколько дней до первого представления оперы "Леста" певица Болина вышла замуж за чиновника М. и подала просьбу об увольнении ее со сцены, но Нарышкин, не желая лишиться актрисы, оставил ее просьбу без уважения. Накануне представления молодая чиновница получила повестку явиться на репетицию. Разумеется, она не явилась и решительно отказалась от роли. Помощник Нарышкина князь Шаховской, известный своей вспыльчивостью, послал театрального чиновника объявить ее мужу, что не принимает никаких отговорок.

– Скажите князю, – отвечал супруг, – что

жена моя титулярная советница и что я в таком только случае позволю ей играть роль "Русалки", если его сиятельство согласится взять на себя роль Тарабара.

Современники Нарышкина рассказывали, что расточительность его не имела границ и он частенько нуждался в небольших суммах, а потому кругом был в долгах. Однажды, желая куда-то съездить, он приказал слуге заложить карету, и тот, поняв приказание барина в кредитном смысле, заложил ее какому-то ростовщику.

Остроты, каламбуры и шутки Нарышкина долго жили в памяти петербургского общества. Сам император Павел Петрович очень любил Нарышкина и прощал ему самые смелые его выходки. Раз в театре, во время балета, государь спросил Нарышкина, отчего он не ставит балетов со множеством всадников, какие прежде давались часто.

– Невыгодно, ваше величество! Предместник мой ставил такие балеты потому, что когда лошади делались негодны для сцены, он мог их отправлять на свою кухню... и... съесть.

Предместник его, князь Юсупов, был татарского происхождения.

Балет в управление Нарышкина театрами

процветал. Танцовщик Дюпор, приглашенный им из Парижа, получал за каждое представление по 1200 рублей за спектакль, или в год 60000 рублей (180000 франков по тогдашнему курсу).

При Нарышкине в 1812 году был еще определен вице-директором театров действительный камергер князь Петр Иванович Тюфякин.

Первоначально звание вице-директора было только почетное место, но впоследствии, когда Нарышкин уехал за границу, управление театров было вверено князю Тюфякину, который оказался весьма хорошим хозяином, так что в 1814 году, по возвращении главного директора, долги дирекции были уплачены собственными своими средствами.

С тех пор подобного чуда уже не было. Но тогда оно послужило поводом к составлению знаменитой инструкции вице-директору, по которой ему поручалась вся хозяйственная часть театров, и с тех пор, с 1826 года, действительно долгов не было.

Князь Тюфякин хотя и был человек образованный, но далеко не похож на своего гуманного предшественника. Обращение с артистами у него доходило до самоуправства, а с артистками, особенно молодыми, до полного

цинизма. Особенно свиреп был до обеда. Чтобы дать понятие о его замашках, мы приведем два случая из закулисной хроники, рассказанной его современником. Однажды он заметил восьмилетнего воспитанника театрального училища, пробежавшего позади сцены во время какого-то действия балета. Князь выскочил из своей директорской ложи, схватил мальчика и подбил ему глаз своей большой подзорной трубкой (тогда небольших биноклей еще не было, и театралы посещали театры с большими, длинными трубками в руках).

Другой случай был в драматической труппе. Актер Булатов, принятый на сцену из чиновников девятого класса, отказался от неподходящей к его амплуа роли. За такую дерзость князь приказал посадить его на съезжую и продержал там с неделю.

Князь платил щедро за переводы пьес и давал весьма крупные цифры разовых некоторым артистам. Так, своей фаворитке, немецкой певице госпоже Миллер-Бендер он платил за каждое представление по 300 рублей.

При нем был установлен общий абонемент для русских и французских спектаклей в Большом театре; дневной абонемент тогда доходил до тысячи рублей в вечер.

Тюфякин отличался набожностью и каждый праздник ходил в Казанский собор. В 1812 году в этом соборе с ним случился довольно серьезный эпизод, причем он чуть-чуть не поплатился жизнью.

Пригласительный билет на маскарад к
обер-шталмейстеру Л. А. Нарышкину. Факсимиле
с подлинника, находящегося у Е. Н. Тевятова

В грозный год Отечественной войны простой народ останавливал на улице каждого, имевшего привычку говорить по-французски, подозревая в шпионстве всякого. Князь Тюфякин, стоя в соборе, увидел своего приятеля и заговорил с ним

по-французски. Вблизи стоявшие молеельщики обратили на это внимание, стали перешептываться, переглядываться и тесниться к разговаривающим. Кто-то дал знать квартальному; тот, пробившись сквозь толпу, учтиво попросил князя последовать за ним к главнокомандующему генералу Вязьмитинову. Князь сперва обиделся и не хотел идти, но угрозы и шум толпы заставили повиноваться, и князь, сопровождаемый толпою в несколько сот человек, последовал в Большую Морскую в дом генерал-губернатора. Толпа по дороге все возрастала; все твердили, что поймали важного шпиона. Расположение толпы было самое враждебное, и без конвоя полиции дело кончилось бы весьма печально. Генерал Вязьмитинов князя выпустил из других ворот дома, а к толпе выслал полицеймейстера Чихачева, с объяснением, что приведенный человек был вовсе не шпион, а русский природный князь.

В 1816 году князь Тюфякин остался один главным директором. Он возвысил все цены на места в театрах (кроме райка) и кресла с 2 рублей 50 копеек вдруг увеличил до 5 рублей ассигнациями. Сначала публика начала роптать, и кресла часто бывали пусты, но мало-помалу все

привыкли к такой надбавке.

В 1817 году при князе Тюфякине был открыт возобновленный архитектором Модюи Большой театр.

В этом же году был выписан знаменитый хореограф Дидло, отец самого блистательного периода существования нашей балетной труппы. С ним были приглашены танцоры Антонен, получавший 25 000 рублей жалованья ежегодно, и потом Веланж, которому платили по 20 000 рублей в год.

Около этого же времени русский театр понес крупную потерю. Князь Шаховской, по личным неудовольствиям с князем Тюфякиным, вышел в отставку. На место его сперва был назначен переводчик "Весталки", действительный статский советник Волков, но он пробыл несколько месяцев, после него занял его место известный тогда московский литератор Ф. Ф. Кокошкин, который по любви к театральному искусству принес немалую пользу театру, служа на этой должности.

Князь Тюфякин провел последние годы своей жизни в Париже. Когда русским приказано было выехать из Парижа, Поццо-ди-Борго исходатайствовал у императора Николая позволение ему остаться в нем, по причине

болезни. Князь Тюфякин был очень плохого здоровья. Верон, французский писатель и содержатель парижской оперы, рассказывает в своих записках, что он посетил Тюфякина в день смерти его. Князь очень страдал и страданиями был ослаблен. Завидя Верона, он с трудом выговорил: "А Плонкет (известная танцовщица) танцует ли сегодня?" Вот автонадгробное слово, которое произнес себе бывший директор императорских театров.

После князя Тюфякина назначен был директором Аполлон Александрович Майков.

Отставка князя Тюфякина произошла вследствие доноса на него за весьма небрежное содержание Театрального училища.

Назначенные для осмотра князь Волконский и граф Милорадович нашли, что в училище царствовал величайший беспорядок: простыни и одеяла были грязные, старые, в заплатках, белье на детях тоже; комнаты не чищены, не метены; везде пыль, грязь и духота; обед детей самый бедный, провизии недостаточно на сто человек; одним словом, все было найдено в самом дурном виде, результатом чего и было увольнение князя Тюфякина.

Под управлением Майкова положение артиста было крайне незавидное. Произвол царил над их

личностью безгранично. Князь Вяземский в своих записках рассказывает про этого Майкова, когда он еще был московским директором театров: "Нас забавляло смотреть, как некоторые из актеров на сцене, в самом пылу действия или любовного объяснения, одним глазом ни на минуту не смигнут с директорской ложи, чтобы видеть, доволен ли их игрою директор Майков".

Майков, будучи директором петербургских театров, чуть не загубил вконец известного трагика В. А. Каратыгина за то только, что он в его присутствии, в театральной зале, позволил себе прислониться к столу. Трагик был посажен в Петропавловскую крепость. Грозили отдать в солдаты, и только мольбы и слезы матери у ног графа Милорадовича, тогдашнего генерал-губернатора, спасли участь артиста.

При Майкове же был выслан из столицы известный театрал и литератор Катенин за то, что он осмелился шикать в театре бездарной молодой актрисе Семеновой.

При нем же пострадал другой молодой литератор хорошей фамилии, имевший неосторожность напечатать свой водевиль, на заглавном листе которого была представлена сцена из пьесы, где книгопродавец кланяется автору; с намерением или случайно, автор был

похож на князя Шаховского, друга директора, а книгопродавец на господина Майкова, а потому, по жалобе Майкова, всесильный тогда граф Милорадович отправил автора под арест.

Также один из зрителей вздумал однажды в театре шикать Ежовой (актрисе, которая долгое время пользовалась покровительством князя Шаховского), и так как оказалось, что шикавший – иностранный подданный, то граф Милорадович, тоже по просьбе Майкова, выслал его за границу...

Про князя Шаховского, этого театрального заправителя в начале нынешнего столетия, ходила в публике следующая эпиграмма, сочиненная одним из арзамасцев:

Он злой Карамзина гонитель,
Гроза баллад,
Он маленьких ежей родитель,
И им не рад.

Майков жил, по приезде в Петербург из Москвы, в двух уборных в Большом театре, в одной из которых была сделана канцелярия, а в другой спальная и приемная комната начальника. Парадные же обеды и завтраки этот директор давал у танцовщицы Азаревичевой, с которой был в дружеских отношениях.

На руках этого директора скончался известный герой, граф Милорадович, рыцарь без страха и упрека, бывший во всю свою военную жизнь более двухсот раз в огне, не получив ни одной раны, и павший от руки убийцы на Сенатской площади в роковой день 14 декабря.

В этот день граф завтракал у Азаревичевой, откуда был вызван на площадь, где и был смертельно ранен пулею, которую в тот же вечер показывал Майкову, говоря: "Вот что после твоего сытного завтрака не могу переварить".

Умирая, граф Милорадович успел написать к государю две строчки, ходатайствуя Майкову о пенсии, которая вскоре и последовала вместе с отставкой.

После Майкова был назначен статский советник Остолопов, вскоре же после назначения умерший.

На место его поступил князь П. С. Гагарин; он также управлял театром очень недолго, кончив жизнь весьма печально, в припадке белой горячки.

На место последнего был назначен брат его, князь Сергей Сергеевич Гагарин. Выбор был самый удачный, и дела театра пошли с той минуты блистательно. В его управление стали платить аккуратно артистам жалованье и

подрядчикам деньги за поставки; прежде него по несколько месяцев ни те, ни другие ничего не получали.

В то время рассказывали следующий анекдот: танцор Дембровский всякий день ходил к управляющему конторою Гемниху просить жалованье, и тот все отвечал: "Зайдите завтра". Однажды, придя в контору и отворив дверь в присутствие, он заглянул туда и спросил только: "Прикажете завтра прийти?"

Князь Гагарин был человек в высшей степени добрый, благородный и приветливый, хотя имел наружность довольно гордую и даже суровую. Но под этою наружною корою скрывалось самое доброе и великодушное сердце. Всем он делал добро, зла – никому и никогда. Беспристрастие его в делах службы было образцовое. Не выходя ни копейкою из предписанного штата, князь Гагарин не мог с небольшими средствами заплатить старых долгов дирекции. Он просил прибавки к содержанию театров и не получил ее. Три года боролся он с этим трудным положением. В его время управления ужасный год первой холеры посетил столицу и заставил закрыть театры на несколько месяцев. Наконец, в 1833 году, он просил опять прибавку артистам; просьба его не была исполнена, и он подал в

отставку.

На место его был назначен прибывший из Москвы церемониймейстер, действительный статский советник Александр Михайлович Гедеонов, деятельность которого еще в памяти у многих и до сих пор служащих при театре.

Цыганское хоровое пение стало входить у нас в моду во времена Екатерины II; первые цыгане-певцы выписаны были чесменским героем, графом А. Г. Орловым, из Молдавии. Молдавия считается колыбелью этого кочующего племени; многие историки предполагают, что цыгане переселились сюда из Индии в 1417 году, во время Александра Доброго. Толпы цыган из Молдавии распространились по Валахии, Трансильвании, Венгрии и шли далее по Европе. Цыгане приписывали себе египетское происхождение, и потому венгерцы называли их "фараоновым отродьем". В разных странах цыган называют различно. Французы зовут их Bohemiens, англичане – Gypsies, испанцы – Gitanos, голландцы – Heydens (идолопоклонники), датчане и шведы – татарами; но, за исключением этих названий, другие народы называют их одним именем, с небольшой разницей: так русские зовут цыганами, турки – чингене, персияне – цингарами; в Германии называют

Zigeuner, молдаване – Cigani, поляки – Zigani и т.д. Несомненно, что все эти названия имеют одну этимологию, изменяясь лишь по местному произношению слова "цинкали", как иногда именуют себя испанские цыгане. Сами себя цыгане обычно называют "романи"; слово это по-санскритски значит "мужья"; некоторые называют себя "романичель" (сын жены) и "ром" (т. е. люди); у московских цыган употребительно также слово "чавалы"; последнее значит в переводе "ребята".

Кочующие цыгане в религии крайне шатки; они соображаются с верой и обрядами не только страны, но даже города и деревни, где поселились; цыгане нередко крестят одного и того же ребенка в десяти местах; часто и двадцатилетние цыгане принимают снова крещение. Цыгане верят в переселение душ и утверждают, как буддисты, что их души, переходя из одного тела в другое, приобретают такую чистоту, после которой могут наслаждаться совершенным спокойствием. Не зная религии, они не знают и брачных союзов; у них нет законного обряда свадьбы. Четырнадцатилетний мальчик берет первую попавшуюся ему девушку, даже из родных, и женится на ней. При этом случае новобрачные разбивают кувшин, как было

у Гренгуара и Эсмеральды, и брак совершен. Цыгане легко переносят голод и стужу; нередко их шатры можно встретить раскинутые на снегу. До шестнадцатого года в Молдавии цыган ходит почти голый. Существует следующий анекдот: во время холодной зимы нагой цыганенок жаловался, что ему очень холодно: "На, дитяtko, – отвечала ему мать, – веревку, опояшся ею, тебе будет теплее".

Цыганское племя принадлежит, конечно, к красивейшим племенам, и между детьми часто встречаются лица почти кисти Мурильо; но цыган, насколько он красив в молодых летах, настолько ужасен под старость. Между цыганами есть немало и уродов. Это случается оттого, что супруги при ссоре дерутся детьми; отец берет малютку и бьет им жену, а жена хватает другого ребенка и отражает им удары. Цыгане, живущие в Москве и Петербурге, представляют отдельное, исключительное явление в цыганском мире, они давно уже приобрели себе место в гражданском обществе: это уже не бродяги, не отчужденные люди, неспособные понимать удобства оседлой жизни.

Современные физиологи уверяют, что потребность к бродяжничеству у них является вследствие большого малокровия всей цыганской

расы. Цыгане не могут жить вне своих семейств, хотя бы их осыпали золотом. Старый кочевой цыган бросит все житейские удобства и уйдет в родные палатки. Кочевая жизнь, палаточный дым необходимы цыгану, как вода необходима рыбе, воздух птице. Даже петербургские и московские цыгане, давно отвыкшие от жизни номадов²⁹², и те не живут в домах каменных, а выбирают себе деревянные: там им легче дышится.

В Петербурге цыган селится на Песках, на Черной речке, в Москве живет он в Грузинах; в комнатах у него, когда вы войдете, вас поразит какая-то пустота, вы не увидите многих необходимых вещей в домашнем быту: цыган не привык заводить хозяйство, два-три стула, стол-калека, деревянная большая кровать с множеством подушек, пуховиков, несколько грязных ребятишек в запачканных рубашках – вот и весь его домашний скарб; разные диваны, кресла цыган называет вздором, от которого делается только тесно в комнатах. Цыган всякое занятие для себя считает унижительным и потому все свое время проводит в бездействии, за исключением двух-трех дней в неделю, когда он выезжает на конную для продажи лошадей. Тут он в своей сфере, бегают, кричит, божится,

бранится и неотвязчиво пристаёт к покупателю. В сумерки он идет домой, оттуда идет с семьей в трактир, здесь начинаются жаркие споры, крики и т.д. Через час, два семья расходится, женщины едут в загородный ресторан, где проводят время до утра, поджидая посетителей. Сам же глава семьи заваливается спать или бренчит на гитаре, лежа на кровати.

Гостей слушать цыган в их трактиры в старину ездило множество. Самые постоянные из них носили кличку "гуляк"; такой гость являлся каждый день в трактир, пил здесь донское, бросал деньги цыганкам за песни, давал и половому на водку по синенькой; кланялись ему там чуть ли не в землю, величали "сиятельством"; по обыкновению, это был гусарский корнет в отставке или просто помещик, проживающий без дела в столице, по вольности дворянства. Одет был такой гость в гусарскую венгерку, кисет с табаком висел у него за пуговицей, носил он предлинные усы и военную фуражку. Этот гость не всегда благополучно сходил с лестницы из трактира. Самый же желанный гость у цыган появлялся, как метеор, вдруг; появление последнего производило в трактире целую революцию. Гость этот был веселого звания, купеческий сын или приказчик богатого

приезжего купца; иногда заезжал загулявший купец древнего благочестия, одетый в длинную сибирку²⁹³ и в сапоги бутылками; последний посетитель денег в пьяном виде не жалел и кидал их пригоршнями, бил посуду, зеркала, делал и другие безобразия. Существовал еще разряд гостей, который являлся к ним периодически; приезжал такой гость с приятелем, смирно садился к столу, требовал графин сотерну и полчетверки табаку. Гость этот был студент сороковых годов, тоже цыган, только литературный. Заезжал он сюда, чтобы, вдали от театрального хлама и всяких эстетических тонкостей, послушать простым, отзывчивым сердцем, под хрипкое гитарное арпеджио, поразительные по певучести и по сердечности общего тона цыганские песни, в которых то звучит тоскливый разгул погибшего счастья, то слышится в ноющих звуках беспредельная женская ласка.

Цыганская мелодия прямо идет в душу, и неудивительно, что цыганка Таня доводила Пушкина своими песнями до истерических припадков, а другой поэт, Языков, лежал у ее ног. Про цыганку Таню существует рассказ, что сама знаменитая Каталани, слушая ее, плакала, и раз, сняв с себя дорогую кашемировую шаль,

подарила своей сопернице, сказав: "Эту шаль прислали мне, как несравненной певице, но я вижу, что она следует вам более, нежели мне".

В прошлом столетии как хороший оркестр, так и цыганский хор составляли необходимую принадлежность каждого знатного вельможи. Граф А. Г. Орлов первый приказал собрать цыган для хора. Цыгане эти были приписаны к находящемуся в 20 верстах от Москвы селу Пушкину. Хор этот забавлял вельмож Екатерины и услаждал досуги светлейшего князя Потемкина, Зубова и Зорина. Первым начальником этого хора был Иван Трофимов. Впоследствии хор получил вольную, и когда настал достопамятный 1812 год, то весь наличный мужской персонал поступил в ряды гусар и улан. Старики и женщины жертвовали деньгами. Самая небольшая из пожертвованных сумм была 500 рублей ассигнациями, тогда большие деньги. Иван Трофимов известен как ревностный собиратель русских песен. В его хоре образовалась знаменитая цыганская Каталани – Стеша, которую в 1817 году нарочно ездили слушать в Москву из всех концов России. Жихарев рассказывает, что в этом хоре был цыган-плясун; немолодой, необычайной толщины, плясал он в белом кафтане с золотыми позументами. Это был

мастер своего дела, чрезвычайно искусный и даже красноречивый в своих телодвижениях. Он как будто и не плясал, а так просто, стоя на месте, пошевеливал плечами, повертывая в руках шляпу, изредка прикивая и притопывая по временам одной ногою, а между тем выходило прекрасно: ловко, живо, благородно. В другом месте своих записок Жихарев говорит, что один поручик, встретив какую-то барышню, хотел тотчас же увезти ее, но не удалось. Начальство узнало об этой проделке, и молодец был посажен под арест. На этот случай тотчас же сложили песню на голос: "Пряди, моя пряха", которую записной цыганofil Андрей Новиков ввел в моду под названием: "Верные приметы".

Все ездили слушать ее. Цыганка Степанида, что твой соловей, так и разливалась; песня начиналась:

Ах, зачем, поручик,
Сидишь под арестом,
В горьком заключении,
Колодник беспспажный? – *и т. д.*

После двенадцатого года в Москве вошли в большую моду парадные обеды в трактирах с цыганами; на таких обедах за столом все блюда (а их было не менее ста) подавались в русском вкусе

и все носили особый национальный отпечаток. Для полноты картины хозяйка трактира, украшенная золотыми парчовыми тканями, жемчугами и бриллиантами, помещалась во главе стола, с намалеванными, как у куклы, лицом, шеею и руками; этот способ раскрашивания тела тогда существовал еще в неприкосновенном виде с незапамятных времен. Прислуги было до сорока человек, все мужчины с бородами, в желтых, красных и пестрых рубашках, с приподнятыми рукавами; так что половина рук оставалась обнаженными. Тут же находился мальчик, который играл на органе; последний за это платил хозяину трактира несколько сот рублей, так велик был доход, получаемый им с посетителей трактира за музыку.

За такими обедами, после кофе, призывался по обыкновению хор цыган, одетых очень красиво; цыганки были в своих расшитых золотом шалях, пристегнутых к одному плечу, в серьгах из разных мелких золотых монет. По словам иностранцев, они плясали свои танцы с таким огнем, что напоминали пляшущие фигуры Геркуланума! Живость пляски у них доходила до исступления, телодвижения их, сопровождаемые прерывающимися возгласами, производили такое дикое и сверхъестественное действие, что

мудрено было бы вообразить их обитателями нашей сонной планеты!

После смерти Ивана Трофимова начальником цыганского хора был его племянник, Илья Осипов. Соколов. По словам фельетониста сороковых годов, это был блистательный остаток цыганской веселой старины; он, семидесятилетний старик в 1847 году, еще плясал как 18-летний юноша и одушевлял своим голосом хор и публику, у него в хоре были отличные образцы и типы цыганской красоты. Примадонна его табора, Танюша, как мы уже упоминали, сводила всех с ума. Другая племянница Ильи Соколова, Аннушка, славилась как плясунья в венгерке. Илья Соколов управлял своим хором более сорока лет; он первый дал цыганским песням известные законы музыки; его песни "Хожу я по улице", "Гей вы, улане", или переделанная им русская песня "Слышишь ли, мой сердечный друг" – до сих пор живут и поются цыганами. В его хоре славились также солистки; сестра его Марья Осипова пела хорошо русскую песню "Не одна ли в поле дороженька". Не менее известна была и дочь его Лиза, по прозванию *Косая*; она пела превосходно "Коровушку" и "Чоловик сие жито".

О хоре Ильи Соколова находим в

воспоминаниях А. Мартынова следующее. Когда в 1843 году в Москву приехал Лист, чтобы дать несколько концертов, в честь его был устроен обед в летнем помещении немецкого клуба; пели цыганы, хор Соколова; Лист приходил в восторг от их песен, после обеда снял с себя ордена, уложил их в карман и весь отдался цыганам.

Через несколько дней после данного Листу обеда назначается его концерт в Большом театре, начало объявлено в 8 часов, зала театра полным-полнехонька, ждут великого пианиста, назначенный час наступил, но Лист не показывается; вот четверть, вот половина девятого, а Листа нет и нет, публика в смущении. Еще несколько минут, и Лист быстрыми шагами входит на сцену, садится за рояль и, проиграв мотив из цыганской песни "Ты не поверишь, как ты мила", которой и в программе не значилось, начинает импровизировать вариации. Публика, разумеется, была в восторге от этой неожиданности, затем концерт продолжался. В первом же антракте выяснилось, что Лист перед концертом заехал к цыганам и до того увлекся их пением, что позабыл о своем концерте. На последнем его концерте в числе слушателей находился в полном составе цыганский хор Ильи Соколова, которому Лист прислал билеты.

Все ученики Ильи Соколова выходили хорошими подражателями своего наставника; из последних особенно известны были Иван Васильев и брат первого дирижера Петр Соколов, хороший исполнитель цыганских национальных песен и пляски со шляпой. У него в хоре была красавица Катя, вместе с красотой обладавшая чудным контральто; она неподражаемо пела русскую песню: "Сарафанчик-расстегайчик"; в честь Кати в Москве в трактирах пошли в моду пироги "расстегай". Не менее известны были и племянники его, Матвей и Григорий Соколовы; последний любим был особенно в Москве. Пользовалась большим успехом и жена его, Марья Николаевна, певшая впоследствии у Дорота. Двоюродные братья его, Сергей и Матвей Соколовы, известны были больше в провинции, на ярмарках: в Лебедяни, Коренной, в Полтаве и Харькове; у них превосходная была певица Паша, неподражаемо исполнявшая русскую песню "Мне моркотно, молоденьке"; затем пользовались успехом еще две певицы: Анюта, по прозванию *Пучек*, и Елизавета *Турчиха*.

Не менее был известен в провинции и хор В. В. Шишкина; в этом хоре славились солистки Настя, Паша, Стеша и Варя. Из них вторая

превосходно исполняла романс Гурилева "Тройка мчится, тройка скачет". Позднее в этом хоре были еще две певицы: Анна Терентьевна и Наташа; первая была замечательная красавица, пела превосходно малороссийскую песню "Ой, чумаче, чумаче"; вторая славилась как неподражаемая исполнительница теперь забытого романса "Полюби ты меня, не скажу я про то". У него же в хоре была превосходная плясунья Груша и еще другая, Марфуша *Татарка*. Из мужского персонала там был превосходный октавист Николай Шишкин.

В пятидесятых годах явился Иван Васильев, ученик Ильи Соколова; это был большой знаток своего дела, хороший музыкант и прекрасный человек, пользовавшийся дружбой многих московских литераторов, как, например, А. Н. Островского, Ап. Г. Григорьева и др. У него за беседой последний написал свое стихотворение, положенное впоследствии на музыку Ив. Васильевым.

Вот слова этого ненапечатанного романса:

Две гитары за стеной зазвенели, заныли, –
О мотив любимый мой, старый друг мой, ты ли?
Это ты: я узнаю ход твой в ге миноре
И мелодию твою в частом переборе.
Чимбиряк, чимбиряк, чимбиряшечки,
С голубыми вы глазами, мои душечки!..

Сам Иван Васильев был хороший баритон, его романсы в то время имели большой успех и распевались всеми; вот некоторые его композиции: "Дружбы нежное волнение", "Тебя ль забыть" и другие.

В хоре Васильева славилась сестра его, Любовь Васильева, певшая превосходно русскую песню "Я вечер своего дружка" и романс "Густолиственных кленов аллея". У Ивана Васильева особенно процветали квартетное пение и трио; первое *soprano* пела жена Аграфена, второе Маша, по прозвищу *Козлик*; последняя исполняла особенно хорошо вместе с Грушей песенку "Ох болит" на переключку и русскую песню "Не будите меня, мол оду". Такой улыбки и мимики, говорят старые цыгане, как у Груши, теперь и не встретишь. Маша известна была более как "вторка". В цыганском трио был хорош тенор Михайло, брат Груши, певец, богатый умением фразировать каждое слово.

Весь персонал хора, как женский, так и мужской, у Ивана Васильева был вполне прекрасен; особенно выдвигались у него старухи: Матрена Сергеевна, необыкновенно лихо исполнявшая с хором песню: "В темном лесе"; весьма красиво у нее выходила при паузах трель.

Она же не менее типично плясала, скинув шапочку, мазурку "Улане, улане", и делала с легкостью девчонки во время пения вихрем "круг". За ней стояла еще другая плясунья, старуха Алена, хромая, по прозвищу *Бурбук*; она обладала превосходным хоровым голосом, лицом была очень некрасива, но типична, и особенно смешила всех широкою усмешкою своего большого и некрасивого рта. Из мужского персонала в этом хоре был превосходный тенор, красавец цыганского типа, Петр Алексеев, по прозвищу *Бирка*, он пел превосходно песню Бантышева "Молодость" и мн. др. Славился также у него октавист, по прозвищу Скипидар, горчайший пьяница, и другой тоже октавист, брат Ивана Васильева, Николай, цыган красавец, по прозвищу *Хапило*. В 1860 году, во второй приезд Ивана Васильева в Петербург к Излеру, у него появилась превосходная певица (контральто) Маня, певшая с большим успехом романс Ивана Васильева: "Я, цыганка, быть княгиней не хочу". Это solo, с аккомпанементом хора, как говорят сами цыгане, теперь невозможно; затем очень нравились публике петые ею романс "Его уж нет" и трио "Собирайтесь, девки красны"; в это время в хоре выступила певица Матрена, голос mezzo soprano.

В этих же годах пел в Петербурге другой хор московских цыган Петра Соколова, брата знаменитого Ильи. Этот хор славился "венгерской" и удалой цыганской пляской; особенно был превосходен плясун Егор, исполнявший с женой своей дикую молдаванскую цыганскую пляску с саблей. Из певиц у Соколова известны были soprano Саша и Варя. Последняя особенно прекрасно пела песню "Травушка" и романс "Не хочу я, не хочу"; Саша исполняла хорошо деревенскую песню "Лен, ты, мой лен". Из мужчин у него был знаменитый крамбамбулист Иван Пугаев, его "Тужур фидель и сансуси" вызывал целую бурю рукоплесканий.

В конце шестидесятых годов и в начале семидесятых выдающихся хоров и певиц не было, хотя и существовали хоры Григория Соколова, в Москве же славились те же старинные певицы Маня и Александра Ивановна; еще отличалась осмысленной фразировкой и выразительной мимикой Марья Николаевна Лузина. В конце семидесятых годов в Петербург явилась Паша, с замечательным контральто, при типичной цыганской красоте; пение ее отличалось весьма своеобразной щеголеватостью фразировки. Эта певица пела в хоре известного цыганского композитора Родиона Аркадьевича Калабина, в

"Ташкенте". Она вскоре сошла со сцены, выйдя замуж за помещика. За последние годы хороших цыганских хоров не было, и если и появлялись какие, то, по цыганскому выражению, "без картин", т. е. без красавиц цыганок.

В наше время в Петербурге получил большую известность хор молодого, но опытного дирижера Н. И. Шишкина. В его хоре пользовался громадным успехом тенор Димитрий, прозванный цыганским Рубини. В женском персонале выделяется сестра Димитрия, Ольга Андреевна, затем Маня, по прозвищу *Цыпочка*, и молодая певица Леночка, исполняющая необыкновенно своеобразно, с гибкими переливами молодого свежего голоса, очень грациозную по мелодии венгерку "Соцо Гриша", и затем другой еще романс: "Очи черные"; в хоре Н. И. Шишкина также пользуются большим успехом Ольга Петровна, по прозвищу *Лётка*, и еще другая певица, Александра Васильевна Хлебникова, с весьма сильным контральто. Сам Н. И. Шишкин известен также как виртуоз на гитаре.

В Москве поют за последнее время два хора цыган: Николая Хлебникова и Федора Соколова; у первого известны певицы Паша *Ратничиха*, Саша *Ветерочек* и Ольга Дмитриевна *Разорва*;

первая превосходно исполняет песню "Вьюшки", вторая песню "Попляши, Настенька, попляши, милая моя", и третья – "Доля моя"; в этом хоре превосходен плясун Алексей. В хоре Соколова хороши певицы Сергеевна и Феша, а затем *Малярка*, превосходная вторка.

ГЛАВА XVIII

Общественные увеселения; дешевая жизнь в Петербурге, дешевизна жизненных припасов; привоз на биржу гастрономических товаров; привоз гувернанток. – Увеселительные сады. – Гулянья на островах Елагином и Крестовском, и на Черной речке. – Петергофская дорога, Шлиссельбургский тракт, сады откупщиков, кулачные бои, азартная игра в карты, шулера. – Концерты и музыкальные собрания, клубы, публичные балы и маскарады. – Балы, танцы, вечера вельмож-меценатов; оргии купцов. – Гостиницы, ледяные горы и качели на Масленице, число гуляющих и экипажей; моды и модники прежнего времени. – Сатиры на моды, непомерная роскошь, указ, как должно ездить всякому, гонение на моду при Павле I, франты и франтихи.

В начале текущего столетия и в конце прошедшего наши публичные увеселения кипели жизнью и не были так бесцветны и вялы, как теперь; правда, и жизнь в Петербурге в то время была баснословно дешевая. Первый, например, в столице дом графа Шереметева, на Фонтанке, отдавался внаймы за четыре тысячи рублей. Лучшая квартира в восемь-десять комнат на лучшей улице стоила не дороже двадцати рублей в месяц; фунт говядины стоил полторы и две копейки, полтеленка рубль, курица пять копеек, десяток яиц две копейки, пуд масла коровьего два

рубля, пуд свечей сальных два рубля, овса четверть восемьдесят копеек, пуд сена три копейки, дров березовых сажень семьдесят копеек, хлеб белый в полфунта две копейки, бутылка шампанского вина полтора рубля, портера английского двадцать пять копеек, пива две копейки, десяток апельсинов двадцать пять копеек, лимонов три копейки.

По цене высоко стоял только один сахар, и то оттого, что был заграничный: цена рафинада была за фунт два и три рубля. Особенно высока цена была после двенадцатого года, в это время во многих домах подавали самый последний сорт сахара, называвшийся "лумп"; он был неочищенный, желто-соломенного цвета; лучшего сорта сахар назывался "мелюс", а второй сорт носил имя полурафинада.

Наемная карета с четверкою лошадей в месяц стоила шестьдесят рублей. За обед в первом трактире с пивом платили у Френцеля на Невском, рядом с домом графа Строганова, и в трактире "Мыс Доброй Надежды", на Большой Морской, тридцать копеек. За два рубля можно было иметь самый гастрономический обед с десертом и вином в Демутовом трактире у Юге. У Фельета в маскараде платили за жареного рябчика тридцать копеек, за бутылку красного

бордоского вина ту же цену.

Ранней весной любимейшим местом гулянья всего фешенебельного Петербурга был Невский проспект и Адмиралтейский бульвар; также и биржа в это время года делалась всеобщим сходбищем; открытие навигации и прибытие первого иностранного корабля составляли эпоху в жизни петербуржца.

Биржевая набережная и лавки тогда превращались в целые импровизированные померанцевые и лимонные рощи, с роскошными пальмовыми, фиговыми и вишневыми деревьями в полном цвете. Рощи эти населяли златокрылые и сладкогласные пернатые экзотических стран; ботаник, лошадиный, птичий и собачий охотники, каждый здесь находил себе богатую пищу.

Привезенные на кораблях английские буцефалы²⁹⁴ в виду многочисленной публики выгружались и поднимались на блоках в деревянных ящиках и моментально обступались знатоками-покупателями.

В лавках за накрытыми столиками пресыщались гастрономы устрицами, только что привезенными с отмелей в десять дней известным в то время голландским рыбаком на маленьком ботике в сообществе одного юнги и большой

собаки.

Коренастый голландец, в чистой кожаной куртке и в белом фартуке, с простым обломком ножа в руках, спешил удовлетворить желание своих многочисленных гостей, быстро вскрывая на тарелках своих жирных затворниц. Молодой юнга сновал между столами с подносом, уставленным стаканами со свежим пенящимся английским портером.

Специалисты по части прекрасного пола любовались хорошенькими розовыми личиками в соломенных шляпках, пугливо выглядывающими из маленьких окошечек трехмачтового корабля. Груз этот предназначался в лучшие барские дома и состоял из немок, швейцарок, англичанок, француженок, на известные должности гувернанток, нянек, бонн и т. д. Интересные пленницы ждали своих будущих хозяев и полицейского чиновника для прописки паспортов.

Первый общественный увеселительный сад открылся весной в 1793 году на Мойке (теперь Демидовский дом трудящихся); учредил его поддиректор императорских театров барон Ванжура; увеселительный сад именовался "Вокзал в Нарышкиновом саду".

Здесь каждую среду и в воскресенье давались

праздники, балы, танцевальные вечера и маскарады с платою по рублю с персоны. Увеселения начинались с 8 часов вечера; посетители могли приходить в масках и без маски. В зале, предназначенной для танцев, играло два оркестра музыки: роговой и бальный. На открытом театре давали пантомимы и сожигали потешные огни. Иногда здесь шли и большие представления, как, например, "Капитана Кука сошествие на остров с сражением, поставленным фехтмейстером Мире", или "Новый год индейцев", народные пляски и т. д. При этих представлениях публика платила два рубля.

Здесь показывали свое искусство, как гласила афиша того времени, и путешествующие актеры, и мастера разных физических, механических и других искусств, музыканты гордые, на органах и лютне, искусники разных телодвижений, прыгуны, сильные люди, великаны, мастера верховой езды, люди со львами и другими редкими зверьми, искусными лошадьми, художники искусственных потешных огней и т. д.

Нарышкинский вокзал не просуществовал долго, скоро он закрылся, хотя его артисты, по словам современников, имели вначале великий успех.

Вообще летних частных увеселительных садов в начале нынешнего столетия было гораздо больше, чем теперь. Первым в ряду их бесспорно стоял императорский Летний сад, затем другой в Литейной части, под названием Итальянский.

В этих садах в праздничные и воскресные дни играла императорская роговая музыка.

Был также в городе "Вольфов сад" при оспопрививательном доме, потом славился еще "Фридериксов" при ситцевой фабрике. Затем известны были загородные сады: Аптекарский, или Ботанический, и еще графа К. Гр. Разумовского на Крестовском острове; в этом саду, у каменного охотничьего замка, для увеселения публики закидывалась тоня для ловли рыбы; тут же находился трактир, где угощали прохожих напитками и кушаньями.

Каменный остров со своими тенистыми аллеями был также один из любимейших народных садов; где теперь стоит летний дворец великой княгини Екатерины Михайловны, в то время был разведен графом Бестужевым-Рюминым прелестный увеселительный сад в голландском вкусе, с каналами, выложенными известковым камнем, с беседками для охотников, с увеселительными тонями и другими барскими затеями.

На Елагином острове, или, как его прежде называли, на Мельгуновом острове, публика тоже пользовалась самым широким гостеприимством от владельца, гофмаршала И. П. Елагина.

Здесь строго было приказано дворецкому угощать всех желающих обедом и ужином.

В праздничные дни в саду играла музыка, кривлялись паяцы и пускались увеселительные потешные огни.

В Выборгской части существовали сады графа Ал. Сер. Строганова и графа А. А. Безбородко.

В Строгановском саду в праздничные дни происходили танцы на открытом воздухе; раскинуты были палатки, где угощали также даром вином и яствами.

Существовал также увеселительный сад на острове Круглом, перед самым главным устьем Невы, напротив Подзорного дворца. Здесь, впрочем, бралась плата за вход с человека по 25 копеек, а за все лето по два рубля с полтиной.

Любимыми удовольствиями петербуржцев считались также прогулки по Неве в шлюпках и больших лодках, в 3, 4, 6, 10 пар весел, с ловкими гребцами, одетыми в голландские куртки. В летние ночи такие шлюпки были видны ежеминутно, с гребцами, распеваящими песни и играющими на рожках.

Шлюпки эти содержались присутственными местами для переезда через Неву, когда не было мостов.

В "Красном кабачке", в "Желтеньком", в Екатерингофе происходили настоящие оргии. На катерах с музыкою и песенниками, на тройках, на лихих рысаках туда съезжалась публика. Заехав же в трактир, спрашивали шампанское не бутылками, а целыми ящиками. Вместо чаю пили пунш. Цыгане, крик, шум и мертвая чаша! В старину все это считалось молодецкою забавою.

На Петергофской дороге существовал великолепный сад А. Л. Нарышкина у Красной мызы, простиравшийся чуть ли не на 7 верст, тоже доступный для публики. Здесь даже была выставлена при входе доска с надписью: "Приглашаем всех городских жителей воспользоваться свежим воздухом и прогулкою в саду, для рассыпания мыслей и соблюдения здоровья".

По Шлиссельбургскому тракту были загородные великолепные сады со свободным входом для всех: князя Вяземского, Зиновьева, Апраксина, Потемкина, Шереметева и многих других.

Для дальних прогулок существовали уже в полной царственной красе императорские и

великокняжеские дворцы и сады: Петергоф, Ораниенбаум, Гатчина, Царское Село, Павловск и прочие.

Некоторые откупщики и богатые люди давали праздники в своих садах, ничуть не отличавшиеся от царских праздников. Так, в двадцатых годах недалеко от Большого Охтенского перевоза жил богач Ганин, известный своими лукулловскими праздниками, своим садом и затеями. Он нередко устраивал праздники в своем саду, стоившие ему не менее пяти тысяч рублей. По приказу его, как по волшебству, создавались из зелени и цветов в саду множество храмов, беседок, роскошно иллюминированных разноцветными фонарями и венецианскими люстрами.

В каждой из этих беседок для гостей был сервирован роскошный ужин. Вся крепостная прислуга этого барина при таких случаях была за костюмирована: женщины – нимфами, наядами, сальфидами, мужчины – гениями и силенами, дети – амурами. Сальфиды прислуживали у стола, наяды разливали вина, фавны носили кубки и блюда с яствами. Сатиры и нимфы с амурами в это время кружились в веселых плясках. Музыка, песни, бенгальские огни придавали всему этому вид полного очарования.

Нередко, впрочем, природа омрачала эти пиршества на открытом воздухе. Небо покрывалось тучами, гром заглушал музыку, а сильный дождь разводил вино. Картина общей, внезапной сумятицы выходила пресмешная. Стихия тешилась, и непризнанные боги и богини промокали до костей, у сильфид ветер срывал туники, амуры теряли башмаки, нимфы вязли в грязи, а бедным фавнам и сатирам нечем было даже промочить горло.

В старину наши баре, давая такие роскошные праздники, часто не думали о расплате за них, а давали их прямо в кредит.

Гулянье первого мая обычно праздновалось в Екатерингофе; в этот день в роще разбивались нарядные палатки и устраивались кавалькады. Сколько народу, сколько разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, песен, плясок и проч. было там.

Богатые вельможи делали свои палатки из турецких дорогих шалей, в палатках на столах стояла роскошная трапеза, рядом помещались оркестры дворовых музыкантов. Сколько щегольских модных карет и древних прапрадедовских колымаг и рыдванов, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасных коней и тощих старых кляч, прелестнейших кавалькад и

прежалких всадников можно было встретить там. Всюду азиатская роскошь.

Впрочем, местами проглядывала и непокрытая голь и нищета. Нередко из-за богатой палатки виднелся чуть-чуть прикрытый рогожей и тряпками шалаш с единственными украшениями: дымящимся самоваром и простым пастушеским рожком для аккомпанемента поющих и пляшущих поклонников алкоголя.

Вельможи, приезжая сюда со свитой в несколько десятков человек, пировали по три и по четыре дня; перед их палатками плясали и пели песенники-цыгане в белых кафтанах с золотыми позументами. Здесь же на потеху народу завязывался кулачный бой, в который вступая, по русскому обычаю, соперники троекратно целовались и обнимались. Победителем на таких боях долго славился целовальник²⁹⁵ Гордей.

Кулачные бои происходили также каждое воскресенье на Неве, в Великом посту; боролись и дрались охтяне с фабричными Стеклянного и Фарфорового заводов.

Что же касается боев на зеленом поле, то в старину они в Петербурге процветали. Петербургские старожилы, вероятно, еще помнят, как на одной из главных, самых многолюдных улиц, в двух угловых, стоявших один против

другого и ярко освещенных домах почти каждый вечер кипела очень сильная, азартная игра и манила проезжающих по улице то направо, то налево.

Лет семьдесят тому назад один из содержателей таких домов выстроил себе в Петербурге великолепный дом, окруженный садом (дом этот принадлежит теперь одному из наших богатых князей). В его кабинете, между разными картинами, висела золотая рамка со вставленной в нее пятеркой, в знак признательности, что она рутировала²⁹⁶ ему в штос, который он когда-то метал на какой-то ярмарке и выиграл миллион рублей.

В старину было немало бар, принадлежавших к высшему кругу общества, с которыми даже в коммерческие игры садились играть не иначе как с условием, чтобы они никогда не тасовали и не сдавали карт, и они покорялись этому требованию с величайшим хладнокровием.

Концерты и музыкальные вечера в Петербурге начались в 1772 году; в этом году был учрежден первый музыкальный клуб из трехсот членов, вносивших каждый по десяти рублей в год на содержание оркестра. По два раза в неделю назначались в клубе музыкальные вечера, стечение публики на них было многочисленное.

Каждую зиму также составлялось одно английское и одно немецкое купеческое общество для балов; последние давались в доме Нарышкина, у барона Ванжура (теперь дом Демидова, на Мойке).

Публичные балы и маскарады в начале нынешнего столетия славились у Фельета. Здесь высшее петербургское общество освобождалось от оков этикета и вполне предавалось веселости и даже шалости, конечно, не выходя из пределов приличия.

Загородные зимние катанья (в Красный кабачок) в Петербурге в начале XIX столетия. С гравюры XIX века

В начале двадцатых годов славились придворные маскарады в Зимнем дворце. Более тридцати тысяч билетов раздавалось желающим быть на этом маскараде, которому не было подобного по разнообразию костюмов и многочисленности посетителей.

С восьми часов вечера бесконечный ряд великолепных комнат дворца открывался и в какой-нибудь час наполнялся пестрой толпою купцов и лавочников, с окладистыми бородами, в длиннополых сибирках и в круглых шляпах, с женами их и дочерями, в парчовых и шелковых платьях, в алмазах и жемчугах.

Грузины, черкесы, армяне, татары в национальных костюмах, офицеры, иностранное посольство в парадной одежде и присутствие монарха с высочайшею фамилиею и двором делало этот маскарад вполне торжественным. Государь являлся всегда приветливым хозяином и удостоивал некоторых посетителей разговором и вниманием.

Во время маскарада раздавался желающим чай, мед, разные лакомства и закуски. В маскарадах царствовал необыкновенный порядок, сохранялся он без содействия полиции, которая сюда не допускалась.

Особенно многолюден был маскарад накануне

Нового года; в этот вечер весь двор являлся одетый в домино и совершал процессию через все покои дворца, затем двор ужинал в Эрмитаже. Народу во дворце собиралось несколько тысяч, в том числе немало бараньих тулупов. И над всей этой многотысячной массой высилась высокая фигура императора Николая в треугольной шляпе с развевающимися перьями.

Также блестящие маскарады давались и в Дворянском собрании, и в Большом театре; особенно на масленице и также раннею весною ежегодно так называемый маскарад с лотереей-томбола²⁹⁷.

На этом маскараде в час ночи, на особой эстраде, при звуках труб, разыгрывали разные галантерейные вещи. Этим маскарадом оканчивались бальные и маскарадные собрания петербургской публики до осени.

При императоре Александре I было в обыкновении спрашивать имя того, кто первый входил в маскарад, и у последнего, кто его покидал; имена этих господ на другое утро докладывали императору. По поводу этого обыкновения вышел следующий курьезный случай. Один начальник отделения военного министерства, состоявшего под управлением графа Аракчеева, никогда еще не бывал ни в

маскараде, ни в театре; всю жизнь он ложился спать в 10 часов вечера и вставал вместе с курами. Сестра его жены приезжает из провинции в Петербург, и обе дамы просят, чтобы старик ехал с ними на маскарад. На свое несчастье и он соглашается; он не знал, что такое выходить из дому или возвращаться в 11 часов.

Моды в России в 1779 году
(Убор а-ля-бельпуль.; Счастливый щеголь.;
Расцветающая приятность.; Раскрытые прелести.;
Прелестная простота).

С рисунка, приложенного к журналу "Модное
ежемесячное сочинение", издание 1779 года

В огромном нижнем этаже дворца, в проходных комнатах, есть маленькие, неосвещенные кабинетцы, снабженные креслами. Этот господин юркнул в один из таких, сказав своим дамам, чтобы они следовали за толпой, совершали бы свой маскарадный обход и потом пришли за ним. Но этого им не удалось сделать, кабинетцев множество, давка страшная. Дамы в отчаянии отправляются домой одни, старика же утром будят полотеры. Проходит год; Аракчеев делает представление к наградам. Его лучший работник, наш начальник отделения, тоже не забыт. Представление государь утверждает, вычеркивая одного начальника отделения. Аракчеев решается замолвить за него слово, но государь прерывает его: "Вы ничего не знаете; этот чиновник посещает все маскарады; он первый появляется и последний уезжает – это уже не работник!" Никакие доводы не подействовали: старику пришлось выйти в отставку. Он только и покидал свою квартиру, чтобы идти в канцелярию, где и был первым и последним.

Балы богатых вельмож представляли следующую картину. Зал освещался множеством восковых свеч, горевших в хрустальных люстрах и медных стенных подсвечниках. По двум сторонам залы, у стен, стояло множество

раскрытых ломберных столов, на которых лежало по две колоды нераспечатанных карт. Музыканты размещались у передней стены, на длинных, установленных амфитеатром скамейках: когда гостей съезжалось довольно, то музыка открывала бал польским, при торжественных случаях с аккомпанементом хора певчих. Протанцевав минут пять, знатнейшие пожилые особы садились за карты, а вместо них начинали отличаться молодые. Употребительнейшие танцы в то время были: полонез, а-ла-грек, английский променад, альман, хлопушка, уточка, экосезы, мазурка, котильон, матрадуры, галопад, менуэты *en deux* и *en quatre*. Во всех этих танцах соблюдали все правила, выделявая каждое па самым добросовестным образом. Известные до этого времени стройные круги хороводов, веселые плетни, метелицы, буйные трепаки, казачки, камаринские танцевались только уже в провинции.

Во время танцев старики и старушки за карточными столами потешались в вист три-три, рокамболь, макао, реет, квинтич, басест, шнип-шнап-шнур, кучки, а-ла-муш, юрдон (самая азартная игра, от которой произошло известное выражение "проюрдонился"), тентере, панфил, ерошки или хрюшки, никитишны и т. д.

Вельможи века Екатерины щеголяли роскошью своих балов. Но и семейные вечера наших бар, даваемые запросто, отличались торжественностью и великолепием; про графа А. Г. Орлова рассказывают его современники, что он еженедельно давал вечера, на которые съезжались все званые и незваные. Сам могучий хозяин встречал гостей, сидя в передней гостиной вместе с некоторыми почетными лицами, распивая чай и другие напитки. Здесь все были веселы, громко смеялись и рассказывали друг другу новости.

На таких вечерах в десятом часу накрывался ужин кувертов на двести. На одном столе ставился сервиз серебряный, на другом из саксонского фарфора; за первым столом служила прислуга все старая, в седилах, за вторым суетились молодые официанты. Подавали аршинные стерляди, судаки из собственных прудов; спаржу толщиною чуть ли не в добрую дубину из своих огородов; телятину белую, как снег, выхоленную в люльках на своем же скотном дворе. Персики и ананасы были также из своих оранжерей; даже вкусное вино из ягод, вроде шампанского, было домашнего приготовления. Хозяин почти никогда не садился за стол, а только заботился о гостях. После ужина, который

обыкновенно кончался в одиннадцатом часу, по знаку хозяина музыканты играли русскую песню: "Я по цветикам ходила", под звуки которой дочь графа, разодетая в богатейший русский сарафан, плясала по-русски. Гости тоже усердно за ней пускались в пляс. В половине второго танцы прерывались, и хозяин возглашал: "Пора по домам!", музыка умолкала, и всякий торопился убраться домой, ранее поблагодарив радушного хозяина, который коротко знакомых обнимал, других дружески трепал по плечу, у дам целовал ручки и всем говорил не иначе как "ты". При разъезде почти вся улица была запружена экипажами. Кучерам раздавали по калачу и разносили по стакану пенника.

Особенно роскошны выходили разные празднества и домашние спектакли у известного петербургского богача Всеволода Андреевича Всеволожского, даваемые им на своей мызе "Рябово". Имение этого креза стоило ему многих миллионов рублей. К сожалению, следы бывшего великолепия и былой роскоши этого барича теперь уже не существуют. Изящный дворец, с оранжереями, густыми подстриженными французскими лентровскими²⁹⁸ аллеями, с каналами, водоемами и прочими затеями, обвалился, зарос и продан по частям. Барский

дом этого магната состоял из 160 комнат, расположенных в двух этажах. В Рябово съезжалось из Петербурга ко дню именин хозяина 24 октября более пятисот человек гостей. Для всех гостей устроены были особые помещения, причем были приняты меры, чтобы привычки и обычаи каждого гостя и гости не встретили ни малейшего стеснения; празднование длилось трое суток. В рябовском манеже давались костюмированные турниры, карусели, на которые выезжали рыцари в латах. Обеды этого креза славились на всю Россию. Разварные осетры, полученные по почте с Урала, подавались целиком в паровом котле; последний, обернутый массою салфеток, подавали четверо дюжих кухонных мужиков, одетых в белых, как снег, русских рубахах. На театре играли крепостные актеры и актрисы Всеволожского, составлявшие у него довольно многочисленную труппу. Эта же рябовская труппа вместе с тем исполняла и обязанности хора певчих в домашней церкви и отчасти музыкантов во время балов. В заключение спектакля становился особенный пролог, который разыгрывали родственники и близкие знакомые хозяина. За прологом следовало представление в лицах, также гостями, различных шарад, загадок, каламбуров,

логогрифов, омонимов, анаграмм и т.д. Во время ужина в столовую то и дело являлись различные персонажи в костюмах, один другого забавнее и замысловатее. Шатался около столов какой-то господин с красным носом в шутовском наряде; он был украшен надписью "Gastronome ambulant²⁹⁹". Этот гастроном преловко допивал недопитые рюмки у гостей, доедал объедки и т. д. Несколько старых французских эмигрантов в шитых шелковых и глазетовых кафтанах, в розовых чулках и башмаках, со стразовыми пряжками и с напудренными париками, важно нюхали здесь табак и очень забавно толковали о временах регентства и Людовика XVI. Известный в то же время богач, чудака Ганин, почти полуидиот, над которым так часто подсмеивался Измайлов в своем "Благонамеренном", давал также спектакли в своем загородном доме, на которых, впрочем, всегда исполнялись безграмотные пьесы самого хозяина. Здесь между актерами являлся сам творец этих бездарностей, исполнявший всегда роль львицы на четвереньках. Про этого Ганина в то время ходило много анекдотов. Император Александр Павлович, будучи наследником, раз возвращался на яхте с командой гвардейского экипажа и с роговою музыкою Д. Л. Нарышкина. Проезжая по

Неве мимо дачи Ганина, в довольно значительном расстоянии от берега, он увидел на берегу целую вереницу голых людей. Полагая, что эти люди вышли из находившейся здесь же бани Ганина или из публичной купальни, государь нашел эту прогулку в одежде прародителей неприличною и велел одному из бывших при нем адъютантов отправиться на берег и сделать об этом распоряжение. Но каково было удивление адъютанта, когда он, подъезжая к берегу, увидел, что хороводы голых людей были не что иное, как ряд ганинских алебастровых статуй, ни с того ни с сего выкрашенных по распоряжению владельца в светло-розовый цвет. Во избежание подобного рода недоразумений тогдашний обер-полицеймейстер Гладкий приказал их выбелить.

На домашних спектаклях наших бар давали и французские комедии. Из Франции, как известно, в то время нахлынуло к нам вместе с эмигрантами волокитство и любезности петиметров. С. Н. Глинка в своих записках пишет: "Модный московский свет наряду с петербургским размежевался на два отделения: в одном отличались англومانья, в другом – галломанья. В Петербурге было более англومانов, в модных домах появились будуары, диваны, и с ними

начались истерики, мигрени, спазмы и так далее. По ночам кипел банк, тогда уже ломбарды более и более наполнялись залогом крестьянских душ. Быстры и внезапны были переходы от роскоши к разорению. В большом свете завелись менялы, днем разъезжали они в каретах по домам с корзинками, наполненными разными безделками, и променивали их на чистое золото и драгоценные камни, а вечером увивались около тех счастливых, которые проигрывали свое имение, и выманивали у них последние деньги. В утренние разъезды и на обеды ездили с гайдуками, скороходами, на быстрых четвернях и шестернях; тогда езда парой называлась *мещанскою ездою*".

В 1800 году в Петербурге дома были небольшие, деревянные, и только в самом центре города каменные. Мосты, исключая Каменного и Казанского, были тоже деревянные, даже на Невском дома были почти все деревянные, как и церковь Казанской Божией Матери. Тротуаров тоже не было, а были дощатые дорожки. О богатых гостиницах даже не было и помина. Иногородние, приезжая в Петербург, останавливались, по старинному русскому обычаю, у своих родных и знакомых, а для богачей нанимали в городе заблаговременно

квартиры.

Магазинов с иностранными товарами было всего три; убранство магазинов отличалось полной простотой, богатые товары лежали на полках или шкафах из простого выкрашенного дерева. Но годовые заборы товаров из этих магазинов некоторыми барскими домами выходили на несколько десятков тысяч. Так, известный богач, граф Б-ский, чтобы рассчитаться с английским магазином, должен был отдать свой дом в уплату долга. Самыми модными магазинами также были "Нюрнбергские лавки", слава которых гремела по всей России. Здесь было все, от булавки до дорогой ткани; помещались они на Невском, в доме католической церкви.

Зимой строили ледяные горы и учреждались парадные катанья в санях; дамы сидели с кавалерами в бархатных шубах с соболями или в атласных с золотыми бранденбургами. Лошади были под фартуками, украшались перьями, и араб, или егерь, позади держал зажженный факел. Такой щегольской поезд тянулся цугом и заезжал к знакомым, где пили чай, ужинали и т. д.

Ледяные горы во время масленицы в Петербурге строили обыкновенно на Охте, на Крестовском острове и на Неве перед дворцом.

Ледяные горы делали до восьми и более сажен в вышину. Простой народ катался с них на лубках, ледянках и на санях.

Такие же горы устраивались и на дворах наших богатых бар, где дамы в собольих шубках неслись с горной зеркальной поверхности и составляли кадрили и экосезы с кавалерами.

Вокруг невских гор строились сараи, в которых показывали разных животных, давалась кукольная комедия, китайские тени, плясали на канате и т.д. Поездки на Крестовский остров, в "Красный кабачок", составлялись целым обществом. Сама императрица нередко принимала участие в таких забавах и ездила в больших санях, к которым для свиты привязывали еще попарно 14 или 16 маленьких санок. В большие сани закладывали двенадцать прекрасных лошадей, великолепно убранных; вечером у каждых санок зажигали разноцветные фонари; зрелище выходило великолепное.

Как горы зимою, так летом качели привлекали толпы народа. Качели строились к Святой неделе и оставались все лето. Ставили их на Исаакиевской площади, и они были круглые, маховые, подвесные, расписные и украшены разными изображениями и флагами. У качелей воздвигались также деревянные горы, с которых

спускались по покатым желобам на маленьких колясках. Горы эти вошли в употребление с того времени, когда императрица приказала выстроить в Ораниенбауме две горы, одну против другой, и так искусно, что, спускаясь с одной, поднимаешься нечувствительно на другую.

Вокруг качелей разбивались шатры для продажи крепких напитков, разносчики на каждом шагу предлагали лакомства, закуски; фокусники на балконах и паяцы дурачились, выделявая штуки; музыка и песни гремели со всех сторон.

Если же где случалась драка или шум, то по приказу императрицы ссорящихся обливали водой из пожарных труб. Кругом качелей прогуливалось в пышных, великолепных костюмах все, что ни есть богатого и знатного в столице. В последние дни праздника обычно императорская фамилия посещала гулянье.

В двадцатых годах, в субботу, здесь насчитывалось более четырех тысяч карет. Число это по тому времени казалось почти невероятным, если взять во внимание, что в царствование Анны Иоанновны в целом Петербурге число карет едва доходило до ста штук.

На бульваре и тротуаре вдоль Исаакиевской площади толпились жители среднего класса и

любовались на проезжающих на четверках вороных, в экипажах Иохима, лучшего каретника в Петербурге.

Моды в России в 1779 году
(Головной убор по манеру шишака
Минервина, или по-драгунски; Левантский
турбан; Щеголиха на гулянье; Уборка из цветов;
Рог изобилия.).

С рисунка, приложенного к журналу "Модное
ежемесячное сочинение", издание 1779 года

Здесь же в стройных, пестрых рядах стояли купцы и мещане с женами и детьми в богатых национальных одеждах.

Самые прихотливые наряды и уборы перешли к нам в конце прошлого столетия. В эти года понемногу начала у нас ослабевать привязанность к национальной одежде; в особенности женщины поспешили следовать моде, избравшей своим местопребыванием Париж. Прихоти этой капризной богини в то время бывали до того безумны и несообразны, что просто удивительно, как находились несчастные, готовые испытывать добровольную пытку и уродовать себя. Сколько жалоб и преследования претерпели наши прабабушки и со стороны печати. Вместе с появлением модных ежемесячных журналов вроде "Библиотеки дамского туалета", "Магазина английских, французских и немецких мод" явились и сатирические сочинения, цель которых, как гласила публикация в "Московских ведомостях" 1791 года, "состояла в том, дабы предъявить вред, причиняемый модою, роскошью и вертопрашеством и прочими пороками, которые видны во многих сценах нынешней жизни".

К таким, не лишенным дозы остроумия, книгам принадлежала изданная в Москве в 1791 году "Переписка моды", содержащая письма безруких мод, размышления неодоушевленных нарядов, бессловесных чепцов, чувствования

мебели, карет, записных книжек, пуговиц, старозаветных манек, кунташей, шлафоров, телогрей и проч. Книга вышла без имени автора, но из предисловия видно, что она принадлежит издателю "Сатирического вестника", следовательно, одному из известнейших наших прежних литературных деятелей – Н. И. Страхову. В своем предисловии последний говорит: "С тех пор, как правда, или, по-ученому, истина, сделалась неприятнее для глаз едкого дыма, то она должна, чтобы не быть узнанною, являться в свет не иначе как инкогнито или в платье наыворот. Многие из авторов заставляли мыслить и философствовать чертей и духов, а иные и зверей, то для чего бы и нам не заставить чувствовать знаменитые и особенно модные платья, уборы и вещи". Моду автор представляет такой сильною властительницею и особою, к покровительству которой прибегают все люди.

В конце он выражает желание, чтобы все те, которые здесь по необходимости названы и наряжены смешным образом, могли бы хотя несколько научить юношество любить истину в настоящем ее виде, открыть глаза и убедить их во вреде, причиняемом модами, роскошью, вертопрашеством и другими пороками, которые являются повсюду в современном обществе.

Моды в России в 1791 году
(Головной убор "Пчелиный улей"; Роба на манер королевиной; По-крестьянски; A la Reine.).

С рисунка, приложенного к журналу "Магазин Английских, Французских и Немецких новых мод", издание 1791 года

Книга начинается письмами "Моды" к "Непостоянству"; затем идут различные просьбы от разных старинных головных уборов, вроде кокошника с перепелами, собольей бархатной шапочки корабликом, рогатой шапки, от колпаком шапки, чепца бармотика, нахтыш-чепца, от кривого чепца с шишкой и т. д.

Приводим ответ письма моды к старинным модам: "Mesdames! Ваша бономи и семплисите³⁰⁰ заставили меня так смеяться, что я едва от того не лопнула. Фуй! фуй! Как вы меня уморили! Сюр-мон-онер³⁰¹, вы, видно, презабавные твари! Одни ваши имена: кокошник с перепелами. .. шапочка корабликом... рогатая шапка-чепец бармо-так... Косой с шишкой... Ну! Совершенно я интересуюсь вас видеть и узнать персонально. Определить в подлинный свой штат я вас не могу, ибо ныне вместо кокошника с перепелами на головах прекрасного пола находятся целые страусы. Старинные женские головы, может быть, любили плавать, и потому нужны были шапочки корабликами, но нынешние головы имеют единственным своим основанием воздушную стихию и потому любят ветреность и парение по воздуху. Рогатая шапка также не может быть употребляема, ибо ныне на мужских лбах рога только терпимы", и т. д. Интересно также прошение "Карточной игры", чтобы повесить следующие денежные игры: банк, реет, квинтич, вент-эн, кучки, юрдон, гора, макао, и ввести во всеобщее употребление новые игры: штос, три-и-три, рокамболь, и затем переместить в службу солидных людей карточные игры: ломбер, вист, пикет, тентере, а-ла-муш, и уволить

в уезды и деревни следующие: панфиль, тресет, басет, шнип-шнап-шнур, марьяж, дурачки с пар, дурачки внавалку, дурачки во все карты, ероши или хрюшки, три листка и семь листов; а игры в "носки" и "никитишны" отпустить в чистую отставку. Далее идут письма: от женского башмачка стерлядкою к ботинку, от шляпы а-ла-шарлот – к шляпе а-лондросман и шляпке корнету. В письмах "от бюро к комоду" и "от комода к бюро" описывается "жизнь" молодого вертопраха, "бездарного писца", т.е. литератора, "прелестницы" и "корыстолюбивого судьи". В этих письмах автор доказывает, что люди бывают сами причиной своих заблуждений и пороков; он говорит, что "вертопрашество", "торговые дарования", умножение прелестниц и корыстолюбивых судей обязано происхождением своим любви к деньгам, необходимым для поддержания роскоши, сообразующейся с законами моды.

Непомерная роскошь в семисотых годах настолько была сильна, что императрица Екатерина II вынуждена была издать манифест с постановлением, как должно было ездить каждому. Двум первым классам определялось ездить цугом с двумя вершниками; 3, 4, 5-м классам – только цугом; 6, 7 и 8-м классам –

четвернею; обер-офицерам – парю; не имеющим офицерских чинов – верхом, в одноколке или в санях в одну лошадь.

Ливреи по указу также были разные: лакеи двух первых классов имели басоны по швам; 3, 4, 5-х классов – по борту; 6-го – на воротниках, обшлагах и по камзолам; 7 и 8-го классов – только на воротниках и обшлагах; обер-офицерам – ничем не обкладывать. Купцам запрещены были кареты с золотыми и серебряными украшениями; допускались кареты, одноколки и сани, просто выкрашенные под лак. Отступления от этих форм наказывались штрафами.

Позье в своих записках рассказывает, что придворный ювелир Дюваль не следовал этому правилу и ездил по городу на трех лошадях. Генерал-полицеймейстер Чичерин объявил сенату, что на доклад его словесный, какой штраф положить повелено будет золотых дел мастеру Дювалю, что ездит не по званию его, ее императорское величество высочайше изустно повелеть соизволила, как оный присвоил себе из чужого права, то есть штаб-офицерскую впряжку лишней лошади, то и взыскать с него штрафа три доли из оклада, подлежащего ко взысканию, а четвертой доли не взыскивать, потому что не все полное право присвоил.

На экипажи в то время не обращали большого внимания, только бы лошади были запряжены да колеса вертелись, одно выше другого на пол-аршина, хомуты из ремешков, веревок; на козлах, по болезни кучера, сидел иногда и повар с щетинистою бородою, в нагольном тулупе; назади портной в ливрее из солдатского сукна, в картузе, с платочком на шее.

Люди богатые ездили четверкою и шестеркою; в наше время не увидишь кареты шестеркою, кроме разве в какой-нибудь процессии. Такая езда в старину, кроме приписываемой страсти к пышности, на самом деле была только следствием весьма неприятной необходимости. В те времена ездили шестернею, потому что с меньшим числом лошадей можно было увязнуть в грязи; часто и шести лошадей было недостаточно; лошади, взятые по большей части из-под сохи у крестьянина, не могли предохранить семейной колымаги от увязания в грязи.

На гуляньях смесь разных берлинов, рыдванов, колымаг поражала зрителя; в то время еще не знали рессор, и кареты делали на пазах. Самая лучшая такая карета стоила не дороже ста рублей.

Около шестидесятих годов прошедшего

столетия стал входить костюм а la franzaise³⁰² у всех наших бар в большую моду. Он делался из разных материй: из бархата, плиса и шелковой материи; при нем всегда носили шпагу, которая прицеплялась так, что приподымала талию и торчала концом кверху. Камзолы, шитые золотом и шелками, были почти всегда голубого, малинового, коричневого и зеленого цветов; темных цветов не носили.

Придворный и бальный наряд был следующий: цветной кафтан, штаны белые, атласные или гроденаплевые³⁰³, иногда черные, застегнутые ниже колена пряжками серебряными, а иногда и с дорогими камнями; камзол, шитый золотом, блестками или шелками, иногда из глазета, бархата; волосы причесаны и напудрены, – последняя операция для франта того времени обходилась не менее двух, трех часов в сутки. Битых два часа ему припекали волосы разного рода щипцами, чтобы они держались а l'oiseau royal или а la grecque. Потом страдалец прятал лицо в бумажную маску, чтобы не задохнуться в облаках надушенной пудры, носившихся около него; позднее стали волосы прятать в мешок (bourse); перчатки шелковые; часы с короткой цепочкой, на которой привешены одна или две печати; белье тонкое, манжеты шитые или

кружевные; знатные носили их из богатейшего кружева, продававшегося по баснословной цене; у Пл. Зубова кружева стоили более 30000 рублей; галстух белый батистовый, накрахмаленный, повязанный невысоко; носили и деланные галстухи; после Французской революции галстухи совсем исчезли из употребления; считалось более красивым носить шею и часть груди открытыми, но они вскоре у нас снова вошли в моду, и их начали делать самых больших размеров, так что голова почти уходила в них. Чулки носили шелковые, белые и полосатые, башмаки с пряжками серебряными, иногда осыпанными стразами.

Позднее вместо камзола стали носить жилеты; точно так же и прическа стала меняться: некоторые носили букли и косы, другие стригли коротко волосы и оставляли косу. Такую стрижку волос называли а-ла-вьерж (*a la vierge*)³⁰⁴.

После Французской революции ввелись в моду жабо выше подбородка, остриженные головы *a la Titus*, *a la guillotine*³⁰⁵, лорнеты и коротенькие косы *flambeau d'amour*³⁰⁶. Императрице Екатерине такие франты очень не нравились. Она приказала Чичерину нарядить всех будочников в их наряд и дать им в руки лорнеты. Франты после того быстро исчезли. К

описанному наряду необходима была и треугольная шляпа, которую носили прежде под мышкой, чтобы не смять волос.

Дамские моды 1786 года

В 1785 году явилась голландская и цилиндрическая англо-американская шляпа. И тогда только додумались, что шляпа существует для того, чтобы носить ее на голове; в это же время стали носить двое часов на длинейших цепочках, которые болтались по ногам, и вместе с этой модой между мужским и женским костюмом водворяется странное смешение: женщины носят камзолы, жилеты, жабо, мужские рубашки, зато

мужчины начинают носить муфты.

В руках щеголя того времени непременно должна была быть соболья или сделанная из длинной шерсти украинских овец белая муфта, называемая "манька". Эти муфты составляли необходимую принадлежность во время прогулок пешком, и всякий, имея их в руке, входил даже в гостиные.

Зимнее верхнее платье были шубы, почти такие же, как нынче, только с той разницею, что их крыли иногда шелковой матернею, а иногда китайкой, и опушали бобром. Чиновники носили, кроме шуб, "киреи" и "винчуры". Киреи крыли бархатом, казимиром и плисом; их делали с небольшим меховым воротником и с рукавами. Винчуры носили богатые бары, потому что они делались из дорогих мехов; особенно славились драгоценные меха волков туруханских. У графа А. М. Мамонова была такая шуба, стоящая ему 15000 рублей. Шапки носили зимою с бобровыми околышками, шириною вершков в пять, крытые бархатом и с большой шелковой кистью; чиновники носили бобровые и собольи картузы. Сапоги употребляли козловые; лакированные появились только в 1800 году.

С воцарением императора Павла I появились гонения и указы против французских мод. В 1797

году указом наистрожайше подтверждено, чтобы никто в городе, кроме треугольных шляп и обыкновенных круглых шапок, никаких других не носил; затем позднее воспрещалось с подпиской всем, в городе находящимся, ношение фраков, жилетов, башмаков с лентами, а также не увертывать шеи безмерно платками, галстуками или косынками, а повязывать ее приличным образом, без излишней толстоты. В 1800 году было обязательно для всех жителей Российской империи, как состоявших на службе, так и бывших в отставке, с каким бы то ни было мундиром, военным, морским или гражданским, носить длиннополый, прусской формы мундир, ботфорты, крагены, шпагу на поясице, шпоры с колесцами, трость почти в сажень, шляпу с широкими галунами и напудренный парик с длинною косою.

По выражению Державина, в это время зашумели шпоры, ботфорты, тесаки, и будто по завоевании города ворвались в покои везде военные люди с великим шумом.

С воцарением императора Александра мгновенно все изменилось.

Булгарин рассказывает: "Откуда-то вдруг явилось у всех платье нового французского покроя а l'incroyable³⁰⁷, представлявшее собой

резкую и даже до карикатуры преувеличенную реакцию прежней оципанной, кургузой прусской формы. В прическе франтов появились какие-то неведомые *oreilles de chien*, эсперансы³⁰⁸ и, к невыразимому ужасу павловских блюстителей благочиния, первые модники вместо форменной трости вооружились, по парижской республиканской картинке, сучковатыми дубинами с внушительным названием: *droit de l'homme*³⁰⁹.

Интересно, что первым таким франтом на петербургских улицах появился в такой отчаянно-вольнодумной форме и с такой либеральной палкой в руках известный в истории просвещения М. Л. Магницкий. Такие "невероятные" львы тогда назывались "петиметрами"; они щеголяли также в шляпах *a la Robinson*, в чрезвычайно узких брюках с узорами по бантам, в сапогах *a la hussard*³¹⁰.

Портных в Петербурге иностранных было только два, а самая дорогая фрачная пюсовая пара из лучшего английского сукна и панталоны с узорами по бантам *a la hussard* стоили 30 рублей, что считалось весьма дорого. Мужские наряды в это время стали делать из разноцветных сукон, а также в парадных случаях надевались бархатные фраки с металлическими и перламутровыми

пуговицами, при панталонах из кашемира или шелкового трико, но всегда не одного цвета с фраком, надеваемых под сапоги в виде ботфорт, с желтыми иногда отворотами по утрам, но без них после обеда. Черный галстух не существовал при фраке, а был в употреблении белый, или атласный, или батистовый, с батистовой рубашкой, манжетами и накрахмаленными брызжами; позже стали носить черные атласные галстухи с бриллиантовыми булавками, и это называлось американскою модою. В это же время стали появляться изредка нынешние брюки сверх сапогов со штрипками; называли их тогда "веллингтонами"; первый их ввел в Петербурге известный герцог Веллингтон, генералиссимус союзных держав и российский фельдмаршал, пожалованный императором Александром I в самый день Ватерлооского сражения. Этот же герцог также ввел в Петербурге в моду свой узкий, длинный черный плащ без рукавов, плотно застегнутый, в котором он каждое утро прогуливался по Адмиралтейскому бульвару. Такой плащ назывался в то время воротником (cols).

В это время входит в моду и другой еще плащ а la Quiroga, самый старинный; его носили чуть ли не римляне; им можно было обвертывать себя

три раза вокруг тела; вместе с ним стали входить в моду сапоги со шпорами и усы, а также шляпы *a la Bolivar*, поля которой так были широки, что невозможно было пройти в узкую дверь, не обнажая своей головы.

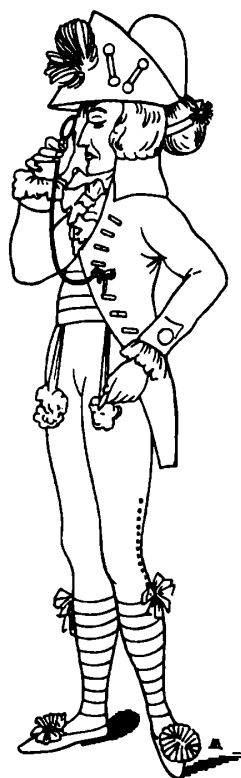
Что касается до женской одежды и нарядов, бывших в употреблении сто лет назад, то разных кофт и шушунов в то время не носили. Самым нарядным женским платьем были "фуро" и "роброны". Мода эта держалась весьма долго, но в фасоне фуро были перемены; иногда обшивали его блондами, накладками из флера или дымкой, а также серебряной и золотой бахромой, смотря по тому, какая лучше подходила к материи. Лиф старинных фуро был очень длинный и весь в китовых усах; рукава были до локтя и обшитые блондами, перед распашной, юбка из той же материи, из которой фуро; чтобы платье казалось полнее, надевали фижмы из китовых усов и еще стеганные юбки. В 1793 году были в моде платья, которые назывались "молдаванами" (любимый наряд императрицы Екатерины II); носили также еще сюртучки, лиф у которых был не очень длинный, рукава в обтяжку, юбка к ним была из другой материи; если сюртучок атласный, то юбка флеровая, на тафте. К сюртучку надевали камзольчик, газетовый или другой, только из

дорогой материи; у сюртучков и фуру были длинные шлейфы. Умение грациозно управлять длинным шлейфом считалось признаком аристократичным. В это же время появляется *corps*—ужасная машина, сжимающая женщину до того, что она превращается в статую; скоро *corps* изгоняется корсетом, *фижмы* также перестают носить, а заменили их *des bouffantes*, которые делались из волосяной материи; кроме того, чтобы сделать платье пышнее, употреблялось проклеенное полотно, называемое *la criarde*³¹¹. Эта ткань шумела страшным образом при малейшем движении. Модные цвета носили следующие названия: цвет заглушённого вздоха (*soipir йtouffй*), совершенной невинности (*candeur parfaite*), сладкой улыбки (*doux sourire*), нескромной жалобы (*plainte Indiscrite*) и т. д.

Ко двору надевали робы, вышитые золотом, камнями, шелком, с газетовыми юбками, с длинным, аршина в полтора хвостом, или русскими рукавчиками назади.

Прическа волос много раз изменялась; была низкая и высокая, посредине головы делали большую квадратную буклю; будто батарея, от нее шли по сторонам косые крупные букли, назади шиньон; всякая такая прическа была не менее полуаршина вышины и называлась *le chien*

couchant³¹²; накладывали на голову также вроде берета убор с цветами и страусовыми перьями; его называли "тюрбан" и "шарлотта". Пудру употребляли всевозможных цветов: серенькую, белую, палевую.

Франт 1790 года

Франт 1792 года

Щеголиха одевала "пудер-мантиль" и держала длинную маску со стеклышками из слюды против глаз, парикмахер пудрил дульцем. Богатые имели особые шкафы, внутри пустые, в которых пудрились; щеголиха влезала в него, затворяла дверцы, и пыль нежно опускалась на голову.

Фижмы, обшитые обручи, по аршину с боков,

сжимали одетую даму; издали таких барынь легко было принять за бочку или шлюпку с парусами. Смешно было видеть таких двух франтих в большом четырехместном берлине. Они корчились, прическа возносилась до империала, а огромные фижмы торчали из окон кареты.

Искусство разрисовывать себе лицо было доведено до невероятности: даме неприлично было являться в обществе не нарумняившись; мало того, надобно было раскрашиваться до того, чтобы природные черты лица совершенно скрывались под прикрасами. Иногда, как рассказывают современники, дамы сурмили брови так неловко, что одна бровь была толще, выше или ниже другой.

Налепляли тафтяные мушки, начиная от величины гривенника до маленькой блески. Эти мушки размножались до бесчисленности; вырезать их и размещать по лицу было хитрым искусством. Они имели разные имена, смотря по своей фигуре и по той части лица, на которую наклеплялись; мушка, обыкновенно вырезанная звездочкою, на середине лба, называлась величественною, на виске, у самого глаза, – страшною, на носу – наглою, на верхней губе – кокетливою, у правого глаза – тиран, крошечная на подбородке – "люблю, да не вижу", на щеке –

согласие, под носом – разлука.

Модница того времени не выезжала в общество без коробочки с мушками, на крышке которой было маленькое зеркальце, при помощи которого она наклепывала новые мушки сообразно с обстоятельствами, потому что мушки давали возможность говорить молча.

Перчатки носили шелковые, длинные до локтя при коротких рукавах и короткие – при длинных. Чулки для выезда были шелковые, башмаки – матерчатые, или шитые золотом, или из парчи, каблуки высокие – до 3 вершков. Узоры на передней половине башмаков назывались "вероломством" (*coups perfides*), на задней – "*venez y voir*".

Моды 1797 года

Также у прекрасного пола существовала мода нюхать табак; даже 16-летние красавицы нюхали его; табакерки юных красавиц носили поэтическое название: "кибиточки любовной почты". Название таких табакерок произошло от обычая волокит класть во время нюханья любовные послания.

Вигель в своих записках (см. т. 2, стр. 83) очень характерно описывает франта того времени; по словам его, в пятьдесят лет он румянился, сурмил брови, чернил себе волосы и, следуя рабски моде, носил двое часов, или, по крайней мере, от них две цепочки, томпаковые и

семиловые с брелоками, которые висели из жилетных его карманов и которыми он побрякивал; табакерки из яшмы, перстни бирюзовые, аметистовые покрывали его пальцы, и, наконец, две цепочки из разных камешков поверх жилета носил он крестообразно. Всего же примечательнее в его туалете был огромный лал³¹³, который при важных случаях в виде застежки являлся у него на груди.

Моды 1797 года

Необходимыми в туалете дамы также были блошные ловушки, которые модницами носились на ленте на груди. Делались они из слоновой кости или серебра. Это были небольшие трубочки со множеством дырочек, снизу глухих и сверху открытых. Внутри их ввертывался стволик,

намазанный медом или другою липкою жидкостью.

Жемчуг употреблялся при нарядном платье; считалось за стыд показаться в собрании без жемчуга на шее. Называли жемчуг "перло". Бриллианты были исключительно принадлежностью высшего круга общества. Самые модные духи были для богатых "усладительные", т. е. розовое масло и душистая цедра.

Теплая одежда была тоже разнообразна: "шубка длинный рукав", у которой один рукав был обыкновенной длины, а другой висел до полу. Шубы эти надевали в парадных случаях. Затем была эпанча разных фасонов, салопы, польки, мантильи, шельмовка, душегрей, шамлук, кантус. Материи модные были: петинет, штоф, изарбат, белокос, грезет, транцепель, капфа, тафта, свистун, счир, камка и голевая камка.

В одно время все эти хитрые наряды заменяли простые: неглиже, полунеглиже и дезабилье³¹⁴. С появлением в 1811 году кометы все делалось а la comite: сапоги, шляпки, экипажи, платье, ленты, мебель. В следующем году пошли цвета а la Deghen (имя воздухоплавателя, который изумлял в то время весь Париж). В последние годы империи, кроме

1e bleu de Marie-Louise³¹⁵, не было другого цвета. До этого излюбленного всеми цвета искусство наряжаться состояло в том, чтобы наряжаться пестро: и дамы являлись в красных шалях, зеленом платье, в розовых шляпках и серых ботинках. Пробовали англичанки в то время ввести зеленые вуали, от которых падает на лицо такой отсвет, что всякая краса лица кажется безобразною, – и зеленый вуаль потерпел полное поражение. В это время стали оставлять пудренные прически и фижмы. Волоса убирали мелкими буклями, прикалывая к ним цветы, пунцовые ленты, жемчуг, склаважи, золотые цепочки. Явились платья вырезные, рукава короткие в обтяжку, длинные шелковые перчатки без пальцев, башмаки с длинными носками опять "стерлядкою", как в старину.

Примечания и ссылки на главные источники

* Текст приводится по изданию:

М. И. Пыляев. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. – СПб.: Изд-во "Паритет", 2007.

¹ Слово *newo* или *newa* на финском языке означает болото.

² См. "Полное собрание летописей", т. V, стр. 225, т. VII, стр. 211.

³ *Обжа* – старинная мера площади пахотной земли, равная количеству пашни, обработанной одним человеком с лошадью за день.

⁴ См. Миллера "Sammlung Russ. Geschichte" и его же "Ежемесячные сочинения", март, 1755 г.

⁵ 14 апреля 1625 года словолитчику Петру Соловну (von Solovn) в Стокгольме выдана была грамота на звание русского типографщика.

⁶ См. соч. Я. Грота: "Петербургский край до

Петра Великого".

⁷ См. "Абевега русских суеверий", соч. М.Чулкова, СПб., 1786 г.

⁸ Из охтенских поселян по указу Екатерины II (17 декабря 1764 г.) поступило 20 человек плотников из ведомства Адмиралтейств-коллегии в ведение императорских театров для исправления машин и декораций, по опытности их в этого рода работах. Таких театральных охтян до сих пор числится при театрах более 25 человек; работы, на основании указа 1764 года, производятся при театрах ежедневно круглый год. Работникам полагается четыре оклада, по выслуге 30 лет им полагается отставка и полный пенсион. Из среды их выбирается один старостой.

⁹ "Первые русские ведомости", СПб., 1855 г., стр. 202.

¹⁰ Положив основание Петербурга в 1703 году, Петр позаботился о выгравировании карты Ингерманландии. Это дело было исполнено состоявшим в его службе голландцем Адрианом Шхонбеком, который вырезал на меди карту под названием: "Географический чертеж над

Ижерскою землею со своими городами, уездами, погостами, церквами, часовнями и деревнями, со всеми стоящими озерами, реками и потоками и прочая. Грыдыровал Адриан Шхонбек". На этой карте Петербурга еще нет и, к сожалению, гравером не означен год.

¹¹ *Багинет* – ружейный штык.

¹² Река Сестра составляла границу у новгородцев.

¹³ *Ефимок* – русское название западно-европейского серебряного талера (иоахим-талер), из которого в XVII – начале XVIII в. в России чеканились серебряные монеты; в 1704 г. принят за весовую единицу серебряного рубля.

¹⁴ См. Устрялова: "История Петра Великого", и Пекарского: "Петербургская старина".

¹⁵ См. "Описание С.-Петербурга в 1710 и 1711 гг."

¹⁶ См. "Городские поселения в Российской Империи", СПб., 1864 г.

¹⁷ При Петре улицы не имели названий; впервые они получили названия в 1737 году.

¹⁸ Работа предстояла гигантская: по исчислению, каналов приходилось прорыть 259 верст, а укрепления возвести на 17 верстах.

¹⁹ См. "Журнал министерства народного просвещения", ч. CIV, стр. 38.

²⁰ *Мундкох* – придворный служитель, заведовавший царской кухней (*нем.*).

²¹ См. "Петербург в 1720 году", "Русская старина".

²² *Эллинг* – помещение для постройки и ремонта судов.

²³ *Магазин* – складское помещение.

²⁴ См. "Петербург в 1720 году". Записки поляка очевидца. "Русская старина", 1879 года.

²⁵ *Гласис* – пространство перед крепостным рвом.

²⁶ *Арматура* – лепное, живописное или резное

изображение воинских доспехов и оружия.

²⁷ После него заведовал работами архитектор Христофор Кондратов, затем строил архитектор прусской земли Федор Шверд-Фегер, после этого строение лавры было поручено архитектору Михаилу Земцову, при нем был комиссаром Петр Еропкин (казненный вместе с Волынским в 1740 году), затем уже был архитектором итальянец Фосати и, после него, Николай Жирард; впоследствии, при Екатерине II, строил главный собор архитектор Старов.

²⁸ Причина такой медленной постройки была та, что рабочие руки отвлекались на постройку Смольного и Аничковского дворца.

²⁹ См. Н. Костомарова "Очерк быта великорусского народа".

³⁰ Историк Соловьев, см. т. XXV, стр. 140, ошибочно говорит, что Петр III погребен в Духовской церкви.

³¹ См. "Полное Собрание Законов", р 11, 599.

³² См. "Историческое статистическое описание

С.-Петербургской епархии", т. VI, стр. 89.

³³ О перенесении тела Петра III Павел издал указ 9 ноября 1796 года.

³⁴ См. "Русский архив", 1872 г., стр. 150.

³⁵ *Намет* – шатер, палатка.

³⁶ *Регалии* – знаки царского сана: корона, скипетр, держава.

³⁷ См. "История Российской иерархии", Амвросия, ч. 2, стр. 242.

³⁸ По другим сведениям, барона Унгернштернберга.

³⁹ См. "Русский архив", 1872 г., стр. 690.

⁴⁰ Де Санглен (см. "Русская старина", XII, стр. 483) говорит, что Орлов нес за гробом корону; то же самое подтверждает и Лубяновский в своих воспоминаниях, см. "Русский архив", 1872 г., стр. 150.

⁴¹ Вероятно, Греч видел мостки по льду. Трудно

поверить, чтобы Нева в декабре, при сильных морозах, не была еще подо льдом.

⁴² См. о вторичном погребении Петра III в "Русском архиве", 1872 г., стр.2071.

⁴³ См. "Екатерининский паж" – альманах за 1850 год, Москвитянина, стр. 67.

⁴⁴ *Culottes* – длинные штаны, которые носили простолюдины во время Великой французской революции (*франц.*).

⁴⁵ См. "Русская старина", стр. 201, т. XX.

⁴⁶ Дом этот после принадлежал сенатору А. У Болотникову, затем камергеру И. Д. Асташеву За последние годы он переходил в руки многих владельцев.

⁴⁷ *Сарачинское (сарацинское) пшено* – рис.

⁴⁸ См. Тихонравова: "Материалы для биографии Ломоносова".

⁴⁹ Будучи адъюнктom, он жил на Васильевском острове при химической лаборатории; однажды

осенью, вечером, пошел он гулять к заливу по Большому проспекту Васильевского острова. На обратном пути, когда уже стало смеркаться, он проходил лесом по прорубленному проспекту, как вдруг из кустов выскочили три матроса и напали на него. Ни души не было видно кругом. Он с храбростию стал обороняться от этих трех разбойников и так ударил одного из них, что он не только не мог встать, но долго не мог опомниться. Другого он ударил по лицу, тот весь в крови кинулся в лес, а третьего уже ему нетрудно было одолеть. Он повалил его и пригрозил, что тотчас же его убьет, если он не скажет, что он хотел с ним делать; разбойник сознался, что только хотел ограбить и потом отпустить. "А, каналья, – сказал Ломоносов, – так я же тебя ограблю!" И вор должен был снять с себя все и связать своим же поясом в узел и отдать ему. Положив узел на плечи, он принес его домой, и на другой день объявил о матросах в Адмиралтействе.

⁵⁰ *Гекзаметр* – стихотворный размер античной эпической поэзии.

⁵¹ Вот начало этой сатиры:

Будешь, будешь сочинитель

И читателей тиран;
Будешь в корпусе учитель,
Будешь вечный капитан.
Будешь, – и судьбы гласили, –
Ростом двух аршин с вершком;
Лес и горы повторили:
Будешь век ходить пешком.

⁵² И еще двух подобных нравственных книг, напечатанных в С.-Петербурге в 1780-х годах.

⁵³ На могиле сестры Полторацкого – Агафоклеи, умершей в 1815 году и погребенной здесь же, в лавре, находим эпитафию, сочиненную В. А. Жуковским и не вошедшую в его собрание сочинений; вот она:

Как радость чистая, сердца влекла она;
Как непорочная надежда расцветала!
Была невинность ей в сопутницы дана,
И младость ей свои все блага обещала.
Но жизнь ее – призрак! Пленил нас и исчез.
Лишь плачущим о ней гласит ее могила,
Что совершенное судьба определила
Не для земли, а для небес.

⁵⁴ В монументе вделан портрет его и над ним ноты из оперы "Жизнь за царя": "Славься же,

славься, святая Русь".

⁵⁵ См. подробности об Деласкари в книге С. Н. Шубинского: "Рассказы о русской старине".

⁵⁶ См. "Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии", т. VIII, стр. 511. Рассказ этот записан со слов известного иподиякона Прохора.

⁵⁷ *Схима* – монашеское облачение.

⁵⁸ См. "Русский архив", 1875 г., т. II, стр. 174.

⁵⁹ Летом, на своей даче, на Неве.

⁶⁰ *Рака* – ковчег, ларец с мощами святого угодника.

⁶¹ *Дискос и потир* – блюдо с поддоном и чаша для совершения обряда богослужения (*греч.*).

⁶² *Камэ* (камея) – резное выпуклое изображение из камня (*франц.*).

⁶³ См. "Историко-статистические сведения о Петербургской епархии"; описание Невского

монастыря.

⁶⁴ *Фискал* – государственный служащий для надзора за деятельностью различных (главным образом финансовых) государственных учреждений и должностных лиц.

⁶⁵ *Кейзер-флаг* – штандарт императора или великого князя.

⁶⁶ Первый обер-комендант Петербурга был Брюс, погребенный против алтаря в крепости; первый губернатор Петербурга – князь Меншиков, а вице-губернатор Яков Ник. Корсаков; первый петербургский обер-полицеймейстер был Девиер.

⁶⁷ Первое заселение левого берега Невы небольшим числом иностранцев и служителей морского ведомства началось в 1705 году. Иностранцы строили себе дома вверх по течению реки от Адмиралтейства, а служители в противоположную сторону – вниз по течению.

⁶⁸ *Баудиректор* – надзиратель за строительными работами (нем.).

⁶⁹ См. "Записки графини Блудовой".

⁷⁰ *Пудермантель* – накидка, которую надевали перед тем, как посыпать прическу пудрой (*нем.*).

⁷¹ *Бурмицкие зерна* – крупные окатистые жемчужины.

⁷² *Откупщик* – человек, получивший от государства за определенную плату исключительное право на торговлю каким-либо товаром.

⁷³ *Кригсрат* – военный суд (*нем.*).

⁷⁴ *Презус* – председатель военного суда.

⁷⁵ *Асессор* – заседатель, младший судейский чин.

⁷⁶ Часы Сердюкова доставил в Екатерингофский дворец инженерный генерал Сакер. Прочие же вещи были поднесены графу М.А. Милорадовичу потомками прежних владельцев при ремонтировке дворца.

⁷⁷ *Вокзал* (воксал) – музыкальный концертный зал (*англ.*).

⁷⁸ См. его: "Театральные воспоминания", СПб., 1859 г., стр. 61.

⁷⁹ См. Пекарский: "Петербургская старина", стр. 147.

⁸⁰ См. Ал. Греч: "Весь Петербург в кармане".

⁸¹ В Кронштадте 23 июня 1764 года сгорело в три часа до 1300 домов.

⁸² *Камер-фурьерский журнал* – журнал, в котором велись записи дворцовых церемоний и быта царской семьи (*нем.*).

⁸³ 12 мая 1820 года был большой пожар в Царском Селе, уничтоживший лицей и большую часть дворца с церковью. 9 июля 1876 года другой большой пожар в Кронштадтской гавани. Во время этого пожара большую услугу оказал капитан Гортон английского линейного корабля "Глостера", на котором прибыл герцог Девонширский.

⁸⁴ *Труба* – пожарный насос.

⁸⁵ См. заметку П.Бартенева, "Русский архив",

1877 г., кн. III, стр. 228.

⁸⁶ По другим рассказам, дым во дворце был замечен за три дня до пожара, и в эти дни скороходы то и дело бегали по комнатам дворца с курильницами, чтобы ароматом духов заглушить дымный запах.

⁸⁷ *Гофинтендантское ведомство* – учреждение, заведовавшее дворцовым хозяйством (*нем.*).

⁸⁸ *Камер-фрау* – дама, заведовавшая уборной императрицы (*нем.*).

⁸⁹ *Экзерциргауз* – просторное помещение для воинских занятий (*нем.*).

⁹⁰ См. "Русский архив", 1865 г., стр. 1692.

⁹¹ Архив с драгоценным собранием исторических актов и документов, начиная с 1768 года помещавшийся над главной гауптвахтой, благодаря распорядительности статс-секретаря Леонтьева, в количестве 69 больших шкафов, был перенесен в целости сперва на площадь против Салтыковского подъезда, затем отвезен в нанятый для этого частный дом.

⁹² И. Лыжин (см. "Русский архив", 1868 г., стр. 847) говорит, что работы на оледеневшей крыше производились плохими ломами и тупыми топорами.

⁹³ Граф Браницкий тотчас после пожара просил позволить ему пожертвовать миллион, один мещанин приносил весь плод своей бережливости– 1500 рублей.

⁹⁴ *Болверк* (болверк) – раскат, крепостной бастион (*нем.*).

⁹⁵ *Банкет* – небольшая насыпь, возвышение, с внутренней стороны бруствера или крепостного вала (*франц.*).

⁹⁶ Размер мучного куля равнялся 1 аршина длины и 3 аршина ширины. 1 аршин = 71,12 см.

⁹⁷ *Куртаг* – приемный день при дворе (*нем.*).

⁹⁸ *Десерт* – здесь: столовый прибор (*франц.*).

⁹⁹ *Плашкоут* – плоскодонное беспалубное судно для наплавного моста или пристани (*голл.*).

¹⁰⁰ *Буян* – речная пристань, место для выгрузки товаров и их хранения.

¹⁰¹ 9 ноября театры, по высочайшему повелению, были закрыты. 24 ноября был первый спектакль в пользу бедных, пострадавших от наводнения; давали трагедию "Пожарский" и "Принцесса Требизондская", комедия-балет князя Шаховского. См. "Записки Каратыгина", стр. 125.

¹⁰² См. свящ. Опатовича: "Смоленское кладбище".

¹⁰³ Подобных сцен Мартынов видел множество; так он описывает: "У соседа моего, Гоф..., в подвале плавали две утонувшие женщины, у другого соседа, Геракова, потонуло семь человек; одна из этих жертв подносит ко лбу своему руку с тремя сложенными перстами, чтоб перекреститься; другая – держит в руке двадцатипятирублевую бумажку" и т. д.

¹⁰⁴ *Брандвахта* – военное сторожевое судно на рейде перед портом (*нем.*).

¹⁰⁵ *Гезель* – помощник, ученик (*нем.*).

¹⁰⁶ Теперь дворцовая церковь во имя Св. благоверного великого князя Александра Невского.

¹⁰⁷ М. Ф. Полторацкий, возведенный в дворянство при Елисавете, которая лично сочинила его герб, был первым директором придворной певческой капеллы, умер в 1790 году в чине действительного статского советника.

¹⁰⁸ Кабинетская улица ведет от Разъезжей улицы к 3-й линии Семеновского полка, пересекает Ивановскую (на углу Кабинетской прежде находился С.-Петербургский университет); теперь университетское здание обращено в Синодальное подворье.

¹⁰⁹ *Дивертисмент* (дивертисемент) – небольшой балетный спектакль (*франц.*).

¹¹⁰ См. "Северная пчела", 1857 г., р 230, описание Аничковского дворца.

¹¹¹ См. "Описание церкви Александра Невского в Собственном Его Императорского Величества дворце", протоиерея Никандра Брянцева.

¹¹² *Клирос* – место в церкви для хора.

¹¹³ 28 февраля 1752 года в "Петербургских ведомостях" явилась публикация: "При канцелярии Святейшего Синода каждые недели, в пяток, по полудни, продаваться будет священного писания Библия, которая начата, по природно-благочестивейшему усердию, при жизни вседражайшего родителя Петра Великого и ее императорского величества, от Святейшего Синода всеподданнейше поднесена. Духовным и знатнейшим в Петербурге и находящимся в рангах военных и штатских, и купечеству всякому из них желающим купить по пяти рублей книгу, токмо для всякого его самого по единой с именною запискою" и т. д.

¹¹⁴ *Борбары, шелепы* – разновидности плетей и кнутов.

¹¹⁵ *Промемория* – выписка, записка (*франц.*).

¹¹⁶ Артиллерийская школа была близ Пушечного двора и Сергиевской церкви, на углу Захарьевской и Литейной. См. план С.-Петербурга 1728 года.

¹¹⁷ *Штык-юнкер* – военный чин в артиллерии, промежуточный между сержантом и поручиком (*нем.*).

¹¹⁸ Только при Павле Фонтанка вошла в черту города.

¹¹⁹ По парижской моде (*франц.*).

¹²⁰ Приписываемая этому же архитектору церковь Св. Николая Морского построена по плану архитектора Чевакинского и Башмакова.

¹²¹ *Гонт* – дранка, щепка.

¹²² *Фронтиспис* – здесь: часть треугольного завершения фасада здания (*франц.*).

¹²³ Людовик-Каравак, гасконец, первоначально занимался миниатюрною живописью; лучшие такие портреты его списаны с Бирона и его жены. Помощники его были русские живописцы: Андр. Матвеев, Мих. Негрубов, Фед. Воробьев, Ив. Мелехов и Мих. Беляков. Иностранных художников при нем было двое: Барталомеа Тарсия и Гезель. Каравак пользовался особенным

всеобщим уважением, чего в то время не удостоивался почти ни один художник. Живописец по декоративной части еще был при нем Гуэрра и машинист Джибелли.

¹²⁴ *Камер-цалмейстерская контора* – контора, осуществлявшая надзор за убранством дворца (нем.).

¹²⁵ С 1744 года встречается постоянное различие между большою и малою церквами; вероятно, в этих годах на половине императрицы была устроена другая церковь. В 1749 году государыня приказала поставить над большою церковью пять, а над малою одну главу. Но Растрелли представил проект о невозможности поместить на крыше большой церкви более трех глухих глав. Императрица утвердила проект Растрелли. В придворной соборной церкви на подвижном амвоне, на оборотной его стороне, находится медная дощечка с надписью: "Устроен 1762 г., возобновлен 1837 г."; следовательно, год освящения храма считается с помещения императорского семейства во дворце.

¹²⁶ Алек. Фил. Кокоринов, род. 29 июля 1729 г., умер 9 марта 1774 г., родился в Сибири, ученик

графа Растрелли, первый директор Императорской академии художеств и строитель здания.

¹²⁷ *Кошелек* – здесь: особый чехольчик, в который по тогдашней мужской моде убирались заплетенные в косичку волосы.

¹²⁸ После пожара Зимнего дворца, бывшего в 1837 году, храм вновь освящен 25 мая 1839 года, во имя того же образа, митрополитом Киевским Филаретом.

¹²⁹ Потом бывший епископом Псковским.

¹³⁰ Известный переводчик "Корана" и автор комедий: "Так и должно" и "Точь-в-точь" и многих других сочинений за подписью "Михалево" (название его деревни), сделался известен еще императрице Елисавете следующим образом: однажды перед обедом, прочитав какую-то немецкую молитву, которая ей очень понравилась, императрица пожелала перевести ее по-русски. Шувалов сказал императрице: "Есть у меня человек, который изготовит вам перевод к концу обеда", и тотчас отослал молитву к Веревкину. За обедом еще принесли перевод. Он

так понравился императрице, что она наградила переводчика 20 000 рублями. Веревкин был другом Фонвизина и Державина.

¹³¹ "Слово и дело государево" – система политического сыска, существовавшая в России в конце XVI–XVIII в., обязывавшая каждого подданного доносить о ставших ему известными умыслах против царя.

¹³² Scherer, ч. 1, стр. 125.

¹³³ Настоящая каменная церковь заложена была 2 августа 1761 года и окончена и освящена 9 апреля 1783 года.

¹³⁴ Сын мужика, Дм. Шепелев начал свою карьеру смазкою колес придворных карет при Петре, после был вагенмейстером^{A1} при Петре II, получил Александровскую ленту; сын его, гвардии майор, при Екатерине был в немилости, и только сын последнего имел значительный чин и богатства.

¹³⁵ По рассказам старожилов, в последних трех окнах этого дома была спальня Петра Великого, в которой он скончался. При постройке нового

здания на этом месте, как передавал современник Екатерины II, старый дворцовый унтер-офицер, умерший в 40-х годах, государыня приказала в землю зарыть плиту с надписью.

¹³⁶ Над скатом этим в 1804 году помещена французская галерея картин.

¹³⁷ См. "Возобновление Зимнего дворца", А. Башуцкого, СПб., 1839 г.

¹³⁸ *Рекетмейстер* – чиновник для принятия прошений (*нем.*).

¹³⁹ Существует рассказ: "Раз, разговаривая с преосвященным Платоном, Дидро ему шутя сказал: "Ведь Бога нет!" – "Что ж, вы не новость говорите, – ответил последний. – Гораздо ранее вас сказал царь Давид: *рече безумец в сердце своем: несть Бог*".

¹⁴⁰ См. его книгу: "Черты Екатерины Великой", СПб., 1819 г., и "Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой", СПб., 1832 г.

¹⁴¹ Чучело этого коня и седло государыни до настоящего времени хранятся в Конюшенном

музее.

¹⁴² *Кутас* – шнур с кистями.

¹⁴³ *Петиметр* – молодой франт, вертопрах (франц.).

¹⁴⁴ *Чихчири* – мягкие сапоги.

¹⁴⁵ См. "Семейство Разумовского", соч. А. Васильчикова.

¹⁴⁶ См. Кокса: "Travels Into Poland Russia" etc.

¹⁴⁷ *Гродетур* – плотная шелковая ткань (франц.).

¹⁴⁸ В 1790 и 1794 году Екатерина пожертвовала для украшения собора Невской лавры собрание картин фламандской школы, в числе которых была и эта картина работы Рубенса; там же на горнем месте из этих картин: "Благовещение", работы Рафаэля Менгса; "Вознесение", Рубенса; "Спаситель благословляющий", Ван Дейка, и много других.

¹⁴⁹ Основой этой коллекции послужило собрание из 4500 экземпляров античных гемм,

принадлежавших некогда маркизу дю Шатель.

¹⁵⁰ См. "Русский архив", 1870 г., стр. 1155.

¹⁵¹ См. "Русскую старину", 1872 г., т. V.

¹⁵² "Это ваше, ваше, ваше величество..." – "Нет, это простокваша" (*франц.*).

¹⁵³ Садитесь, куда хотите, где вам нравится, чтобы вам не повторять это сто раз (*франц.*).

¹⁵⁴ Малые вечера (*франц.*).

¹⁵⁵ Когда капельмейстер Чимароза сделал в первый раз предложение этой артистке ехать в Россию, то Габриэль запросила 12 000 рублей жалованья в год на всем готовом. Чимароза ей ответил, что фельдмаршалы его государыни не получают такого оклада. Габриэль ему отвечала: "Ваша великая государыня может делать фельдмаршалов сколько ей угодно, а Габриэль одна в свете".

¹⁵⁶ Маркези, кастрат, пел высоким голосом женского регистра, выходил на сцену в ролях женских.

¹⁵⁷ Тоди – певица-красавица, не имевшая соперниц в Европе. Известна была своей связью с графом Безбородко.

¹⁵⁸ Мандини – известный баритон-красавец. Про него писал граф Ростопчин (см. "Русский архив", 1876 г., ч. 4): "Наши дамы обезумели. Певец оперы-буфф Мандини доводит их до крайних дурачеств. Из-за него они спорят, завистничают, носят девизы, которые он им раздает. Княгиня Долгорукая аплодирует ему одна, вне себя кричит из своей ложи: "фора", "браво", а княгиня Куракина с восторгом рассказывает, что Мандини провел у нее вечер в шлафроке и "ночном колпаке"; жена его, парижанка, легкомысленная женщина, повсюду принята ради мужа".

¹⁵⁹ Марокети, или Маркети, очень талантливый буфф^{A2}, славился в то время комическою игрою и пением; его ученик был Як. Степ. Воробьев. Он первый из русских артистов пел по-итальянски и в ролях комических обладал необыкновенно сообщительною веселостью. Дочь его была замужем за И. И. Сосницким.

¹⁶⁰ Гонзаго, родом из Турина, ученик Гальмани,

прославился своими декорациями в Венеции, откуда и был вызван в Петербург. Он первый постигнул тайну театральной живописи и начал писать декорации не как комнатные фрески, тщательно отделанные во всех подробностях, но прямо на полу, на разостланном холсте, и не картинною живописью, а набросом и нередко наливом красок, часто растушеванных ногою, и это ножное мارانье при искусном освещении превращалось в божественные виды, с воздушною далью и красотами лунного и солнечного света. Его декорации, писанные им для театра Фениче в Венеции, во время карнавалов выставались как образец возможного совершенства сценической живописи. Эти декорации всегда возбуждали крики публики: "E vive Gonzago!" Лет восемь тому назад мы видели его работы декорацию, она висела на последней стене Александрийского театра, изображала она вид замка и уже лет двадцать не употреблялась как декорация. По рассказам, она давалась в "Гамлете". Некоторые из его декораций еще недавно были целы в подмосковном селе князя Юсупова.

¹⁶¹ Бригонци – поэт, механик и архитектор Царскосельского театра, потом неудачный

строитель фундамента Государственного банка на Садовой, последнее предприятие довело его до сумасшествия, в припадке которого он бросился в Фонтанку из Летнего сада. По смерти его императрица Екатерина запретила употребление в Эрмитажном театре машин и различных провалов.

¹⁶² Напечатанная в 1772 г. (см. "С.-Петерб. ведом.", 13 ноября 1772 г.), продавалась она по 70 копеек за экземпляр.

¹⁶³ См. "С.-Петерб. вестник", 1779 г., сент., ст. Штелины.

¹⁶⁴ В Екатерининское время в аристократическом обществе были в большом обыкновении спектакли из лиц высшего общества. Тогда славились две труппы благородных артистов: одна играла у графини Головкиной, другая – у княгини Долгорукой; в первой известны были своею игрою: сама графиня Головкина, девица Коннор, Растопчин, князь П. М. Волконский и Окулов; во второй – граф П. А. Шувалов, барон Строганов, граф Комаровский и известный посол римского императора граф Кобенцель. Он имел прекрасный талант к театру. Про него ходил

анекдот: "Однажды после спектакля граф приехал домой так утомленный, что лег в постель не раздевшись. Едва он заснул, как камердинер его будит и вводит курьера, приехавшего к нему от имени императора. Граф Кобенцель вскочил с постели. Курьер, увидя его с насурменными бровями, наруганным и сделав несколько шагов назад, сказал: "Это не посол, а какой-то шут!"

Существует рассказ, что бессмертный творец "Недоросля", Д. И. Фонвизин, тоже обладал редким сценическим талантом подражать всякому голосу и представлять в смешном виде каждого. Императрица Екатерина, по совету графа Н. И. Панина, позвала его в Эрмитаж, где он и представил фельдмаршала, гр. Разумовского, князя Голицына, князя Вяземского и Фил. Ал. Кара, споривших за вистом, а г. Бецкого – рассуждавшего о казенных заведениях: Воспитательном доме и Ломбарде, беспрестанно останавливая их игру, – так искусно, будто сами тут находились. Государыня смеялась много и сказала Фонвизину, что остается довольна новым с ним знакомством.

¹⁶⁵ "Хорошо! Очень хорошо! Как Бог! Как ангел! Почти как я!" (*франц.*)

¹⁶⁶ *Ростверк* – бревна, уложенные на сваи в основании здания (*нем.*).

¹⁶⁷ *Курсы* – конские бега по кругу (*франц.*).

¹⁶⁸ *Жавелот* – дротик (*франц.*).

¹⁶⁹ Когда князь Белосельский был взят из полковников в камер-юнкеры, то он, по словам В. С. Попова (известного статс-секретаря Екатерины II), благодарил государыню и за себя, и за полк за избавление от худого полковника.

¹⁷⁰ Бальтазар Галуппи, итальянец, был вызван Екатериною в Россию стариком 63 лет; он нашел наш оркестр в очень печальном виде, не умевшим отличить простых оттенков *piano* и *forte*.

¹⁷¹ "Фортуна" – рулетка (*лат.*).

¹⁷² См. рассказы графини Головиной, записанные князем Вяземским.

¹⁷³ В Императорском Эрмитаже, в зале разных камней, теперь помещаются не менее этих замечательные часы, известные под названием "Стасеровы"; видом они представляют древний

греческий храм. Музыка в них разделена на два оркестра и состоит из сочинений Моцарта и Гайдна. В первых годах нынешнего столетия часы эти разыгрывались в лотерею в Петербурге, где они и были сделаны. В этих годах в Либаве жила бедная старушка, вдова пастора Герольта. Раз осенью, вечером, проезжает через этот город русский офицер, следовавший в нашу армию за границу. Он просит приюта у старушки, та радушно принимает его, угощает ужином и дает на ночь спальню. При отъезде она не берет с него никакой платы, офицер просит хотя на память от него принять лотерейный билет, купленный им за пять рублей в Петербурге, и от души желает ей на него выиграть разыгрываемые в 80 000 рублей часы. Билет этот старушка берет и кладет за зеркало, где он долго валяется всеми забытый. Между тем лотерея была разыграна, и в третий раз был объявлен выигрышный номер, но счастливцев не являлся. Как-то к пасторше зашел почтмейстер и, заметив лотерейный билет, любопытствовал посмотреть, не выиграл ли он, и тотчас узнал, что на него пал выигрыш. Старушка долго отыскивала доброго офицера, подарившего ей билет, но последний, вероятно, погиб на войне. Пасторша, наконец, решилась продать часы, которые и были куплены нашим

Эрмитажем за 20 000 рублей, с производством пожизненной пенсии по тысяче рублей в год.

¹⁷⁴ Все время царствования Екатерины ее преследовала мысль о покорении Турции. Она даже заказала медаль, на одной стороне которой представлен был Константинополь в огне, падают минареты и мечети в развалинах, над всем этим сиял крест в облаках и видна была надпись: "Потщитесь, и низринется"; на другой стороне: "Божиею милостию Екатерина II, имп. самод. Всероссийская, заступница верным", и другая надпись: "Поборнику православия". Государыня всегда мечтала о возрождении греков и славян. Она дала новое имя дому Романовых, окрестя своего внука Константином, и приставила к нему няньку-гречанку и камердинера-грека (гр. Курута). Она также учредила греческий Кадетский корпус и Херсонскую епархию.

¹⁷⁵ *Аль фреско* – стенная живопись по сырой штукатурке (*ит.*).

¹⁷⁶ *Колет* – короткая куртка, которую носили уланы и кирасиры (*франц.*).

¹⁷⁷ Екатерина II приказала их делать в 16 рублей

из пуда, в том уважении, что колывано-вознесенские сибирские заводы в пуде меди содержат до 1 золотника золота и 31 золотник серебра, а отделение этих благородных металлов стоило дорого.

¹⁷⁸ В царствование Екатерины II, по расчету Монетного двора, всего в обращении серебра было на 80 миллионов рублей, золота немного более, как на один миллион рублей, и медной монеты на 47 миллионов рублей.

¹⁷⁹ Для размена на наличные деньги были учреждены два променные банка в Петербурге и Москве.

¹⁸⁰ См. соч. Попова: "О балансе торговом", СПб., 1831 г.

¹⁸¹ Медь в то время покупали в Москве по 7 рублей за пуд.

¹⁸² При постройке Царскосельской железной дороги станцию предполагали сделать на Фонтанке, на углу Введенского канала, где был дом и место г. Парланда; последний, впрочем, не сошелся в цене с Обществом.

¹⁸³ Издержки за каждую сажень каменной одежды обходились: сперва 182 рубля, под конец цена дошла до 300 рублей, всего пространства считалось до 3000 сажен.

¹⁸⁴ Название дано от Прачешного двора.

¹⁸⁵ См. "Русский архив" 1886 года, р 3, стр. 370.

¹⁸⁶ Всех таких масонских лож в Петербурге с 1787 по 1826 год существовало до двадцати. Про эти ложи в городе ходило немало таинственных рассказов; простонародье говорило, что в них творится одно нечистое, что там вызывают бесов, делают заклинания и т.д. Слово "фармазон"^{A3} считалось большим ругательством. Вот названия лож, существовавших в столице: "Бессмертия" (открытая в 1787 году), в числе братьев здесь были лица и духовного звания; "Розенкрейцерская" (основана в 1791 году) под управлением О. А. Поздеева; "Соединенных друзей" (1802 год), основана Жеребцовым; в 1805 году ложа Александра "des gekrönten Pelikans"^{A4}, мастер Розенштраух; в 1808 году "Умиряющего Сфинкса" под управлением Лабзина; в 1809 году "Палестины" и "Елизаветы к Добродетели",

великим мастером был богатый тульский помещик А. С. Сергеев; в 1810 году "Петра к Истине" и "Владимира к Порядку", первую управлял Элизен, второй – Бебер; в 1814 году "Св. Георгия", основана была в Мобеже, мастером был А. И. Тургенев; в 1815 году "Пламенеющей Звезды", мастер барон Корф; в этом же году была основана "Великая ложа Аст-рея", мастер Остерман-Толстой; в том же году – "Ложа избранного Михаила", мастергр. Ф. П. Толстой; затем "Трех Добродетелей" под управлением Павла Ланского; в 1817 году ложа "Северных Друзей" и "Соединенных Друзей", в последней был мастер французский эмигрант Оде-Сион, инспектор классов в Пажеском корпусе. Собrania друзей происходили в подземелье Мальтийской церкви, подземный ход из которой вел чуть ли не на Фонтанку; подземелье это, если не ошибаемся, существует еще до сих пор. В 1817 году была еще основана в Петербурге ложа "Дубовой Долины"; в 1818 году "Ложа Орла Российского", мастером стула в которой был князь Ив. Ал. Гагарин; в этом же году была открыта ложа "Орла Белого", где мастером стула был граф Ад. Ржевуский и после него Олешкович; в этом же году была открыта ложа "Орфея", мастером в ней был граф Гр. И.

Чернышев. В 1822 году вышло первое запрещение масонских лож, и в 1826 году явилось подтверждение этого запрещения.

¹⁸⁷ См. "Истор.-статистич. сведения СПб. епархии", 1873 г., стр. 389.

¹⁸⁸ *Афеист* – атеист, безбожник (*греч.*).

¹⁸⁹ См. "Воспом. Д. Благого", стр. 14.

¹⁹⁰ См. "Памятник протекших времен".

¹⁹¹ См. его "Записки о императрице Екатерине".

¹⁹² См. "Жизнь Державина", стр. 65.

¹⁹³ *Лаж* (от ит. l'aggio) – доплата, приплата.

¹⁹⁴ Место, которым владело Троицкое подворье, выходило вглубь к нынешней Владимирской улице.

¹⁹⁵ После этого Марта стала именоваться Екатериною Алексеевною Михайловою: Екатериною – по своей восприемной матери, царевне Екатерине Алексеевне, и Алексеевной –

по своему воспитаннику, которым был царевич Алексей Петрович, а Михайловой потому, что эту фамилию, как известно, носил сам царь, в честь своего державного деда.

¹⁹⁶ Умерла в 1733 году.

¹⁹⁷ Нынешняя Троицко-Сергиевская пустынь.

¹⁹⁸ Федор Яковлевич Дубянский, бывший священник украинской вотчины цесаревны Елисаветы, села Понорницы. Местечко Понорница, Черниговской губернии, Новгород-Северского уезда, отобрано было у Шафирова.

¹⁹⁹ См. его книгу "Russische Gьnstlinge".

²⁰⁰ *Шталмейстер* – главный придворный конюший (нем.).

²⁰¹ *Гофмейстер* – придворный сановник для надзора за придворными чиновниками и служителями (нем.).

²⁰² См. "Материалы для истории Пажеского корпуса", графа Милорадовича, Киев, 1876 г.

²⁰³ Манштейн в своих "Записках" говорит: "Со времени Петра I вошло в обыкновение при дворе много пить. Однако же сего сказать нельзя о времени императрицы Анны, поелику она не могла видеть пьяного человека. Только одному Куракину было позволено пить, сколько ему хотелось. Но, чтобы не предали вовсе в забвение столь старинный обычай много пить, 29 января, день восшествия императрицы на престол, обыкновенно посвящался Бахусу, т.е. пьянству. В сей день каждый придворный, стоя пред ее величеством на коленях, обязан был выпить большой бокал венгерского вина". Но едва ли когда с.-петербургская администрация так заботилась о возвышении казенных интересов в ущерб народной нравственности и народного благосостояния, как в царствование Анны Иоанновны. Жадный к деньгам Бирон, стоявший во главе управления, злонамеренно спекулировал на наживу, опираясь на историческую слабость русского народа. Намерение же извлекать казенные интересы из распространения в народе пьянства выразилось во многих печатных указах того времени. Так, указом 21 апреля 1734 года запрещалось под опасением штрафа продавать в Петербурге в трактирах и вольных домах

вывозимую из-за моря гданскую водку, дабы не было остановки в продаже казенных дорогих российских водок и казне ее величества убытку не происходило. Указом 30 января 1736 года устроены были от казны для усиления продажи вина выставки на всех островах. На этих выставках вино продавалось в чарки, полукружки, кружки, четверти и т.д. Для сбора денег выставлены солдаты из людей добрых, чтобы продажа производилась без обмеров, а деньги опускали бы они в ящики за печатями. Всех вольных домов или кабаков было в 1736 году 120; в том же году было прибавлено еще 10 кабаков на Петербургской стороне.

²⁰⁴ См. М. И. Семеvского: "Царица Прасковья".

²⁰⁵ *Пикер* – псарь, вожатый гончих собак (*франц.*).

²⁰⁶ Вот имена этих первых охотников: Вабершенц, Миллер, Вильсон, Броун, Жан Дюбуа и Люис Жое. Англичане получали жалованье по 280 руб., немцы по 180 руб. и французы по 200 руб. Для травли зверей были собаки борзые английские "хорты" и "тарсиеры", "биклосы", и затем были собаки для труфли. Клички собак

были: Отлан, Скозырь, Трубей, Гальфест – в числе более сорока разных пород собак было до 20 русских разных пород.

²⁰⁷ См. Штретера: "Путеводитель Петербурга", 1822 года.

²⁰⁸ У Державина был еще другой дом в Петербурге, на Сенной площади; он отдавал его внаймы под съезжую; полиция неисправно ему платила, и он не раз жаловался на то графу Палену, петербургскому военному губернатору. Прежде он жил в нем, здесь у него был соседом известный И. И. Голиков, тогда еще откупщик петербургский, впоследствии он приобрел известность изданием "Деяний Петра Великого".

²⁰⁹ Академик Грот рассказывает: "Когда я, в конце 1859 года, посетил этот дом, главные комнаты верхнего этажа занимал тогда епископ Станесский; кабинет поэта служил столовою; над венецианским окном была прибита дощечка из белого мрамора, с надписью: "Здесь был кабинет Державина"".

²¹⁰ Литературное общество "Беседа любителей русского слова", созданное по инициативе

А. С. Шишкова. Некоторые члены "Беседы" выступали против языковой реформы Н. М. Карамзина, отстаивая с позиций классицизма старославянский язык.

²¹¹ *Шлафрок* – халат (нем.).

²¹² См. соч. Державина, с примеч. Грота, часть I, стр. 440: "Почто же, мой второй сосед!" и проч.

²¹³ И, ах, сокровища Тавриды На барках свозишь в пирамиды Среди полицейских ссор?

²¹⁴ См. "Церковь Успения Божией Матери, что на Сенной", статья протоиерея Иоанна Образцова.

²¹⁵ См. статью: "Столетие Гостиного двора", в "Новом времени", за 1885 г.

²¹⁶ При Петре улицы мостились хворостом.

²¹⁷ Этот первый через Неву мост был устроен на плашкоутах, число последних было около 30.

²¹⁸ Впоследствии эту модель Фальконет уничтожил, после ссоры с Бецким. Другой первый опыт этого художника, по приезде в Петербург,

был – отлить из бронзы фигуру, вытаскивающую из ноги терновую иглу.

²¹⁹ См. "Monument élevé a la gloire de Pierre le Grand par le comte Marin Carbouri de Ceffaloni", Paris, 1777.

²²⁰ Интересная жизнь этого авантюриста и отравителя своих трех жен описана в "Рассказах о русской старине", С. Н. Шубинского, Спб., 1871 г.

²²¹ К 21 февраля камень был отвезен на 1 версту 126 сажень.

²²² Содержание его с тремя подмастерьями обошлось конторе строения домов и садов в 25 882 рубля.

²²³ На статую употреблено 11001 пуд 1 фунт бронзы, и, сверх того, для равновесия лошади пошло 250 пудов железа.

²²⁴ Эту роговую музыку оркестровал придворный музыкант Мареш; он первый раз играл при дворе императрицы Елисаветы в 1753 году.

²²⁵ См. "Нарождение царицы Гремиславы". Ода посвящена Л. А. Нарышкину.

²²⁶ Граф д'Артуа, после бывший французский король Карл X, жил в Петербурге, на Большой Морской, в доме Левашова (впоследствии Донауровой) и в этом доме получил печальное известие о судьбе Людовика XVI. Граф д'Артуа в этот вечер должен был быть на празднике, данном Екатериной в честь его приезда, но праздник обратился в траур. На другой день в католической церкви происходила торжественная панихида. Державин на этот случай написал оду: "Звук слышу муссикийский в стоне" и проч.

²²⁷ Английская фактория в Санкт-Петербурге (*англ.*).

²²⁸ В 1860-х годах было установлено законом, что вышина дома не должна превосходить ширину улицы, где он стоит, и не быть выше 11 сажен и не менее 5 $\frac{1}{2}$ аршин. Это мудрое постановление теперь позабыто.

²²⁹ См. Грота: "Жизнь Державина".

²³⁰ *Амфитрион* – здесь: гостеприимный хозяин

(греч.).

²³¹ См. "Записки Блудовой".

²³² *Ампир* – стиль в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве первых трех десятилетий XIX в. *(франц.)*.

²³³ См. его книгу: "Петербург в исходе XVIII столетия".

²³⁴ Кто бы ты ни был, вот твой властелин, он есть, или был им, или должен им стать *(франц.)*.

²³⁵ *Плато* – поднос без бортов, подставка *(франц.)*.

²³⁶ См. книгу: "Князь Безбородко", соч. Н. Григоровича.

²³⁷ Европейские вторники *(франц.)*.

²³⁸ В четвертую долю листа *(лат.)*.

²³⁹ "Дело о колье" *(франц.)*.

²⁴⁰ "Продолжение дела о колье" *(франц.)*.

²⁴¹ См. "Русск. архив" за 1877 год.

²⁴² *Четверка* – четвертая доля листа.

²⁴³ См. "Записки Державина".

²⁴⁴ Имя этого танцмейстера сохранилось в Павловске, в названии Пикового переулка, где последний имел свою дачу.

²⁴⁵ См. письма Екатерины к Гримму.

²⁴⁶ Неверные любовники (*франц.*).

²⁴⁷ Это был мой ученик, гениальный человек, он многих делал своими врагами, для того чтобы их разоружить (*франц.*).

²⁴⁸ См. "Русскую старину", 1875 г., т. XVI.

²⁴⁹ См. "Русский вестник", 1875 г.: "Отец и сын", статья де Пуле.

²⁵⁰ *Де-сианс академия* – Академия наук (*франц.*).

²⁵¹ Расин, Вольтер, Энциклопедия (*франц.*).

²⁵² *Фактор* – комиссионер, исполнитель чьих-то поручений (*лат.*).

²⁵³ В. А. Плавильщиков был родной брат П. А. Плавильщикова, известного актера и автора многих театральных пьес. У него был еще третий брат, А. А. Плавильщиков, статский советник, известный тоже своею ученой деятельностью.

²⁵⁴ На этом месте во времена Петра по праздничным дням собирались разные мастеровые, крестьяне и т.д.; подгуляв в кружале (кабаке), они разбивались на две стороны и вступали в кулачный бой. Обыкновенно такие схватки происходили с дикими криками и не без серьезного кровопролития. Иностранцы, видя, что в подобные беспорядки не вмешивалась полиция, думали, что они допускались для приучения молодых людей к бою, чтобы из них впоследствии выходили хорошие солдаты.

²⁵⁵ По другим источникам, с 1780 года; последнее известие надо считать более близким к правде.

²⁵⁶ *Сурожское море* – название Азовского моря в XIV–XV вв.

²⁵⁷ См. "Воспоминания Алекс. Мих. Каратыгиной".

²⁵⁸ П. И. Страхов (1757–1813 гг.), профессор опытной физики, друг Еф. Ив. Кострова, секретарь Хераскова и известный переводчик и сотрудник изданий Н. Ив. Новикова.

²⁵⁹ *Галенок* (от англ. "галлон") – мера жидкостей, равная S штофа (ок. 0,6 л).

²⁶⁰ *Доломан* – гусарский мундир, расшитый шнурами (*венг.*).

²⁶¹ *Бретер* – человек, ищущий малейшего повода для вызова на дуэль (*франц.*).

²⁶² *Щепетильная лавка* – галантерейная лавка.

²⁶³ В то время верхней линии было 24 меховые лавки, торговали еще два травяника, Гокашкин и Балашов, и затем помещалось еще 18 мебельных лавок; в одной из последних, под р 123, купец Хабаров продавал и отдавал напрокат маскарадные костюмы.

²⁶⁴ Петр Татаринов, автор множества патриотических стихотворений во время Крымской войны, поэмы "Пассаж" и затем водевиля "Папиросы с сюрпризами".

²⁶⁵ *Кобыла* – доска или скамья, на которой наказывали преступников кнутом.

²⁶⁶ См. "Литературный листок", 1824 г., март, р 5; "Северный архив" и "Северную пчелу".

²⁶⁷ *Давалец* — заказчик.

²⁶⁸ Дальше чего нельзя, т.е. верх совершенства (*лат.*).

²⁶⁹ Аблесимов написал в своем журнале "Собрание забавных басен", СПб., 1781 г., следующую эпиграмму на таких купцов: Престранное то дело: Купечество свое кидает ремесло, Пускаясь из них иные смело, Собою умножить чтоб военное число, По-видимому, ясно: И всяк степенный муж об оном мнит согласно; Дала судьба им хлеб, так дай же им и честь, У них де уж теперь довольно денег есть...

²⁷⁰ Кстати, сообщаем, что деревянный

Александрийский театр был построен в 1801 году, а каменный, в нынешнем виде, в 1832 году; Михайловский – в 1833 году; Каменноостровский – в 1827 году.

²⁷¹ Она напечатана на итальянском языке, без русского перевода. Обычай печатать итальянские либретто на двух языках явился гораздо позже.

²⁷² Опера-драма –(нем.).

²⁷³ У Пушкарева назван Томоном этот Томо (Tomeau).

²⁷⁴ *Убрус, убрусец* – нарядный платок.

²⁷⁵ Вот один анекдот из жизни этой актрисы. Однажды, желая доказать свою привязанность к императору, она вздумала попросить у него портрета. Наполеон, взяв горсть бриллиантов и двадцатифранковую монету со своим изображением, подал их актрисе: "Le voici, – сказал он, – et que ceci vous contente"^{A5}.

²⁷⁶ Павел был введен в несколько масонских лож своим наставником, графом Паниным, который был членом во многих масонских ложах.

²⁷⁷ См. "Memoires of the baroness Oberkirch".

²⁷⁸ Стихи эти де Санглен приписывает моряку Акимову.

²⁷⁹ *Манкировать* – небрежно относиться к чему-либо, пренебрегать чем-нибудь (*франц.*).

²⁸⁰ Кавалерами Мальтийского ордена пожалованы были все придворные священники гораздо ранее, в 1798 году. Один митрополит Гавриил не принял Мальтийского ордена; он говорил, что русскому архиерею неприлично вступать в католический орден. Гавриил был первым митрополитом С.-Петербургским; он управлял епархией долее всех, бывших после него (1770–1801 гг.) митрополитов, исключая нынешнего митрополита Исидора.

²⁸¹ *Клестеркора* – клеевая корка.

²⁸² *Эспонтон* (эспантон) – тупой палаш для учебной рубки (*франц.*).

²⁸³ Работал эту балюстраду серебряных дел мастер Бух, исправлявший должность датского

агента во время царствования Екатерины П. Императрица одно время подозревала его, что он сообщал ее разговоры в Копенгаген.

²⁸⁴ См. его рассказ: "Русская старина", 1874 г.

²⁸⁵ См. "Русская старина", январь, 1882 г.

²⁸⁶ *Сибирка* – здесь: арестантское помещение при полиции.

²⁸⁷ Стул и столик, у которого сиживал Павел, стоит во дворце в Павловске, в комнатке близ парадных сеней, на втором этаже, у окна.

²⁸⁸ Мостик этот снят вскоре после воцарения Александра I.

²⁸⁹ См. "Достопамятный год моей жизни".

²⁹⁰ *Кастелян* – комендант, смотритель замка (лат.).

²⁹¹ *Опера-буфф* – комическая опера (ит.).

²⁹² *Номады* – кочевники (греч.).

²⁹³ *Сибирка* – здесь: короткий кафтан в талию с большим количеством пуговиц и невысоким стоячим воротником.

²⁹⁴ *Буцефалы* – здесь: лошади (от имени коня Александра Македонского).

²⁹⁵ *Целовальник* – продавец в питейном заведении, кабаке.

²⁹⁶ *Рутировать* – здесь: помогать, обеспечивать удачу, везение (*франц.*).

²⁹⁷ *Томбола* – вещевая лотерея (*франц.*).

²⁹⁸ *Ленотровские* – от имени французского архитектора и мастера садово-паркового искусства Андре Ленотра (1613–1700).

²⁹⁹ Бродячий гурман (*франц.*).

³⁰⁰ Добродушие и простота (*франц.*).

³⁰¹ *Sur mon honneur* – здесь: выражение, соответствующее русскому Право слово (*франц.*).

³⁰² По французской моде (*франц.*).

303 *Гроденаплъ* – плотная шелковая ткань (франц.).

304 Целомудренной (франц.).

305 А-ля титус, а-ля – гильотина короткие прически, появившиеся в период Французской революции (франц.).

306 Факел любви (франц.).

307 Щегольского (франц.).

308 "Собачьи уши", "надежды" (франц.).

309 Права человека (франц.).

310 А-ля гусар (франц.).

311 Крикливое, шумящее (франц.).

312 Легавая собака (франц.).

313 *Лал* – драгоценный камень, рубин.

314 *Неглиже, полунеглиже, дезабилье* – простое

домашнее платье, не носимое при посторонних
(франц.).

³¹⁵ Голубого Марии Луизы (франц.).

A1 *Вагенмейстер* – военный обозный чиновник, надзиравший за лошадьми, повозками и упряжью
(нем.).

A2 *Буфф* – в итальянской опере бас, играющий комические роли (ит.).

A3 *Фармазон* (от франц. franc-maçons) – "вольные каменщики", масоны.

A4 "Коронованные пеликаны" (нем.).

A5 Вот он, и пусть это вас удовлетворит.